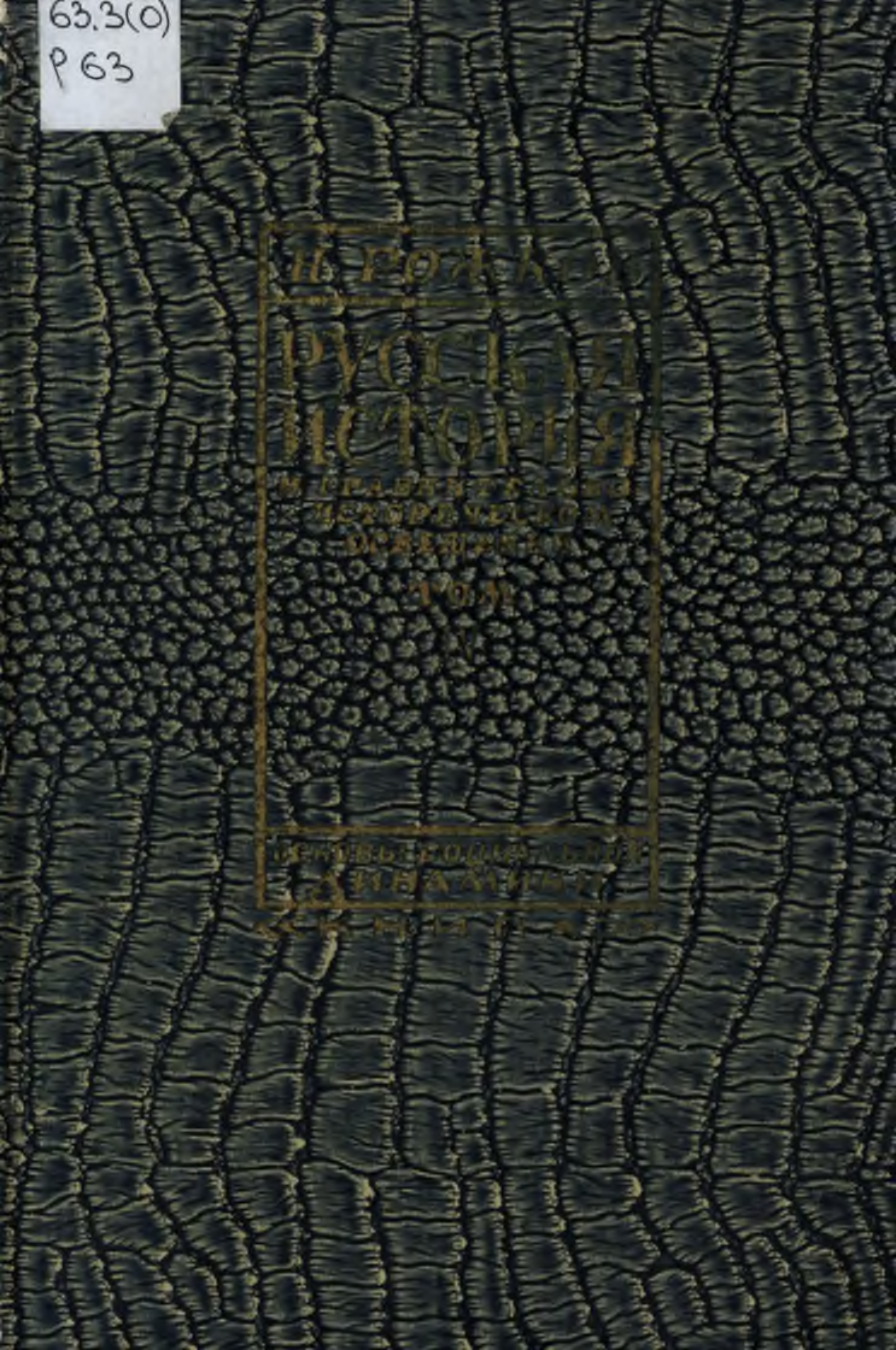
Н. РОЖКОВ
РУССКАЯ
ИСТОРИЯ
В СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ
ТОМ

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

(ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДВОРЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Первый и второй ее моменты. Первый момент — Московская Русь второй половины XVI века

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

„КНИГА"
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТИПОГРАФИЯ
НАРКОМВОЕНМОРА
Пл. Урицкого, 10.
Ленинградский
Областлит № 48781
Тир. 3.100-21 п. л.
Заказ № 192.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дворянская революция в России. Первый момент: Московская Русь второй половины XVI века.

I.

Территория и население.

Четвертый период русской истории охватывает 175 лет—с половины XVI века, начала формально-самостоятельного правления Ивана Грозного, до конца первой четверти XVIII века, т.-е. до смерти Петра Великого. Это—период дворянской революции, перехода власти от удельной, княжеско-боярской знати к дворянству в его массе.

В дворянской революции следует отличать три основных момента: во-первых, хозяйственный переворот второй половины XVI века с сопровождавшими его переменами в других сферах общественной жизни, во-вторых, смутное время и его последствия в первой половине XVII века и, в третьих, реформу Петра Великого в первой четверти XVIII века с подготовкой этой реформы во второй половине XVII столетия. Каждый из этих моментов требует особого изучения, и потому изложение четвертого периода русской истории естественно распа-

дается на три отдела. В первую очередь предстоит изучить первый момент в ходе дворянской революции в России—историю Московской Руси во второй половине XVI века.

В конце XVI века Московская Русь занимала уже большую часть обширной восточно-европейской равнины. Начинаясь на северо-западе у океана и верховьев реки Печенги, граница государства шла затем ломаной линией по направлению к югу, приблизительно совпадая с нынешними западными границами Архангельской и Олонецкой губерний, затем на широте северной оконечности Онежского озера поворачивала к юго-западу, отделяя к Руси северо-восточную часть нынешней Выборгской губернии и все западное побережье Ладожского озера до границ Петербургской губернии. Эти последние служили и в старину в большей своей части рубежом не только с Финляндией, но и с Ливонией. Далее, к югу, пределы Московского государства совпадали с границами нынешних Псковской и Смоленской губерний, отделяющими их от Витебской и Могилевской, нынешняя территория которых входила тогда в состав Речи Посполитой.

Меньшей определенностью отличались южные границы, неустойчивые, колебавшиеся, постоянно раздвигавшиеся. В конце XVI века украинными городами русскими были уже здесь, кроме Чернигова и Новгорода-Северского, Путивль, Рыльск, Белгород, Царевоборисов, Валуйки, Воронеж. Все Поволжье также уже принадлежало Московскому государству, выставившему даже передовой пост свой на Дальний Терек [1]).

На востоке территория государства, вследствие недавнего завоевания Ермака, простиралась за Уральские горы, и пределы ее подвергались еще большим колебаниям, чем на юге.

Естественные условия громадного пространства, очерченного указанными границами, и в старину, как и те-

---

[1]) *Беляев*, О сторожевой, станичной и полевой службе: „Чт. Общ. Ист. и Др. Росс." за 1846 г., № 4, стр. 33—34; *Багалей*, Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Моск. гос., стр. 38; *Перетяткович*, Поволжье в XV—XVI в., стр. 309—321.

перь, не были, конечно, везде одинаковы. Принимая во внимание главные особенности различных местностей, Московскую Русь второй половины XVI века можно разделить на следующие естественные области: 1) Север, южную границу которого составляет водораздел между реками Северного океана и системой Волги и Камы; на юго-западе граница его примыкает к Финскому заливу; эта область охватывает, следовательно, нынешние Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии и небольшие части Петербургской и Выборгской; выражаясь в старинных терминах, надо сказать, что в состав северной области входили города поморские (считая в том числе и Вологду, которая, собственно, причислялась к замосковным городам) и почти вся Обонежская пятина Великого Новгорода вместе с северною частью Вотской пятины; 2) Новгородско-Псковский край—нынешние Новгородская и Псковская губернии, т.-е. старинные города от Немецкой украины, включая сюда Белоозеро и четыре Новгородские пятины, за исключением Обонежской; Вотскую (кроме ее северной части), Шелонскую, Деревскую и Бежецкую; 3) Приднепровье—пространство, занимаемое теперь Смоленской губернией, западной половиной Калужской, всею тою частью Черниговской губернии, которая входила в то время в состав Московского государства, и западными уездами губерний Орловской и Курской; в состав этой области входят, следовательно, города от Литовской украины, почти все заоцкие и северские; 4) Степь, северной ее границей служит 55-я параллель, т.-е. северная граница нынешних губерний Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской; это—старинные рязанские, польные и украинные города; 5) Прикамье—местность по Каме с ее притоками Вяткой, Чусовой и Белой; 6) Центральная область, заключенная между всеми вышеозначенными пятью областями,—древние замосковные города. Мы не включаем в это деление на области Сибирь, потому что о сколько-нибудь серьезных признаках ее колонизации речь может итти только уже при изучении XVII века.

Приведенное сейчас деление территории на области в значительной мере оправдывается прежде всего релье-

фом страны. По русской равнине, несколько наклонной к северу, тянутся две гряды возвышенностей, сохраняющие, вообще говоря, направление от севера на юг.

Первая из них—среднерусская—идет от Валдайских гор, составляющих ее северную оконечность, до Донецкого кряжа, по водоразделу между системами Днепра, с одной стороны, и Волги и Дона—с другой. Она служит резкой естественной границей, отделяющей Новгородско-Псковский край и Приднепровье от областей Центральной и Степной. Вторая гряда состоит из приволжских возвышенностей, которые направляются по правому берегу Волги от Нижнего-Новгорода до Царицына с поворотом к западу до Тамбова. Северная часть этой гряды—до Симбирска—отделяет Центральную область от Прикамья.

С запада на восток идет только одна возвышенность и то незначительная: она составляет водораздел между Волгой и реками Северного океана и Белого моря и, следовательно, разграничивает Север с Новгородско-Псковским краем, Центральной областью и Прикамьем [1]). Это северные увалы.

Такое распределение возвышенностей открывает всю страну действию северных ветров и тем значительно смягчает климатические различия между отдельными областями. Эти различия, однакоже, существуют и прежде всего сказываются в направлении ветров: тогда как южнее 55-й параллели господствуют западные ветры зимою и летом с незначительной разницей в направлении, местность к северу от этой линии отличается преобладанием юго-восточных ветров зимой и северо западных летом [2]): вот одно из оснований разграничения Центральной области и Новгородско-Псковского края, с одной стороны, и Приднепровья и Степи—с другой. Важную особенность в отношении направления ветра представляет север: под влиянием моря здесь преобладают северные ветры.

Общие черты климата в пределах территории, занятой Московским государством во второй половине XVI в.,

---

[1]) *Тилло*, Гипсометрич. карта России; *Тилло,* Орография Европ. России—в „Изв. Геогр. Общ." за 1890, вып. 1, стр. 25, 26, 28, 29.

[2]) *Воейков,* Климаты земного шара, стр. 443—444.

сводятся к следующему: средняя годовая амплитуда (т.-е. разность между средними температурами самого теплого и самого холодного месяца) равняется обыкновенно 23°, средняя годовая температура колеблется между —2° и +10°; средняя температура июля от +12° до +25°, января от —18° до 0°; при преобладании летних осадков над зимними, везде в течение зимы земля все-таки находится под снежным покровом, что дает возможность возделывать хлеба без искусственного орошения и, главное, создает великолепные зимние пути сообщения.

Из отдельных областей климатическими особенностями выделяется крайний север: здесь господствуют очень резкие различия между летом и зимой; в общем, климат суровый; несколько мягче он лишь во внутренней и особенно южной части нынешней Архангельской губернии, а также в губерниях Олонецкой и Вологодской. Климат Центральной области характеризуется не особенно суровой, но продолжительной зимой, поздней весной с частыми возвратами холодов, умеренным летом, благоприятным для земледелия, частыми и быстрыми изменениями температуры. Переходным характером отличается климат Новгородско-Псковской области и Прикамья: он суровее, чем климат Центра, но мягче северного климата. Приднепровье в климатическом отношении представляет собою переход от Новгородско-Псковского края к Степи, хотя стоит несравненно ближе к последней. В Степи бывает мало снега, зима сравнительно теплее, весна и лето отличаются высокой температурой [1]).

Вся территория отличается большим обилием рек и речек, сходящихся близко друг к другу своими истоками и представляющих собою летом почти столь же удобные пути сообщения, как зимой санный путь [2]).

Такими чертами характеризуется в настоящее время климат обширного пространства, которое занимала Московская Русь второй половины XVI века. Но остается еще решить вопрос, не являются ли по крайней мере

---

[1]) *Воейков*, Климаты земного шара, стр. 461, 463, 468—469, 471, 473, 474.

[2]) *Соловьев*, История России, т. I.

некоторые из указанных выше черт результатом изменений, последовавших в последние три века?

Существует взгляд, что климат древней Руси был более суров, чем теперь: указывают на свидетельства арабских писателей, по словам которых, „еще в XV веке в нынешней Казани ездили на собаках“, и „даже среди лета снег не успевал везде стаять, целые полгода земля оставалась промерзшею и была крепка, как железо“ [1]). Необходимо проверить этот вывод.

Летописи XVI в. говорят нередко о засухах, летнем зное, раннем снеге, зимних оттепелях,—о тех чертах климата, какие отличают и климат нынешней России: о континентальности, резких противоположностях между температурами зимы и лета, частых сменах холодов и оттепели [2]). Эта же особенность отмечена и иностранцами, посещавшими Московское государство или писавшими о нем со слов очевидцев,—Иосафатом Барбаро, Паоло Джовио, Герберштейном, Гваньини, Флетчером [3]). Мусульманские известия, надо думать, страдают сильным преувеличением, естественным в устах жителей юга, не привыкших к северному лету, притом нельзя обобщать отдельные случайные наблюдения двух арабов. Только два обстоятельства, находящиеся в тесной связи между собою, могли способствовать некоторым отличиям древнерусского климата от современного: обширные лесные пространства, теперь сократившиеся, и обилие вод, какого не встречается в прежней мере в настоящее время.

Почти все огромное пространство, очерченное указанными выше границами Московского государства, пред-

---

[1]) *Турчинович*, Истор. сельск. хозяйства России, Спб. 1854. стр. 9.

[2]) Полное Собр. Рус. Лет., VI, стр. 53, 264, 267, 297; VIII, стр. 249, 271, Летописец Русский, Изд. А. Н. Лебедевым в „Чт. Общества Истории и Древн. Росс.“ за 1895 г., кн. III, стр. 68; Русская Летопись по Никонову списку, VII, Спб. 1791, стр. 280; Летописец Нормантского: „Временник Общ. Истории и Древностей Росс.“, V, стр. 107; Русск. Историч. Библиотека, т. III, № 4, столб. 196.

[3]) *Семенов*, Библиотека иностр. писателей о России, т. I, Спб. 1836, стр. 37, 58; Rerum moscovitarum scriptores varii, Francofurti; МДС, стр. 157; *Горсей*, Записки о Московии: „Библиотека для чтения“ за 1865 г., № 6, стр. 6; *Флетчер*, О государстве русском, изд. кн. Оболенского, 1867, стр. 4—5; *Замысловский*, Герберштейн и его историко-географические известия о России, Спб. 1884, стр. 213—215.

ставляло собою настоящее лесное царство [1]), что приводило, разумеется, и к большому обилию вод [2]). Поэтому можно предполагать для XVI века сравнительно с нашим временем большее количество атмосферических осадков, более равномерное их распределение, меньшую резкость изменений температуры, более обильное орошение: именно этими последствиями сопровождается, по данным современной науки, большая лесистость страны [3]). Таким образом, большая часть территории Московского государства в XVI веке находилась в более благоприятных климатических условиях, чем соответственные местности теперь.

Наконец, в основе деления территории Московской Руси на естественные области лежат и почвенные различия. И современная классификация почв по урожаям ржи, и данные писцовых книг, и известия иностранных писателей о древней России свидетельствуют, что лучшей в почвенном отношении областью была Степь, к которой примыкали непосредственно южная часть Поднепровья, восточная окраина Центра и юго-западный край Прикамья, где всюду господствовали хорошие почвы, по преимуществу чернозем; противоположность этому представляли собою худые и посредственные почвы Севера, северо-восточной части Прикамской области, северной половины Новгородско-Псковского края и некоторые уезды Центра, как Рузский, Можайский, Верейский, Дмитровский; почти весь Центр, южная половина Новгородско-Псковского края и все почти Поднепровье занимали в почвенном отношении среднее между двумя крайностями положение [4]).

Таковы были территория страны и ее деление на естественные области. И вот, сопоставляя с этими данными то, что нам известно о распределении населения во второй половине XVI века, мы встречаемся с резким, поражающим наше внимание противоречием: оказывается,

---

[1]) *Рожков,* Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 7—33.

[2]) Там же, стр. 33; *Замысловский,* Герберштейн, стр. 153, 169, 186, 196, 198; *Багалей,* Очерки из ист. колонизации, стр. 3—4.

[3]) *Ludwig Felix,* Die Einfluss der Natur auf die Entwickelung des Eigenthums, Leipz., 1883, стр. 63.

[4]) *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 36—52, 56—58.

что распределение населения далеко не соответствовало, иногда даже резко противоречило, тем естественным делениям, какие установлены выше: случалось, что области с дурными климатическими и почвенными свойствами заселялись, а там, где естественные условия были более благоприятны, наблюдался сильный отлив населения. Исключение представляет собою только благодатный юг, куда население неуклонно приливало. Все это будет совершенно ясно, если представить себе конкретную картину передвижения населения России второй половины XVI века.

Исследователи неоднократно уже указывали на запустение центра и Новгородско-Псковской области во второй половине XVI века, на отлив населения отсюда [1]). И, действительно, наши источники — писцовые книги, разные акты и грамоты, жития святых, известия об основании новых внегородских монастырей и т. д.— дают возможность определить время, когда именно начался этот отлив, и точные топографические пределы этого важного явления.

Начало семидесятых годов XVI века—исходный хронологический пункт запустения большей части уездов московского центра. Наблюдается чрезвычайно резко выраженное явление бегства крестьян из Центральной области. И это бегство, за редкими исключениями, не прекращается до самого конца века, как убедительно свидетельствует целый ряд фактов. Отсылая желающих познакомиться с полным подбором этих фактов к специальному исследованию [2]), мы здесь ограничимся только приведением немногих, самых важных и характерных. В 70-х и 80-х годах был описан по частям обширный в то время Московский уезд, и оказалось, что количество пустошей по этим описаниям составляло от 76 до 96% всего числа поселений [3]). В монастырских владениях

---

[1]) *Ключевский*, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 311—312; *Соколовский*, Экономич. быт земледельческого населения России, стр. 167; *Ильинский*, Городск. население Новг. области в XVI в.; *Чечулин*, Города Моск. гос. в XVI в.; *Платонов*, Очерки по истории Смуты.

[2]) *Рожков*, Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 292 и сл.

[3]) Там же, стр. 306.

уездов Рузского, Дмитровского, Можайского, Верейского, Переяславль-Залесского, Суздальского, Владимирского процент пустошей нигде не был меньше 50 и часто превышал эту цифру, доходя до 60, 65, 86 [1]). Свыше 47% всех поселений пустоши составляли и в Тверском уезде по писцовой книге дворцовых земель великого князя Симеона Бекбулатовича [2]). Из иностранцев, посещавших Россию, Флетчер и Поссевин также говорят о запустении московского центра [3]).

Есть притом важные признаки, указывающие, куда именно отливало население Центральной области. По одному летописному известию начала 60-х годов, „много множество разыдеся людей из Можайска и из Волока на Рязань и в Мещеру и в понизовые городы в Нижней-Новгород" [4]). Писцовый и актовый материал свидетельствует, что уезды, расположенные на южной, восточной и северной окраинах Центра не были столь пусты, население сюда даже и приливало. Это можно сказать об уездах Звенигородском, Боровском, Коломенском, Муромском, Углицком, Ярославском, Пошехонском, Костромском, Сольгалицком [5]). Надо прибавить, что и большинство новых монастырей конца XVI в. появилось в местностях нынешних Ярославской, Тверской, Костромской и Нижегородской губерний [6]). Таким образом ясно, что население из Центра уходило не только на юг и в Поволжье, но и на суровый север, т.-е. руководилось в своем отходе не только стремлением в лучшие по своим естественным свойствам местности.

В городах Новгородско-Псковского края убыль населения относится к концу века, в 60-х же годах они были полны народом [7]). Писцовые книги дают возможность

---

[1]) Там же, стр. 306—308.

[2]) *Лаппо*, Тверской уезд в XVI в., стр. 204—205.

[3]) О государстве русском, стр. 45; *A. Starczewski*, Historiae Ruthenicae scriptores exteri, II, стр. 288.

[4]) Летописец Русский: „Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс." за 1895 г., III, стр. 146.

[5]) *Рожков*, Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 310—312.

[6]) Там же, стр. 313.

[7]) *Чечулин*, Города Моск. гос. в XVI в., стр. 12, 13, 108; *Ильинский*, Городск. население Новг. области: „Ист. Обозр"., т. IX, стр. 152, 240 и сл.

составить довольно ясное и отчетливое представление о движении здесь сельского населения. В 80-х годах в Вотской пятине процент пустошей поднялся до $77\frac{1}{2}$, в Шелонской—до 90, в Деревской—до 97, в Бежецкой—до 90[1]). По словам иностранца Ульфельда, бывшего в Москве в 1575 г., по дороге от Пернова в Новгород, т.-е. как раз в Шелонской пятине, все деревни были разорены[2]). Псковская область запустела не менее Новгородской: в 80-х годах пустоши составляли здесь более 85% всех поселений[3]).

Характерно, что в Бежецкой пятине в 1580 году был ряд погостов, тянувшихся сплошной полосой от запада на восток, в Белозерский край и северную часть нынешней Тверской губернии и довольно хорошо населенных, имевших умеренное количество пустошей и приблизительно соответствовавшее этому число починков, новых поселений[4]). Такое исключительное положение этой местности объясняется, вероятно, тем, что этой дорогой, главным образом по течению Мологи, отливало население в Бежецкий и Кашинский уезды и далее в Белозерский край и вообще на север и, отливая, дорогою отчасти оседало.

Белозерский уезд был одним из первых этапов, которые совершало население Центра в своем продвижении на север: это видно из того, что поселения умножались сначала на юг от Белоозера[5]). Но во второй половине XVI в. сюда двинулось и другое течение—из области Новгорода; писцовая книга Обонежской пятины 1565—66 г.г., отмечая ряд запустевших деревень, подчеркивает, что крестьяне из них „разошлися в Белозерщину и в Каргополь“[6]).

Такое же значение первого этапа имел и Вологодский уезд: приливая с запада, юга и юго-востока, колонисты не заживались здесь долго и уходили на север, в Важскую и Каргопольскую земли, а также и на северо-

[1]) *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 314—315.
[2]) Путешествие Ульфельда в „Чт. Общ. Ист. и Др.“ за 1883 г., кн. I, стр. 13.
[3]) *Рожков,* Сельск. хоз., стр. 316.
[4]) Там же, стр. 317.
[5]) Там же, стр. 318.
[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., по Олонцу № 1, л. 348 об.

восток, по течению Сухоны, к Тотьме, Устюгу, Сольвычегодску и далее по Двине и Вычегде. Наглядную иллюстрацию процесса колонизации Вологодского края дает житие авнежских чудотворцев Григория и Касьяна. Они построили в Авнежской веси церковь св. Георгия, но она была разорена татарами, и место это находилось в совершенном запустении до 1523 г., когда некий Гавриил „посече лес и многа древеса, яко ту селитву себе сотворит“. Он построил себе тут избу и занялся земледелием, но характерно, что пробыл на месте недолго и ушел дальше, а вместо него остался какой-то Федор, который и открыл мощи авнежских чудотворцев; рассказывая об этом событии, житие прибавляет, что церкви и поселения „растояние некое местное имуть далече“ и что прилив населения начался главным образом после покорения Казани[1]). Понятны поэтому и указания грамот на вновь заводимые в Вологодском уезде починки[2]), и основание здесь новых монастырей[3]), и значительное количество починков в имениях Дионисиева-Глушицкого и Спасо-Прилуцкого монастырей, доходившее до 33 и даже 38% общего числа поселений[4]).

Заселение дальнейших частей русского севера к конце XVI века характеризуется такими фактами, как появление на нови,—на „новых местах роспашных“,—поселенцев в Лальской и Учецкой волостях Сольвычегодского уезда[5]), данные писцовых книг, по которым число дворов в этом уезде доходило тогда уже до $5^1/_2$ тысяч[6]), появление новых внегородских монастырей и заселение пустых мест в Важском и Двинском уездах и в Обонежье[7]). Наконец, и иностранцы отмечают значительную населенность Двинской земли к концу XVI века[8]).

---

[1]) Синодал. библиотека, № 806, Четьи-Минеи Милютина, июнь, лл. 681, 682, 683 и об., 684 об., 710.

[2]) Акты Историч., т. I, № 295.

[3]) *Зверинский*, Материал о монастырях, №№ 620, 621, 715, 984, 1214; Акты Арх. Эксп., т. I, № 208.

[4]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 327.

[5]) Там же, стр. 329—330.

[6]) Там же, стр. 330.

[7]) Там же, стр. 331—333, 335—337.

[8]) Rerum Moscovitarium scriptores varii, стр. 59 (Герберштейн), 164 (Гваньини).

Общий вывод из всего сказанного о колонизации Севера заключается таким образом в том, что этот край, несмотря на неблагоприятные естественные условия, становился к концу XVI века все более населенным, и что движение сюда колонистов происходило, с одной стороны, из Новгородско-Псковской области, с другой—из Центра.

Совершенно сходные, подобные явления наблюдаются в колонизации Прикамского края во второй половине XVI века. Заселение Нижнего Поволжья, начиная от Казани и Свияжка, шло в это время очень быстро, при чем население прибывало большею частью по Волге, из Поволжских уездов и через их посредство из Центра [1]). Но русские колонисты наполняли не одну только юго-западную часть Прикамской области и не ограничивались расселением вниз по Волге, в новые понизовые города,—они устремились также вверх по Каме с ее притоками: Вяткой, Чусовой и Белой. Основывается Уфа [2]), на Вятке появляются новые монастыри, как: Троицкий, Преображенский, Успенский [3]). Значительная колонизаторская деятельность последнего из них видна из того, что, будучи основан в 1580 году и получив совершенно пустую незаселенную землю в Хлыновском уезде в 1587 г., два года спустя он насчитывал здесь уже 6 деревень [4]). Появившиеся еще в XV в. на верхней Каме города Чердынь и Соль-Камская, по писцовым книгам 1578 г., имели уже по несколько сот человек взрослого мужского работоспособного населения [5]), так что общая их населенность превышала 2.000 человек, а относительное количество починков в их уездах доходило в то же время до 25% [6]). Колонизацию вели здесь и монастыри—Успен-

---

[1]) *Перетяткович*, Поволжье в XV и XVI вв., М. 1877, стр. 190, 237, 238, 239, 240, 241, 246, 258 и др.; *Износков*, О сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений: „Труды VI Археол. Съезда", т. I, стр. 106; *Корсаков*, Каких городов служ. люди были помещиками и вотчин. в Казанск. крае: „Труды IV Арх. Съезда", I, стр. 173—176.

[2]) *Перетяткович*, Поволжье в XV и XVI в.в., стр. 314, прим. 1.

[3]) *Зверинский*, Материалы о монастырях, №№ 1267, 793 и 1223.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк. Хлыновск. у., № 14169.

[5]) *Дмитриев*, Пермская старина, вып. III, стр. 1, 118 и 166.

[6]) Там же, III, стр. 31, 35, 39, 42, 140, 166—174.

ский-Чусовской и Чердынский-Богословский[1]), и отдельные поселенцы из черных волостных людей, которыми была основана Новоникольская слобода, где селились выходцы, между прочим, из Калуги и Великого Устюга[2]), и, наконец, крупные промышленники—вотчинники Строгановы, положившие начало своим владениям в 1558 г. и быстро и сильно их расширившие к концу века. Починки составляли на их землях в 1578 г. около 72% всех поселений[3]).

Очень быстро заселялась Степь. Здесь, в особенности в южных уездах, к концу века встречается много починочных поселений[4]), строятся новые города и возобновляются старые,—сюда относятся Курск, Ливны, Кромы, Валуйки, Белгород, Воронеж, Царев, Борисов, Темников, Шацк, Добрый, Елатьма, Лебедянь[5]),—появляются новые монастыри, усиленно развивающие колонизацию: так, напр., Пурдышевский монастырь на р. Мокше в 1593 г. колонизовал землю „меж татар и мордвы“[6]); наконец, силен был прилив отдельных вольных поселенцев,—в Степи ходили, по выражению одного документа, „многие разные люди без царских грамот и безоброчно“[7]), а с 40-х годов XVI в. по Дону, Волге и Яику становятся заметны и все увеличиваются затем значительные силы казаков[8]).

Нет недостатка в прямых свидетельствах о месте исхода степных колонистов: по одной летописи сюда шли поселенцы из Можайского и Волоколамского уездов[9]), Ливны были заселены из Каширы, Орла и Ка-

---

[1]) *Зверинский,* Материалы о монастырях, № 1224; *Шишонко,* Пермская Летопись, I, стр. 89—90.

[2]) *Шишонко,* Пермская летопись, I, стр. 117—118.

[3]) *Дмитриев,* Пермск. Старина, I, стр. 97, 101, 102—103, 123; IV, стр. 84.

[4]) *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси, стр. 344—345.

[5]) *Багалей,* Очерки из истории колон. и быта степной окраины Моск. гос.; *Дубасов,* Очерки из истории Тамбовск. края, вып. 4, стр. 26—27.

[6]) Арх. Мин. Юст., гр. кол. эк., Шацкий у., № 14468.

[7]) Руск. Музей, Собр. актов Беляева, № 201.

[8]) *Яковлев,* Засечная черта Моск. государства в XVII в., М. 1916, стр. 5.

[9]) Летописец Русский: „Чт. Общ. Ист. и Др. Рос.“ за 1895 г., кн. III, стр. 146.

луги[1]), в Ельце были выходцы из Епифани и Крапивны[2]).

Наконец, население приливало и в Поднепровье: значительно было число починков в Вяземском уезде в 90-х годах XVI века, в Мещовском уезде и в округах городов Мосальска, Брянска, Трубчевска, Савска, Путивля, Конотопа строятся новые монастыри и возобновляются старые, разоренные прежде татарами[3]).

Итак, распределение населения по территории Московского государства второй половины XVI века далеко не всегда соответствовало естественным природным преимуществам ее отдельных частей. Можно даже сказать, что соответствия здесь нередко совсем не было. Возникает вопрос: почему так случилось? Ответ может дать только изучение того состояния, в каком тогда находилось народное хозяйство.

---

[1]) *Пясецкий*, Историч. очерки г. Ливен и его уезда: „Труды Орловск. ученой архивной комиссии“ за 1893 г., вып. 3, 4 и 5, стр. 57.

[2]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д., приказ. дела старых лет, связка 2, № 1.

[3]) *Рожков*, Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 346—347.

II.

Состояние отдельных отраслей народного хозяйства.

Обильный материал писцовых книг и грамот всякого рода, изданных и неизданных, хранящихся в архивах, свидетельствует с полной непреложностью, что Россия второй половины XVI века была страной, в которой земледелие господствовало, подавляло своим значением другие отрасли народного хозяйства. Здесь нет и не может быть нужды в каких-либо доказательствах: чтобы получить их, достаточно открыть любой документ того времени. Само собой разумеется, однако, что это не исключало еще некоторых оттенков и местных отличий: степень преобладания земледелия не была одинаковой на всем пространстве страны, во всех ее областях.

Здесь прежде всего важно, что были местности, где серьезное, хотя и уступавшее первенство земледелию, значение имело скотоводство. На это достаточно указаний встречается уже по отношению к северо-западной, северной и восточной окраинам Центра: уезды Костромской, Нижегородский, Галицкий, Арзамасский, Гороховецкий отличались обилием сенокосных угодий, — лугов и „пожень“ [1]); о Тверской земле Флетчер свидетельствует, что в ней производилось, вследствие обилия пастбищ, много сала [2]); тот же Флетчер [3]), вслед за Рандольфом [4]),

---

[1]) Там же, стр. 82.

[2]) О государстве русском, стр. 7.

[3]) Там же, стр. 4 и 7.

[4]) *Середонин*, Известия англичан о России: „Чт. Общ. Ист. и Др.“ за 1884 г., кн. IV, стр. 93.

удостоверяет, что от Вологды до Москвы было много пастбищ и что богаты салом были области Ярославская и Углицкая; по словам Климента Адамса, кожи и сало—продукты, в изобилии доставляемые Ярославской землей [1]); наконец, в житии игумена Андреяна и старца Леонида находим известие, что в Пошехонье жил священник, который имел обыкновение „от далных стран скот приводити и отводити его от человека ко иным человеком“ [2]): эта гуртовая торговля скотом или прасольство возможна только при значительном разведении скота.

Более видную роль, чем в названных сейчас центрально-окраинных уездах, играло скотоводство на большей части территории Новгородско-Псковского края: сенокосные угодья, по писцовым книгам, здесь имелись в большем количестве, чем то было необходимо для чисто земледельческого хозяйства [3]), много было оброчных пожень—луговой земли, арендуемой у царя разными лицами, собиравшими ежегодно десятки тысяч копен сена; псковские монастыри держали на своих скотных дворах десятки и сотни голов разного скота [4]); иностранец Ульфельд указывает, что около Новгорода было много луговой земли [5]), а климент Адамс [6]) и Флетчер [7]) отмечают производство здесь в значительном количестве кож и сала.

Те же иностранные источники свидетельствуют о богатстве кожами и салом Смоленской земли в Поднепровье [8]) и южной части Северного края—Вологодского уезда [9]). Громадное количество сенокосных земель можно наблюдать в уездах Сольвычегодском, Устюжском, Каргопольском и Двинском, при чем акты дают нам и ряд конкретных картинок, показывают, что и у монастырей, и у служилых вотчинников, и даже у рядовых крестьян

---

[1]) По изд. Старчевского, стр. 10.
[2]) Рум. музей, рукописи Ундольского, № 273, л. 22.
[3]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 105, 106—107.
[4]) Там же, стр. 105, 108.
[5]) „Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.“ за 1883 г., кн. I, стр. 13.
[6]) В изд. Старчевского, стр. 10.
[7]) О государстве русском, стр. 7.
[8]) Там же, стр. 7.
[9]) Там же, стр. 7; у Старчевского в его „Historiae Ruthenicae scriptores exteri“, стр. 10.

там не было недостатка в скоте [1]). То же приходится повторить и о Прикамье [2]).

Но характерно, что не только большая часть Севера, но и вся Степь во второй половине XVI века не развивали скотоводства. В Степи этому мешали внешние условия — опасности от татар и недавнее заселение области, на Севере первенствующее влияние оказывали естественные обстоятельства, главным образом суровый климат. Те же своеобразные для каждой из этих двух областей условия сказались и в том, что здесь и там не только почти не было скотоводства, но и земледелие, особенно ближе к двум противоположным окраинам государства—северной и южной—сокращалось и даже исчезало совершенно, уступая свое место добывающей промышленности—охоте, рыболовству, пчеловодству, солеварению.

Если не считать пустынного северо-востока, почти всего бассейна Печоры, то придется сказать, что ни земледелия, ни скотоводства не было совсем на Мурманском берегу и в северо-восточной части берега Терского: там были лишь рыбные, звериные и бобровые ловли и соляные варницы [3]). Совсем не было земледелия и малозначительным являлось скотоводство на Соловецких островах [4]), на всей остальной части Терского берега Белого моря и в северо-западной части Поморского берега: рыбная ловля, солеварение, добывание жемчуга—вот главные занятия жителей этого сурового края в XVI веке [5]).

С другой стороны, на юге, если провести прямую линию от западных границ Степного пространства по параллели Орла и Новосиля и сделать затем поворот на север по границам нынешних Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерний, отделяющим их от губерний Рязанской, Нижегородской и Казанской, то мы получим к югу от этой воображаемой линии южную полосу, часто

---

[1]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 92—93.

[2]) Там же, стр. 93 и сл.

[3]) Там же, стр. 87.

[4]) *Ключевский*, Хозяйствен. деятельность Соловец. монастыря: „Моск. Унив. Изв.“ за 1866/67 г., № 7, стр. 547 и др.

[5]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 88.

совсем или почти совсем не знавшую даже в конце XVI века земледелия. Относительно нижнего Поволжья это засвидетельствовано иностранными писателями [1]), известия которых хорошо проверены исследователями [2]). В тех же приблизительно условиях находился Тамбовский край. В одном акте конца XVI века находим очень характерный перечень обычных угодий в этой местности: земля продается „со всеми угодьями, с сычем, с земцем, и с орлиным и ястребцовым гнездом, и со пнем, и с лежачей колодою, и с стоячим деревом, и с бортною делию, и со пчелами старыми и молодыми, и с луги, и с озеры, и с малыми текучими речками, и с липяги, и с дубравами, и с рыбною и бобровою ловлею, и со всяким становым зверем, с лосем, с козой и свиньею, и с болотом клюковным" [3]); пашни, как видим, совсем не значится. В 80-х годах на реке Цне жалуется „дикое поле" [4]), в 90-х годах на реке Вороной жили только бортники и рыболовы [5]). Еще в начале XVII века все верхнее течение Дона в Воронежском уезде и нижнее течение Северного Донца в Белгородском не имели совсем населения [6]), и вообще на рубеже XVI и XVII столетий за Быстрой Сосной были только крепости, созданные государством [7]), а никакой хозяйственной деятельности не существовало.

Чтобы покончить с вопросом о производстве хозяйственных благ, остается осветить положение и значение обрабатывающей промышленности.

Не подлежит сомнению, что огромное большинство населения Московской Руси второй половины XVI века, как и прежде, удовлетворяло свои потребности в разного рода продуктах обрабатывающей промышленности,—в орудиях труда, утвари, одежде и пр., — соб-

---

[1]) *Флетчер*, О госуд. рус., стр. 3; Берроу: *Ключевский*, Сказания иностранцев о Моск. гос., стр. 176; Дженкинсон: у *Середонина*, в „Чт. Общ. Ист. и Др." за 1884 г., кн. IV, стр. 38.

[2]) *Перетяткович*, Поволжье в XV и XVI в.в., стр. 309—321.

[3]) *Дубасов*, Очерки из истории Тамб. края, вып. 4-й, стр. 17.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. колл. эк., Шацкий у., № 14460.

[5]) Рум. Музей, собр. актов Беляева, № 201.

[6]) *Миклашевский*, К истории хоз. быта Моск. госуд., стр. 44.

[7]) *Платонов*, Очерки по истории смуты.

ственным трудом, не прибегая к покупке и продаже: крестьяне сами строили себе избы и хозяйственные постройки, мастерили земледельческие орудия, делали мебель и посуду, женщины приготовляли грубый холст, посконь и крашенину и делали сермяжное сукно. Но и раньше дело не ограничивалось этим: и тогда было, кроме того, не только ремесло и кустарничество, но и товарно-кустарное производство, рассчитанное на обширный рынок. И вот такие же явления наблюдаются в гораздо большей степени и теперь. Отдельные ремесленники и кустари мелькают тут и там—в деревнях и городах. Вот несколько типических примеров, выбранных наудачу: в 1568 г. в Вотской пятине у Коневского монастыря встречаем одного овчинника—непашенного человека[1]); у Троицкого Сергиева монастыря в селе Прилуках Углицкого уезда в 1593 г. был один шваль и один кузнец[2]); тогда же у того же монастыря в Боровском уезде жил кузнец[3]), в Верейском один портной и два плотника[4]), в Муромском — бочарник[5]). В Гдове в конце века значился один калачник[6]), в Велье сапожник[7]). Но эти спорадически попадающиеся, рассеяные, одинокие ремесленники и кустари не только во многих городах, но даже и в деревнях сгущались в целые ремесленные и кустарные гнезда. В 80-х годах в Таиловской губе Псковского уезда была слободка в 75 дворов непашенных людей, между которыми значились 2 калачника, кузнец, три плотника, каменщик, седельник, прядьщик, сапожник, тележник, три портных и два лодейщика[8]). В 60-х годах в имении Богородицкого монастыря в Свияжском уезде жили овчинник, кузнец, бочар, кожевник и два плотника[9]). Около 1557 года царь променял Владимирскому Рождествен-

---

[1]) Моск. гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, книга по Новгороду, № 7, д. 659 и об.

[2]) Писц. книги Моск. госуд., изд. Калачевым, 1, 2, стр. 24.

[3]) Моск. Арх. М. Юст., гр. кол. эк., № 608, л. 10.

[4]) Там же, л. 104 об.

[5]) Писц. кн. Моск. гос., I, 1, стр. 874.

[6]) *Чечулин*, Города Моск. гос. в XVI в., стр. 84.

[7]) Там же, стр. 97.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 830, лл. 1136 об.—1138.

[9]) Там же, писц. кн. № 432, лл. 317, 319 об.—320.

скому монастырю в Кленовском стану Владимирского уезда „Высокорецкие деревни *бочарные*",—всего 14 [1]). В Костромском уезде около самого Ипатьевского монастыря в 1598 г. расположены были 112 дворов непашенных, в том числе 4 кожевника, два красильника, один овчинник, 4 сапожника, 10 плотников, 6 кузнецов, 1 серебреник, 1 кирпичник, 1 свечник, 3 портных, 1 хлебник, 1 пивовар и 1 масленик [2]). В 1599 г. у Галицкого монастыря Рождества Ивана Предтечи в Железном Борку Костромского уезда были четыре кузницы и три домницы [3]). В 1593 г. в Бежецкой пятине Великого Новгорода, в поместье Оничковых встречаем село, в котором плотную группу составляют 11 дворов гончаров [4]). В 1582 г. в Шелонской пятине значится такая же группа в 18 дворов колесных мастеров [5]).

Еще крупнее была ремесленная промышленность в некоторых городах. Так, в Устюжне конца XVI в. общее число ремесленных дворов доходило до 236, при чем первенствующее положение принадлежало железоделательному производству: молотников было 66 дворов, кузнецов 34; вслед за ними шли 23 двора плотников, 12 угольников и 12 сапожников [6]). Большое количество ремесленников наблюдается в Пскове, Коломне, Можайске, Серпухове, Казани, Свияжске и Туле [7]). Надо притом заметить, что мы обладаем лишь отрывочными, частичными, случайно сохранившимися описаниями городов: многое утрачено, и есть серьезные основания полагать, что такие города, как Нижний-Новгород, Рязань, Ярославль, Вологда и многие другие, ничем не уступали только что названным городам, а быть может, и далеко их превосходили в отношении обрабатывающей промышленности. В особенности крупным индустриальным центром становилась уже во второй половине XVI века

---

[1]) Моск. Арх. М. Юст., гр. колл. эк., Владим. у., № 1807.
[2]) Там же, Костромск. у., № 5144.
[3]) Там же, № 5145.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 972, л. 101.
[5]) Там же, писц. кн. 957, лл. 1266 об.—12691.
[6]) *Чечулин,* Города Моск. гос. в XVI в., стр. 76.
[7]) Там же, стр. 141—142, примеч.; стр. 197—198, прим.; 253—254, 304.

Москва. Об этом свидетельствуют и данные начала первой половины XVII века: если бы раньше Москва не была богата ремесленным населением,—она не могла бы быть и в XVII веке столь крупным центром обрабатывающей промышленности. Есть, впрочем, некоторые факты в этом отношении, относящиеся и к XVI в.: известно, что в то время в Москве, как и в Костроме и Ярославле, многие занимались переработкой кож, что там выделывали восковые свечи, были кирпичные заводы и мельницы, существовало хамовное дело, т.-е. выделка тонкого столового белья, в Кадашевской слободе и белильное дело на Ордынке [1]).

В Великом Новгороде конца XVI в., уже после разгрома, произведенного там Иваном Грозным, из общего числа самодеятельного населения, доходившего до 1.185 человек, 578, т.-е. 49%, почти половина, состояла из ремесленников, при чем больше всего было кожевников,—их считалось 57 чел.,—плотников, которых числилось 47, сапожников—28 и кузнецов 25 [2]).

В общем и целом таким образом обрабатывающая промышленность в Московской Руси второй половины XVI века, хотя и сохраняла второстепенное значение, не выдвигалась на первый план, но несомненно росла и развивалась. К сказанному можно еще прибавить, что вторая половина XVI века — время появления на Руси первых фабрик: именно тогда происходит ряд попыток фабричного производства писчей бумаги, основываются писчебумажные фабрики, «бумажные мельницы», как они тогда назывались. Правда, эти предприятия были неудачны и непрочны [3]), но все же начало новым формам индустрии было положено, и это опять-таки свидетельствует о движении вперед в области обрабатывающей

---

[1]) *Довнар-Запольский*, Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв., М. 1910, стр. 10, 57, 59; ср. *Забелин*, История г. Москвы.

[2]) *В. В. Майков*, Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в., Спб. 1911. Вычисления мною сделаны по тексту книги; все цифры, приведенные в предисловии к изданию книги и представляющие собою результат вычислений, произведенных Майковым, сплошь неверны, так что пользоваться предисловием вообще нельзя.

[3]) *Лихачев*, Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Моск. государстве, Спб. 1891, стр. 84—85, 93.

промышленности. Надо прибавить, что англичане были также пионерами фабричного дела в России XVI в.: ими были основаны две канатные фабрики—в Холмогорах и Вологде—и железный завод в Вычегде [1]).

До сих пор мы наблюдали в соотношении разных отраслей хозяйства России второй половины XVI в. важные перемены, но все же не особенно глубокие, не коренные, не перестраивавшие самих хозяйственных основ. Теперь, сосредоточивая внимание на значении торговли, внутреннего и внешнего обмена, приходится констатировать более решительное новшество, настоящий, действительный перелом. Здесь уже не только накоплялись отдельные приобретения, не только отдельными струйками проникала в старую толщу новизна, но количество превратилось в качество: рост торговли достиг таких пределов, когда натуральное хозяйство рушится, и зарождается, а затем и делает первые шаги вперед в своем развитии хозяйство денежное, основанное на товарном обращении. Это—крупнейшая экономическая перемена, главное хозяйственное новшество изучаемого времени. Наличность его доказывается целым рядом наблюдений над источниками.

Прежде всего—многочисленные известия о развитии торговли внешней и внутренней. Во внешней торговле настал конец известной нам по предыдущему периоду коммерческой монополии Новгорода. Уже с падением новгородской вольности торговое значение Новгорода, и без того начинавшее уменьшаться в XV веке, очень сильно пошатнулось. Но гораздо чувствительнее был другой удар, нанесенный этому торговому центру несколько десятилетий спустя, в половине XVI века: в это время на отдаленном беломорском севере завязались торговые и политические сношения с народом, экономическая мощь которого стала развертываться параллельно падению силы Ганзейского союза, этого виднейшего торгового контрагента новгородцев: в 1553 году капитан английского корабля, случайно занесенного бурей в Белое море, Ричард Ченслер, высадившись на русском

---

[1]) *Любименко*, История торговых сношений России с Англией, вып. I, Юрьев. 1912, стр. 84, 91.

берегу, приехал в Москву, был хорошо принят Иваном Грозным и заключил торговый договор между Англией и Московским государством. Образовалась специальная английская компания для торговли с Россией, получившая важные привилегии [1]). Все это—не простая случайность: и падение Новгорода и Ганзы, и появление северных русских центров внешней торговли, и коммерческая мощь Англии—явления одного исторического смысла и порядка: они означали гибель муниципального феодализма и его экономических основ и переход к товарному хозяйству в мировом масштабе, к торговому капитализму. Рост внешней торговли России с Англией оставил яркие следы в известиях англичан, посещавших Московское государство второй половины XVI века, — Ченслера, Климента Адамса, Дженкинсона, Флетчера [2]). Дженкинсону принадлежит открытие волжского пути для торговых сношений с Персией, главным образом для операций с персидским шелком [3]).

Ошибочно было бы, однако, думать, что Новгород и Псков потеряли всякое значение во внешней торговле. Оба эти города продолжали вести, напр., обширную торговлю сельскохозяйственными продуктами: так, по Ченслеру [4]), в Новгороде продавалось много льна; по Клименту-Адамсу [5]), здесь, кроме льна [6]), торговали кожами и коноплей, а по словам Флетчера—салом. Лен составлял главную статью псковской торговли по свидетельствам Ульфельда [7]) и Флетчера [8]). Только в конце века, по Флетчеру [9]), вывоз льна, кож и сала значительно

---

[1]) *Гамгель*, Англичане в России; *Любименко*, История торговых сношений России с Англией, вып. 1, XVI в., Юрьев. 1912.

[2]) *Середонин*, Известия англичан о России: „Чт. общ. Ист. и Др." за 1884 г., кн. IV; *Флетчер* О государстве русском; *Середонин*, Сочинение Джильса Флетчера „On the Russian Gommon Wealth", как исторический источник.

[3]) *Середонин*, Известия англичан о России: „Чт. общ. Ист. и Др." за 1884 г., кн. IV.

[4]) *Середонин*, Известия англичан о России: „Чт. Общ. Ист. и Др." за 1884 г., кн. IV, стр. 2.

[5]) В изд. Старчевского, стр. 10.

[6]) О государстве русском, стр. 7, 8, 9.

[7]) „Чт. Общ. Ист. и Др." за 1883 г., кн. I, стр. 11.

[8]) О государстве русском, стр. 9.

[9]) Там же, стр. 7, 8, 9.

сократился. Однако, это случилось не ранее 80-х годов, как видно из того, что Флетчер приписывает такое сокращение влиянию военных обстоятельств именно 80-х годов; притом надо признать такой упадок торговли временным явлением: в начале XVII в. торговые обороты с льном и салом в Новгороде снова оживились [1]).

Но более возвышались другие центры русской внешней торговли. С Литвой и Ливонией шла, напр., оживленная торговля на двухнедельный петровской ярмарке в Острове [2]), в Москве и Казани существовала конская ногайская ярмарка [3]). Росло значение Холмогор, Вологды, Ярославля, потом вновь основанного Архангельска, в особенности же самой столицы государства—Москвы. По словам Варкоча, посетившего Москву в 1593 г., туда, кроме англичан, голландцев и других западно-европейских купцов, приезжали купцы из Турции, Татарии, Персии, Туркмении, Кабарды, Грузии; бывали здесь и бухарцы, и всегда посещали Москву греки [4]). С конца XVI века составляются так называемые Торговые книги, служившие руководством для правильного ведения торговли с иностранцами и заменявшие до известной степени современные биржевые бюллетени о ценах на разные товары, обращающиеся на международном рынке. Торговые книги заключали в себе сведения о ценах на предметы русского экспорта на московском рынке, о стоимости их провоза до Архангельска и о продажной цене на те же продукты в Нидерландах, Англии, Франции и даже Испании [5]). Все эти данные были совершенно необходимы для богатых русских капиталистов-скупщиков, закупавших товары в очень значительном количестве в Москве и доставлявших их к Белому морю для сбыта заграницу. Нет более яркого свидетельства о широком развитии внешних меновых сношений

---

[1]) *Середонин*, Сочинение Флетчера, стр. 118.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 827, л. 946 об.

[3]) *Костомаров*, Очерк торговли Моск. государства, стр. 301; Акты Ист., т. I, № 194; Никон. летопись, VI, стр. 183, VII, стр. 3.

[4]) *Довнар-Запольский*, Торговля и промышлен. Москвы, стр. 6.

[5]) Временник Общ. Ист. и Древ. Рос., VII, смесь, стр. 3—6; Сборник Муханова, № 202; „Записки Отделения русской археологии Археол. Общества“, I, стр. 129—131.

Московской Руси XVI в. с заграницей, чем Торговые книги. Главными предметами русского вывоза заграницу были в то время из хлебных растений только пшеница и гречиха, из других продуктов земледельческой культуры—в особенности лен и конопля, затем продукты скотоводства—кожи, масло, сало, соленое мясо, свинина, щетина, шерсть; добывающей промышленности—меха, лес, мед, воск, редко полусырье вроде чесаного льна, трепаной конопли, еще реже промышленные изделия, вроде канатов, деревянной мебели и посуды, льняного масла, поташа, смолы [1]).

Широкое развитие заграничной торговли сильно поколебало почти безраздельно господствовавшее ранее натуральное хозяйство. Но еще большее значение принадлежало в этом отношении торговле внутренней.

Уже приведенные выше данные о росте обрабатывающей промышленности служат косвенным указанием на развитие внутренней торговли: обрабатывающая промышленность работала на рынок и в свою очередь нуждалась в продуктах сельского хозяйства и добывающей промышленности. В особенности важны здесь те случаи, когда наблюдается скопление в одном месте целых групп ремесленников и кустарей одной определенной специальности, каковы, кроме городских ремесленников, владимирские бочары, новгородские гончары и колесные мастера. Такие сплошные поселения специалистов одной отрасли кустарного производства могли существовать, очевидно, лишь в том случае, если был обширный сбыт, организуемый особыми скупщиками. Но нет недостатка и в прямых указаниях на скупщиков и прасолов всякого рода. Напр, одно житие сообщает о скупщике скота, жившем в Пошехонском уезде второй половины XVI в. [2]). И другие жития дают в этом отношении любопытный материал. По рассказу об одном чуде в житии Зосимы и Савватия, некий юноша Анфим „приехал из Великого Новгорода с купцем некыим на Поморие купля ради“ [3]).

---

[1]) См. Торговую книгу, известия иностранцев; ср. *Костомаров*, Очерк торговли.

[2]) Рум. Музей, рукописи Ундольского, № 273, лл. 21 об.—22.

[3]) Синодальная библиотека, № 91, л. 354.

Один житель веси Верхний Борок на Онеге, в 10 верстах от Александрова Ошевенского монастыря, занимался такой же посреднической торговой деятельностью, ездил „якож есть обычай куплю деющим на возех ездити“ [1]). В том же житии Александра Ошевенского упоминается о купцах, которые ездили мимо монастыря „сюду и овамо“ [2]). Новгородские купцы ездили торговать во многие места: в Заволоцкую, т.-е. Двинскую, землю [3]), в погост Никольский на Шуе Обонежской пятины [4]), в Остров [5]), в Бежецкую пятину—в погосты Петровский, Борисоглебский в Боровичах [6]) и Егорьевский и Спасский во Млеве [7]) и проч. Известно, как много купцов из разных городов государства съезжалось на ярмарку в Старый Холопий [8]) и на белозерский рынок [9]). Торговая книга—характерный свидетель посреднической деятельности скупщиков. Наконец, прасолы встречаются в целом ряде городов и сел, описания которых дошли до нас от того времени: в селе Прилуках Углицкого уезда в 1593 г. [10]), в Устюжне [11]), Можайске (10 прасолов) [12]), Свияжске [13]) и т. д.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники, несмотря на свою отрывочность, изобилуют фактами, показывающими, как сильно шла вперед внутренняя торговля. На севере Вологда, Тотьма, Устюг были крупными центрами внутреннего обмена [14]). Торговля шла в той же области в Тотемском уезде на р. Сухоне, на устье Толщмы, в Пьянкове слободе [15]), в Обонежской

---

[1]) Рум. Музей, рукописи Ундольского, № 276, л. 126.
[2]) Там же, л. 77.
[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., по Олонцу, № 1, л. 412.
[4]) Там же, л. 196 об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 827, л. 946 об.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 962, л. 61 л. об.
[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 964, л. 640.
[8]) *Костомаров*. Очерк торговли, стр. 7; *Бережков*, Старый Холопий городок и его ярмарка: „Труды VII Археолог. Съезда“, кн. I.
[9]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 134, 230.
[10]) Писц. книги Моск. госуд., 1, 2, стр. 24.
[11]) *Чечулин*, Города Моск. госуд. в XVI в., стр. 76, прим.
[12]) Там же, стр. 197—198, прим.
[13]) Там же, стр. 253—254.
[14]) *Костомаров*. Очерк торговли, стр. 8.
[15]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 315.

пятине в погосте Покровском на Вытегре [1]) и в имении Тихвинского монастыря, где было 53 торговых двора [2]), на Белоозере [3]). В Прикамье встречаем лавки в дворцовых селах Казанского уезда в 1599 г. [4]), в Казани, где было 376 лавок, и в Свияжске, где их числилось 254 [5]). Относительно Степного края дошли известия о торговле Рязани [6]), Астрахани [7]), Тулы, где в конце века числилось 294 лавки [8]), Дядилова (25 лавок) [9]), Зарайска (273 лавки) [10]) и Пронска (54 лавки) [11]). Есть также указания на деревенские рынки в Каширском уезде [12]). В Новгородско-Псковском крае для внутренней торговли особенно важно было течение р. Мсты, изобиловавшее рядовскими поселками [13]). Из деревенских торговых мест и рынков замечательны здесь торг в Бежецкой пятине в Егорьевском погосте во Млеве [14]), в погосте Никольском на Вышнем-Волочке [15]), в Таиловской губе Псковского уезда, где в 80-х годах около Печерского монастыря стояли 37 лавок [16]). Но самыми крупными центрами внутренней торговли в этой области были, конечно, Новгород и Псков. В Пскове считалась 1.191 лавка и сверх того еще 49 других, более мелких приспособлений и помещений для торговли [17]). Были лавки и в пригородах Пскова: 7 лавок в Красном[18]), 18 лавок в Опочке [19]).

---

[1]) М. Арх. М. Юст., писц. кн. 963, л. 1340.
[2]) Там же, писц. кн. 965, лл. 53 об.—54.
[3]) Акты Арх. Эксп., т. I. №№ 134, 230.
[4]) М. А. М. Юст., писц. кн. 153, л. 1452.
[5]) *Чечулин*, Города Моск. гос. в XVI в., стр. 209.
[6]) *Платонов*. Очерки из истории смуты.
[7]) *Середонин*, Известия англичан о России: „Чтения Общ. Ист.“ за 1884 г., кн. IV, стр. 40.
[8]) *Чечулин*, Города Моск. гос., стр. 266.
[9]) Там же.
[10]) Там же.
[11]) Там же.
[12]) Писц. кн. Моск. гос., I, 2, стр. 1432.
[13]) *Ильинский*, Городск. население Новг. обл.: „Ж. М. Н. П.“ за 1876, № 6, стр. 277.
[14]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду № 10, л. 5.
[15]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 964, л. 14 и об.
[16]) Там же, писц. кн. 830, лл. 1136 об.—1138.
[17]) *Чечулин*, Города М. гос., стр. 130.
[18]) Там же, стр. 100.
[19]) Там же, стр. 102.

Больше всего следов внутренней торговли сохранилось, конечно, по отношению к Центральной области. Если прежде всего здесь говорить о Москве, то важным признаком крупного ее значения во внутренней торговле является тот факт, что торговых дорог, проложенных в столице государства, было в XVI в. не менее семи: на север шли ярославская и углицкая, при чем по ярославской ежедневно проезжало по 700—800 возов с зерном, на северо-запад новгородская, на восток—нижегородская, на юг—серпуховская, тульская и коломенско-рязанская [1]). Очень крупным средоточием внутреннего обмена являлся Ярославль [2]). Вообще, уезды Бежецкий, Углицкий и Ярославский отличались значительным торговым оживлением, ясно обнаруживающимся из одного перечисления мест торга, в них находившихся. Торговали здесь в 1564 г. в селе Веси Егонской Симонова монастыря, в царевых подклетных (т.-е. дворцовых) селах у Пречистой на Кестьме и у Воздвижения в Шипине, в Ясеницах на стану,—все это местности Бежецкого уезда. В Углицком уезде существовал торг в Озерковской слободе, а в Ярославском—в дворцовых царских селах, в вотчине князя Сицкого на Мологе, у Пречистой на устье Ламы, у Пречистой на устье Себлы, в вотчине князя Палецкого, в Горицком приселье у Спаса на Себле княгини Аграфены Сицкой, в вотчине князей Прозоровских на реке Мологе, в Старом Холопце и у святого Леонтья на р. Чекаве [3]). У Чудова монастыря в принадлежавшей ему в 1596 г. слободе Терешкове на Волге в Зубцовском уезде считалось 14 дворов, занимавшихся торговлей [4]). Много торговали Нижний-Новгород [5]), Тверь [6]), Дмитров [7]). В Коломне был гостиный двор, соляной амбар Строгановых и 379 лавок в рядах [8]), в Можайске 2 гостиных двора и 239 лавок [9]),

[1]) *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 280—281.
[2]) Там же, стр. 281.
[3]) Акты Арх. Эксп., I, № 269.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст, грам. кол. эк., Зубцовск. у., № 4837.
[5]) Акты Арх. Эксп., I, № 322.
[6]) *Рожков,* Сельск. хоз., стр. 282.
[7]) Акты Арх. Эксп., I, № 272.
[8]) *Чечулин,* Города, стр. 158.
[9]) Там же, стр. 159.

в Серпухове 250 лавок[1]), в Муроме 203[2]). И акты и жития святых свидетельствуют о торговом значении Переяславля-Залесского[3]). В конце века местные торжки были в селе Высоком Коломенского уезда[4]), в селе Медне Новоторжского уезда, где в 19 лавках торговали „тутошние люди“ и приезжие из деревень[5]), в селе Новом с деревнями, ростовской вотчине Троицкого-Сергиева монастыря[6]).

Приведенные сейчас многочисленные наблюдения, констатирующие сильный рост внутреннего торгового оживления в Московском государстве второй половины XVI века, являются лишь первым доказательством важной перемены в хозяйстве Московской Руси—торжества денежного или товарного хозяйства, торгового капитализма. Второе доказательство—иного рода. Оно заключается в наблюдениях над характером владельческого оброка с крестьян. Во второй половине XVI в. легко заметить рост денежного оброка насчет натурального. Тогда как до этого времени только 9% крестьянских хозяйств Вотской пятины Великого Новгорода платили оброк деньгами,—в 1568 г. процент таких хозяйств повышается здесь до 16, а в 1581 г. черная волость в этой пятине знала только один денежный оброк[7]). В Бежецкой пятине уже в 1545 г. более 26% всех крестьян сидели на оброке деньгами[8]), а в Обонежской в 1565 г. таких крестьян было даже около 76%[9]). От 90-х годов до нас дошел ряд описаний вотчин Троицкого-Сергиева монастыря в разных уездах Центра, и чрезвычайно характерно, что, по этим описаниям, везде оброк монастырю платится деньгами: так было в Костромском, Московском, Дмитровском, Ярославском, Ростовском,

[1]) Там же, стр. 159.
[2]) Там же, стр. 159.
[3]) Акты Историч., т. I, № 143; Рум. Муз., рук. Ундольск., № 301, л. 30 и об.
[4]) Рум. Муз., собр. актов Беляева, № 200.
[5]) М. Арх. М. Юст., гр. кол. эк., Новоторжск. у., № 8336, лл. 4 об.—5.
[6]) Акты Историч., I, № 143.
[7]) *Рожков*, Сельск. хоз. Моск. Руси в XVI в., стр. 235.
[8]) Там же, стр. 237.
[9]) Там же, стр. 238.

Углицком, Пошехонском, Сольгалицком уездах [1]). В Волоколамском уезде дворцовые крестьяне вносили оброк деньгами уже в 40-х годах [2]). То же наблюдается в обширной черной волости Высоком Коломенского уезда в 1561 г. [3]). Денежный оброк собирается и в рязанской вотчине Шиловских в 80 х годах, а дворцовые земли Веневского уезда в 1571 г. обложены были оброком исключительно в денежной форме, тогда как раньше крестьяне платили оброк натурой [4]). Наконец, в денежной же форме встречаем обычно оброк, начиная с 60-х годов, в Казанском, Свияжском и Белозерском уездах [5]).

Констатируя победу денежного оброка над натуральным, следует, конечно, оговориться: эта победа далеко не была повсеместной. Более осталые, менее культурные окраины—крайние север и юг, некоторые места на востоке—остались при натуральных оброчных взносах [6]). Тем не менее, несмотря на эти ограничения, совершенно понятно важное значение приведенных наблюдений: денежный оброк был бы неосуществим и даже немыслим, если бы не зародилось и не стало преуспевать денежное хозяйство в массах населения, так как без торгового оборота продуктов деревенского хозяйства крестьяне не были бы в состоянии приобрести необходимую для уплаты оброка денежную сумму.

На том же основании переход натуральных государственных повинностей в денежные налоги, ясно обозначившийся как раз с половины XVI века, следует считать третьим доказательством перехода к товарному хозяйству. Факт такой серьезной перемены в финансовой системе не подлежит сомнению, хорошо обоснован в литературе по истории русского государственного хозяйства и представляется в главных чертах в следующем виде. В первой половине XVI века на земле лежали следующие государственные финансовые обязанности: 1) казначеевы,

---

1) Там же, стр. 238—239.
2) Там же, стр. 239.
3) Там же, стр. 239.
4) Там же, стр. 240.
5) Там же, стр. 240, 241.
6) Там же, стр. 241—242.

дьячьи и подьяческие пошлины; это был уже тогда денежный налог, хотя и незначительный по размерам; 2) корм наместников и волостей, обыкновенно поступавший натурой в виде разного рода припасов; 3) дань или данные и оброчные; 4) ямские деньги или ямским охотникам на прогоны и на подмогу, сделавшиеся, как и дань, денежной податью, но не исключавшие и особой натуральной ямской повинности. Сверх того, возникли еще: 5) полоняничные деньги, не превратившиеся пока в регулярную подать и собиравшиеся в различных размерах в разные годы, смотря по количеству выкупаемых из Крыма и Казани русских „полоняников" или пленных, „как в который год государь укажет"; та же формула применялась тогда к окладу ямских денег; 6) натуральные военные повинности—посошная военная служба и городовое дело (починка и постройка укреплений) [1]). Во второй половине XVI века—с 1551 года—в податную систему внесены были важные изменения. Во-первых, введены были новые военные денежные налоги—пищальные и ямчужные деньги, предназначенные на выделку и приобретение пищалей (пушек и ружей) и ямчуги (селитры и пороха); затем налоги за городовое и засечное дело, т.-е. за починку и постройку укреплений и „засек"—застав, образованных посредством вырубки леса и свалки его в кучи, мешавшие проходу и проезду и укрывавшие за собою сторожевые военные посты. Во-вторых, полоняничные деньги к концу века превращены были в регулярную подать с постоянным окладом. Наконец, в третьих, старая натуральная повинность—посошная—стала также переводиться кое-где временами на деньги [2]). Если к этому прибавить, что корм, чем позднее, тем чаще, также переводился на деньги, что с введением земских учреждений Ивана Грозного он был заменен „кормленым окупом"—денежной суммой, вносимой в определенные сроки в казну общиной, по-

---

[1]) *Милюков*, Спорные вопросы финансовой истории Моск. государства, Спб. 1892, стр. 11, 12, 16, 17, 18, 21, 22, 23; *Лаппо-Данилевский*, Организация прямого обложения в Моск. госуд., Спб. 1890, стр. 1—17; *Веселовский*, Сошное письмо, т. I, М. 1915, стр. 102 и сл.

[2]) Там же.

лучившей земское самоуправление [1]), что, наконец, к концу XVI века оклады прямых денежных податей возросли в $3\frac{1}{2}$ раза сравнительно с половиной столетия [2]), то станет очевидным, каким важным свидетельством в пользу перехода к денежному хозяйству является история государственного хозяйства, в частности прямого обложения.

Наконец, существует еще и четвертое, не менее, если не более серьезное доказательство описываемой экономической перемены: именно—изменение ценности денег. Оживленное товарное обращение, проникающее в народные массы, всегда увеличивает количество денег в стране, а с увеличением количества денег ценность последних уменьшается. В этом отношении XVI век принадлежит к любопытнейшим эпохам русской истории. Изучение стоимости русского рубля того времени по хлебным ценам приводит к убеждению в неуклонном и быстром его понижении: тогда как в конце XV века и в начале XVI рубль стоил приблизительно около 100 рублей на наши современные, обращавшиеся до последней войны, золотые деньги,—в 30-х и 40-х годах XVI столетия ценность его понизилась уже до 75 рублей, а во второй половине того же века даже дошла до 25 рублей [3]). Такое быстрое удешевление денег резко подчеркивает совершившийся в значительных кругах населения переход к товарному хозяйству.

Непреложность факта этого перехода выясняется, таким образом, в достаточной мере. К этому надо прибавить целый ряд наблюдений, подтверждающих, что русское денежное хозяйство второй половины XVI века

---

[1]) См. *Дьяконов,* Дополнит. сведения о московских реформах.

[2]) *Рожков,* Сельское хоз. Моск. Руси в XVI в., стр. 234.

[3]) Там же, стр. 202—211. Метод, которому, вслед за Ключевским (см. его Русский рубль XVI—XVIII в. в."), следовал в этом исследовании при определении цены денег пишущий эти строки, подвергнут критике (*Веретенников,* К вопросу о методологических приемах при разработке цифрового историч. материала: „Ж. М. Н. Пр." за 1912 г, январь, стр. 131 и след.). Критические замечания приняты во внимание, метод изменен, и результаты получились почти те же, как то будет показано в особом специальном исследовании. Это свидетельствует, что и старый метод вовсе не был уже столь несовершенным, критика в данном случае перешла в гиперкритику.

было построено на основе обширного рынка. Уже только что указанное огромное понижение цен на деньги, параллельное соответственному и современному ему процессу, совершавшемуся и на западе Европы, служит здесь важным признаком органической связи русского рынка с мировым рынком того времени. Не менее обоснован, однако, и факт образования крупного внутреннего рынка. Конечно, изолированность рынков в известной мере продолжала существовать, но она отступала уже на второй план перед новыми явлениями.

Это видно из многого. Так, во второй половине XVI в. Соловецкий монастырь покупал хлеб, коноплю, лен, масло, кожи и другие товары в Новгороде, Бежецком Верху, Вологде и Устюге [1]). В 1582 году Троицкому Сергиеву монастырю было разрешено построить в Тотемском уезде, на р. Сухоне, на устье Толщмы, в Пьянкове свободе амбар, чтобы покупать здесь на монастырь хлеб и другие товары [2]). В 30-х—60-х годах Троицкий Сергиев монастырь покупал рыбу у устья Шексны и привозил туда для продажи из Дмитрова рожь и соль [3]).

Еще в первой половине столетия Иосифов Волоколамский монастырь послал „своего купчину или старца торгом зиме на штидесят возех, а лете в дву струзех“ в Новгород через Зубцов, Опоки и Ржеву и к Белоозеру через Углич и Мологу [4]).

По Герберштейну [5]) и Гваньини [6]), Пермь покупала хлеб на центральных рынках. В 1584 г. Свияжский Богородицкий монастырь закупал в Астрахани соль и рыбу и, продавая их в Нижнем, покупал здесь хлеб, масло, сукна, шубы и овчины [7]). В Соликамске и Чердыни с их уездами еще в начале XVI века торговали новго-

[1]) *Досифей*, Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря, ч. 3-я, № 11; *Ключевский*, Хозяйств. деятельность Соловецк. монастыря—в „Моск. Унив. Изв.“ за 1866—67 г., № 7, стр. 574; М. А. М. Ю., гр. кол. эк., № 13170.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 315.

[3]) М. А. М. Юст., гр. кол. эк., № 3763; А. Арх. Эксп., т. I, № 272.

[4]) Русская Историческая Библиотека, т. XXXII, № 89.

[5]) Rerum moscovitarum scriptores varii, стр. 62.

[6]) Там же, стр. 167.

[7]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 322.

родцы, тверичи, усольцы, устюжане, вычегжане [1]). По свидетельству Дженкинсона [2]), русские привозили в Астрахань кожи, бараньи шкуры, хлеб и свинину. Из Рязанского края хлеб в большом количестве шел в Москву [3]). Из Смоленска производилась с центральными областями торговля скотом, а Вязьма торговала с ними пенькой [4]). Ярославль поставлял в Москву громадное количество зернового хлеба, закупавшегося здесь, между прочим, жителями севера, жившими верст за 500 от Москвы [5]). В Пошехонском уезде в половине XVI в. жил священник, который имел обыкновение „от *далных* стран скот приводити и отводити ея от человек ко иным человеком" [6]).

Кроме этих прямых свидетельств о том, что отдельные рынки в России XVI века захватывали обширные пространства в 200, 300, 500 верст в окружности, мы имеем возможность сослаться и на другие факты, подтверждающие положение, что Россия того времени стала страной денежного хозяйства, рассчитанного на обширный сбыт продуктов. За это говорят приведенные уже выше данные о развитии деятельности скупщиков, которых повторять поэтому нет нужды, а также данные о ценах на хлеб и торговых путях, перерезывавших страну в разных направлениях. В громадном большинстве случаев хлебные цены в одно и то же время в разных местах колебались не очень сильно, что, несомненно, указывает на живую экономическую связь между этими местностями. Так, в 50-х годах XVI века цены на рожь равнялись 40 копейкам за нынешнюю четверть и в Белозерском и в Суздальском уездах, в 60-х годах стоимость четверти ржи колебалась между 20 и 30 копейками, в 70-х между 20-ю и 25-ю, в 90-х г. г. между 40 и 66 коп. Типической можно считать разницу между довольно от-

---

[1]) *Дмитриев*, Пермская старина, вып. 1, стр. 41—42.

[2]) *Середонин*, Известия англичан о России: „Чт. Сбщ. Ист. и Др." за 1884 г., кн. IV, стр. 40.

[3]) *Платонов*, Очерки по истории смуты.

[4]) *Флетчер*, О государстве русском, стр. 7.

[5]) *Середонин*, Известия англичан: „Чт. Об. Ист." за 1874 г., кн. IV, стр. 5.

[6]) Рум. Музей, рук. Ундольского, № 273, лл. 21 об.—22.

даленными рынками в $1^1/_2$ раза [1]). Что касается торговых дорог, то мы уже упоминали о семи торговых путях, образовавших из Москвы такой же туго завязанный узел гужевых путей сообщения, каким она является теперь для железных дорог. По степи пролегала дорога, ведшая из так называемых заоцких городов к Боровску и Серпухову [2]); из трех дорог, сходившихся в Туле, одна шла от Тулы на Болхов и Карачев и далее в северские города и Киев, другая, так называемая Московская или Посольская, от Тулы на Мценск, Кромы и Курск, третья—известный Муравский шлях [3]). В новгородских пятинах, кроме южного пути, шедшего из Поднепровья,—знаменитого старинного пути „из Варяг в Греки",—и дороги от Риги к Пскову, пролегали еще торговые пути из Балтийского моря по реке Свири, дорога в Центр, к волжскому бассейну, по реке Мсте, путь к Пскову по Шелони и, наконец, по Луге в Финский залив [4]). Известно, наконец, как много помогали торговле многочисленные реки и речки восточно-европейской равнины.

Это обилие рек, равнинность страны, и главное, продолжительность снегового покрова и были реальными причинами, образовавшими обширный рынок: этими обстоятельствами, природными условиями территории Московской Руси, создавались сравнительно удобные пути сообщения, которыми сглаживались местные различия и ослаблялась хозяйственная изолированность отдельных областей: зимой, по английским известиям [5]), товары могли быть доставлены на громадное расстояние от Архангельска до Москвы в каких-нибудь 14 дней. Вот почему, как только к половине XVI в. в России обнаружилось относительное перенаселение, т.-е. оказалось, что при прежнем соотношении хозяйственных сил невозможно дальнейшее движение вперед в экономической

---

[1]) *Рожков,* Сельское хоз. М. Руси в XVI в., стр. 286.

[2]) *Платонов,* Очерки по истории смуты.

[3]) Там же.

[4]) *Ильинский,* Городское население Новг. области в XVI в.: „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1876 г., № 6, стр. 245, 261, 262—265, 267, 269, 272.

[5]) *Середонин,* Известия англичан о России: „Чт. Общ. Ист. и Др." за 1884 г., кн. IV, стр. 13.

жизни,—совершился перелом в сторону товарного или денежного хозяйства с обширным притом рынком, не только даже национальным, но отчасти уже и мировым.

Предшествующее изложение, кажется, уже вполне обосновывает формулу, выражающую соотношение отдельных отраслей хозяйства в Московской Руси второй половины XVI века. Формула эта сводится к следующему: на севере продолжала, хотя и в меньшей, чем прежде, степени, господствовать добывающая промышленность; то же наблюдалось и на крайнем юге; в области Новгорода и Пскова обе главные отрасли сельского хозяйства—скотоводство и земледелие—сохраняли приблизительное равновесие, при чем сельскохозяйственная промышленность, взятая в целом, господствовала над другими отраслями производства, а в Центре, Степи, Прикамском крае и Поднепровье, особенно в Центре, преобладало земледелие; наконец,— и это всего важнее,— всюду, за небольшими исключениями, совершился переход к товарному или денежному хозяйству с обширным рынком,—к торговому капитализму.

III.

Техника или система хозяйства.

Переходя к вопросу о технике или системе хозяйства, мало можно прибавить, вернее, даже нечего прибавлять к тому, что нам известно о предыдущем периоде, поскольку речь пойдет о технике добывающей и обрабатывающей промышленности и торговли: ручной труд, слабая интенсивность, ярмарочно-караванная система естественно вытекают уже и из предшествующего изложения. Ясно также, что росло число скупщиков, увеличивался размах их работы. Заслуживают быть особо отмеченными только лишь успех специализации или дифференциации в области ремесла и кустарничества. Все реже и реже встречаются случаи совмещения двух специальностей: исключением является кузнец-рыболов [1]), гвоздарь-кузнец, судовщик-плотник, плотник-молотник и вместе сапожник [2]); зато отдельные отрасли обрабатывающей промышленности специализируются и соответственно расчленяются, дифференцируются иногда весьма значительно: в обработке металлов различаются, например, котельники, ведерники, сережники, сабельники, игольники, сковородники, замочники, гвоздочники, оловянишники, серебреники, медники, железники, кузнецы и пр.; в обработке дерева—щепетинники, плотники, бочарники, лодейщики, судовщики, драничники, рогозники; в обработке кожи—кожевники, опоечники, седельники, сапожники, овчинники, сыромятники, подошевники, овчинные стригали; в выделке одежды—портные, колпач-

---

[1]) М. Арх. М. Юст., писц. кн. 153, л. 1447.

[2]) *Чечулин*, Города Моск. гос. в XVI в., стр. 76, прим.

ники, рукавичники, красильники, швецы, епанечники, шапочники, шелковники, суконники, манатейники, холщевники, шубники, крашенинники, скорняки и т. д. [1]). Все это естественно и понятно на фоне тех изменений в соотношении отдельных отраслей хозяйства, о которых у нас только что шла речь.

Но в области техники сельского хозяйства наблюдаются явления не только новые, но и настолько оригинальные, что требуют особого объяснения: соотношением разных отраслей хозяйства непосредственно, без некоторых промежуточных звеньев, они не объясняются. Речь идет о резко выраженном экономическом кризисе, постигшем в последние 30 или 35 лет XVI века две главные области страны—Центр и Новгородско-Псковский край. Этот кризис заключался в понижении техники земледельческого производства.

Главные доказательства почерпаются здесь из писцовых книг. Они сводятся к цифрам, указывающим соотношение пашни и перелога. В первой половине века в обеих старых областях государства—и в Центральной и в Новгородско-Псковской—пашня преобладала над перелогом, господствовала, следовательно, паровая зерновая система земледелия. Но с 70-х годов, в особенности же в 80-х и 90-х годах XVI века, паровая зерновая система сменяется переложной, перелог подавляет пашню. В уездах: Московском, Рузском, Дмитровском, Владимирском, Переяславском, Суздальском, Муромском, Тверском пашня часто занимает в это время площадь не только вдвое и втрое, но впятеро, в девятеро, даже иногда в 60 раз меньшую, чем площадь, занятая перелогом или залежью [2]). Как бы мы скептически ни относились к точности цифровых данных писцовых книг о площадях пашни и перелога [3]),—все же общая картина не подлежит сомне-

---

[1]) Там же, стр. 84, 163, 197.

[2]) *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 66—69.

[3]) Ср. скептические замечания в этом направлении у *Миклашевского,* К истории хоз. быта Моск. гос. и особенно у *Веселовского,* Сошное письмо, т. II. Этому взгляду противополагается компетентное мнение специалиста по межевому делу *Седашева,* в его „Очерках и материалах по истории землевладения в Московской Руси XVII в.“, М. 1912.

нию, тем более, что неточность в обоих случаях—и в отношении к пашне и к перелогу—должна быть одинаковой, и значит, соотношение, пропорция обеих цифр должна верно отражать действительность, а для нас в данном случае важны именно эти отношения, а не абсолютные величины. Ту же картину упадка земледельческой техники дают нам и писцовые книги области Новгорода и Пскова 80-х годов XVI века: здесь перелог оказывается превосходящим пашню обыкновенно в 16, 18, 20 раз, редко в 12, один лишь раз вшестеро [1]).

Отмеченное сейчас оригинальное явление в области техники земледельческого хозяйства конца XVI века имеет, как увидим, огромное значение для понимания многих сторон общественной и государственной жизни того времени. Вот почему важно устранить все сомнения в его наличности. Данные писцовых книг в этом отношении подтверждаются наблюдениями над употреблением земледельческих орудий и фактами истории колонизации. На Руси XVI века употреблялись два главных орудия обработки почвы—соха и деревянный плуг. Плуг соответствует переложной системе земледелия, потому что обработка земли плугом способствует росту на залежи злаков, дающих хорошее сено, тогда как соха вредит этим злакам [2]), и употребляется поэтому тогда, когда перелог сокращается в размерах или совершенно исчезает, заменяясь удобряемым паром, т.-е. при паровой зерновой системе. И вот оказывается, что в тех местах, где к концу века, по писцовым книгам, вырос перелог, можно наблюдать и постепенное вытеснение сохи плугом [3]). Что касается истории колонизации, то факты, сюда относящиеся, нам уже известны: из них видно, что процесс отлива населения из Центра и Новгородско-Псковского края шел совершенно параллельно упадку там земледельческой техники. Оба процесса были вполне соответственны, являлись, в сущности, чем-то единым, обязанным своим существованием, очевидно, и одинаковым причинам.

---

[1]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 106—107.
[2]) *Ермолов*, Организация полевого хозяйства, стр. 99.
[3]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 112—116.

Но мы видели в свое время, как и куда отливало население, какие места и когда именно оно колонизовало. Отлив шел через окраинные уезды Центра и через Обонежье на север, восток и юг. И опять-таки соответственно этому в окраинных уездах Центра, а затем на Севере, в Прикамье, Степи или не заметно упадка земледельческой техники, или наблюдается, напротив, ее подъем. Сохранение паровой зерновой системы видим поэтому, например, в таких окраинных уездах Центра, как: Костромской, Ярославский, Пошехонский, Ростовский, Юрьево-Польский, Боровский, Коломенский [1]). В Нижегородском уезде продолжала господствовать залежная система, но несравненно менее экстенсивная, чем прежде [2]). То же надо сказать о Прикамье [3]) и о Севере [4]), в котором по течению Двины заметен уже переход к паровой зерновой системе [5]). Что касается Степи, то паровое зерновое хозяйство там преуспевало вместе с приливом населения в уездах, ближайших к Центральной области, как: Серпейский, Малоярославецкий, Веневский, Рязанский, Пронский и пр. [6]), а на остальном пространстве переложное хозяйство являлось признаком успехов земледельческой культуры, раньше часто здесь и не существовавшей совершенно [7]).

Смена паровой зерновой системы переложною и обратно сопровождалась и соответствующими изменениями в удобрении земли. Залежь или перелог не удобряется. Пар требует навозного удобрения. Его мы в соответствующее время в надлежащем месте и встречаем. Так, в 1544 г. крестьяне дворцового села Буйгород Волоколамского уезда обязаны были „навоз возити на великого князя пашню из своих дворов по тридцати колышек (телег) на десятину, а мера колышке в длину и поперек четыре пяди, а вверх две пяди“ [8]). В 1590 г. крестьяне

---

[1]) Там же, стр. 60—63.
[2]) Там же, стр. 65.
[3]) Там же, стр. 93 и след.
[4]) Там же, стр. 84 и след.
[5]) Там же, стр. 86.
[6]) Там же, стр. 102—103.
[7]) Там же, стр. 97, 103.
[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., гр. колл. эк., Волоколамск. у., № 2432.

двух монастырей во Владимирском и Нижегородском уездах должны были „навоз на пашню возити“ [1]). В Новгородской области в имении Вяжицкого монастыря „навоз возят“ в 1586 г. [2]). Сохранившиеся крестьянские порядные, относящиеся к Двинскому уезду и охватывающие период времени от 60-х до 90-х годов XVI в., очень часто содержат указания на удобрение: крестьяне обыкновенно берут на себя обязательство „гной“ „навоз“ или „назем“ „на землю возити“ [3]).

Прибавим, наконец, что, как видно из классической, всюду повторяющейся формулы писцовых книг, „пашни в поле столько-то десятин, а в дву по тому ж“,— в XVI в. господствовал трехпольный севооборот—пар, озимь, яровое.

Таким образом, в технике хозяйства Московской Руси второй половины XVI века были явления естественные и понятные, вполне объяснимые и объясняемые общим ходом экономического развития. Но среди них выделялось одно оригинальное, совершенно своеобразное,— упадок техники, технический застой и регресс в двух старых областях страны. Чем это объясняется? Вот один из основных вопросов, который подлежит разрешению при дальнейшем исследовании экономической истории Московского государства в то время. Чтобы разрешить его, необходимо обратиться к изучению форм и порядков землевладения.

---

[1]) Рум. Музей, Сборник Беляева, № 1621, л. 345 об.

[2]) Акты Юридич., № 184.

[3]) Русская Историч. Библиотека, т. XVI, A, XXXVIII, LVIII, 1, 5, 7, 8, 9, 11, 13, 14.

IV.

Землевладение.

Землевладение — сложное явление экономической и юридической жизни общества. Дело не в том только, что оно вместе и явление хозяйственное, и правовое. Дело в том, что и хозяйственная, и правовая стороны землевладения очень сложны. Особенно важны здесь три вопроса: во-первых, распределение земли по видам владения, во-вторых, распределение ее по размерам владения, в третьих, мобилизация земельной собственности, переход ее из рук в руки. Во всех этих отношениях землевладение в том виде, в каком оно сложилось к половине XVI века, оказало огромное влияние на экономический кризис.

Начнем с видов или форм землевладения, наиболее распространенных в то время.

В Московской Руси различались следующие виды земельного владения: земли черные, дворцовые, поместные, вотчинные, монастырские и церковные (архиерейские и отдельных церквей). В каких пропорциях распределялась тогда земля между этими видами в разных областях страны?

По сохранившимся писцовым книгам 80-х и 90-х годов XVI века, наиболее распространенными видами земельного владения в Центре были поместья служилых людей и монастырские земли, при чем перевес склонялся в разных уездах то на одну, то на другую сторону: напр., в Московском уезде за монастырями числилось 36% всей описанной территории, а на поместья прихо-

дилось 34% [1]), в Коломенском уезде под поместьями было 60%, под монастырскими вотчинами только 12% [2]), в Звенигородском в 60-х годах [3]), наоборот, 42% всей территории принадлежали монастырям и только 27% помещикам [4]). Вслед за поместьями и монастырскими землями в центральных уездах по размерам своим шли служилые вотчины, составлявшие обычно 20 с чем-нибудь процентов всей территории, а затем сравнительно небольшое число земли приходилось на архиерейские и церковные владения и на дворцовые царские земли [5]).

Если взять другую старинную область государства—Новгородско-Псковскую—то окажется, что там в подавляющем большинстве случаев в конце века преобладали поместья, составляя по разным пятинам 75, 84, 92, 95, даже 97%; за ними следовали монастырские земли, под которыми было 2, 4, 8, максимум 16% [6]). Исключение представляет только Псковская земля, близкая по распределению видов земельного владения к Центру: там 52% приходилось на монастырские земли и 46% на поместья [7]). Надо прибавить, что в Новгородско-Псковском крае совсем не было служилых вотчин, и мало было дворцовых, черных, архиерейских и церковных земель [8]).

Итак, поместья и монастырские земли—вот виды земельного владения, преобладавшие в двух старых областях государства. Не то наблюдается на окраинах. Оригинальна в этом отношении уже южная степь. Правда, и здесь поместья преобладали, составляя по разным уездам 61, 64, 87, 88, 92, 94, даже 99% всей территории, но монастырские земли были сравнительно не обширны—под ними числится 3, 4, 5, самое большее и то в виде исключения 13% всей площади; зато есть служилые вотчины, составляющие в нескольких уездах 9

---

[1]) *Рожков*, Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 399.

[2]) Там же.

[3]) *Готье*, Замосковный край в XVII в., стр. 64; здесь доказано, что эта книга относится к 60-м годам, а не к концу века.

[4]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 322.

[5]) Там же.

[6]) Там же, стр. 368—370.

[7]) Там же, стр. 369—370.

[8]) Там же, стр. 368—370.

и даже 17% и, главное, местами встречаются черные (12—13%) и дворцовые (до 22%) земли [1]). Много черных земель в Прикамье—на Вятке, в Перми Великой, даже в Казанском уезде, где они составляют 24% всей площади, и в Свияжском, в котором площадь, ими занимаемая, доходит до 80% всей территории; здесь не только монастырские земли, но и поместья совершенно уже отодвинуты на второй план [2]). Еще в большей степени это применимо к Северному краю: там лишь кое-где—ближе к Центру и Новгородской области—попадаются поместья и служилые вотчины; немного сравнительно монастырских и церковных земель, зато царят почти всецело земли черные, крестьянские [3]).

Различие между отдельными областями в отношении форм землевладения таким образом совершенно ясно. Если прибавить к сказанному, что поместья в Степи большею частью были недавнего происхождения, и потому не могло еще там сказаться в полной мере их хозяйственное влияние, да и поскольку оно сказывалось, оно соответствовало переложной системе земледелия, в тех местах преобладавшей, то невольно напрашивается предположение, что кризис, постигший Центр и область Новгорода и Пскова, находился в причинной зависимости от господствовавших там видов землевладения—служилого поместья и монастырской вотчины.

Такое предположение подтверждается и прямыми свидетельствами источников, и анализом юридического существа этих видов владения в связи с хозяйственными условиями того времени и вытекающими отсюда экономическими противоречиями.

Присматриваясь к данным писцовых книг о соотношении между пашней и перелогом в тех местах, где существовали разные виды земельного владения, мы большею частью наблюдаем худшее состояние хозяйства именно на поместных и монастырских землях. Так, в Московском уезде в 80-х годах в поместьях перелог был почти в десять раз обширнее пашни, а в служилых вот-

---

[1]) Там же, стр. 371—373.
[2]) Там же, стр. 373—377.
[3]) Там же, стр. 377 и след.

чинах менее, чем в шесть раз [1]). В Коломенском уезде 70-х годов в поместьях перелога было почти в $3^1/_2$ раза больше, чем пашни, а на монастырских землях даже более, чем в $4^1/_2$ раза, тогда как в служилых вотчинах перелог превышал размерами пашню лишь в $2^1/_2$ раза [2]). В Пскове с пригородами на черных землях пашня была лишь вдвое меньше залежи, а в поместьях в 11 с лишним раз, на монастырских землях даже в $14^1/_2$ раз [3]). В Вотской пятине в дворцовых землях площадь переложной земли была лишь в $3^1/_2$ раза больше площади пашни, а в черных землях больше в $4^1/_2$ раза, тогда как в монастырских почти впятеро, а в поместьях в $22^1/_2$ раза [4]). В Обонежской пятине в черных и дворцовых землях площади пашни и перелога были почти равны, так что здесь господствовало паровое зерновое хозяйство, хотя и не вполне и не везде упорядоченное, регулированное, а в монастырских владениях одной половины пятины перелога было почти в 13 раз больше, чем пашни, а в другой половине—почти в 4 раза больше; еще хуже было в поместьях: там в одной половине пятины площадь перелога превосходила пашню более, чем всемеро, а в другой даже больше, чем в 29 раз [5]). И так почти везде. Иногда попадаются прямые указания на то, что помещики „запустошили", разорили свои поместья. Так, в 1554 г. царь пожаловал в Саввин-Сторожевский монастырь с. Киприаново Рузского уезда с пустошами, при чем оказалось, что все это имение было раньше поместьем и разорено помещиками [6]). Известен длинный, составленный в 1585 г., список тверских детей боярских, запустошивших свои поместья [7]). Упадок сельскохозяйственной производительности во владениях монастырей и архиерейских кафедр засвидетельствован еще соборным приговором 15 января 1581 г., в котором говорится о „селах и землях", что они „по священным епископьям

---

[1]) Там же, стр. 452.
[2]) Там же, стр. 452.
[3]) Тем же, стр. 453.
[4]) Там же, стр. 453.
[5]) Там же, стр. 453—454.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., гр. кол. эк., Рузск. у., № 10292.
[7]) Акты Московского государства, т. I, № 30, стр. 55—56.

и святым монастырем и пустошьях изнуряются, „в запустение приидоша“, „прибытка никоего же нет“ [1]).

Таковы прямые свидетельства—достаточно ясные и яркие. И, углубляясь в существо дела и вытекавшие отсюда условия и обстоятельства, таившие в себе глубокие внутренние противоречия, можно понять и объяснить происхождение столь ярко характеризуемых явлений.

Здесь прежде всего обращает на себя внимание юридическая природа поместья. Поместье было, как известно, собственностью государя; владелец не имел права распоряжаться им, а обладал лишь правом пользования под условием службы; правительство всегда могло уменьшить поместье, взять его у владельца и передать другому, одним словом, могло по своему усмотрению лишать помещика права пользования предоставленным ему имением. Такая юридическая особенность поместья, бывшая, как нам известно, наследием удельного или феодального прошлого, не была и в XVI веке фикцией, ей и фактически в действительности соответствовала крайняя подвижность поместья, необеспеченность его за потомством владельца. По писцовым книгам, в подавляющем большинстве случаев поместные земли переходили от прежних владельцев к лицам им посторонним или дальним родственникам. Ограничимся для подтверждения этого немногими примерами, взятыми из целого ряда других подобных же фактов. Так, в Московском уезде за 25 лет $76^1/_2\%$ всех поместий сделалось владением лиц, совершенно чужих прежним владельцам [2]); не родственники, чужеродцы стали пользоваться через 16 лет более, чем половиною поместий Коломенского уезда [3]); в одной половине Шелонской пятины в 12 лет 61% поместий перешли к чужеродцам, в другой в 10 лет то же произошло с $78^1/_2\%$ всех поместных земель [4]).

Понятно, что с такой необеспеченностью поместья за владельцем и его потомством гармонировала мысль,

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 308.
[2]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 448.
[3]) Там же, стр. 448.
[4]) Там же, стр. 449.

что не стоит и не нужно слишком много хлопотать о хозяйстве: все равно плоды хозяйственных трудов и забот пожнет чужой человек. А с этим связано было сознание необходимости извлечь из данного участка поместной земли возможно больше пользы для себя в кратчайшее время, не заботясь о том, как это отразится на дальнейшей производительности почвы и на возможности продолжать и, главное, улучшать ее хозяйственную эксплоатацию. Правительство сильно содействовало всему этому, часто передавая поместную землю из рук в руки. Что отсюда происходило—понять нетрудно: в источниках сохранились любопытные факты, иллюстрирующие насилия и грабежи помещиков, их стремление к скорой наживе и наносимый этим труднопоправимый ущерб хозяйственной ценности поместной земли. В самом конце XVI в. в селе Погорелицах, Владимирского уезда, жил „во крестьянех“ некто Иван Сокуров. В 1599 г. Погорелицы были пожалованы в поместье сыну боярскому Федору Соболеву. Этот последний, в отсутствие Сокурова, явился к нему на двор и произвел там полный разгром: забрал себе троих „старинных людей“ хозяина дома, т.-е. его холопов, увел лошадь, корову, быка, четырех овец, взял у жены Сокурова деньгами 1 рубль 13 алтын (35 руб. на наши довоенные деньги), увез к себе, сколько мог, ржи, овса, ячменя, конопли и „трои пчелы“—три улья. Мало того, когда Сокуров вернулся, помещик присвоил себе и его двор. Понятно, что после всего этого потерпевшему, по его собственным словам, было „прожити немочно“[1]), тем более, что добиться защиты своих прав было трудно и нужно было вынести сначала утомительную и разорительную процедуру судебной волокиты. Другой пример не менее характерен. В 1598 г. сын боярский Михаил Фомин отдал свое владимирское поместье на оброк некоему Федору Шишкину. Поместье было сильно запущено, и арендатор приложил не мало труда, чтобы привести его в лучшее состояние: он посеял яровой хлеб, вспахал пар под рожь, вырубил и выжег на многих десятинах лес, скосил сено

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Костромск. ул., № 5129, лл. 92 об.—93.

 4*

на лугах. В разгар этих трудов и забот старый помещик Фомин вдруг лишен был своего имения, которое было отдано в поместье другому лицу, Василию Соболеву. Последний, вступив во владение, не получил ничего от Шишкина, так как весь оброк был уплачен им прежнему владельцу. Тогда он посеял хлеб на пару, приготовленном Шишкиным, свез к себе скошенное им сено „и Федор Шишкин стал в великих убытках без пашни, и без сена на три года; а лес рассекая и пашню распахивая, он лошади и волы поморил". В результате—жалоба, и подлежащая власть разрешила дело так: арендатор имеет право взять посеянный им яровой хлеб, равно как и скошенное им сено; новый помещик, Соболев, должен вознаградить его за расчистку земли из-под леса и за приготовление к посеву парового поля, уплатив ему за каждую десятину по той цене, какую обыкновенно в той местности платили крестьяне, бравшие землю на оброк [1]). Решение справедливое и, повидимому, уравновешивающее интересы обеих сторон, но нет сомнения, что оно не могло вознаградить арендатора за тот хозяйственный ущерб, который он понес; он оказался, правда, теперь с хлебом и сеном, но попрежнему без пашни да, сверх того, потерял значительную часть своего живого сельскохозяйственного инвентаря—тех лошадей и волов, которых он „поморил", рассекая лес и распахивая пашню.

Теперь все понятно: поместная система и по идее своей и на практике представила собою форму землевладения, приспособленную к натуральному хозяйству и к экстенсивной, хищнической, залежной системе земледелия. Создалось таким образом непримиримое противоречие между главным, господствовавшим в XVI в. видом землевладения и новыми экономическими условиями и задачами. Противоречие носило свое конкретное выражение в острой нужде помещиков в деньгах вследствие перехода к товарному хозяйству, а это только увеличило их грабежи и насилия [2]), т.-е. усилило хозяйствен-

---

[1]) Там же, лл. 68—69.

[2]) Покровский („Рус. история с древн. времен") считает эти грабежи, стремление выжать деньги, единственной причиной кризиса,

ный кризис, переход к более экстенсивной системе земледелия.

Столь же устарелым, приспособленным к пережитым условиям, являлась и другая господствовавшая в старых областях государства форма землевладения—монастырская вотчина. Несомненно, главной причиной дурного ведения хозяйства была крайняя обширность многих монастырских и архиерейских владений и чрезвычайная их разбросанность, затруднявшие надзор и управление [1]). Вот несколько примеров, иллюстрирующих и крупные размеры монастырских имений и их разбросанность: Троицкий Сергиев монастырь владел землею, по крайней мере, в 35 уездах, из которых во многих у него было по несколько разбросанных в разных местах имений—иногда до десятка и более, — при чем в 27 уездах одной пашни за ним было более 200 тысяч десятин, не считая других угодий [2]); владения Иосифова Волоколамского монастыря были рассеяны по девяти уездам; Симонова — по 18 [3]); Новодевичьего — в 14, при чем пашни в них считалось не менее 30 тыс. дес. [4]). Владения патриарха выросли в течение XVI в. вдвое [5]). Но наряду с этим и в связи с этим действовала еще другая, не менее важная причина: сильное развитие условного

называя предполагаемое пишущим эти строки объяснение „юридическим". Но, во-первых, выжимание денег таким способом нужно также поставить в связь с экономическими условиями времени; во-вторых, едва ли можно назвать „юридическим" предлагаемое здесь объяснение: сущность дела, как и всегда при кризисах, заключается в противоречии между юридической формой и хозяйственным содержанием. Те же возражения, сущность которых сводится к тому, что нельзя поверхностно смотреть на дело, надо сделать и Огановскому, который причину кризиса видит в снабжении рабочей силой, которой больше всего было в крупных вотчинах („Закономерность аграрной эволюции", часть 2-я, Саратов, 1911, стр. 139); ясно, что глубже смотря на вопрос, следует исследовать, почему так было, и тогда мы придем опять-таки в конце-концов к тем же общим экономическим условиям.

[1]) *Рождественский*, Служилое землевладение в Моск. госуд. XVI в., стр. 16.

[2]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 402, 403.

[3]) Там же, стр. 428.

[4]) Там же, стр. 429.

[5]) Там же, стр. 143—144, 182—183; ср. *Рождественский*, Служ. землевладение.

владения на монастырских и архиерейских землях. Формы этого условного владения были довольно разнообразны— то это были поместья под условием службы, то пользование землею за вклад, то вид оброчного или арендного держания—но общий смысл был всегда один и тот же: владение было столь же непрочно, как и поместье, и потому хозяйствование на нем было подобно поместному.

Чтобы окончательно понять противоречия между общими экономическими условиями времени и господствовавшими, унаследованными от прошлого, формами землевладения, остается еще отметить неотчуждаемость и поместья и монастырской вотчины. Поместье было неотчуждаемо вследствие условности и временности владения, а монастырская вотчина—в силу канонического правила о вечности и нерушимости. Неотчуждаемость поместья и монастырской земли стоит в прямом противоречии с денежным хозяйством, потому что денежное хозяйство, даже и в зачаточном состоянии, требует превращения земли в товар, обращающийся на рынке, требует некоторой, хотя бы очень ограниченной, свободы гражданского оборота земли; при новых рыночных условиях настоятельно необходима возможность обращения недвижимости в денежный капитал и, наоборот, денежного капитала в недвижимость, а также необходим и переход земли из рук в руки.

Таким образом, причины кризиса заключались в переходе от натурального хозяйства к денежному с обширным рынком и в несоответствии старых, унаследованных от прошлого, форм землевладения новым условиям экономического развития страны.

Наконец, надо заметить, что и перемены в размерах владения и мобилизация земельной собственности обнаруживали то же влияние новых экономических условий и, в свою очередь, содействовали хозяйственному упадку старинных областей государства.

В отношении размеров владения важно прежде всего то, что вторая половина XVI века унаследовала от предшествующего времени значительное количество крупных родовых вотчин бывших великих и удельных князей— ростовских, белозерских, ярославских, стародубских, твер-

ских, нижегородских, рязанских [1]). Эти вотчины—чисто удельные, феодальные по своему типу—были мало приспособлены к новым хозяйственным условиям, эксплоатировались по натурально-хозяйственным, старинным преданиям—многие из них, напр., раздавались в поместное держание „послужильцам" князей [2])—и потому неудержимо разлагались,—передавались в монастыри, продавались и захватывались, конфисковались правительством, особенно Иваном Грозным [3]). Здесь обнаруживалось таким образом новое противоречие между землевладельческими порядками и общими экономическими условиями, сыгравшее, естественно, свою роль в земледельческом кризисе.

Затем параллельно процессу разложения крупнейших княжеских вотчин феодального типа шел другой процесс—измельчания многих вотчин и поместий. И характерно, что когда это измельчание заходило довольно далеко, когда поместья и вотчины оказывались по размерам меньше 175 десятин в каждом поле, т.-е. приблизительно пятисот с чем-нибудь десятин в трех полях, то хозяйство велось хуже, чем в более крупных владениях в 600, 700, 1.000, 1.500 десятин [4]): этот последний тип владения, не столь несообразно крупный, как старая феодальная вотчина, и вместе не чересчур мелкий, только еще слагался в изучаемое нами время. В результате и здесь наблюдаем обстоятельства, влиявшие в том же разрушительном направлении, приводившие к тому же хозяйственному упадку.

В том же направлении, наконец, действовала и мобилизация земельной собственности, сильно увеличившаяся во второй половине XVI в. вследствие обострившейся под влиянием перехода к товарному хозяйству нужды

---

[1]) *Рождественский*, К истории княжеского землевладения в северо-восточной Руси в XVI в.: „Записки Рус. Археолог. Общ.", т. VIII, вып. 1 и 2, новая серия, Спб. 1896, стр. 2—15; *Рождественский*, Служилое землевладение, стр. 161 и след.

[2]) *Лаппо*, Тверской уезд в XVI в.; *Платонов*, Очерки из истории Смуты, стр. 133.

[3]) *Рождественский*, Служилое землевладение, стр. 161 и след.; *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 460—471 (влияние вмешательства правительств. власти).

[4]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 462—465.

в деньгах. Вопреки мнению некоторых исследователей, напрасно утверждавших, что не было никакой мобилизации, кроме перехода служилых вотчин в руки монастырей [1]), факт быстрого и сильного передвижения земельной собственности твердо устанавливается писцовыми книгами. Так, в Московском уезде в 20 лет около половины всех вотчин перешло к чужеродцам, в Коломенском в такой же срок та же участь постигла свыше 40% вотчинных владений, а в Тверском уезде в 6 лет перешли в чужие руки более 30% служилых вотчин [2]). Не менее поучительны и наблюдения над переходом служилого вотчинного владения в руки монастырей. Конечно, на росте монастырского землевладения сказывались в значительной мере старые, удельные, феодальные, натурально-хозяйственные предания: земли давались монастырям в виде вклада, потому что при натуральном хозяйстве земля — единственная значительная реальная ценность, тогда существовавшая. Но наряду с этим теперь, при новых условиях хозяйства, наблюдаются другие способы увеличения монастырского землевладения, иногда являющиеся видоизменением старого вклада, приспособленным к новым обстоятельствам. Троицкий Сергиев монастырь приобрел в XVI в. по крайней мере $^2/_3$ своих владений, при чем большая их часть досталась монастырю во второй половине столетия [3]). И именно в это время встречается нередко продажа, залог земли и вклад с денежной „сдачей", т.-е. замаскированная продажа, так как вкладчик, отдавая свою вотчину, получал от монастыря известную сумму денег [4]). Характерно, что все эти новые явления относятся почти исключительно к уездам, где наблюдается упадок хозяйства во второй половине XVI в., и что история троицких вотчин типична для истории землевладения других монастырей [5]). Ясно, что мобилизация вотчинных земель,

---

[1]) *Сергеевич*, Пересмотр истории служилого землевладения: „Северный Вестник" за 1897 г., № 11, стр. 73, 75.

[2]) *Рожков*, Сельск. хоз., стр. 451.

[3]) Там же, стр. 406.

[4]) Там же, стр. 408—415.

[5]) Там же, стр. 408—415, 420 и след.

будучи признаком хозяйственного кризиса, сама увеличивала этот кризис, разрушая установившиеся прежде способы и формы хозяйствования.

Это приводит нас естественно к изучению этих способов и форм, замены старых форм новыми, приспособляющимися к новым экономическим условиям.

V.

Формы хозяйства.

В приведенных выше фактах и соображениях о росте обрабатывающей промышленности и о развитии торговли в Московском государстве второй половины XVI века попутно отмечены были все существовавшие тогда формы хозяйства в этих отраслях экономической деятельности: мы наблюдали там и домашнее производство для собственного потребления производителей, и ремесло и мелкое кустарничество—работу по заказу и на продажу из собственных лавок, и товарно-кустарное производство или „домашнюю индустрию", организуемую скупщиками, обслуживавшими своей посреднической деятельностью обширный, иногда национальный, подчас даже и международный рынок, и, наконец, даже зарождение фабричного производства. Понятно, в какой неразрывной связи все это — особенно товарно-кустарное производство и фабрика—находится с переходом к товарному хозяйству вообще. Теперь нам остается характеризовать формы сельскохозяйственной деятельности, основной в то время.

В этом отношении выделяется особо Север и некоторые прилегающие к нему окраины других областей страны: здесь, как мы видели, добывающая промышленность—охота и рыболовство продолжали господствовать,—и сильнее, чем где-либо, были предания натурально хозяйственные; понятно, что поэтому даже в конце XVI века сохранялись архаические формы хозяйства. Прежде всего во всех северных уездах, где было даже владельческое хозяйство—служилое, монастырское, архиерейское, царское, — нет барщины, везде господствует попрежнему оброчная система. Единственный пример

барщины встречаем—и то лишь в 50-х годах—в Белозерском уезде в дворцовой волости Иванов Борок, но и здесь барщина отбывалась не на пашне, а состояла в том, что крестьяне „били ез“ на царя [1]), т.-е. ловили зимой рыбу. В остальных случаях за пользование землей везде на Севере крестьяне платили оброк. Другими остатками старины в области форм хозяйства были в Северной области половничество [2]), подворничество—наем на земледельческую работу из платы натурой [3]), складничество, соседство и сябринство. Надо притом заметить, что нередко встречалась совместная разработка полей всеми складниками без раздела их между ними: земли были „вместе не в делу“ [4]). Но можно наблюдать и весь процесс разложения складства: временный раздел, когда земля оказывается „за межами, а не в росписе“ [5]) и окончательный раздел, при чем иногда и в результате его получается не индивидуальное владение, а складство же, но более узкое: до нас дошла, напр., от 1572 г. деловая грамота семерых сольвычегодских складников, поделивших свою землю на четыре части, и некоторыми из этих частей стали владеть двое—трое складников, между тем раздел тут был окончательный: делившиеся взаимно обязались „после сево делу тех земель не верстати“ [6]). Насколько распространена была эта форма нераздельного ведения хозяйства,—видно из писцовой книги Обонежской пятины 1565 г.; там „суседи“ числятся в 143 дворах, при чем они редко встречаются в монастырских вотчинах, где их всего 10 человек; еще реже на поместной земле—там их только 3,—характерными же являются именно для земель черных, крестьянских, на которых значатся в числе 130 [7]).

Все эти остатки удельной хозяйственной старины естественны и понятны. Однако, нельзя сказать, чтобы

---

[1]) Акты Юридич., № 228.

[2]) *Ефименко,* Исследования народной жизни, стр. 278, 280; *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 164—165.

[3]) *Рожков,* Сельск. хоз., стр. 165—166.

[4]) Там же, стр. 166.

[5]) Там же, стр. 167.

[6]) Там же, стр. 494—495.

[7]) Там же, стр. 167.

все формы хозяйства на Севере сводились к ним одним. Дело в том, что уже и здесь совершавшийся тогда переход к денежному хозяйству до известной степени сказывался. С образованием сельскохозяйственного рынка в тех частях Северной области, в которых земледелие было значительно, наблюдаются новые явления: растет барская и холопская пашня, и появляется барщина, но только пока не крестьянская, а холопская; новые экономические условия ведут к появлению несвободного труда, и пока этот труд холопов — полных и кабальных — и является единственной формой работы на барской пашне. Кроме отдельных упоминаний о „дворах людских" или „служних" или на монастырских землях „детенышевых" (детеныши — монастырские холопы), мы имеем указание, напр., писцовой книги Обонежской пятины 80-х годов, что там около 8% всех дворов составляли дворы холопские[1]). Особенно сильно развивали собственную барскую запашку некоторые северные монастыри[2]).

Если таким образом даже на Севере сказывалось отчасти влияние новых общих хозяйственных условий, то в остальных областях государства это влияние проявлялось в полной силе, и потому и в формах сельскохозяйственного производства здесь было много нового.

Прежде всего наблюдается рост барской запашки, „боярской" и „монастырской пашни", как ее называют источники. Судя по отдельным случаям, сведения о которых до нас дошли, 16, 35, 38, даже 56% всей запашки в служилых землях находились под боярской пашней[3]). В дворцовом селе Буйгород Волоколамского уезда еще в 40-х годах на государя пахали 170 дес. в каждом из трех полей[4]). Патриарх Иов в 1590 г. во всех патриарших — бывших митрополичьих — землях ввел барскую, патриаршую запашку[5]). И на монастырских землях по мере приближения к концу века везде заводится редко где существовавшая монастырская пашня. Так, в мона-

---

1) Там же, стр. 167.
2) Там же, стр. 158—160.
3) Там же, стр. 129—130.
4) Там же, стр. 131.
5) Там же, стр. 132.

стырских имениях Московского уезда, по писцовой книге 1573 г., монастырская пашня занимала уже более 26% всей запашки [1]), у Троицкого Сергиева монастыря в Юрьево-Польском уезде она составляла в 90-х годах 29½% [2]), а у Троицкого Киржацкого монастыря в Переславль-Залесском уезде даже около 42% [3]) и редко где в конце столетия спускалась ниже 12% [4]). Все данные, сейчас приведенные, относятся к Центральной области. Еще резче выражен рост барской запашки в Степи: в Каширском уезде 70-х годов крестьянские дворы составляли всего 63% общего числа дворов, остальные были помещичьи и холопские, при чем в 161 имении не было совсем крестьян и, следовательно, могла существовать только барская и холопская пашня [5]); в Тульском уезде крестьянских дворов в 1587 г. было менее половины—всего 48%—всех дворов [6]), а в Орловском они составляли даже только около 46% [7]).

Параллельно росту размеров барской пашни шло развитие крестьянской барщины, или „изделья", как ее именуют обыкновенно наши источники. Так, патриарх в 1590 г. ввел изделье в своих имениях [8]), в 90-х годах у Троицкого Сергиева монастыря в его дмитровских вотчинах 191 крестьянская выть (выть — участок крестьянской земли, обложенный владельческими платежами или повинностями) отбывала барщину, и только 104 выти платили оброк [9]). В Ростовском уезде в то же время у того же монастыря 52 выти были на барщине и 89½ вытей на оброке [10]) и т. д. Надо, однако, заметить, что, как ни заметно развитие крестьянской барщины во второй половине XVI века, все же не следует его преувеличивать: этот процесс только начался тогда, но еще не развернулся во всю ширь.

---

[1]) Там же, стр. 135.
[2]) Там же, стр. 136.
[3]) Там же, стр. 136.
[4]) Там же, стр. 135—137.
[5]) Там же, стр. 177.
[6]) Там же, стр. 177.
[7]) Там же, стр. 180.
[8]) Там же, стр. 154.
[9]) Там же, стр. 154.
[10]) Там же, стр. 154.

Гораздо важнее была третья перемена, опять-таки обязанная своим существованием переходу к товарному хозяйству: это—постепенная замена половничества и посопного хлеба, т.-е. натуральных владельческих поборов, денежной арендой, оброком в денежной форме. Некоторые относящиеся сюда факты, наиболее характерные и яркие, приведены были выше, когда шла речь о развитии денежного хозяйства, и потому здесь нет нужды их повторять.

Говоря о формах хозяйства, нельзя особо не остановиться на размерах запашки на двор и на тех изменениях, которые с течением времени совершались в этом отношении. Писцовые книги дают нам и здесь достаточно обильный и показательный материал. Согласно данным этого материала, по величине средней запашки на земледельческий двор совершенно особняком стоит только одна область — Степь: там в последние десятилетия XVI века средняя норма запашки доходила до 3 десятин в каждом поле [1]). Что касается остальных областей государства, в особенности двух старинных— Центра и Новгородско-Псковского края, — то в них с 70-х годов наблюдается весьма сильное сокращение средних размеров запашки на двор: тогда как раньше пахали в среднем 3, 4, даже 5 десятин в каждом поле, с этого времени запашка не превышает обыкновенно полутора десятин, понижаясь иногда до одной десятины и менее и редко повышаясь до двух и более десятин [2]).

Таким образом изучение форм хозяйства приводит к заключению, что под влиянием новых условий и их столкновения с наследием прошлого и в соответствии с переменами в технике хозяйства, и в данной области экономической жизни наблюдались новые и далеко не всегда благоприятные изменения: увеличивалась барская пашня, крестьянская барщина, несвободный труд, денежный оброк, сокращались средние размеры запашки на двор. Не трудно подметить здесь влияние и перехода к денежному хозяйству, и разброда населения, и упадка техники хозяйства, и хищнических приемов хозяйствования, словом—кризиса, потрясения.

---

[1]) Там же, стр. 182, 184—185.
[2]) Там же, стр. 144—153, 194—199.

VI.

Распределение хозяйственных благ.

Решение вопроса о распределении хозяйственных благ, если по состоянию источников и по разработке его в литературе можно на него ответить более или менее удовлетворительно, может дать чрезвычайно важный материал для дальнейших научных построений и выводов: распределение хозяйственных благ—это резюме того, что представляет собою народное хозяйство, и переходная ступень к социальному строю, промежуточное звено между экономическим бытом и устройством общества.

В специальной литературе делались попытки осветить вопрос о распределении хозяйственных благ в России XVI века, при чем иногда [1]) обнаруживалось стремление одной из частностей этого распределения, именно повышением государственных податей, объяснить отлив населения на окраины и связанный с этим кризис.

Что касается повышения податей, то указанному сейчас взгляду противопоставлен был другой: именно было вычислено, что при самых неблагоприятных для плательщиков предположениях в начале XVI века все денежные подати составляли с сохи 7 руб. (остальное отбывалось натурой), с 50-х до конца 80-х годов 42 руб., с конца 80-х и в 90-х годах 151 руб. Если перевести эти цифры на цифры, выражающие стоимость этих сумм в наших довоенных деньгах, то получается соответственно: для начала столетия 658 руб. (1 руб. = 94 руб. нашим), для 50-х—80-х годов 1.050 руб. (1 руб. = 25 руб.),

[1]) *Соколовский*, Экономический быт земледельческого населения России, Спб. 1878, стр. 265.

для 90-х — 3.775 руб. (1 руб. = 25 руб. наших) [1]). Тут важно, что реальное повышение обложения совершилось в конце 80-х и в 90-х годах, т.-е. позднее, чем произошел кризис, а ведь причина должна существовать раньше следствия. А затем недостаточно еще разрешить вопрос о том, повысились ли налоги или нет: надо еще уяснить себе, было ли невыносимым или, по крайней мере, очень тяжким для масс населения такое повышение.

Но прежде, чем решить этот второй вопрос, надо познакомиться с высотой владельческих оброков в XVI веке. В то время существовали три формы владельческого оброка: 1) долевая—натуральная, долей урожая, 2) натуральная „поспом“ или „посопным хлебом“, т.-е. хлебом в определенном количестве мер, 3) денежная. Изучая по писцовым книгам сравнительную высоту оброка первой формы, т.-е. долей урожая, в разные годы XVI века, можно подметить одно общее явление: тогда как в конце XV и в начале XVI века преобладали платежи половиной урожая, или, как тогда говорили, крестьяне давали землевладельцам „из хлеба половье“,—по мере приближения к концу столетия эта высшая норма долевого оброка стала все чаще и чаще заменяться дачей трети, четверти и даже пятой части урожая. Правда, отсюда нельзя еще заключить о понижении долевого оброка к концу XVI века сравнительно с его началом, потому что, сокращая долевой натуральный оброк, землевладельцы брали за то добавочные сборы посопным хлебом и деньгами, так что этими добавочными сборами вполне уравновешивалось уменьшение долевой нормы [2]). Таким образом, говоря вообще, реальное значение оброка долею урожая оставалось все время неизменным. К такому же выводу о неизменности второй формы оброка — посопным хлебом,—как показывает ближайшее, детальное исследова-

[1]) *Рожков,* Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 221—234. Цифры эти для второй половины века скорее надо уменьшить, чем увеличить, так как, по новейшим исследованиям, служилые земли чаще всего в виде трех прямых налогов платили по 20 руб. с сохи в среднем, а дворцовые вносили от 30 до 70 р. с сохи, не считая, разумеется, посопного хлеба, бывшего частновладельческим, негосударственным сбором: см. *Веселовский*, Сошное письмо, т. I, стр. 107, 110, 142.

[2]) *Рожков.* Сельск. хоз., стр. 242—243.

ние [1]), приводит и разбор относящихся сюда данных. Что касается, наконец, денежного оброка, то вот самые характерные данные: в конце XV в. нормальным в Шелонской и Вотской пятинах Новгорода был оброк в 55 денег с обжи, в 30-х и 40-х годах он равнялся 70 слишком деньгам, а в 80-х и 90-х—1 руб.—$1^1/_2$ руб., т.-е. 200 или 300 деньгам [2]). Итак, номинально денежный оброк повысился, но так как рубль на наши деньги соответственно стоил 94, 75 и 25 руб., то реального возвышения денежного оброка почти не было, ибо в наших деньгах приведенные цифры выразятся так: сначала 5.170 денег, потом 5.250, наконец, 5.000—7.500 денег. Таким образом оброк, если и повысился, то меньше, чем государственное обложение, чаще же всего совсем не повышался.

Было ли невыносимо повышение податей? Ответить на это можно, лишь попытавшись определить средний крестьянский бюджет того времени. Урожай крестьянина Центральной области при средней запашке в 1—$1^1/_2$ дес. в каждом поле равнялся 12—18 четв. ржи и 16—24 четв. овса (четверти—древние, вдвое меньшие, чем нынешние) [3]). Из этого урожая надо отделить для посева 2—3 четв. ржи и 4—6 четв. овса [4]). Затем на пропитание средней крестьянской семьи из жены, мужа и двоих детей необходимо, по современным нашим исчислениям, 18 пудов на человека [5]), всего 72 пуда, что, при весе четверти XVI в. в $4^2/_3$ пуда [6]), составит более 15 четв. разного хлеба; допустим, что из них 10 четв. приходилось на рожь и 5—на овес [7]). В таком случае у центрального крестьянина, за вычетом семян для посева и потребительного запаса, при запашке в одну десятину в каждом поле, ржи не оставалось совсем, а овса оставалось 7 четвертей, а при запашке в $1^1/_2$ дес., ржи—5 четв.,

[1]) Там же, стр. 244 и след.
[2]) Там же, стр. 247 и след.
[3]) Там же, стр. 259.
[4]) Там же, стр. 260.
[5]) Принимаем норму, на которой настаивает *Огановский*, Закономерность аграрной эволюции, ч. 2, стр. 126.
[6]) *Ключевский*, Русский рубль XVI—XVIII в., стр. 10.
[7]) Такое приблизительно соотношение потребления существовало в XVI в.: см. Сельск. хоз. Моск. Руси в XVI в., стр. 260—261.

овса—13 четвертей. Так как четверть ржи стоила во второй половине XVI в., в среднем, 30 денег московских, а четверть овса 20 денег [1]), то при переводе этого остатка на деньги получится у крестьянина с одной десятиной 140 денег, а с полутора десятинами 410 денег (150 ден. от ржи и 260 ден. от овса). Подати ложились на одну десятину тяжестью в 94 деньги, а оброки землевладельцам—в 60 денег [2]); на $1^1/_2$ десятины это составит для податей 141 ден., для оброков 90 денег. Значит, при остатке в 140 денег малоземельный крестьянин Центра должен был уплатить государству и землевладельцам 154 деньги, т.-е. получался дефицит в 14 денег, а более обеспеченный землею крестьянин той же области имел остаток в 410 денег, а уплатить должен был 231 деньгу, так что у него был небольшой избыток. Положение крестьян на окраинах, особенно в Степи, где участки были гораздо крупнее, было, разумеется, лучше.

Приведенные сейчас расчеты [3]) убеждают в том, что подати и оброки были невыносимы лишь в случае особого измельчания участков, что как раз имело место в Центре и в области Новгорода и Пскова. В общем и целом, следовательно, крестьяне старых областей государства беднели, разорялись. Меру их разорения увеличивало еще одно важное обстоятельство—перевод податей, повинностей и оброков из натуральной формы в денежную, перестройка хозяйства в товарное. Такой переход к новому хозяйственному строю всегда труден и тяжел. Особенно тяжел он был для малоимущих слоев населения, для крестьянской массы.

---

[1]) Там же, стр. 261, 206—210.

[2]) Там же, стр. 262.

[3]) При этих расчетах, как отчасти и выше указано, приняты во внимание и критические замечания, сделанные по поводу вычислений, произведенных в книге о сельском хозяйстве Моск. Руси в XVI в. Изложенное в тексте показывает, в какой мере справедливы и в какой неверны замечания *Сташевского,* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. 1-я, стр. 37—38, прим. 2 и 4.

VII.

Устройство общества.

Исследование экономического быта Московской Руси второй половины XVI века ставит вне сомнения тот основной факт, что в этой области общественной жизни произошел тогда решительный сдвиг, совершилась целая революция. Конечно, в то время эта революция переживала лишь первый момент своего развития, произошел лишь начальный надлом, завершение начавшегося критического процесса было еще делом будущего.

Результатом явилось разложение старых общественных отношений и связей, разрушение феодального или удельного строя общества—опять-таки начальное, незавершенное, незаконченное, тем более не сопровождавшееся еще сколько-нибудь цельным планомерным строительством нового общества: и здесь те же надломы и те же порывы вперед и в отношении классовом и в сословном. Ничего еще не устоялось, ничто не определилось с полною точностью и ясностью, все находилось в брожении.

Классовая сторона устройства общества во многом ясна уже из предшествующего изложения. Здесь наряду с остатками старого, еще сильными и многочисленными, наблюдается много нового. Старое феодальное вотчинное землевладение, обширное и нескладное, часто чересполосное, разбросанное, натурально-хозяйственное по своему характеру, долго сохранялось и служило экономической основой класса крупнейших землевладельцев прежнего типа. Класс этот был еще силен, но его былое могущество подрывалось и переходом к денежному хозяйству, потребностям которого не соответствовало

5*

феодальное землевладение, и экономическим кризисом, постигшим центр государства,—ту именно территорию, где больше всего находилось бывших удельных владений. Отсюда произошла непрочность этих владений, здесь был исходный пункт их разрушения, следовательно, и начавшегося падения класса крупнейших землевладельцев феодального типа. Это выразилось, с одной стороны, в массовой мобилизации крупнейшей земельной собственности, в переходе ее путем продажи, залога и вклада в разных его формах в руки монастырей и новых светских владельцев, сумевших более приспособиться к новым хозяйственным явлениям, с другой—в опричнине Ивана Грозного, давшей, как увидим, огромную встряску именно феодальному владению.

На смену начавшего колебаться недавнего господина положения стал выдвигаться новый класс, основным, наиболее важным элементом которого были новые крупные и средние землевладельцы, приспособившиеся уже отчасти к условиям слагавшегося сельскохозяйственного рынка. Они должны были в будущем явиться господствующим классом, но во второй половине XVI в. их будущая мощь только еще начинала слагаться и сплошь и рядом выливалась еще в полуфеодальную, плохо приспособленную к новым хозяйственным условиям форму поместной системы.

Класс новых служилых землевладельцев имел свои низы—малоземельную служилую массу, особенно многочисленную на южной окраине государства. Полуслужилые—полукрестьяне, эти мелкие землевладельцы, будущие однодворцы, сплощь и рядом сами, одни обрабатывавшие землю, являлись переходной ступенью от крупных и средних землевладельцев к крестьянам-собственникам, своеобразною, служилою формой свободного, полноправного, даже привилегированного крестьянства на юге.

Крестьяне-собственники сохранились во второй половине XVI века только на севере и отчасти еще в Прикамском крае. Этот слой населения, зажиточный, крепкий, уцелел лишь там, где сохранила и в новых условиях вес добывающая промышленность, в особенности охота за зверем, дававшим меха, и рыболовство. Именно

поэтому крестьяне еще могли в значительной своей части на северной и северо-восточной окраинах сохранить свою хозяйственную самостоятельность и собственную землю, которая под именем „черной“, юридически, впрочем, признавалась уже собственностью государя, т.-е. государства. Здесь было зерно важных ограничений и стеснений в будущем свободы и северного крестьянина, но то было еще впереди, пока же иной крестьянин севера был далеко зажиточнее любого служилого мелкого землевладельца юга.

Но большая часть крестьянства, даже подавляющее его большинство уже жило не на черной, а на владельческой земле,—дворцовой, частновладельческой и церковной. Крестьянство стало безземельным, превратилось окончательно в класс арендаторов чужой земли. Кризис и обостренная переходом к товарному хозяйству нужда в деньгах больно ударили по безземельной крестьянской массе, большею частью разорили ее и сдвинули с места, бросили в колонизационное движение. Бродячие элементы, пауперы, бедняки, которым нечего терять, и раньше бывшие в значительном числе, теперь сильно умножились. Наиболее предприимчивые из них пошли на юг и далее—на Дон и Яик, где положили основание донскому и яицкому казачеству: там еще можно было вольно, захватно владеть землей, промышлять рыбой, зверем, солью, разбоем, устраиваться по своей воле, в формах полуанархической демократии.

Оставляя пока в стороне церковь и духовенство,о которых пойдет речь особо, остается отметить еще росшее в то время значение посадского, городского населения, не столько ремесленников, сколько торговцев, купцов, скупщиков и прасолов всякого рода. Новые хозяйственные условия выдвигали их на более видные места, чем прежде, в особенности выделяли наиболее крупных торговцев, во всяком случае сильно расслояли в классовом отношении городское население: наряду с богачами и среднесостоятельными „людьми черных сотен и слобод“, при чем ремесленно-торговые слободы на посадах нередко принадлежали и частным владельцам—светским и духовным,—наблюдается и многочисленная городская беднота,—мелкие торговцы и ремесленники и всякого

рода „работные люди“—дворники, захребетники, подворники, мелкий чернорабочий люд.

Общий характер классовых отношений в Московском государстве второй половины XVI века таким образом ясен: все общественные силы пришли в брожение, старые силы стали рушиться и разлагаться, новые едва начали еще строиться, организовываться. Задача организации во имя защиты своих классовых интересов, приспособления к новым хозяйственным условиям и составляла основу сословного устройства общества, основные элементы которого стали намечаться также во второй половине XVI века в развитие тех юридических связей и отношений, которые в слабой форме зародились, как мы видели в свое время, раньше, при чем немало было еще и прямых остатков удельной или феодальной старины.

Главным из этих остатков был принцип „отечества“, наследственности прав и общественного положения, принцип чисто аристократический, феодальный, удельный. Его значение ясно сказывалось в делении служилого класса или дворянского сословия, начинавшего складываться, на чины,—общественные состояния, юридически между собою различающиеся.

Первым чином было боярство. Чтобы понять его права и преимущества в начале второй половины XVI в., надо прежде всего присмотреться к его составу и происхождению. С 1505 по 1593 год в Московском государстве боярами были всего 200 человек, из которых 130, или 65%, происходили от бывших великих и удельных князей и только 70, т.-е. 35%, были не княжеского происхождения [1]. Уже это показывает, что боярство по составу своему было высшим слоем сохранившейся от удельного периода феодальной аристократии. Это подтверждается еще и тем важным наблюдением, что в XVI веке заметно деление боярских фамилий на два разряда—высший и низший: члены фамилий низшего разряда могли сделаться боярами, лишь пройдя ранее звание окольничего, члены фамилий высшего разряда становились прямо боярами, без предварительного полу-

---

[1]) *Ключевский*, Боярская Дума древн. Руси, изд. 2-е, стр. 231.

чения чина окольничего. К высшему разряду уже в подавляющем большинстве принадлежали именно потомки великих и удельных князей: таковы были князья Ростовские, Пенковы-Ярославские, Пронские, Микулинские, Шуйские, Воротынские, Мстиславские, Глинские, Щенятевы и их родичи Булгаковы со своими ветвями Голицыными и Куракиными, Оболенские-Репнины и Оболенские-Серебряные. В эти сливки удельной знати лишь в виде редкого исключения попадали некоторые из старых слуг московских великих князей — Воронцовы, Бутурлины, Челяднины, наконец, две ветви фамилии Кошкиных—Яковлевы и Юрьевы.

Вторым чином было окольничество. Для одних лиц и фамилий оно было начальной ступенью их сословного положения, переходом к боярству, для других—конечным, высшим пределом, которого можно было достигнуть. С 1505 по 1594 год было 140 окольничих; из них князей—30 с небольшим, менее 23%, остальные 77% были не из княжеских фамилий, но все же главным образом из старых слуг московских великих князей; лишь 14—15% числа всех окольничих выслужились из низших состояний [1]).

Третий чин—думное дворянство. В состав его входили многие бывшие удельные князья и старинные слуги московских государей, уступавшие по службе предков тем, кто сразу становился боярином [2]). Здесь процент выслужившихся из низов общества был уже выше, чем процент таковых в числе окольничих, тем более бояр. Служба—заслуга и выслуга—играли здесь несколько бо́льшую роль, чем знатность происхождения, хотя и эта знатность была еще важна.

Бояре, окольничие, думные дворяне—это чины думные, важнейшим юридическим отличием которых в отношении корпоративных, общественных прав, в области публичного права было право участия в Боярской Думе, высшем государственном учреждении. Совершенно ясно таким образом, что „отечество“, аристократический принцип знатности происхождения имел главное, самое важ-

---

[1]) Там же, стр. 233, 234.
[2]) Там же, стр. 239, 240.

ное значение в составе высшего управления. Но уже из сказанного видно, что, будучи главным, самым важным, это значение знатности не было единственным: родовитость сочеталась со службой, потому что, во-первых, и при „отечестве“ учитывалась служба предков, их служебное положение в Московском княжестве удельного времени, во-вторых, и думных чинов, хотя и редко, достигали люди неродовитые, в третьих, были неродовитые люди—„из поповичей и простого всенародства“ [1])— попадавшие в Боярскую Думу в виде четвертого думного чина, думных дьяков, необходимые как опытные администраторы, организаторы, дельцы, которых часто не оказывалось в числе знатных людей, в четвертых, наконец, и некоторые старые слуги московских государей и даже некоторые князья были служебными условиями отодвинуты еще ниже и образовали недумный чин „детей боярских“, т.-е. потомков бывших удельных бояр, не дослужившихся до думных чинов, отодвинутых своими более счастливыми собратьями в рядовую служилую массу. Таким образом, наряду с феодальным принципом родовитости выдвигался созданный новыми условиями новый принцип сословного строя,—принцип службы, заслуги и выслуги, служебной годности, личной энергии, инициативы, усердия. Понятно, как тесно он связан с новыми хозяйственными обстоятельствами: зародившееся и делавшее первые успехи денежное или товарное хозяйство именно воспитывало эту инициативу, энергию, служебную годность, необходимую для новой экономической организации.

Вот почему интересы службы вызвали к жизни и дальнейшие изменения в делении служилого класса на чины: эти изменения уже не наследие прошлого, а создание новых обстоятельств.

Пестрая масса московских и провинциальных детей боярских, единственного сначала недумного чина, требовала дифференциации юридической, так как она была и экономически дифференцирована, хозяйственно не однородна, и так как в ее собственных интересах не-

---

[1]) Слова князя Курбского: см. *Устрялов*, Сказания князя Курбского.

обходимо было распределить служебную тяжесть между отдельными ее частями и слоями в соответствии с их состоятельностью и служебной способностью. Отсюда и вышли новые подразделения, новые недумные чины.

Первый шаг в этом направлении был сделан в октябре 1550 года; особым указом из детей боярских разных городов с их уездами были выбраны 1050 человек „лучтих слуг“, чтобы им „быти готовыми в посылки“, и им даны поместья в Московском уезде не дальше 70 верст от Москвы, при чем этот новый разряд детей боярских был разделен на три разряда или „статьи“: первая статья получила поместья 200 четвертей или 100 десятин в каждом поле, вторая 150 четв. (75 дес.), третья—100 ч. (50 дес.) [1]). Всем этим вновь выделенным детям боярским была составлена особая роспись, так называемая „Тысячная книга“ [2]). Это признак выделения нового чина,—дворян выборных или „по выбору“, а вовсе не столичного недумного чина дворян московских, как думают некоторые [3]). На это указывает самое происхождение данного чина: он был именно выбран, „прибран“.

От 1563 года до нас дошла разрядная книга, т.-е. запись служебных назначений похода Ивана Грозного на Полоцк, принадлежавший тогда Литве. В этой книге мы наблюдаем уже совершившееся, очевидно, раньше дальнейшее расчленение столичного дворянства. В ней значатся такие чины московские: стольники, стряпчие, „с Москвы дворовые“, жильцы, дворяне выборные [4]). „С Москвы дворовые“ это, очевидно, дворяне московские. Происхождение московских чинов из дворцовой службы, кажется, достаточно ясно: в удельное время „с Москвы дворовые“ — очевидно, служили при дворе, жильцы— жили для мелких услуг во дворце, как показывают и позднейшие данные, особенно XVII века.

Дворяне выборные были потом сделаны высшим разрядом провинциального или городового дворянства.

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 225.

[2]) Временник Общ. Ист. и Др. Росс., кн. XX.

[3]) *Ключевский*, Состав представительства на земских соборах древней Руси: „Рус. Мысль“ за 1890 г., № 1, отд. стр. 160.

[4]) Там же, стр. 157.

И это последнее, по крайней мере с 70-х годов, если не раньше, разделено было на три разряда: дворян выборных или „по выбору“, „выбор“ дворовых детей боярских или городовых дворян, городовых детей боярских [1]). Надо, впрочем, заметить, что деление на дворовых и городовых детей боярских встречается уже в указе 1550 года [2]).

Таким образом в 50-х и 60-х годах XVI в. сложилось такое деление военно-служилого состояния в Московском государстве: во-первых, четыре думных чина—бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки, во-вторых, четыре столичных недумных—стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы; в третьих, чины провинциальные, которых было три—дворяне по выбору, городовые дворяне и дети боярские. Лестница, скала, московских служилых чинов была выработана, значит, окончательно именно в изучаемое нами время, при чем в основу этой выработки положено было сочетание принципов родовитости и служебной годности, с перевесом первого принципа в высших разрядах или чинах и с усилением значения и, наконец, полным торжеством второго в низших чинах.

Исключительно служебным принципом определяется, наконец, появление особого разряда служилых людей, являвшегося уже переходным от служилого состояния к тяглому,—так называемых „служилых людей по прибору“ — стрельцов или пищальников, пушкарей, затинщиков, воротников и пр. Они „прибирались“ или набирались из всех состояний и общественных групп, главным образом из тяглых людей городских и уездных и из „вольных гулящих людей“, неустоявшегося, бродячего элемента населения, довольно еще многочисленного в то время.

Что же отличало юридически все эти чины служилые и было ли что-либо, что их объединяло, составляло из них одно правовое целое—сословие?

---

[1]) *Сторожев*, Десятни XVI века: „Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции“; кн. VIII, М. 1891.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 225: „а всех детей боярских..., дворовых и городовых“.

Все разряды или чины служилых людей „по отечеству“ и даже служилых людей „по прибору“ объединялись в юридическое целое, в сословие признаком службы, главным образом военной, но не одной уже военной: недаром указ 1550 г. говорит о разного рода „посылках“, да и в первой половине XVI в. была уже, как нам известно, губная служба. Наглядным свидетельством о службе, как организующем сословном принципе служилых людей по отечеству, являются десятни—документы, организующие дворянскую службу. Десятни были разборные, верстальные и денежной раздачи, при чем часто все три назначения соединялись в одной десятне, т.-е. она была записью результатов разбора, пересмотра служебной годности местного дворянства и его обеспечения землей и людьми с установлением, как должен он вооружаться и сколько должен привести с собой людей на службу, должен ли он служить сам пешим или конным, и „конны“ ли и „оружны“ ли и в какой мере „оружны“ должны быть приводимые им на службу люди; затем десятня была записью верстанья поместными и денежными окладами жалованья старых служилых людей и вновь поспевших на службу—„новиков“; наконец, она была основанием для раздачи денежного жалованья [1]), которое во второй половине XVI в. давалось двояко: служилым людям высших чинов ежегодно „из чети“, т.-е. из особых приказов—четей или четвертей, почему эти служилые люди и назывались „четвертчиками“ или „емлющими из чети“, а служилым людям низших чинов жалованье выдавалось не каждый год,—раз в два, три, в четыре года, и они назывались „емлющими с городом“ [2]).

Чьими и какими именно интересами вызвана была эта организация службы, нашедшая себе столь яркое выражение в десятнях? Несомненно, интересами дворянской массы. Дворянство в массе было заинтересовано в том, чтобы иметь землю и рабочие руки для ее обработки. То и другое можно было приобрести и удержать лишь с помощью государственной организации. Но, чтобы

---

[1]) См. *Сторожев*, Десятни XVI в.: „Опис. докум. и бумаг Моск. Архива Мин. Юст.“, кн. VIII.

[2]) *Сторожев*. К вопросу о четвертчиках: „Ж. Мин. Нар. Пр.“ за 1892 г., янв., стр. 204—206.

эта помощь имелась налицо, необходимо было организовать государство, создать для него материальную силу. Часть этой задачи, наиболее важную, именно военную защиту государства, дворянство взяло на себя и, как показывают те же десятни [1]), с целью организации военных сил были созданы уездные дворянские корпорации, выбиравшие окладчиков, которые, под председательством назначенного из Москвы разборщика, верстали дворян на службу, „разбирали“ их, назначали им оклады, производили смотры, делили служилых людей на статьи сообразно достатку, назначали каждой статье определенное вооружение и т. д. Эта корпоративная организация служила интересам по преимуществу именно среднего и мелкого дворянства: для него было особенно важно, чтобы богатые и сильные бояре, окольничие и другие высшие чины не наваливали всей тяжести военной службы на дворянскую массу; выборные окладчики должны были предотвратить это.

Корпоративно-служебная связь между дворянами уезда выражалась в XVI веке еще и иным способом и опять-таки в отношении военной службы. Московская армия состояла из пяти „полков“ или корпусов; то были: „большой полк“, т.-е. центр армии, ее основное ядро, „правая рука“ — правый фланг, „передовой полк“ — авангард, „сторожевой полк“—ариергард и „левая рука“—левый фланг; во главе каждого полка стояли воеводы, а воеводам подчинены были головы, начальствовавшие над сотнями, отрядами, на которые распадался каждый полк и которые состояли сплошь из служилых людей данного уезда; головы назначались властью воевод, но при назначении воеводы руководились тем, кого уездные дворяне выбрали в сотенные знаменщики; из числа этих знаменщиков и назначались головы, а дворяне и дети боярские выбирали их обыкновенно из дворян, по выбору, высшего слоя уездного дворянства [2]). Головы были таким образом как бы до известной степени выборными военными предводителями уездного дворянства. Значение

[1]) *Сторожев.* Десятни XVI в.: „Опис. док. и бум. М. А. М. Ю.“, кн. VIII, стр. 1 и сл., 59 и сл., 76 и сл. и т. д.

[2]) *Ключевский,* Состав представительства на земских соборах; „Руск. Мысль“ за 1890 г., № 1 отд. 2, стр. 149—165.

этих голов и влияние дворянской массы на их подбор было тем больше, что, как увидим в свое время, головы являлись представителями интересов дворянства и на земских соборах XVI века [1]).

Наконец, дворянские местные корпорации, без сомнения, имели первенствующее, определяющее влияние и на состав губного управления, нам уже известного по предшествующему периоду, а также на состав органов земского самоуправления, о котором пойдет речь ниже. Таким образом корпоративная связь местного дворянства сказывалась и на организации общей администрации и суда, гражданской службы.

Все это создание новых условий. Но уже из сказанного видно, что сложность и трудность перехода к этим новым условиям, усиленная к тому же происшедшим при этом экономическим кризисом, заставила дворянство в собственных интересах для укрепления государственного союза выдвинуть на первый план в своей сословной организации специальную сословную обязанность—службу. Это делало из служилого состояния в Московском государстве крепостное сословие, обязанное службой государству. Так его и определяли до последнего времени выдающиеся исследователи русского исторического прошлого [2]).

В новейшее время против такого понимания выдвинуты возражения: указывают, что денежное жалованье, получавшееся служилыми людьми, было основным интересом, окупавшим обязанность службы [3]). Что денежное жалованье было важно для дворянства, что оно о нем хлопотало и достигало не раз его повышения,—это несомненно. Но при всем том нельзя думать, что оно окупало расходы по службе—по вооружению и содержанию служилых землевладельцев и их „конных и оружных“ слуг. Высший денежный оклад в 70-х годах был 14 руб.[4])—

---

[1]) Там же, стр. 166—167.

[2]) Установление этого взгляда принадлежит в особенности Чичерину („О народном представительстве“, „Опыты по истории русск. права“ и пр.) и Градовскому („История местного управления в России“).

[3]) *Покровский,* Русская история с древнейших времен.

[4]) *Сторожев,* Десятни XVI века: „Опис. док. и бумаг М. А. М. Ю.“, кн. VIII, стр. 46.

350 руб. на наши современные довоенные деньги в год. Это, конечно, немного. А кто получал низший оклад, принадлежал к чину „емлющих с городом“, т.-е. получал ничтожную сумму иногда раз в четыре года, да был еще новиком, т.-е. фактически получал только половину оклада [1],—для того жалованье окончательно было второстепенной поддержкой, далеко не искупавшей материальных жертв, связанных со службой. Вот почему надо признать совершенно неосновательным отрицание того положения, что в организации служилого дворянского сословия в Московском государстве принцип обязанности преобладал над правом, и что, следовательно, дворянство стало во второй половине XVI века крепостным сословием. Но, конечно, этим еще не опровергается теория классового интереса: нет, она остается в силе; просто дворянство того времени, этот новый, завоевывавший себе власть класс, проявило достаточную зрелость, здоровый классовый инстинкт, облагая себя службой, все—и в том числе свои права—ставя в зависимость от службы, определяя их ею. Это было тем более разумно и целесообразно, что, устраивая, организуя и охраняя извне и внутри новое дворянское государство, дворянство связывало по рукам и по ногам организацией службы феодальную аристократию, с которой оно боролось за власть. Время было критическое, революционное. Наложение на себя тягостей службы, необходимых для захвата власти и больнее всего ударявших как раз по противнику, являлось вполне по времени. И первенствующее значение службы в корпоративной организации дворянства служит лучшим доказательством этого в известном условном смысле крепостного положения дворянства.

Это крепостное положение не помешало, конечно, борьбе дворянской массы за общедворянские интересы и освящавшие их права против феодальной княжеско-боярской аристократии, т.-е. прежде всего борьбе за ограничение ее привилегий. Более того: именно крепостное положение, обязанность службы, лежавшая на дворянстве, являлось основанием для уничтожения при-

---

[1]) Там же, стр. 42.

вилегий знати. И вот мы наблюдаем последовательный и неуклонный процесс сначала ограничения, уменьшения, потом и полного сведения на-нет таких привилегий. Надо различать привилегии личные и имущественные.

Важнейшей личной привилегией боярско-княжеской аристократии было местничество. Сущность его тесно связана с феодальным принципом наследственности положения и должностей, с „породой“, „отечеством“. Прежде, в удельное время, должности нередко были наследственными. Теперь это было уже невозможно и выродилось в наследственность взаимоотношений отдельных аристократических семейств и их членов при занятии различных должностей: люди равные по знатности должны были занимать и равные должности; люди меньшей знатности не могли занимать не только высшей, но и равной должности с более знатными, и ранг должности, занимавшейся каждым, определялся прежде всего и больше всего родовитостью фамилии. Отсюда вытекала потребность эту родовитость документально оправдать, и потому составлен был „Государев Родословец“, трактовавший о происхождении разных княжеских и боярских фамилий. Но так как феодальная старина в чистом ее виде уже „пошатнулась“, то нельзя было ограничиться только таким обоснованием местничества: приходилось считаться еще с другим принципом,—со службой, со служебными прецедентами, с фактически занимавшимися членами отдельных аристократических фамилий должностями. Отсюда произошел другой документ, обосновывавший местнические счеты, — „разряды“ или „разрядные книги“. Составление официальных книг этого рода относится к 1556 году, им предшествовали частные, неофициальные записи [1]).

Совершенно понятно, что местничество было хотя и ослабленным, но все же важным юридическим выражением правительственного положения феодальной аристократии. И потому оно вызывало противодействие со

---

[1]) *Милюков,* Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги. М. 1887; *Милюков,* К вопросу о составлении разрядных книг: „Ж. М. Нар. Пр.“ за 1889 г., май; *Маркевич,* История местничества, Одесса 1888, стр. 227, 233; *Лихачев,* Разрядные дьяки XVI века.

стороны подавляющего большинства дворянства, тем более, что с усложнением задач и обязанностей службы оно часто вредило новым государственным интересам, препятствуя движению вперед способных, но неродовитых людей. И вот мы видим, начиная с половины XVI в., ряд мер, направленных к ограничению местничества.

До этого времени—при Иване III и даже почти всегда при Василии III—со стороны правительства не было никакой борьбы с местничеством, господствовала уступчивость[1]). Противодействие местничеству во второй половине века имело различные проявления. То было иногда простое регулирование местнических споров, более точное определение правовых норм местничества, не отвергавшее, следовательно, самого принципа и даже его частных проявлений, так как, вероятно, и нормы эти основывались на старинном обычае, но все же показывавшее, что настояла нужда в таком регулировании сверху, т.-е. самый обычай уже начинал терять прежнюю прочность, стал колебаться и вступать в зависимость от законодательных постановлений. Сюда относятся известные правила о том, напр., что „первый сын от отца—четвертое место", „по нашему уложенью, первого брата сын четвертому дяде в версту"[2]). Часто делались общие запрещения местничества во время службы, но с обещанием разобрать дело по ее окончании: „служить без мест, и как служба минет, тогда и счет будет дан"[3]). Затем видим частные запрещения местничества при занятии определенных должностей, т.-е. уже сужение круга должностей, на которых допускалось местничество. Так, в 1551 г. запрещено было местничаться на всех должностях при службе в полках, кроме должностей воевод[4]). Потом и местничество воевод было ограничено: Иван Грозный установил, что второму воеводе большого полка до первых воевод передового и сторожевого полков дела и счету нет; не должны местни-

---

[1]) *Маркевич*, История местничества, стр. 251.

[2]) *Валуев*, Введение к разрядной книге с 1559 по 1602 год; „Синбирский Сборник", 1845 г., стр. 36, 37.

[3]) Там же, стр. 32—33.

[4]) *Маркевич*, История местничества, стр. 182.

чаться между собою и воеводы передового и сторожевого полков[1]) и т. д.[2]). Часто принималось общее положение: на данной службе быть без мест[3]). Вообще, чем позднее, тем чаще личное усмотрение государя заменяло собою местнический обычай и производило полное разрушение всех преданий старины и всякого счета и по родословцу и по разрядам. Особенно много произвола внесено было в местнические отношения опричниной: недаром позднее князь Елецкий говорил: „а хотя будет таков разряд и был, а та была государева воля в опришнине, а в том государь волен“[4]). Ряд прямых нарушений правил и норм местничества позволял себе Иван Грозный при многочисленных челобитьях, напр., на Годуновых, которых он хотел возвысить: все жалобы на Годуновых решались в их пользу[5]). При Федоре Ивановиче исследователи отмечают „небывалую строгость и даже произвол правительства в делах и спорах по местничеству“[6]). Наконец, царь Борис упорно выдвигал и повышал талантливого выскочку Басманова, несмотря на множество челобитий на него[7]). В общем и целом приходится признать, что хотя местничество уничтожено не было, но основы его были сильно поколеблены, и начало заслуги и выслуги принципиально выдвинуто в противовес началу знатности, родовитости, „породы“, отечества. Ограничение служебных привилегий феодальной аристократии, таким образом, имеется налицо.

Но у нее была еще другая личная привилегия—кормления, занятие должностей наместников—кормленщиков на местах, в области. И хотя, как мы видели еще при изучении падения удельного строя, кормления был подвергнуты стеснениям и ограничениям еще в XV веке, но это не помешало боярам во время их господства в малолетство Грозного именно при помощи кормлений

---

[1]) *Зернин*, Судьба местничества: „Архив историко-юридич. сведений, относ. до России“ за 1859 г., кн. 3, стр. 19; *Валуев;* „Синбирск. Сборн.“, стр. 79, 80.

[2]) *Маркевич*, История местничества, стр. 286.

[3]) *Валуев*, Предисл. к Разр. кн.: „Синб. Сборник“, стр. 34, 60.

[4]) Там же, стр. 35.

[5]) Там же, стр. 52.

[6]) Там же, стр. 63.

[7]) Там же, стр. 368.

обогатиться, усилиться и тем вызвать сильную против себя оппозицию и восстание [1]), заставившее Грозного взять бразды правления в свои руки и обосновать новое направление правительственной политики на компромиссе между боярством и дворянством. Результатом этого компромисса была, как увидим, передача местного управления дворянству, где оно того пожелало бы, т.-е. опять-таки лишение боярства кормлений — второй его феодальной привилегии.

Нет затем никакого сомнения, вопреки мнению некоторых авторитетных исследователей [2]), что боярство имело тенденцию к политическому ограничению царской власти Боярской Думой. Ниже, при изучении государственного строя второй половины XVI века, мы еще встретимся с этой тенденцией и ее конкретными проявлениями. Теперь достаточно заметить, что и здесь опричнина Ивана Грозного сыграла роль первой решительной попытки уничтожить политические притязания боярства, и что в общем и целом политика правительства до конца века шла по той же стезе, т.-е. в духе ограничения боярских притязаний в интересах дворянской массы.

Но у боярства были еще чрезвычайно широкие и опять-таки унаследованные от удельного времени имущественные, землевладельческие привилегии. Говоря коротко, они сводились к старому феодальному взгляду на земельную собственность, которая тогда мыслилась не только как право пользования и распоряжения землей, но и как право суда и сбора податей по отношению к тем, кто жил на этой земле, даже почти как суверенитет, полнота правительственных прав над населением. Бояре и князья имели своих слух—подданных, вассалов, „послужильцев“, которые получали от них земли и им служили. В Тверском уезде 40-х годов XVI в. почти пятая часть всех вотчинников были такими вассалами, служившими не царю, а князю Владимиру Андреевичу Старицкому, князьям Оболенскому, Микулинскому, Мстиславскому, Ростовскому, Голицыну, Курлятеву [3]). Князья

---

[1]) *Покровский*, Русская История с древн. врем., II, 3, стр. 93—94.
[2]) *Ключевский*, Боярская Дума древней Руси.
[3]) *Лаппо*, Тверской уезд в XVI веке.

имели, таким образом, свое войско, свой двор, жаловали земли, были государями в своих вотчинах [1]). И эта привилегия, как будет показано ниже, была подорвана в сильнейшей степени опричниной. Но еще раньше это было подготовлено законодательством Ивана III и Василия III, запретивших князьям Суздальским, Ярославским и Стародубским продавать вотчины без разрешения великого князя [2]), и законом 15 января 1562 г., подтвержденным в 1572 г., по которому князья Ярославские, Стародубские, Ростовские, Суздальские, Тверские, Оболенские, Белозерские, Воротынские, Мосальские, Трубецкие, Одоевские и другие служилые князья не должны были продавать свои старинные вотчины мимо своих братьев и племянников, менять, давать в приданое за своими дочерьми и сестрами; если князь умрет, не оставивши после себя потомства, то вотчина его считается выморочной и берется на государя; князь не имеет права завещать свою вотчину дочери или сестре или отдать в монастырь; передача княжеской вотчины по завещанию братьям, племянникам или вообще близким родственникам мужского пола возможна лишь с специального каждый раз утверждения государя; даже часть вотчины, оставляемая князем на прожиток вдове его, может быть уменьшена государем и по смерти вдовы во всяком случае берется на государя [3]).

Так, рядом последовательных и сильных ударов были поколеблены и в значительной степени даже разбиты феодальные привилегии удельной аристократии. Чем далее, тем более она сближалась в юридическом отно-

---

[1]) *Платонов,* Лекции по русской истории, ч. 1-я, изд. 5-е, стр. 160—161.

[2]) *Неволин*, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 158.

[3]) Там же, стр. 158. Существует мнение, что органичения тут—результат стремления правительства соблюсти интересы службы: ближние родственники стоят на одинаковой степени с завещателем и могут нести ту же службу, что не всегда можно сказать о дальних родственниках. (*Рождественский*, Служилое землевладение в Моск. госуд. XVI в., стр. 123—124). Это мнение не может быть признано основательным, потому что в таком случае ограничения распространялись бы не на одни княжеские вотчины, да и тенденция сделать княжеские вотчины возможно скорее выморочными, т.-е. переходящими к государю, слишком сильно сквозит в указах.

шении с общей массой нового дворянства, готовилась слиться с ним в одно служилое дворянское сословие. Мы должны теперь познакомиться с другой стороной процесса образования этого сословия,—с теми фактами, которые показывали, как слагались сословные права всего дворянства во второй половине XVI века.

По происхождению своему дворянство в Московском государстве XVI века представляло собою пеструю смесь различных социальных элементов. Нам уже известно, что одним из этих элементов были потомки удельных князей и бояр, захудавших, не выдвинутых вперед службой, затертых своими более удачливыми товарищами по прежнему положению, обедневших. Наряду с этим в дворянство провинциальное — в число дворовых или дворян и детей боярских—вливались довольно широкою струей и низы общества, вплоть до холопов, несвободных слуг феодальной аристократии, в особенности слуг московских князей. Бедноты здесь, в среде мелкого уездного дворянства, было таким образом довольно много, более, чем достаточно. И такому мелкому служилому человеку постоянно грозила опасность „охудать" и „опасть" окончательно, совершенно отбиться от службы, лишиться всяких средств и прежде всего земли, пойти „бродить" или „скитаться меж дворы", наконец, даже лишиться личной свободы, поступить в закладни, продаться в холопы полные или кабальные. Необходимо было оградить их личную свободу и обеспечить им минимум материального достатка, оградить их в обоих отношениях—и личном и имущественном—от покушений со стороны богатых и знатных людей. Законодательство второй половины XVI века, защищавшсе интересы дворянской массы, пошло навстречу этим потребностям.

Судебник 1550 года прежде всего категорически установил: „детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не приймати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит" [1]). По отношению к поступлению, в частности, в кабальные холопы это затем было подтверждено и разъяснено особым

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 153, статья 81.

указом 1 сентября 1558 г. [1]). 15 октября 1560 г. было указано, что даже и те, кто действительно обязался быть кабальными холопами, т.-е. служить за рост или проценты заимодавцу, или кто из таких людей обвиняется при уходе от заимодавца в „сносе“, в похищении его имущества, и не могут уплатить ни занятого капитала, ни стоимости похищенного, не могут, хотя бы даже сами того желали, поступать к заимодавцам в полные и докладные холопы; их велено было только „выдавать головою до искупа“, т.-е. заключать в тюрьму до покрытия долга [2]). Таким образом законодательство второй половины XVI в. пыталось пресечь и уничтожить один из источников полного и кабального холопства—прилив в холопство обедневших служилых людей. Защита личной свободы дворян и детей боярских—вот та тенденция, которою здесь, очевидно, руководился законодатель в интересах дворянской массы.

Но он шел далее: он понимал, что одними юридическими запретами не оградишь свободы, что для этого надо снабдить служилое сословие материальными средствами, обеспечить ему известный минимум благосостояния, дать ему землю и деньги.

Потребность в земле, острая, настоятельная, в связи с естественным стремлением правительства не допустить оскудения его земельного запаса для раздачи под условием службы, и была основной причиной развития поместной системы, сохранения этого облика феодальных отношений, во многом, как мы видели, противоречившего вновь слагавшимся экономическим условиям. Положительная сторона поместной системы для служилого сословия заключалась в том, что при помощи ее дворянство получило обширные пространства земли в свое владение. В том же смысле, в качестве увеличения земельного фонда, поступавшего в пользование или в собственность дворянской массы, важно было то поступлерие в руки государства выморочных княжеских земель, о котором шла речь раньше.

---

[1]) Там же, т. I, № 154, XII.

[2]) Там же, т. I, № 154, XVI.

В интересах дворянства и его земельного обеспечения в применении к новым хозяйственным условиям было регулировано в изучаемое время и вотчинное право, право полной земельной собственности. Конечно, вотчина была тоже обязанной собственностью, обложенной службой. Ее размеры влияли если не на поместный оклад, то на поместную дачу, на фактически определявшиеся размеры поместного владения. Поэтому вотчина была собственностью тоже условной, обусловленной службою. Однако, уже и в этой крепостной стороне дворянского земельного права, в определении обязанностей, лежавших на земле, заметна забота об интересах служилого сословия. Именно во имя этих интересов вводится точное определение размеров службы: в 1556 г. было установлено, что с каждых 100 четвертей доброй угожей земли должен явиться на службу человек в полном доспехе; сам помещик или вотчинник тоже включался в этот расчет; с неполных 100 четвертей шел человек „в тягилее", т.-е. в легком вооружении [1]).

В отношении объема прав распоряжения служилые вотчины делились в то время на три разряда: во-первых, вотчины выслуженные, во-вторых, купленные и, в третьих, родовые.

Выслуженные вотчины в этом отношении больше всего приближались к поместьям: обязанные своим происхождением пожалованию за службу, выслуге, выслуженные вотчины могли отчуждаться лишь в тех пределах, в каких это было указано в жалованных грамотах на владение ими [2]): бывало, что они жаловались со всею полнотою прав собственности, следовательно, и отчуждения, но иногда дело сводилось к простому пожизненному владению, хотя в подавляющем большинстве случаев наблюдалось первое [3]). И это понятно: товарное хозяйство требовало свободного, по крайней мере в известных пределах, оборота земли на рынке.

---

[1]) *Рождественский*, Служилое землевладение в Моск. госуд. XVI в., стр. 333.

[2]) *Неволин*, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 166 и след.

[3]) *Лаппо-Данилевский*, Выслуженные вотчины в Моск. государстве XVI—XVII в.: „Историч. Обозрение", т. III, Спб. 1891, стр. 118.

Тою же причиной вызвано было, конечно, смягчение тех ограничений свободы отчуждения родовых вотчин, которые существовали ранее, как наследство прошлого, и которые теперь оказывались уже в значительном противоречии с реальными условиями времени. Родовые вотчины можно было свободно отчуждать — завещать, дарить, закладывать, продавать, менять, отдавать в приданое. Но исстари и сам продавец и его родственники могли выкупить проданные родовые вотчины. Это — остаток старой родовой собственности. Судебник 1550 г. сохранил право выкупа проданных родовых вотчин только за родственниками продавца, и то не за нисходящими, не за детьми, а за боковыми, при чем выкупать можно было только в течение 40 лет после продажи, за истечением же этого срока давности выкуп был невозможен [1]).

Купли или купленные вотчины был самым полным выражением права земельной собственности, какое тогда только могло существовать. Повидимому, и здесь иногда прибегали на практике к выкупу проданных вотчин, купленных служилым человеком [2]), но это законом было уже запрещено, начиная с Судебника 1550 года [3]).

Было одно ограничение распоряжения вотчинами— всеми без различия их разрядов,—которое явилось только во второй половине XVI века; то было запрещение отдавать их в монастыри. 11 мая 1551 г. запрещено было отдавать земли в монастыри без доклада государю, т.-е. без специального каждый раз его разрешения [4]). В 1573 году только за малыми монастырями — и то с доклада государю—сохранено было право получать вотчины в виде вклада [5]). В 1581 и в 1584 годах и это было запрещено вполне [6]). И здесь основа ограничения не расходилась с общим духом и направлением земель-

[1]) Акты Историч., т. I, № 153, статья 85.

[2]) „А у кого.. вотчины *или купли* купят пусты..., и тем вотчинам вотчичи похотят те которые вотчины выкупити": Акты Арх. Эксп., т. I, № 246.

[3]) Акты Историч., т. I, № 153.

[4]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 227.

[5]) Акты Историч., т. I, № 154, XIX.

[6]) Собр. Гос. Грам. и Договоров, т. I, № 202.

ной политики того времени: необходимо было, чтобы в интересах службы земля не уходила из рук служилых земель, старались, чтобы „земля из службы не выходила“ [1]); к тому же неотчуждаемость монастырских и церковных владений находилась в противоречии с успехами денежного хозяйства.

Что касается права пользования вотчинами, то изучаемое время повело к тому, что отпали в этом праве те элементы, которые являлись наследием феодальной эпохи,—именно иммунитеты, по преимуществу финансовые,—„тарханы“, как они у нас назывались. Правда, цари попрежнему иногда — и даже довольно часто— давали несудимые и льготные грамоты отдельным лицам, но право суда, помимо его ограниченности, здесь теперь являлось уже не составной частью земельного права собственности, а результатом специального пожалования, льготой, милостью [2]). В 1596 г. было уничтожено право землевладельцев устраивать и держать на своих землях мыты и перевозы, собирать проезжие и торговые пошлины: это сделано было достоянием государства, а частные землевладельцы, на землях которых были мыты и перевозы, получали лишь половину собираемого с них государством дохода [3]).

Всеми указанными сейчас мерами были ограждены и регулированы землевладельческие права служилых людей, их право собственности на недвижимость. Но, как нам уже известно, существовала и все возрастала в силу все тех же новых хозяйственных отношений большая, острая потребность в денежных капиталах. Отсюда вытекала огромная задолженность, сильно стеснявшая и затрудняющая в особенности мелкий служилый люд. Надо было облегчить положение должников. И вот 25 декабря 1557 г. состоялся приговор Боярской Думы, которым тем, кто до этого времени занял деньги и хлеб, разрешалось уплатить долг с рассрочкою на пять лет, при уплате

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 154, XIX.

[2]) *Неволин*, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 151. Еще Судебник 1550 г. уничтожил тарханы: „а тарханных вперед не давати никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех“. (Акты Истор., т. I, № 153, статья 43).

[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 367.

ежегодно равными частями, при чем уплачивался только занятый капитал без процентов; сделана была при этом и попытка (повидимому, неудачная) на будущее время понизить процент при займе — сократить его вдвое — с 20% до 10%[1]).

Так облегчалась личная задолженность служилых людей. Но она составляла лишь часть их общей задолженности и притом меньшую ее часть. Несравненно больше по размерам были долги, обеспеченные залогом земли. При этом залог в древней Руси и в это время, как издавна, был реальной, а не консенсуальной сделкой, т.-е. сопровождался передачей закладываемого имущества, в данном случае земли, залогопринимателю, кредитору, который и „пахал за рост“, т.-е. за проценты, заложенную ему землю. „Это была мертвая петля,—расплатиться с долгом при таких условиях почти не было возможности“[2]). Рассрочка, установленная боярским приговором 25 декабря 1557 г. по отношению к личным денежным и хлебным займам, была 11 января 1558 г. распространена и на долги, сделанные под залог земли: и их можно было уплатить равными частями ежегодно в течение пяти лет, не уплачивая притом процентов, при чем должник получал на это время заложенное имение обратно, так что ежегодный доход, считая его в 20% на занятый капитал, мог в пятилетие покрыть весь долг[3]).

Было еще одно важное преимущество у служилого сословия: служилые люди не платили проезжих и торговых пошлин, когда ездили торговать сами. Это видно из того, что „с сельчан, чей кто ни буди“ брались тамга, пятно, померное, пудовое, но в перечнях лиц, подлежащих этим сборам, никогда не значатся служилые люди[4]). Но в отношении податных льгот, свободы служилых людей от тягла в конце XVI в. сделан был еще один весьма су-

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 154, VII.

[2]) *Покровский.* Русская История, II, 3, стр. 104.

[3]) Акты историч., т. I. № 154, IX. Правильно толкует это постановление Покровский („Рус. Ист.“, II, 3, стр. 104), и неверно объяснение, по которому выходит, что кредиторы продолжали пахать заложенную вотчину за рост (*Рождественский*, Служилое землевладение, стр. 101—103).

[4]) См., напр., таможенную Белозерскую грамоту: Акты Арх. Эксп., I, № 230.

щественный, совершенно новый шаг вперед. При царе Федоре Ивановиче, во второй половине 80-х годов и во всяком случае не позднее 1591 года, часть боярской пашни, пахавшейся землевладельцем на себя трудом холопов или крестьян, была освобождена от всех податей, „обелена", как тогда говорилось. Непременными условиями такого обеления были три: 1) надо, чтобы барская пашня действительно имелась налицо, 2) чтобы землевладелец лично нес военную службу, 3) чтобы он жил в своем имении, т.-е. на другие его имения, где сам он не жил, обеление не распространялось. Обелялась не вся барская пашня, а известная ее доля в соответствии с поместным окладом служилого человека: при окладе в 100, 150, 200, 300 четвертей обелялось 10 четвертей, а при окладе в 450 четвертей—20 четвертей, при чем то половина, а то и более обеляемой пашни приходилась не на действительно обрабатываемую барскую запашку, а на пашню, лежавшую в „пусте", перелог или залежь, относящуюся к барской пашне. Ясны две цели, преследовавшиеся этим обелением: во-первых, облегчить в податном отношении служилых людей, несших военную службу; во-вторых, освобождая от обложения часть перелога, поощрять их к разработке ее, к превращению в действительную пашню, т.-е. к улучшению хозяйства [1]).

Но кроме всего этого, государство должно было принять и прямые меры к снабжению служилого класса денежными средствами. Ответом на эту потребность служило установление денежного жалованья. Не следует, однако, преувеличивать значение денежного жалованья в хозяйственном обиходе служилых землевладельцев. Едва ли, по крайней мере для XVI в., верно мнение, что жалованье служило важным подспорьем в хозяйстве [2]): для этого оно было слишком мало. Высший оклад денежного жалованья обычно не превышал 14-ти рублей в год [3]), что составляло на наши довоенные деньги

---

[1]) *Рожков*, Сельск. хоз. Моск. Руси в XVI в., стр. 266—269.

[2]) *Покровский*, Русская История, II, 3, стр. 92.

[3]) *Сторожев*, Десятни XVI в.: „Опис. докум. и бумаг М. А. М. Ю.", кн. VIII, стр. 46.

336 руб. Это, конечно, немного, и потому вернее признать, что жалованье XVI века было подмогой на вооружение, не более [1]). Притом же новики получали при верстаньи жалованье лишь в половину против оклада [2]), да и вообще служилые люди, получавшие денежное жалованье „с городом“, т.-е. не принадлежавшие к высшим столичным чинам, если они имели поместья, получали жалованье обычно лишь раз в четыре года, и только беспоместным денежное жалованье выдавалось ежегодно [3]), как и „четвертчикам“, служилым людям высших чинов.

Так постепенно, под влиянием новых явлений в хозяйственной жизни, слагался новый правительственный класс—дворянство, оттеснявший на второй план старое боярство. Феодальная аристократия, теряя былую экономическую мощь, утрачивала и свои привилегии, а дворянство, облагая себя и вместе с тем и знать службой, организовалось как сословие и корпоративно, и в отношении личных и имущественных прав и укрепляло свое хозяйственное положение.

Была еще одна важная потребность у служилого дворянства—потребность обеспечения себя и своей земли достаточным количеством рабочих рук. Это приводит к изучению положения крестьян, а также несвободных и полусвободных состояний во второй половине XVI века.

Мы видели уже отчасти, поскольку дело касалось ограждения свободы служилых людей, что правительство того времени обращало внимание на регулирование несвободных и полусвободных общественных отношений и связей. Те данные, с которыми мы познакомились выше, должны быть теперь пополнены другими материалами, чтобы составилась цельная картина положения прежде всего холопов разных разрядов.

Терминология наших источников, относящаяся к несвободным состояниям, довольно разнообразна. Нам из-

---

[1]) *Рождественский*, Служилое землевладение в Москов. госуд. XVI в., стр. 334—335.

[2]) *Сторожев*, Десятни XVI в.: „Описание докум. и бумаг М. А. М. Ю.“, кн. VIII, стр. 42.

[3]) Там же, стр. 249, примечание 2.

вестны задворные люди, деловые люди, холопы полные, докладные, кабальные, добровольные, иначе „вольные“ холопы.

Некоторые из этих терминов имеют не юридическое, а только бытовое, хозяйственное значение. Таковы термины: задворные и деловые люди. И задворными и деловыми могли быть холопы не одного юридического разряда, а разных: и полный холоп и кабальный человек, напр., могли быть и задворными и деловыми. Прежде думали, что задворные люди или, по крайней мере, термин, которым обозначалось это состояние, появились только в XVII веке [1]). Но это неверно: уже в 70-х годах XVI века мы встречаем и деловых и задворных людей [2]). Думали также, что задворные люди были особым юридическим состоянием, крепким землевладельцу на основании особого договора, называвшегося ссудной жилой записью, бывшею таким образом специальною задворною крепостью [3]). Но оказывается, что даже в XVII в. задворная крепость, как специальный крепостной документ,—большая редкость: таких документов найдено всего два, да и то во многом не сходных между собою [4]). И вообще даже к концу XVII в. задворные люди не успели составить цельное юридическое состояние [5]). Повидимому, все различие между задворнымн и деловыми людьми сводилось к тому, что деловые люди, получившие свое название от того, что они „дело делали“ на господина, отбывали барщину, не платя оброка, и получали за то месячину, т.-е. месячное содержание натурой, между тем как задворные холопы, имея всегда особые дворы, живя „за двором“ господина, обязаны были не только барщиной, но и оброком, и не получали

---

[1]) *Ключевский*, Подушная подать и отмена холопства: „Рус. Мысль“ за 1886 г., № 10, стр. 2 и след.

[2]) *Рожков*, Историч. и социологич. очерки, часть вторая, М. 1906, стр. 285.

[3]) *Ключевский*, Подушная подать и отмена холопства: „Рус. Мысль“ за 1886 г., № 10, стр. 10—12.

[4]) *Дьяконов*, Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, Спб., 1898 г., стр. 260.

[5]) *Милюков*, Спорные вопросы финансовой истории Москов. государства, Спб. 1892, стр. 85—87.

месячины, а содержали себя обработкой данных им в собственное их пользование земельных участков [1]).

Полные холопы могли быть, как и холопы других разрядов, и деловыми и задворными, и, прибавим еще, дворовыми, дворовой челядью, жившею на господском дворе для личных услуг господину и для выполнения там ремесленных работ для хозяйского обихода, а может быть иногда и для приготовления некоторых изделий на продажу. Но, различаясь таким образом по хозяйственному своему назначению, полные холопы второй половины XVI и, добавим, XVII века были цельным и единым юридическим состоянием. По закону, они не имели никаких личных и имущественных прав, были вполне не свободны, являлись историческими преемниками известных нам уже из предшествующих периодов русской истории холопов обельных и одерноватых. Полное холопство было потомственным, власть над полными холопами была наследственной. Но весьма характерно, что во второй половине XVI века наблюдается ярко выраженная тенденция по возможности сжать, сузить пределы полного холопства, уменьшить количество его источников. Прежде, в более древнее время, как нам известно, источники полного, обельного или одерноватого холопства были обильны. Сюда относились плен, добровольная или по воле родителей продажа свободного человека в холопство, женитьба на рабе или выход замуж за холопа без особого договора о свободе своей с их господином, рождение от несвободных родителей, нарушение полусвободным человеком—закупом—обязательств, лежавших на нем перед господином. Некоторые из этих источников холопства отмерли к половине XVI в. сами собой: сюда относится именно последний источник—рабство, проистекавшее из нарушения закупом своих обязательств или из преступления, совершенного закупом; с исчезновением закупничества естественно иссяк и этот источник холопства. Судебник 1550 г. установил, что дети холопа, родившиеся до того времени,

---

[1]) *Ключевский*, Подушная подать и отмена холопства: „Рус. Мысль" за 1886 г., № 10, стр. 11.

как отец их вступил в рабское состояние,—свободны [1]). Тот же Судебник уничтожил рабство за долги [2]), что в 1560 г. было разъяснено в том еще смысле, что несостоятельным должникам запрещено было поступать в холопы, даже если бы они сами того пожелали [3]). В 1556 г. плен стал источником холопства лишь в ограниченном смысле: с этого времени пленные могли становиться только пожизненными холопами [4]).. Наконец, в 1597 г. продажа в полные холопы была затруднена в весьма значительной степени особыми формальностями [5]). Мы уже знаем, наконец, какие специальные препятствия ставило законодательство того времени поступлению в несвободные состояния служилых людей.

Совершенно понятно, почему указанная тенденция к ограничению полного рабства наблюдается в данное время: помимо специальной цели ограждения личной свободы дворянства здесь влияло общее экономическое положение, главным образом острая нужда в рабочих руках, ощущавшаяся дворянской массой; надо было пресечь поэтому или по крайней мере уменьшить возможность для богатых, знатных, сильных людей путем увеличения числа полных холопов в значительной мере сокращать доступное для рядовых дворян и детей боярских количество рабочей силы, имевшееся в стране.

Но влияние тенденции, направленной против полного холопства, пошло далее: оно не только уменьшило количество источников рабского состояния, но сказалось на самом юридическом положении полных холопов. На деле и по юридическим актам многие полные холопы уже перестали быть бесправными, неправомочными. Так как холопы пользовались землей, обрабатывали ее, приобретали своим трудом имущество, то возникло понятие о собственности, принадлежавшей несвободному человеку. Отсюда стали возможны гражданские сделки, заключаемые с холопами даже их собственными господами:

---

[1]) Акты Историч., I, № 153, стр. 76.

[2]) Там же, I, № 153, стр. 90.

[3]) Там же, I, № 154, XVI.

[4]) *Павлов-Сильванский,* Люди кабальные и докладные: „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1897 г., стр. 223.

[5]) Там же, стр. 224.

от XVI в. до нас дошли документы, свидетельствующие, напр., о займах, делавшихся холопами у господ, при чем в обеспечение займа холоп, как и любой свободный человек, давал „запись“ [1]); бывали также случаи, когда холоп, не выходя на волю, получал от господина землю и владел ею на праве полной собственности [2]).

Так прошла трещина по одному из старинных общественных состояний — полному рабству. Оно, очевидно, стало превращаться в полурабство, в крепостничество, притом в крепостничество личное, а не поземельное: не земле был крепок холоп, а личности владельца, господина его.

В полном соответствии с этим находились судьбы двух других разрядов несвободных людей—холопов кабальных и докладных.

История кабального холопства хорошо выяснена в русской исторической литературе. В кратких чертах до конца XVI века она сводится к следующему. Кабальные люди впервые упоминаются в конце XV века (в 1481 году) [3]). Но тогда они не были холопами. Это были в то время свободные люди, которые делали заем и обязались кредитору „за рост служити по вся дни во дворе“, работать на него за проценты. В подтверждение этих обязательств кабальный человек выдавал кредитору особый документ — „служилую кабалу“. До конца XVI века, в течение целого столетия, кабальные люди не превращались в холопов: любой из них, уплатив долг, мог тотчас же итти, куда хотел, не нуждался ни в какой отпускной [4]). Но нам уже известно, как велика была нужда в денежном капитале в Московской Руси второй половины XVI века, когда столь заметными стали успехи денежного или товарного хозяйства. Без денег стало невозможно вести хозяйство, и особенно вследствие известного нам хозяйственного кризиса чрезвычайно трудно было найти или заработать деньги для покрытия раз сделанного долга. Поэтому часто кабаль-

---

[1]) *Ключевский*, Подушн. подать и отм. хол.: „Р. Мысль“ за 1886 г., № 9, стр. 82.

[2]) Там же, стр. 83.

[3]) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. I, № 112.

[4]) *Павлов-Сильванский*, Люди кабальные и докладные: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1897 г., ноябрь, стр. 220—221.

ные люди оказывались несостоятельными должниками, всю жизнь работавшими за проценты и не уплачивавшими долга. При таких условиях им грозила опасность остаться в таком положении и по смерти кредитора, у его детей, стать наследственно работающими за проценты по неоплаченному и неоплатному фактически долгу. Это было невыгодно им; это не соответствовало и тенденции правительственной политики ослабить несвободу и оградить от обращения в полное рабство возможно большее число людей, особенно служилых. И вот эти интересы и продиктовали власти два указа: один 1586 года, до нас не дошедший, другой 1594 г., сохранившийся и содержащий в себе ссылку на указ 1586 г. Этими указами установлено, что кабальные люди лишаются права уплачивать занятую ими денежную сумму и остаются крепостными кредитора до его смерти, после которой выходят на волю без расплаты. Вместе с тем указ 1597 г. открыл новый источник кабального холопства, постановив, что тот, кто, не выдавая кабалы, служил кому-либо добровольно более полугода, зачисляется в кабальные холопы. Этим было уничтожено и слито с кабальным так называемое добровольное холопство, т.-е. служба кому-либо по доброй воле, не основанная ни на каком документе, письменном обязательстве. Новые хозяйственные и государственные отношения и порядки требовали формальной, документальной определенности социального положения, и потому неоформленная служба была нетерпима. Описанные перемены в положении кабальных людей, характерные сами по себе, имеют, как скоро увидим, особое значение еще и по той причине, что они ввели в правовой и житейский обиход принцип, правило, в силу которого неоплатный долг, теперь уже беспроцентный, порождал крепостное состояние, хотя и не наследственное. Важно здесь и то, что кабальные холопы уже в XVI веке вовсе не всегда служили *во дворе* господина: бывали и деревенские кабальные люди, сидевшие на пашне; могли быть кабальные задворные и деловые люди [1]).

---

[1]) *Дьяконов,* Очерки из истории сельск. населения, стр. 136.

К числу спорных, запутанных вопросов принадлежит вопрос о третьем юридическом разряде холопов—о так называемых докладных людях. По этому поводу существует три различных мнения. По одному из них, докладное холопство—не особый вид холопства: докладными назывались и полные и кабальные холопы в том случае, если их несвободное положение было утверждено докладом наместнику или приказу Холопья суда [1]). Это мнение неосновательно. Его легко опровергнуть простой ссылкой на форму того акта, который назывался докладной грамотой. Продажа в полные холопы, хотя бы она совершалась и с доклада наместнику или приказу, закреплялась вовсе не докладной грамотой, а грамотой „полной", в которой техническим для данной юридической сделки выражением было: „купить в полницу". Докладной же грамотой назывался акт, закреплявший ту юридическую сделку, которая обозначалась выражением „дался на ключ, а по ключу и в холопи [2])".

Из этого выражения ясно, что докладным называлось холопство, возникшее из продажи на ключ, т.-е. из продажи в ключники или приказчики. Это объяснение, несомненно верное, принимается другими исследователями, изучавшими специально докладное холопство. Но, сходясь в общем определении докладного холопства, эти исследователи расходятся в определении его юридической природы. По одному объяснению, докладное холопство было пожизненным, не наследственным, подобно кабальному. И это подтверждается такими соображениями: во-первых, текст указа 1597 г. о кабальных холопах толкуется в том смысле, что там, где говорится о выдаче кабальных людей по кабалам „в службу до смерти" господ, разумеется добавление „как и по докладным", значащееся в указе выше в другом сочетании, так что выходит, что и докладные холопы служили только до смерти господина; во-вторых, в одном указе царя Василия Шуйского 1609 г. сказано, что „государь

[1]) *Сергеевич*, Русские Юридические Древности.

[2]) *Павлов-Сильванский*, Люди кабальные и докладные: „Ж. М. Н. Пр." за 1897 г., ноябрь, стр. 233.

велел по прежнему своему государеву указу отпущати на волю кабальных и докладных людей по смерти их господ“; в третьих, наследственность докладных—исключение, объясняемое тем, что отцы докладных умирали в холопстве, т.-е. раньше господ; это видно будто бы из генеалогии холопов, принадлежавших Скобельцыным, по которой Ивашко продался в докладные Скобельцыным, его сын Федько был их же холопом, внук Исайко Беспута умер в холопстве, правнук Томилко 1596 г. передан по наследству[1]).

Эти доказательства ненаследственности докладного холопства вызвали обстоятельную и основательную критику. Первое из них опровергается тем, что дальнейший текст указа 1597 г. говорит о докладном холопстве, как о более тяжелом состоянии, чем было кабальное: там сказано, что кабальные люди могут переходить в полное и докладное холопство. Второе доказательство сильнее, но оно указывает лишь на временное сближение докладных людей с кабальными, потому что Уложение 1649 г. свидетельствует о наследственности докладных холопов. Наконец, и генеалогия холопов Скобельцыных не подтверждает мнения о наследственности докладного холопства, ибо Беспута вовсе не докладной, а старинный полный холоп, так как отец и дед его были холопами; притом он был еще полным холопом по рабе, потому что был женат на полной рабе Скобельцыных; следовательно, и Томилко перешел по наследству не потому, что он был сыном докладного, умершего в холопстве, а потому, что отец его был старинным полным холопом [2]).

Но если доказательства непотомственности и ненаследственности докладного холопства не выдерживают критики, то, напротив, существуют еще и прямые доказательства именно потомственности и наследственности состояния докладных холопов, т.-е. близости их к холопам полным. Вот эти доказательства: во-первых, до нашего времени дошли и напечатаны так называемые Нов-

---

[1]) *Ключевский*, Происхождение крепостного права в России: „Рус. Мысль“ за 1885 г., № 8, стр. 20—22.

[2]) *Павлов-Сильванский*, Люди кабальные и докладные: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1897 г., ноябрь, стр. 235—237.

городские кабальные книги, в которых записаны были, по требованию правительства, все акты, совершаемые по отношению к холопам; и вот по этим актам—данным (дарственным), духовным (завещаниям) и раздельным грамотам наследственность докладных холопов выступает совершенно ясно: их дарят, завещают, делят, как то делалось и с полными холопами; во-вторых, по припискам к докладным грамотам, записанным в эти же кабальные книги, видно, что дети и внуки докладных людей служили в холопстве у господ своих отцов и дедов; в третьих, Уложение 1649 г. также непровержимо свидетельствует о наследственности докладных холопов. Но, конечно, положение докладного холопа фактически было еще лучше, чем положение рядового полного холопа: ключник или приказчик принадлежал к числу „больших“ слуг своего господина, был его доверенным лицом, ближайшим помощником, иногда почти другом. Это создавало ему большие и важные преимущества. Мы имеем, например, завещание дворянина Ивана Григорьевича Нагого, относящееся к 1598 году. По этому завещанию Нагой передает одно свое имение своему холопу—приказчику Богдану Сидорову „за его к себе прямую службу и за терпение, что он со мною живот свой мучил на государеве службе в Сибири 13 лет, да его ж, Богдана, за мой грех государь велел у меня взять из Сибири и привезти в Москву, сковал,—и мучил он живот свой, сидя в цепи и в железах год“, а потом выпросил у царя помилование своему господину. Доверие Нагого к Сидорову доходило до того, что в завещании Нагой назначил Сидорова своим душеприказчиком и завещал ему научить детей грамоте и быть их опекуном до совершеннолетия.

Так рабство под влиянием обстоятельств времени смягчалось во второй половине XVI века и по своей природе все более приближалось к полусвободе, крепостничеству.

Этому процессу ослабления, смягчения полной неволи и образованию переходных форм в роде кабального холопства шел навстречу другой процесс, совершавшийся в крестьянской массе и в отношениях между ею и землевладельцами: то был процесс закрепощения крестьян.

Понятно, почему закрепощение нужно было помещику: он нуждался в постоянном рабочем контингенте для отбывания барщины или „изделья“ на боярской пашне и в получении достаточного и постоянного оброка, по крайней мере отчасти, если не целиком, денежного. Интересы землевладельцев были, значит, в конечном счете связаны с успехами товарного хозяйства. Но были ли здесь какие-либо и в какой-либо степени соответствовавшие этим успехам денежного хозяйства интересы крестьян? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо присмотреться к конкретным условиям закрепощения, поскольку они слагались в XVI веке.

Из истории удельной Руси нам известно, что юридически крестьянин того времени считался свободным. Он должен был для того, чтобы воспользоваться своим правом перехода от одного землевладельца к другому, только выполнить законные условия перехода: во-первых, заявить „отказ“ около Юрьева дня осеннего (26 ноября), за неделю до него или в течение недели после него, во-вторых, заплатить „пожилое“ или „похоромное“ — арендную плату за пользование двором и постройками, во дворе находящимися, в размере 1 рубля (около 100 руб. на наши деньги) за четыре года в степных местностях и 50 к. (около 50 р. на наши деньги) в местностях лесных.

В старой литературе по русской истории и в виде слабых остатков среди некоторых новых исследователей [1]) держался взгляд, что в таком положении законодательство конца XVI века произвело коренную перемену: в 1592 г. издан был указ, по которому крестьяне были прикреплены и притом прикреплены к земле, потеряли право выхода или свободного перехода. Главными основаниями этого мнения были три указа—указ 24 ноября 1597 года, указ 28 ноября 1601 г. и указ 24 ноября 1602 г. Первым из них установлена пятилетняя давность для исков о беглых крестьянах: если крестьянин убежал от землевладельца не раньше пяти лет до сентября 1597 года, т.-е. в 1592 году, то землевладелец может

[1]) *Сергеевич*, Лекции по истории русского права и Русские юридические древности.

возвратить его себе по суду; если же он убежал раньше, чем за пять лет до сентября 1597 г., то он не подлежит возврату, иск о нем не рассматривается [1]). Отсюда и делали заключение: очевидно, в 1592 г. прикрепление было установлено законом, текст которого до нас не дошел. Указ 28 ноября 1601 года дозволил только одним мелким землевладельцам, низшим чинам, начиная с дворян по выбору и жильцов, вывозить крестьян друг у друга и то не более, как двух разом [2]). Указ 24 ноября 1602 г. повторил постановление предыдущего указа и сверх того запретил крестьянам переходить в дворовые люди [3]). Из этих указов сделаны были выводы в том смысле, что вывоз мелкими землевладельцами крестьян был разрешен, как исключение, в общем же крестьяне уже были прикреплены к земле, что подтверждается и запрещением им переходить в дворовые люди.

Повидимому, таким образом, данные о прикреплении крестьян в 1592 г. несомненные, документальные. И, однакоже, уже Погодин выразил сомнение, был ли издан указ 1592 года: этот указ не найден. У другого исследователя истории русского крестьянства, Беляева, явилось сомнение в том, что указ 1597 г. свидетельствует о прикреплении крестьян именно в 1592 г., но и он все же полагал, что указ о прикреплении всех крестьян был издан в начале царствования Федора Ивановича [4]). Вопрос был окончательно решен лишь блестящей, образцовой по глубине и тонкости анализа критикой Ключевского.

О чем идет речь во всех отмеченных сейчас нами указах? Речь в них идет вовсе не о крестьянском выходе или переходе, а о крестьянском побеге и крестьянском вывозе. А побег и вывоз были формами вырождения выхода или перехода. Побег—это уход крестьянина без исполнения им законных условий выхода, т.-е. без отказа в срок и без уплаты пожилого. Вывоз—это увоз крестьянина другим землевладельцем, уплатившим за него пожилое, покрывшим и долги его и переведшим

---

[1]) *Владимирский-Буданов*. Хрестом. по ист. русского права, III, стр. 94—97.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. II, № 20.

[3]) Там же, № 23.

[4]) *Беляев*, Крестьяне на Руси, М. 1860, стр. 106.

на себя обязательства крестьянина. Значит, указы запретили побег, установили для исков о нем давность, сильно ограничили вывоз, но они вовсе не уничтожили выхода или перехода крестьян, если при том соблюдены были все законные условия. Прикрепление крестьян вовсе не было, значит, установлено законом в конце XVI века. По закону крестьяне попрежнему имели право свободного перехода от одного землевладельца к другому. Что касается давности по искам о беглых крестьянах, то они были установлены потому, что суды были завалены множеством жалоб, а срок этой давности был выбран в 1597 г. пятилетний по той причине, что в 1592 году было предпринято массовое описание земель и населения, посланы были „большие писцы“ для составления новых писцовых книг, и эти книги являлись или должны были явиться прочной, надежной и удобной опорой при решении вопроса, следует ли принимать к рассмотрению тот или другой иск о беглых крестьянах: в писцовых книгах, официальном государственном документе, все крестьяне должны быть записаны, и в 1597 г. легко было проверить, за кем они были пять лет тому назад [1]).

Но если по закону крестьяне имели право перехода во все изучаемое нами сейчас время, то имели ли они возможность на деле осуществить это право? Изучая этот вопрос, Ключевский пришел к выводу, что в подавляющем большинстве случаев этой возможности не было. И на то существовали серьезные причины. Основной из них он считает задолженность крестьян землевладельцам, задолженность неоплатную. По его мнению, разделяемому и другими новыми исследователями, крестьянин обязан был при выходе от землевладельца уплатить ему „крестьянское серебро“, „ссуду“ или „подмогу“, долг, им сделанный, и так как фактически в подавляющем большинстве случаев произвести эту уплату он возможности не имел, то право крестьянского перехода, юридически не отмененное, на деле уже к концу XVI века замерло [2]).

---

[1]) *Ключевский*. Происхождение крепостного права в России, „Русск. Мысль“ за 1885 г., № 10, стр. 11—15.
[2]) Там же, стр. 11.

Оставляя пока открытым вопрос о влиянии задолженности крестьян на происхождение крепостного права в XVII веке, мы рассмотрим пока этот вопрос, как и весь вообще вопрос о действительных отношениях между крестьянами и землевладельцами, на землю которых они садились, лишь в пределах второй половины XVI столетия.

Самым важным, глубоко интересным источником в этом отношении являются так называемые „порядные грамоты"—договоры, которые крестьянин, снимавший участок чужой земли, заключал с владельцем этой земли. По юридической своей природе порядная грамота заключает в себе в сущности два договора: во-первых, договор об аренде земли, во-вторых, договор о найме личных услуг [1]). Вот типический в этом отношении пример: „Се яз, Яков Романов сын, да яз, Богдан Максимов сын, порядилися есмя... в монастырское село в Богородцкое (это—аренда земли)... и изделье монастырское нам всякое делати" [2]) (наем личных услуг). Совершенно ясно, таким образом, что, рассматривая юридическое существо порядной грамоты, мы не можем сделать из него никаких выводов в сторону убеждения, что крепостное право слагалось в XVI веке: и аренда чужой земли, и наем личных услуг—сделки, вполне возможные тогда, когда обе договаривающиеся стороны лично свободны; более того, обе эти сделки предполагают свободу договаривающихся сторон, так как с несвободным человеком нечего и договариваться, он просто обязан выполнить волю господина, и договоры с несвободными людьми, как мы только что видели, свидетельствуют именно уже о колебании несвободного состояния, о его разложении или смягчении.

Но порядные грамоты содержат в себе почти всегда еще и некоторые побочные, второстепенные условия, например, о сроке аренды и найма, о получении крестьянином ссуды или подмоги от землевладельца и об условиях возврата этой ссуды или подмоги, об уплате не-

---

[1]) *Дьяконов,* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, стр. 132.

[2]) Акты Юридич., № 182.

устойки и ее размерах, о некоторых особых условиях крестьянского выхода. Спрашивается: нет ли в этих побочных условиях каких-либо признаков закрепощения крестьян?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, необходимо решить, насколько полно мы осведомлены, достаточен ли для сколько-нибудь обоснованных выводов материал порядных грамот, дошедший до нас от второй половины XVI в., и какое значение имеет тот самый факт, что они до нас дошли.

Материал не обилен: от второй половины XVI века до нас дошло немногим более трех десятков порядных грамот... Надо при этом заметить, что предшествующее время не оставило нам ни одной такой грамоты. Конечно, эти обстоятельства зависят, главным образом, от внешних причин: от столь древнего времени обыкновенно сохраняется мало письменного, документального материала, особенно частных сделок. Несмотря, однако, на это, не только от XVI, но и от XV и даже отчасти от XIV века до нас дошли сотни и тысячи разных грамот другого рода—духовных (завещаний), купчих, данных (дарственных актов), закладных и проч. Таким образом, объяснить всецело или даже главным образом указанными внешними причинами сохранение до нашего времени небольшого числа порядных грамот именно от второй половины XVI века и полное их отсутствие в нашем материале за более раннее время совершенно невозможно. Очевидно, здесь важное значение имела и другая причина: несомненно, даже и в изучаемое нами время и тем более раньше большинство договоров об аренде земли и найме личных услуг между крестьянами и землевладельцами заключались устно. Такое объяснение тем более вероятно, что еще в XVII веке, несмотря на предписания записывать порядные грамоты в особые книги, встречаются указания на устные соглашения этого рода [1]).

Если это так, то сохранение первых порядных грамот именно от второй половины XVI века приобретает уже

---

[1]) *Дьяконов*, Очерки из истории сельского населения, стр.[illegible]73, прим. 3.

важное значение для исследования взаимных отношений крестьян и землевладельцев. Договор заключается устно как раз тогда, когда возникающие из него отношения совершенно ясны, бесспорны, общепризнаны и прочно держатся в действительности. Потребность облечь договор в письменную форму возникает и обостряется именно тогда, когда в установившемся обычае, в сложившихся издавна бытовых, житейских отношениях наблюдаются сдвиги, изменения или по крайней мере колебания. Ясно, таким образом, что самый факт появления порядных грамот во второй половине XVI в. знаменателен: очевидно, старые, привычные отношения уже поколебались, в них произошла трещина, что-то начало меняться.

И как ни мало дошло до нас порядных грамот того времени, они могут нам вскрыть действительно происходившие перемены, потому что, во-первых, записи-то как раз и отмечали эти перемены наряду с обычными, старыми, унаследованными от прошлого явлениями, и, во-вторых, большая часть уцелевших от XVI века сохранились гнездами: до нас дошли, например, договоры Николаевского Вяжицкого монастыря с крестьянами, селившимися на его землях, расположенных частью на севере, частью в Новгородской области [1]). Значительная цельность и разнообразие этой коллекции служат достаточной гарантией против случайности наших наблюдений и выводов: характерное, наиболее важное и типичное должно было отразиться на нашем материале.

Так как в специальной литературе по истории крестьянского прикрепления задолженности крестьян придается особое значение, то побочные условия порядных грамот, касающиеся крестьянских долгов, естественно, обращают на себя внимание в первую очередь.

Порядные XVI века говорят далеко не всегда о „подмоге“, очень редко о „ссуде“, при чем оба эти слова имеют одинаковое значение пособия для приведения участка в годный для сельскохозяйственной культуры вид и потому, если все условленные в этом отношении работы исполнены, подмога или ссуда не возвращаются

---

[1]) Акты Юрид., №№ 177, 178, 183, 184, 186, 189; Русск. Истор. Библ., т. XXXII, № 271.

землевладельцу, а как бы погашаются этими работами [1]). Неверно поэтому мнение, что ссуда отличается от подмоги, что она заем [2]). Но неверно и мнение, что и ссуда и подмога имеют значение займа [3]). И ссуда и подмога одинаково—простое вознаграждение за работу по распашке участка, за постройку различных строений и т. п. Возврат ссуды и подмоги поэтому происходит лишь тогда, когда условленные работы не выполнены, или вообще крестьянином нарушены условия договора [4]). Есть только одно исключение: по одной порядной 1558 г. крестьянин взял у землевладельца (в данном случае у монастыря) 10 кадей овсяных семян и обязался даже и по исполнении всех условий договора вернуть землевладельцу [5]). Здесь мы имеем перед собой действительный, подлинный заем, но характерно и важно, что в грамоте он ни ссудой, ни подмогой не назван. Надо при этом заметить, что если сбросить со счета этот исключительный и притом ранний, следовательно совершенно не характерный, не типичный случай, то из 30 с лишком порядных XVI в. только семь или менее четверти говорят о подмоге или ссуде [6]). Правда, значение этого наблюдения уменьшается тем, что подмоги и ссуды не знают главным образом порядные крестьян северных, зажиточных, не страдавших от экономического кризиса, постигшего Центр и область Новгорода и Пскова, так что крестьяне этих последних областей, очевидно, не без влияния кризиса не могли основывать свое хозяйство на новом месте без пособия от землевладельца, но раз подмога или ссуда возвращались только при неисполнении установленных условий, то, очевидно, сами по себе они крестьянина не прикрепляли, и центр тяжести всего вопроса переносится таким образом на то, выполнимы ли,

---

[1]) См. все порядные XVI в., где есть ссуда и подмога. Акты Юрид., №№ 178, 182, 183, 290, 1, 189, 191; Рус. Ист. Библ., т. XXXII № 271.

[2]) Сергеевич.

[3]) Ключевский.

[4]) А. Ю., №№ 178, 182, 183, 290, 1, 189, 191; Р. И. Б., т. XXXII, № 271.

[5]) Рус. Ист. Библ., т. XII Б, № V.

[6]) Там же, т. XXXII, № 271, А. Ю., №№ 178, 182, 183, 290 1, 189, 191.

не слишком ли тяжелы были обычные условия, а также и на то, как велики были займы крестьян в собственном смысле слова.

Присматриваясь внимательно к содержанию наших порядных, мы чрезмерной тяжести, непосильности, невыполнимости условий не замечаем. Пахать пашню, не „запереложить“ ее, построить избу, баню или другие строения, сделать изгородь, платить оброки и подати часто с льготами и смягчениями—все это были обязательства, отчасти совершенно обычные и неизбежные и раньше, отчасти связанные с интересами самого крестьянина-земледельца и во всяком случае более или менее выполнимые, посильные. При таких условиях подмога или ссуда, конечно, вызывала необходимость для крестьянина, если он хотел сохранить полную свободу перехода, выполнять в точности все условия договора и в этом смысле затрудняла, стесняла переход, но не уничтожала его и, следовательно, по крайней мере в XVI в., не содействовала закрепощению крестьян.

Говоря так, мы не думаем, однако, утверждать, что задолженность крестьян не играла тогда никакой роли в начинавшемся уже фактически процессе закрепощения. Нет, она роль играла. Но дело тут в XVI в. было пока не в подмоге или ссуде, а в „ростовом“ и „издельном серебре“, в процентном долге и в долге, обеспеченном „издельем“, обязательством „за рост пахати“ [1]). А такие долги, несомненно, существовали довольно часто, как показывают духовные и другие грамоты [2]). Мы имеем и две поучительные в этом смысле конкретные иллюстрации: у Кириллова-Белозерского монастыря 70% всех крестьян не имели чем засеять свои участки без помощи вотчинника и занимали у него семена для посева [3]); в Тверском уезде в последней четверти XVI в. в таком же положении находились и не могли обойтись без займа более 90% всех крестьян [4]).

---

[1]) *Ключевский*, Происх. креп. права: „Р. М.“ за 1885 г., № 10, стр. 9.

[2]) См., напр., Моск. Арх. М. Юст., гр. колл. эк., №№ 1800, 5061, 4993 л. др.

[3]) *Ключевский*, Происх. креп. права: „Р. М.“ за 1885 г., № 10, стр. 8—9.

[4]) *Лаппо*, Тверской уезд в XVI в.,—таблица об условиях поряда.

Надо еще прибавить, что задолженность крестьян землевладельцам увеличилась потому, что она питалась еще переходом к денежному хозяйству, особенно обострившим нужду в деньгах, которых вообще было мало, и повергавшим нередко крестьянина в особенно бедственное, критическое положение, потому что приходилось перестраивать всю хозяйственную жизнь на совершенно новые основания, а маломощному хозяину выполнить эту работу было совершенно невозможно без посторонней помощи. В том же направлении действовала и необходимость платить денежные государственные налоги и денежные владельческие оброки. Наконец, даже „пожилое" было увеличено Судебником 1550 г. на 2 алтына [1]) и представляло собою платеж не менее 30 рублей разом на наши довоенные деньги, что равнялось трети обычного годового дохода крестьянина.

Уже все это делало крестьянскую задолженность чрезмерной, крайне обременительной, непосильной. Но этого мало: она становилась в большинстве случаев совершенно безнадежной, крестьянин делался чаще всего неоплатным должником вследствие того, что произошел известный уже нам экономический кризис, повлекший за собою крайнее разорение крестьян.

По всем этим причинам во второй половине XVI в. крестьяне редко уходили сами, без чужой помощи. В Тверском уезде, в землях великого князя Симеона Бекбулатовича, по писцовым книгам 1580 года, из 300 ушедших крестьян самостоятельно ушли только 53— всего одна шестая часть, сбежали незаконно 55 (18%) и были вывезены 188 (63%) [2]).

Против этих незаконных форм выхода—побега и вывоза—землевладельцы раньше известных уже нам правительственных указов принимали меры, которые нашли себе отражение в тех же порядных, в особенности в одном побочном, дополнительном их условии, значение которого с течением времени все росло: речь идет о так называемом „заряде", т.-е. неустойке, которою земле-

---

[1]) А. И., т. I, № 153.

[2]) *Лаппо,* Тверской уезд в XVI в. — таблица о крест. переходе; *Платонов,* Лекции по русск. истории, изд. 5-е, стр. 187.

владельцы обеспечивали исполнение крестьянами всех условий договора. Неустойка к концу века все росла в размерах. В порядных 50-х и 60-х годов, поскольку они дошли до нас, мы ее совсем не встречаем [1]). В 70-х годах она появляется в разных размерах — в 1, 2, 3, самое большее в 5 рублей [2]). В 80-х годах высшая норма неустойки, существовавшая в предшествующее десятилетие—5 р.,—оказывается уже обычно низшей, высший же предел доходит до 10 р. [3]), и эти 10 рублей обычны как „заряд“ в 90-х годах XVI в. [4]). В конце периода это составляло на наши довоенные деньги, следовательно, 250 рублей, сумму, в 2—2$^1/_2$ раза превосходившую годовой доход среднего крестьянина. За три последних самых критических десятилетия неустойка выросла по меньшей мере вдвое, иногда втрое, впятеро и в худших случаях даже в десять раз. Закрепощающее ее значение совершенно очевидно.

В некоторых порядных—почти исключительно северных—договор заключается не бессрочно, а на определенный срок [5]). Конечно, определенный срок — тоже некоторое временное стеснение свободы выхода, но сроки обычно невелики—3, 4, 5 лет,—да и самый факт срочности служит подтверждением допустимости свободы перехода, отсутствия юридического прикрепления.

Наконец, в одной порядной 90-х годов встречаем особое условие перехода—обязанность уходящего крестьянина посадить вместо себя другого жильца [6]). Это условие—признак того, что состояние крестьян-новопорядчиков или новоприходцев стало сближаться с тяглыми людьми вообще в отношении делавшей успехи крестьян-

---

[1]) Рус. Ист. Библ., т. XII Б, № V, т XIV А, № XXXVIII; А. Ю., № 177.

[2]) Рус. Ист. Библ., т. XIV А, № LVIII, 1, 2, 3, 4, 5; т. XXXII, № 271; Акты Юридич., № 178.

[3]) Р. И. Б., т. XIV А, № LVIII, 6, 7, 8, 9; А. Ю., №№ 180, 182, 183, 290 I.

[4]) Р. И. Б., т. XII Б, № XII; т. XIV А, № LVIII, 10, 11, 12, 13, 14; т. XXXII, №№ 360, 366; *Дьяконов,* Акты, отн. к ист. сельск. насел., вып. I, № 1.

[5]) Р. И. Б., т. XIV А, № LVIII (14 порядных) и № XXXVIII, т. XII Б, №№ V и VII; Акты Юрид., № 178.

[6]) Акты Юрид., № 187.

ской крепости: переход тяглых людей считался законным, если переходивший садил на свое место другого жильца [1]).

Но кто же были эти тяглые люди, крепкие таким образом тяглу, хотя и условно? Это были, повидимому. главным образом, даже исключительно, старожильцы. Исследователи полагают, что старожильство создалось разными причинами. „Во-первых, старина отчасти складывалась под влиянием тягла“ [2]), записи в писцовые книги и другие официальные документы [3]), „вероятно, старожильцы были по преимуществу письменными людьми, тогда как новоприходцы чаще всего входили в состав неписьменных“ [4]); „с точки зрения правительства старожильцем оказывался тот, кто исстари тянул тягло со своего жеребья“ [5]), т.-е. платил с него подати и отбывал повинности государству. Во-вторых, на появление старожильства повлияла давность жительства на данном участке [6]), вытекавшая чаще всего из того, что первые, давние поселенцы захватывали лучшие земли и потому дорожили ими, не покидали их [7]). В третьих, вследствие постоянных передвижений населения, землевладельцы дорожили постоянными, прочными работниками и потому оказывали им особое покровительство, что также привязывало старожильцев к месту [8]). В четвертых, наконец, по мнению некоторых исследователей [9]), на образование старожильства повлияла задолженность крестьян: задолжавший крестьянин не мог уйти, оставался долго на месте, и потому ему и его потомству легко было „застареть“.

---

[1]) *Дьяконов*, Очерки из истории сельск. насел. в Моск. гос., стр. 11.

[2]) *Лаппо-Данилевский*, Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Моск. гос. XVI—XVII вв., Спб. 1901, стр. 154.

[3]) *Дьяконов,* Очерки из ист. сельск. нас., стр. 28.

[4]) *Лаппо-Данилевский,* Разыскания, стр. 157.

[5]) Там же, стр. 156.

[6]) Там же, стр. 156; *Дьяконов*, Очерки, стр. 2—4, 8—9.

[7]) *Лаппо-Данилевский*, Разыскания, стр. 154.

[8]) *Ключевский,* Курс русской истории, ч. II, изд. 1-е, стр. 406.

[9]) *Дьяконов*, Очерки из истории сельск. нас., стр. 21.

Это последнее мнение—о связи образования старожильства с задолженностью—встретило недавно возражение в том смысле, что старожильцы были людьми домовитыми, зажиточными или, как тогда выражались, „прожиточными", и потому не нуждались в ссудах [1]); это будто бы была, следовательно, крестьянская более или менее богатая буржуазия. Едва ли, однако, есть достаточно оснований для такой экономической квалификации старожильцев. Уже в XVI в., не говоря о XVII, бывали старожильцы бедные, нуждавшиеся в пособии со стороны землевладельцев. Под большим вопросом следует оставить и соображение об особом покровительстве старожильцам со стороны землевладельцев, тем более что, как это хорошо известно, старожильцы большею частью никакими податными льготами не пользовались, льготы эти составляли удел главным образом новоприходцев. Надо еще прибавить, что понятие „старожилец" распространялось не только на крестьян, прочно усевшихся на своих участках, но и на тех, кто раньше живал за известным землевладельцем и опять к нему возвращался, не говоря уже о крестьянах, переходивших от одного землевладельца к другому в пределах известной местности. Вот типический пример: в 1594 г. Матвей Ляпинский и Андрей Дрошко порядились в крестьяне к Николаевскому Вяжицкому монастырю в деревню Грининскую, при чем оба они называют себя „старинными Николиными крестьянами" не потому, что живут за монастырем в момент заключения договора, а по той лишь причине, что первый „бывал—живал за Николою на деревни на Овинце Ляпинском", а второй „живал на деревни Луки" [2]). Таким образом, тягло, запись в писцовые книги и другие официальные документы, давность жительства и задолженность влекли старожильцев в крепостное состояние, хотя бы и условное. И здесь, следовательно, слагались условия, действовавшие в том же направлении, какое наблюдается в положении и всего остального крестьянства во второй

---

[1]) *Михайлов,* Обычный институт старожильства: „Ж. М. Нар. Пр." за 1912 г., янв., стр. 88—98.

[2]) Русск. Ист. Библ., т. XXXII, № 366.

половине, в особенности в конце XVI века: узел крепостной неволи постепенно завязывался все крепче, тем более, что это было подготовлено и в предшествующий период.

Такое же прикрепление к тяглу составляет одну из отличительных черт положения тяглых посадских людей в изучаемое нами время. 91 статья Судебника 1550 года запретила торговым посадским людям селиться за монастырями [1]. 98 глава Стоглава разъясняет, что перезывать в монастырские и архиерейские слободы людей со стороны было запрещено, „кроме нетяглых городских людей, принимать же тяглых городских людей было безусловно запрещено, и вышедших после писцов велено было вернуть назад“ [2]. Есть и отдельные факты, указывающие на такой обратный вывод тяглых посадских людей, перешедших в слободы монастырей и епископов: это мы наблюдаем, например, в Серпухове в 1551/52 году, в Вотской пятине в 1568/69, в Каширском уезде в 70-х годах XVI века, в Свияжске в 1586 г. [3]. Прикрепляя к тяглу посадских людей, правительство, однако, оказывало им некоторую материальную поддержку и не отдавало их, например, в жертву ростовщикам с рабовладельческими тенденциями. Вот почему и на торговых людей распространялось действие указа 25 декабря 1557 года, по которому, как мы видели, такие большие льготы в уплате долгов были даны служилому сословию; только посадские люди получили меньше льгот: служилым уплата долга без процентов была рассрочена на пять лет, посадские должны были уплатить занятый капитал разом, без рассрочки, но от уплаты процентов и они были свободны наряду со служилыми [4]. Тягло, уплата податей и отбывание повинностей обусловило собою и институт выборных посадских старост и целовальников, обязанных раскладывать и собирать налоги и наблюдать за правильным

---

[1]) Акты Ист., т. I, № 133; *Дьяконов,* Очерки из ист. сельск. нас., стр. 2—3.

[2]) *Дьяконов*, Очерки из ист. сельск. нас., стр. 4.

[3]) Там же, стр. 5—6.

[4]) Акты Ист., т. I, № 154, VII; *Покровский*, Русск. история, II, 3, стр. 104.

исполнением повинностей [1]). Эти зачаточные корпоративные права посадского, городского сословия объясняются именно интересами посадского населения: необходимо было путем выборной организации избавиться от крайней эксплоатации со стороны богатейшего купечества, в смысле неравномерного распределения тягла.

Параллельно всему этому и соответственно делению служилых людей на чины наблюдается во второй половине XVI в. и в посадском сословии выделение высших слоев, сообщение им особых привилегий и выгод. Откупа и „верная“ (присяжная) служба по сбору питейных и таможенных сборов и выполнение по специальному поручению торговых операций казны—вот новые привелегии и выгоды верхов посадского населения. Чины гостей, людей гостиной и суконной сотен—вот новое деление городского сословия, низший слой которого стал именоваться людьми черных сотен и слобод, т.-е. торговых и ремесленных организаций. Мы можем именно во второй половине XVI века проследить процесс образования этих чинов и связанных с ними преимуществ и особенностей. Сложившимся деление посадского сословия на чины является только в 80-х годах. Раньше, например, еще в 1566 г., были гости, но не было еще гостиной и суконной сотен [2]). Им соответствовали тогда, повидимому, „торговые люди москвичи и смольняне“; „москвичи“—это будущая гостиная сотня, „смольняне“—суконная: недаром в торговых рядах в Москве даже и до последних лет XIX в. были не только Московский, но и Смоленский суконный ряд [3]). И эти „смольняне“ являются не смоленскими купцами, как показывают наши источники, а одним из разрядов столичного, московского купечества. В царствование Ивана Грозного был произведен и первый набор в столичные купеческие чины из московских черных сотен, дворцовых, церковных, монастырских и архиерейских слобод и из рядового купече-

---

[1]) *Пригара*, Опыт истории состояния городских обывателей: „Ж. М. Нар. Пр.“ за 1867 г., сентябрь, стр. 712 и след.

[2]) *Ключевский*, Состав представительства на земских соборах древней Руси: „Р. Мысль“ за 1890 г., № 1. отд. II, стр. 170.

[3]) Там же, стр. 172, 173.

ства областных городов [1]). Как только эти местные купцы становились московскими гостями или людьми гостиной и суконной сотен, правительство возлагало на на них ведение торговых и промышленных дел казны в тех по преимуществу местах, откуда они были набраны и где у них были хозяйственные связи и знакомство с местными экономическими условиями. „Этим объясняется, почему в XVI в., и в первой половине XVII гости обозначались еще нередко по именам местностей, где имели постоянное местожительство или недвижимое имущество, хотя они все числились уже в составе высшего столичного купечества“ [2]). К концу XVI в. число людей гостиной сотни доходило до 350, суконной до 250 [3]).

Так постепенно, под влиянием новых хозяйственных условий, стягивались и смыкались, слагались в сословия крепостного типа различные элементы общества. Сословная и притом крепостная организация должна была служить средством борьбы с новыми хозяйственными нуждами, приспособления к условиям слагавшегося торгового капитализма.

Но экономический сдвиг едва только совершился, далеко еще не закончился. Сделан был лишь первый, наиболее трудный шаг. Предстояла еще длинная и тяжелая дорога для того, чтобы достигнуть полной кристаллизации слагавшихся отношений и порядков. Поэтому не только не был еще доведен до конца процесс образования сословий и крепостного права, но в социальном строе сохранилось и много остатков прошлого, более или менее далекой старины. Эти остатки старой бродячести, неустойчивости были известны под именем вольных гулящих людей, не приписанных ни к одному сословию, не связанных прочно ни с одной местностью, лично свободных, но не имевших никакого определенного правового положения в других отношениях, неоседлых и обыкновенно неимущих. Ими и пополнялся обыкновенно довольно численный слой рабочих, вознаграждавшихся за

---

[1]) Там же, стр. 175.

[2]) Там же, стр. 175—176.

[3]) *Соколовский*, Экономич. быт земледельч. населения России стр. 159.

свой наемный труд обычно натурою,—подворников, захребетников, подсуседников и т. д.

К числу захребетников принадлежали в XVI в. некоторые бобыли. Бобыльство и представляет собою то общественное состояние, на котором мы должны остановиться в заключение обзора устройства русского общества во второй половине XVI века.

Кто такие бобыли? По недавно высказанному мнению, бобыли—не экономическая, а юридическая группа: бобыли свободные, нетяглые, не входящие в тяглый волостной мир люди, зависимые от господина через особую бобыльскую порядную и имеющие к государству отношение лишь в одном смысле—в смысле платежа оброка [1]). Экономические признаки здесь неважны и нехарактерны: неверно, что бобыли были всегда бедняками,—были и богатые бобыли; неверно и то, что бобыль—непашенный человек,—у бобылей бывала и пашня, только всегда нетяглая [2]). Этот взгляд идет наперерез старому мнению, что бобыли были именно непашенными людьми, следовательно, признак бобыльства — именно экономический, классовый, и лишь потом уже, в зависимости от классового положения бобылей, слагается их юридическое, сословное положение, характеризуемое тем, что они—люди нетяглые [3]).

Понятие „крестьянин“ и „пашенный человек“, несомненно, в подавляющем большинстве случаев были тождественны. „Непашенные крестьяне“ бывали, но они являлись редким исключением, только подтверждающим общее правило, и там, где они встречались, они фактически равнялись бобылям, составляли переходную группу от крестьянства к бобыльству. То же надо сказать и о бобылях: будучи по существу в подавляющем большинстве случаев непашенными людьми [4]), бобыли в виде исключения встречались и на собственной пашне, но это исключение естественно и неизбежно, как переходная ступень от бобыльства к крестьянству, и не-

---

[1]) *Греков*, Новгородские бобыли XVI и XVII вв.: „Журнал Мин. Нар. Пр.“ за 1912 г., июль, стр. 74.

[2]) Там же, стр. 55—59.

[3]) *Дьяконов*, Очерки из ист. сельск. нас., стр. 213.

[4]) Там же.

характерно для данного состояния, не составляет его отличительной, типической черты. Бытовые, экономические, классовые явления всегда осложняются такими исключениями, оттенками, переходными моментами и ступенями, и придавать им преувеличенное значение никак не следует: это грозит опасностью не понять ничего в жизни. Бобыль—непашенный человек и вовсе не потому, что вследствие бедности покинул земледелие, „отбыл пашни", как тогда говорили, или по неимению средств не мог нигде пристроиться на пашню, „порядиться в крестьне" [1]),—нет, нередко бобыли в XVI веке были не беднее крестьян, имели даже собственные лавки, занимались торговлей и в своей среде значительно разнились по достатку, так что некоторые бобыли были вдвое зажиточнее своих собратьев [2]), и, следовательно, бобыль становился непашенным человеком часто потому, что земледелию предпочел другой промысел, казавшийся ему более выгодным и удобным. В XVI веке не бедность отличала бобыля от крестьянина, а более существенная, подлинно классовая, глубокая экономически черта: бобыль не был земледельцем,—он был или ремесленником, или торговцем, или наемным рабочим [3]). И, повидимому, раньше расстояние между бобылями и крестьянами в смысле их материальной обеспеченности было еще меньше. В новгородских писцовых книгах довольно часто попадаются „поземщики", которые то же самое, что бобыли, как видно по их занятиям,—это не земледельцы, а промышленники или ремесленники,—а также и потому, что и позднейшие бобыли, как и поземщики, платили „позем"—арендную плату или оброк за усадебную оседлость, в которой жили, и эти поземщики едва ли всегда уступали крестьянам по степени состоятельности, тем более, что земледелие в Новгородской области вследствие крайней скудости почвы не могло быть прибыльным занятием [4]). Новыми во второй половине XVI в. явлениями были лишь самый термин „бобыль" да еще появление наемных бобылей,

---

[1]) Там же, стр. 216.
[2]) *Рожков*, Историч. и социологич. очерки, ч. 2-я, стр. 282.
[3]) Там же, стр. 282.
[4]) Там же, стр. 282.

бобылей-захребетников, которые жили иногда на своих собственных, а иногда и на чужих дворах [1]). Это появление наемных бобылей явление весьма характерное для того времени: оно указывает на рост классовых различий, для противоположностей в среде поземщиков или бобылей, на разложение и гибель старых ремесленников и промышленников, приспособленных к прежнему натуральному хозяйству, оказавшихся не в состоянии сохранить прежнее положение при переходе к товарному хозяйству и потому начинавших составлять первоначальные кадры настоящего, подлинного пролетариата, подобного вольным гулящим людям.

Понятно, что бобыли-захребетники, как вольные гулящие люди, были состоянием в полном и действительном смысле слова нетяглым: они не платили сами никаких государственных податей и не отбывали государственных повинностей, и никто за них не платил этих податей. Но когда бобыль имел двор, на котором он жил самостоятельно, он платил оброк за государевы подати, „за сошный оклад“ [2]. Можно ли поэтому считать таких бобылей нетяглыми людьми? Конечно, нет, ибо, очевидно, они несли тягло только в форме оброка. Но ведь это та форма тягла, какая существовала и на посадах [3]), и это не мешает нам считать тяглым посадское население.

Вопрос о том, кто был нетяглым человеком, и должен заключать собою отдел об устройстве общества в Московском государстве второй половине XVI века. Нетяглыми людьми были только люди обеленные,— служилые, не платившие податей лично и имевшие, как мы видели, часть собственной запашки тоже обеленной, неплатившей податей. Те холопы, которые жили на дворе господ и обрабатывали эту белую боярскую пашню, тоже были нетяглыми. Но даже холопы, жившие на особых дворах и обрабатывавшие особую свою пашню, были людьми тяглыми уже в XVI веке, хотя, конечно, не сами платили подати, а за них платили их господа.

---

[1]) Там же, стр. 283.
[2]) Там же, стр. 281; гр. колл. эк. № 4147.
[3]) *Чечулин*, Города Московского госуд. в XVI в., стр. 120

Были тяглыми в этом смысле и половники, за которых подати платили землевладельцы, на землях которых они жили [1]). По существу, как мы увидим, и за крестьян стали отвечать в XVII в. в уплате податей землевладельцы, так что, если определить понятие „тяглый“ как платящий лично через волостной мир, свободно организованный, то и крестьян не пришлось бы считать тяглыми людьми.

---

[1]) *Дьяконов*, Очерки из ист. сельск. нас. в Моск. гос.

VIII.

Государственный строй.

Экономическая действительность с ее крупными новшествами и неразрывно связанные с нею новые социальные отношения и порядки выдвинули на первый план государственные задачи небывалой важности и сложности и произвели глубокие перемены в политическом строе.

Здесь обращает на себя внимание прежде всего переходный момент—малолетство Грозного, правление боярской олигархии. Как всегда при олигархическом правлении, мы наблюдаем в это время борьбу двух групп, оспаривавших друг у друга господство: во главе одной стояли князья Шуйские, которые умели и могли связаться с посадскими людьми: недаром их звали „шубниками", и они имели вотчины в промышленном округе Шуи и Иванова [1]); потому же их поддерживали и торговые новгородцы [2]); вождями другой были князья Бельские, которые, повидимому, тяготели больше к другой опоре—рядовому дворянству, как можно видеть по их стремлениям шире и щедрее распространять губные учреждения, где дворянство играло главную роль [3]). Шуйские были агрессивнее Бельских в применении феодальных приемов управления—злоупотребляли кормлениями, как видно по административной практике старого пошиба, применявшейся князем Андреем Шуйским и князем Василием Репниным-Оболенским в Пскове [4]). Горькие

---

[1]) *Покровский*, Русская история, II, 3, стр. 96—97.

[2]) *Соловьев*, История России, т. VI. М., 1856, стр. 42.

[3]) Там же, стр. 79.

[4]) Там же, стр. 78.

жалобы Ивана Грозного на Шуйских [1]) лучше всего указывают на то, что боярская олигархия свела власть великого князя к полной фикции. Но характерно, что даже в это время полного политического господства феодальной аристократии обоим соперничавшим кружкам последней пришлось вступать в некоторый компромисс с вновь возвышавшимися общественными слоями: одна старая знать, без посторонней поддержки, была уже бессильна.

После Шуйских, Бельских и повторного возврата Шуйских к власти править государством стали родственники царя по матери—князья Глинские. Но их положение было очень шатко, так что князь Михаил Глинский задумал было из страха бежать в Литву [2]), и это облегчило победу над Глинскими новой коалиции из дворянства и передовых слоев феодальной аристократии. Началось правление „избранной рады“. Ближайшим поводом к ее торжеству послужил бунт в Москве в 1547 году: стало очевидным, что правление в чисто-феодальном, старом духе отжило свое время.

Существует мнение, что в компромиссе приняла участие и буржуазия, и представителем ее в данном случае выступил протопоп Сильвестр. Основанием этого служит участие его в заграничной торговле [3]). Это участие совершенно несомненно. Несомненно и то, что духовенство—белое и особенно черное, монашество—играло важную роль в торговле и кредите. Но заключать отсюда о том, что Сильвестр представлял в избранной раде торговую буржуазию, нельзя, тем более, что он выказал себя противником действительно буржуазных в значительной мере стремлений к завоеванию берегов Балтийского моря. Сильвестр представлял в избранной раде не буржуазию, которая была еще недостаточно сильна для прямого представительства в группе, державшей власть, а ту часть духовенства, которая, будучи противницей „вселукавых монахов“, иосифлян, столь ненавистных феодальной аристократии, была естественной участницей поли-

---

[1]) Сказания князя Курбского, изд. 2-е, Спб. 1842.
[2]) *Соловьев*, История России, т. VI, стр. 56—57.
[3]) *Покровский*, Русская история, II, 3, стр. 71—72.

тического соглашения, освящала его своим духовным авторитетом и укрепляла влиянием царского духовника, внушавшего молодому царю „мечтательные страхи“ [1]), „детские страшила“ [2]), т.-е. пугавшего его разными „видениями“ и „явлениями“ [3]). Курбский представлял в правящей группе старую знать и умело и тактично держался несколько в тени, уступая первое место князю Курлячеву. Дворянство было представлено „взятым от гноища“ Алексеем Адашевым, не менее близким к царю, чем Сильвестр по придворной службе: он был царским ложничим, спальником; в Думе он занимал положение сначала, вероятно, думного дворянина [4]), потом был возведен в сан окольничего.

Нам уже отчасти известно, какова была внутренняя политика избранной рады. В области социальных отношений, как мы видели, она выразилась в защите личной свободы рядовых служилых людей — дворян и детей боярских, в организации службы, в снабжении дворянства достаточным земельным имуществом путем раздачи в поместья выморочных княжеских, а также дворцовых и черных земель и „дикого поля“, в запрещении без особого доклада царю каждый раз вклада земель в монастыри, в облегчении положения задолжавших служилых и посадских людей, наконец, в установлении денежного и хлебного жалованья за службу.

Эта последняя мера имела значение и в области устройства управления—и местного и центрального.

Для выдачи денежного жалованья казна нуждалась в более или менее значительных денежных средствах. С другой стороны, с успехами товарного хозяйства, торгового капитализма обострились классовые противоречия, и вопрос об обладании материальными благами и о борьбе за эти блага стал основным, кардинальным, особенно жгучим. Соответственно этому увеличилось число преступлений против имущественных прав и стали формироваться новые, более сложные гражданско-правовые отношения. Отсюда явилась, особенно у правящих клас-

---

[1]) Выражение Курбского.
[2]) Выражение Ивана Грозного.
[3]) *Покровский*, Русская история, II, 3, стр. 100.
[4]) *Ключевский*, Боярская Дума древней Руси.

сов — землевладельцев и капиталистов, — настоятельная потребность в развитии административно-судебных органов, которые в достаточной мере ограждали бы их права и особенно права имущественные от покушений со стороны неимущего, угнетенного большинства населения. Суд и полиция должны были быть поставлены на страже интересов господствующих классов.

Из этих условий и вышла основная реформа прежде всего местного управления в Московском государстве второй половины XVI века — так называемое земское самоуправление царя Ивана Грозного.

Эта реформа была одним из проявлений того компромисса, который состоялся между дворянством и старой знатью. Исследователи справедливо полагают, что ближайшего источника земского самоуправления, заменяющего кормления, надо искать в земском соборе 1550 г. [1]). Повидимому, тогда было решено поставить в зависимость от желания местного населения практическое применение идеи земского самоуправления, не придавая ей общего значения, не распространяя реформы на всю страну. До нас дошли две уставные земские грамоты, представляющие собою уцелевшие остатки тех частичных опытов, которые производило тогда правительство: это Плесская грамота 28 февраля 1551 г. [2]) и Важская грамота 21 марта 1552 г. [3]). В 1552 г. предпринята была более общая мера: Боярской Думе поручено было рассмотреть вопрос о кормлениях, и 8 ноября 1552 г. „кормлениями государь пожаловал всю землю“, а в 1555 г. был издан окончательный указ об этом [4]), который, впрочем, также, повидимому, не распространял реформы принудительно на все государство, а предоставлял отдельным местностям на выбор оставаться при старых порядках или переходить к самоуправлению. Это видно из того, что никогда земское самоуправление царя Ивана Грозного не имело повсеместного распространения в России.

---

[1]) *Дьяконов,* Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI в.: „Журн. Мин. Нар. Пр.“ за 1904 г., апрель, стр. 192.

[2]) Там же, стр. 191.

[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 234.

[4]) Никоновск. летопись под 7064 г.

Уставные земские грамоты не оставляют никакого сомнения в том, что земское самоуправление введено было под влиянием тех именно хозяйственных и социальных причин, о которых говорено выше: они отмечают, что новые учреждения вводятся потому, что посады и деревни „запустели“ от поборов наместников, волостелей и подчиненных им людей[1]), а также „от лихих людей, от татей, и от разбойников, и от костарей“[2]), наместникам и волостелям „посадские и волостные люди под суд и на поруки не даются и кормов им не платят и их бьют“[3]). Несомненно таким образом, что правительство вынуждено было оградить безопасность населения, избавить общины от излишних расходов на содержание кормленщиков и сгладить ту вражду, которая естественно возникала при старых порядках между правителями и управляемыми. При этом правительство хотело добыть деньги для вознаграждения служилых людей за их службу. Это видно из того, что, не уничтожая других податей, сборов и пошлин, правительство обязывало самоуправляющуюся общину вносить в государственную казну особый оброк „за наместничьи и за тиунов корм, и за присуд, и за праветчиков и за доводчиков побор, и за все наместничьи пошлины, и за всех пошлинных людей поборы“[4]), при чем этот оброк платился непременно деньгами, и деньги шли на жалованье служилым людям[5]).

В ведомстве новых, созданных этою реформой, излюбленных голов или излюбленных (т.-е. выборных: „излюбить“—„выбрать“) старост или земских судей с целовальниками (присяжными), выбиравшихся населением и утверждавшихся органами центрального управления, заметными становятся функции, почти совершенно остававшиеся в тени у наместников, волостелей и городовых приказчиков. Они ведают уже не только финансы и суд, но и полицию: наблюдают за безопасностью от лихих

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242, 243; т. III, № 126.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242, 243; т. II, № 52; т. III, № 37, 126.

[5]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 250; т. II, № 52; т. III, № 37.

людей, производят следствие, призывают крестьян на поселение [1]). Характерно и ново также и то, что впервые довольно определенным образом устанавливается и ответственность, — именно материальная ответственность за недоставку оброка казне и конфискация имущества за сокрытие лихих людей, несправедливости и проч. [2]).

В результате того, что реформа областного управления 50-х годов XVI в. не была повсеместной, общеобязательной, оказалась к концу столетия крайняя пестрота, чрезвычайное разнообразие областных учреждений: наряду с уцелевшими еще во многих местах наместниками и волостелями существовали излюбленные головы, кое-где стали появляться воеводы и дьяки [3]), иногда управление областью ведали городовые приказчики, наконец, кое-где губные старосты выступали в роли высших областных правителей. И здесь процессы разрушения старых порядков и нового строительства начались, но не были завершены.

Реформы 50-х годов были связаны и с переменами в центральном управлении: под влиянием этих реформ образовались новые финансовые центральные учреждения, не существовавшие раньше приказы—приказ Большого Прихода и четверти или чети.

Вопрос о конкретных обстоятельствах происхождения этих финансовых приказов принадлежит к числу спорных и требует поэтому внимательного рассмотрения. Старое объяснение, сводящееся к тому, что четверти были остатками старых удельных дворцовых приказов, территориальными приказами, ведавшими бывшие территории удельных княжеств [4]), в настоящее время безусловно и вполне справедливо отвергнуто: удельные дворцовые приказы существовали в первой половине XVI в. особо, пока не слились с приказом Большого Дворца; они не имели ничего общего с четвертями. Неосновательным надо признать также мнение, что

---

[1]) Там же.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242, 243, 250; т. III, № 126; Акты Ист., т. I, № 163.

[3]) См., напр., Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 235, 323, 327, 331, 337; Акты Историч., т. I, № 146.

[4]) *Градовский*, История местного управления в России.

четверти образовались под влиянием учреждения, о котором нам скоро придется говорить особо,—опричнины Ивана Грозного [1]). Против этого говорит как тот факт, что в 1576 году Щелкалов, дьяк из *земщины*, управлявший Разрядом, ведал также и чети [2]), так и в особенности то обстоятельство, что и Большой Приход и четверти возникли задолго до опричнины [3]). В сущности, единственным основанием для мнения о связи четей и Большого Прихода с опричниной является существование в конце XVI века приказов, имевших названия Дворовый Большой Приход и Дворцовый Четвертной Приказ [4]). Однако, и этот факт не говорит в пользу разбираемого взгляда: дело в том, что с учреждением опричнины и ее развитием появились наряду с приказами в земщине соответствующие им приказы в опричнине, причем, вопреки существующему мнению [5]), последние составляли не простые отделения первых, а были самостоятельны и находились не в Москве, а в Александровой Слободе [6]). Такими опричными приказами и являлись, очевидно, Дворовый Большой Приход и Дворцовый Четвертной Приказ, что не мешало одновременному существованию в земщине особых Большого Прихода и четвертей, возникших ранее соответствующих приказов в опричнине.

По другой теории, приказ Большого Прихода и четверти выделились из приказа Большого Дворца вследствие того, что от дворцовых доходов отделились доходы государственные, которые перешли к Большому Приходу, а из государственных доходов в свою очередь выделились доходы местные, которые и стали ведаться четвертями. При этом четверти первоначально зависели от

---

[1]) *Середонин*, Сочинение Джильса Флетчера „On the Russe Common Wealth", как исторический источник.

[2]) *Платонов*, как возникли чети: „Ж. М. Н. Пр" за 1892 г., № 5, стр. 168.

[3]) *Дьяконов*, Дополнит. сведения о моск. реформах: „Ж. М. Нар. Пр." за 1894 г., апрель, стр. 196—197.

[4]) Акты Археогр. Эксп., т. I, №№ 318 и 312.

[5]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 154—155.

[6]) Так, встречаются ссылки на грамоты, „что присланы от нас из Александровские Слободы": Моск. Арх. Мин. Юст., гр. кол. эк. Белозерс. у., № 835.

Большого Прихода, что доказывается следующими соображениями: 1) в 1597 г. Новгородская четь и четь Ивана Вахромеева получают деньги на расход из Большого Прихода, 2) начальник Казанского дворца, дьяк Петелин, сам, собственною властью, не налагает прибавки податей на имение В. Щелкалова, а просит сделать это дьяка Большого Прихода, 3) чети долго остаются под начальством простых дьяков и лишь потом получают начальников из думных людей, 4) в древнейшей из записных книг Разряда денежные ассигновки, впоследствии дававшиеся на чети, идут в Большой Приход[1]).

По поводу первого и четвертого из этих соображений надо заметить, что расходование сумм из разных приказов даже позднее, во второй половине XVII века, т.-е. столетие спустя после изучаемого времени, производилось „куда доведетца“, „куда царь укажет“ и т. д.[2]), так что в XVI веке не может быть и речи о сколько-нибудь установившихся в этом отношении порядках. Второе соображение также не доказывает зависимости четвертей от Большого Прихода, а свидетельствует лишь о том, что дела о прибавке податей ведались не четвертями, а Большим Приходом. По поводу третьего соображения надо заметить, что и самостоятельные приказы в Московском государстве нередко управлялись простыми, недумными дьяками: так, в 40-х годах XVII в. Поместным Приказом управлял простой дьяк Федор Елизаров[3]), лишь позднее дослужившийся до думного дьячества и потом до думного дворянства[4]). Справедливо указано также, что уже в 60-х и 70-х годах различались платежи в Четвертной Приказ и в Большой Приход, так что различались и самые учреждения[5]) Нельзя не согласиться и с замечанием, что идея о раз-

---

[1]) *Милюков*, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века, изд. 2, стр. 21—22.

[2]) *Котошихин*, О России в царств. Алексея Мих., стр. 80, 89, 92.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчинная 5996/28.

[4]) Там же, кн. 5997/29, дело № 59; кн. 6000/32, дело № 2.

[5]) *Платонов*, Как возникли чети: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1892 г., № 5, стр. 165—166.

делении кассы поступлений общегосударственных и местных была не по плечу московскому правительству XVI века[1]). Наконец, в сущности, не приведено ни одного доказательства выделения Большого Прихода из Большого Дворца. Таким образом и разбираемая теория не выдерживает критики.

Гораздо правильнее сближение перемен в центральном финансовом управлении с известными уже нам реформами в областных учреждениях второй половины XVI века,— именно с попытками земского самоуправления, приведшими к введению „кормленного окупа", денежного оброка, поступавшего на жалованье служилым людям. По этой теории, сначала существовал единый Четвертной Приказ, разделившийся в последней четверти XVI века на несколько четвертей[2]), первоначально по именам дьяков, ими заведывавших, а потом по управляемым областям: таковы были сначала чети В. Щелкалова, А. Щелкалова, Ивана Вахрамеева, потом четверти Новгородская, Галицкая, Костромская, Устюжская, Владимирская; сюда же принадлежал Казанский дворец, в котором уже в 1599 г. значится Сибирский стол, впоследствии выделившийся в особый Сибирский приказ, имеющий для Сибири значение четверти в XVII в. При этом, если не считать особо образовавшейся территории Казанского дворца из среднего и нижнего Поволжья, Урала и Сибири, территория остальных четвертей образовалась постепенно, и нельзя сказать, чтобы дьячьи четверти были вполне точными предшественницами четвертей, называвшихся по городам: пределы первых далеко не всегда совпадали с пределами вторых. Типический пример—процесс образования территории Новгородской четверти. Вот как он шел: в 1571—1588 годах в самом Новгороде существовало местное управление в роли чети, распоряжавшееся только в Новгороде и его пригородах; в 1588 г. появилась четь дьяка Андрея Щелкалова, территория которой была уже шире, охватывала весь Новгородский уезд и Двинскую

---

[1]) Там же, стр. 160.

[2]) *Дьяконов*, Дополнит. сведения о моск. реформах: „Ж. М. Н. Пр." за 1894 г., апрель, стр. 194—196.

землю; и только уже потом, в 90-х годах XVI в., является Новгородская четь в полном своем составе [1]).

Разделение новых финансовых функций между особыми территориальными приказами диктовалось как особенностями отдельных частей государства, еще окончательно не сплотившихся в единое, прочное и плотное целое, так и отчасти потребностью в ассигновании разных доходов на отдельные нужды путем приписки той или другой четверти к разным приказам или путем специальных назначений из доходов данной четверти на отдельные нужды; при отсутствии единства государственной кассы деление на ряд территориальных приказов придавало финансовому управлению большую эластичность, делало его более чутким, приспособленным к потребностям житейской практики.

Однако, и сторонники приведенного объяснения не согласны между собою в вопросе о том, из какого приказа выделились четверти, и какому приказу они были первоначально подчинены. Они думают, что таким приказом был Разряд [2]), другие считают чети выделившимися из ведомства казначеев [3]). Подчиненность Четвертного приказа Разряду доказывается следующим образом: 1) в местническом деле Федора Зюзина с Федором Нагим *разрядный* дьяк Андрей Щелкалов, обязанный справиться *у себя в приказе* о жалованной грамоте на Галич и послать ее *за своей приписью*, поручил сделать эту справку четвертным дьякам во всех четвертях; 2) в 1574 году грамота, дающая право Кириллов-Белозерскому монастырю платить деньги непосредственно „в четверть на Москве", подписана Андреем Клобуковым, который был тогда разрядным дьяком; 3) в 1577 году разрядным дьяком был Василий Щелкалов, и явилась его четверть; 4) в 1578 году упоминается четь Андрея Арцыбашева и Алексея Исакова, между тем как Арцыбашев был в то время разрядным дьяком; 5) естественно, что Разряд стал

---

[1]) *Милюков*, Госуд. хоз. России в первой четверти XVIII в.

[2]) *Платонов*, Как возникли чети: „Ж. М. Н. Пр." за 1892 г., № 5, стр. 168 и сл.

[3]) *Дьяконов*, Дополнит. свед. о моск. реформах: „Ж. М. Н. Пр." за 1894 г., апрель, стр. 195.

ведать сборы, заменявшие кормление: ведь он же ведал служилых людей службой и кормлением [1]).

Оставляя совершенно в стороне последнее общее соображение, которое само по себе, взятое отдельно от других наблюдений, ничего не дает в пользу отстаиваемого взгляда, надо признать столь же мало основательными и все другие доказательства. Поручение другим приказам сделать необходимую справку легко могло быть следствием того, что не нашлось материалов по данному вопросу в Разряде; грамота Кириллову монастырю была, вероятно, решением Боярской Думы или самого государя, потому что всякого рода финансовые льготы исходили обыкновенно от верховных учреждений, и Разряд тут действовал в качестве думской канцелярии, как это бывало очень часто [2]), хотя и не всегда [3]). Не доказывают подчинения частей Разряду и факты совместительства по управлению Разрядом и четями: совершенно обычным, заурядным явлением было управление одного лица двумя и даже иногда более приказами.

Остается таким образом признать, что четверти выделились из ведомства казначеев, как, вероятно, отсюда же выделился и приказ Большого Прихода. Это подтверждается документально: по указу 1555 года оброк за наместнич корм было предписано „сбирать к царским казнам", а „царские казны" ведались казначеями; по первым уставным грамотам дьяки, получающие оброки за наместнич корм, напр., Угрим Львов и Истома Новгородов, оказываются подчиненными казначеям; по уставной Двинской грамоте 1556 года дьяк Путило Нечаев ведает Двинскую землю уже один и без подчинения казначеям докладывает о всех делах государю [4]).

Сделанный сейчас разбор вопроса о происхождении финансовых приказов ставит таким образом вне сомнения правильность объяснения организации центральных учреждений на основе хозяйственных и социальных явлений

---

[1]) *Платонов*, Как возникли чети: „Ж. М. Н. Пр." за 1892 г., № 5, стр. 168—171.

[2]) *Ключевский*, Боярская Дума древней Руси.

[3]) *Веселовский*, в „Сборнике статей в честь С. Ф. Платонова".

[4]) *Дьяконов*, Дополнит. свед. о моск. реформах: „Ж. М. Н. Пр." за 1894 г., апрель, стр. 194, 195, 197, 198.

и перемен в областной администрации. Незачем при этом предполагать сразу какой-либо особый переворот в умах, новую точку зрения на государство и его назначение; нет основания, напр., думать, что установилось вполне ясно сознание о разнице между дворцовыми и государственными доходами. Просто более поздние по своему происхождению налоги повели к созданию особого учреждения, их ведавшего,—Большого Прихода,—а новый доход за наместнич оброк в связи с производством расходов на жалованье четвертчикам вызвал к жизни сначала один Четвертной Приказ, а потом отдельные четверти, появившиеся под влиянием местных бытовых особенностей. Дело было вовсе не в работе теоретической мысли, а в стихийном воздействии новых общественных явлений, к которым правительство приспособлялось, как умело, создавая для каждой новой финансовой потребности особое учреждение. Стихия наталкивала на уступки дворянству, на соглашение с ним. И областная реформа, и перемены в центральных финансовых учреждениях были отражением этого соглашения: многое было уступлено и на местах и в центре именно дворянской массе.

Этим, между прочим, объясняется одна характерная черта в деятельности новых финансовых приказов: и Большой приход, и четверти играли в то время весьма видную роль в писцовом деле [1]), столь важном для организовавшегося служилого сословия.

Его же потребностям отвечали и другие перемены в центральном управлении, тоже связанные с 50-ми годами XVI века. К 1555—56 годам относятся первые следы существования Поместного Приказа, ведавшего служилое землевладение. Понятно, чем вызвано было к жизни это учреждение: дело было не только в том, чтобы обеспечить служилых людей землей в интересах государственной службы, но и в том, чтобы разрешить разные вопросы, касающиеся форм землевладения и мобилизации земельной собственности, а главное точнее определить самое отношение служилых людей к земле, утвердить их права на нее и оградить их от покушений со стороны

[1]) *Веселовский*, Сошное письмо, т. II, стр. 7, 12.

сильных людей. Если раньше, при господстве натурального хозяйства, когда мобилизация земельной собственности была ничтожна, и гражданские сделки с землей являлись редкостью, чувствовалась все-таки потребность в регистрации приобретаемых прав, в их нотариальном укреплении, то теперь эта потребность сильно обострилась. Прежде можно было добиваться этого укрепления прав путем получения жалованной грамоты великого или удельного князя. Теперь уже невозможно было привлекать к участию в актах ежедневной действительности, как бы мелки они ни были, самое верховную власть. И потому старый порядок регистрации владельческих прав на землю путем жалованных грамот князей был заменен другим. В указе 11 января 1558 г. читаем „купиги вотчина, сыскивая и в тех книгах рассмотря где вотчинные купли и закладные у которых диаков в книгах записаны“ [1]). Затем в купчих грамотах, преимущественно с 80-х годов XVI века, становится стереотипным обязательство продавца записать за покупателем вотчину в Поместном Приказе [2]). Наконец, от первой половины XVII в. до нас дошел целый ряд так называемых „записных вотчинных книг“ [3]) Поместного Приказа, при чем в сохранившихся книгах встречается указание, что они велись и в XVI веке [4]). Поместный же Приказ вел книги и „поместным дачам“ [5]).

Надо было, наконец, оградить служилый люд от порабощения и защитить его от насилий старой аристократии и властей, отсюда вышли в тех же 50-х годах приказы Холопий [6]), регистрировавший все случаи поступления в рабство и все сделки с холопами и рабами, а также судивший по делам о холопстве [7]), и Челобитный Приказ, куда на сильных били челом самому госу-

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 154, IX.

[2]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., гр. кол. эк., Пер.-Залесс. у., №№ 9015, 9021, 9024; Владимирск. у., №№ 3858, 3862 и т. д.

[3]) *Рожков*, Книги записные вотчинные Поместного Приказа: „Историч. и социологич. очерки“, часть 2-я,

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотчинная 5992/24, дело № 2.

[5]) Там же.

[6]) Акты Арх. Эксп., I, № 289; *Котошихин*. О России в царств. Ал. Мих.

[7]) Там же.

дарю; этот приказ был, следовательно, канцелярией по приему прошений на царское имя, и характерно, что во главе его стоял вождь дворянской партии компромисса Алексей Адашев [1]).

Но уступки дворянству не ограничились всем этим. Нам уже известно, что они выразились также в окончательном и уже довольно стройном и точном определении состава высшего государственного учреждения Боярской Думы, где наряду с боярами и окольничими, в число которых редко проникали провинциальные дворяне, заседали еще думные дворяне и думные дьяки, представители дворянской массы. Еще более ярким выражением этой уступчивости является история земских соборов XVI века.

Известны четыре собора этого времени: 1550, 1566, 1584 и 1598 годов. Существование первого из них заподозревается некоторыми исследователями только потому, что о созыве людей „из городов всякого чина" говорит летопись [2]), соборного акта не сохранилось, а речь, произнесенная царем на соборе, является в летописи позднейшей вставкой [3]). Но если даже эта речь и недостоверна,—самый факт созыва собора 1550 года все же засвидетельствован источниками. Притом же идеолог компромисса князь Курбский считал необходимым и полезным совет „всенародных человек" [4]). Поэтому, несомненно, начало земских соборов в России связано с историей реформ 50-х годов. И в этом отношении глубоко знаменателен и интересен состав земских соборов XVI века: он дополняет картину Московской Руси второй половины столетия некоторыми весьма показательными чертами.

В протоколе собора 1566 г. поименованы 374 члена собора, составлявшие четыре группы: 1) 32 духовных лица - архиепископы, епископы, игумены и монастырские старцы; это не выборные, а „лица, одни из которых явились на собор по своему сану, как его непременные члены, другие, вероятно, были приглашены правитель-

---

1) *Ключевский*, Курс русской истории.
2) Никоновск. лет. под 7078 г.; Собр. Гос. Гр. Дог., т. II, № 37.
3) *Платонов*. Статья по русской истории.
4) Сказания князя Курбского.

ством, как сведущие люди" [1]); 2) 29 бояр, окольничих, думных дьяков и пр. и 33 простых дьяков и приказных людей; и это не выборные, а „сановники и дельцы высшего центрального управления, члены Боярской Думы, начальники и секретари московских приказов" [2]); 3) 97 дворян первой статьи, 99 дворян и детей боярских второй статьи, 3 торопецких и 6 луцких помещиков; все это были столичные дворяне, но „они явились на собор представителями местных миров, уездных дворянских обществ, с которыми были связаны, несмотря на свою принадлежность к столичному дворянству"; при этом большинство этих дворянских представителей было от уездов западных и центральных, „откуда шла наибольшая масса боевых сил на войну, вызвавшую собор 1566 г."; это были тоже не выборные, а служившие в войске по назначению воевод сотенными головами, начальниками сотен, уездных дворянских отрядов, при чем воеводы назначали их из выбиравшихся дворянами уезда сотенных знаменщиков; были тут и воеводы пограничных городов—также не по избранию, а как сведущие люди [3]); 4) 12 гостей, 41 „торговых людей москвичей" и 22 человека смольнян; и это были не выборные представители посадского торгового населения, а столичные купцы, экономически связанные с провинцией, откуда они происходили, и выполнявшие там поручения по казенной торговле и сбору таможенных и кабацких пошлин [4]). Таким образом собор 1566 г. был „совещанием правительства со своими собственными агентами" [5]).

Теми же в общем особенностями отличался и состав земских соборов 1584 и 1598 годов, из которых первый утвердил на престоле Федора Ивановича, а второй выбрал Бориса Годунова [6]). Оригинальной чертой собора 1598 г. является только присутствие на нем небольшого

---

[1]) *Ключевский.* Состав представительства на земских соборах древней Руси: „Р. Мысль" за 1890 г., № 1, отд. II, стр. 154.

[2]) Там же, стр. 158.

[3]) Там же, стр. 158, 164, 165, 166.

[4]) Там же, стр. 158, 173, 176.

[5]) Там же, стр. 177.

[6]) Там же, „Р. Мысль" за 1891 г., № 1, стр. 133, 140.

количества—всего до сорока—дворян-выборных от местных уездных дворянских обществ [1]): очевидно, выборное представительство лишь в то время начало зарождаться. И зародилось оно в связи с господствовавшим в то время представительством по должности: выборные явились только от дворянских обществ, „почему-либо не имевших в данную минуту у себя во главе предводителей. которых можно было призвать на собор; выбирались они или из столичных дворян, происходивших из данного уезда, или из окладчиков, или, наконец, из дворян по выбору того же уезда, т.-е. из таких лиц, из среды которых обычно назначались и правительством предводители уездного дворянства в походах“ [2]).

Земские соборы XVI в. собирались для важных дел: для ослабления внутренней вражды, борьбы классов и сословий, для решения вопросов о войне и мире, для выборов главы государства. Многочисленность в составе их дворян—признак уступок со стороны старой аристократии, вставшей на путь компромиссов в лице своей передовой части. Но уже здесь видна и охрана собственных интересов: дворяне на соборах XVI века не имели авторитета выборных представителей, а являлись туда как простые сведущие люди, как агенты власти. И потому они являлись с совещательным, а не с решающим голосом, их значение не шло далее того, что было и идеалом составителей аристократического, феодального публицистического произведения конца предыдущего периода — „Беседы валаамских чудотворцев“, которые считали необходимым держать людей для совета, и „объявлено будет теми людьми всякое дело перед царем“ [3]).

Так, уже в земских соборах заметны те интересы старой удельной аристократии, которые ограждались в заключенном соглашении с ее стороны. Особенно же ярко эти интересы боярской олигархии проявились в той постановке, какую получила организация верховного управления при издании Судебника 1550 г. Судебник

---

[1]) Там же, стр. 142, 143, 144.

[2]) Там же. стр. 147.

[3]) Беседа валаамских чудотворцев Сергия и Германа, в издании Дружинина и Дьяконова.

ясно и точно определил законодательную власть Боярской Думы в следующих выражениях: „а которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева докладу и со всех бояр приговору вершатся,—и те дела в сем Судебнике приписывати“ [1]). А так как в самом начале Судебника прямо указано, что „царь с бояры сесь Судебник уложил“ [2]), то не подлежит сомнению, что мнение об ограничении царской власти в делах законодательства Боярскою Думой, введенном в половине XVI в. и как факт и как право, совершенно верно [3]).

Фактически ограничение царской власти, как результат соглашения боярства с дворянством, в половине XVI века шло гораздо еще дальше. Образована была „избранная рада“, особый тайный совет из лиц, приближенных к царю, среди которых первенствующую роль играли Сильвестр и Адашев. Образование такого тайного, малого совета, который и вел настоящую, высшую, большую политику, руководил на деле и царем и думой, не было новостью в Московской Руси: еще отец Ивана Грозного Василий III любил решать многие дела „сам третей у постели“ в узком кругу своих любимцев, главным образом дьяков. Эта „ближняя дума“ или „комната“ существовала и до и после избранной рады, и избранная рада была одним лишь из моментов в ее истории [4]).

Но это был момент особенный, положение избранной рады являлось исключительным. Обычно ближняя или комнатная дума, состоявшая из тех ближних или комнатных людей и из сановников, которые пользовались особым доверием государя, по его выбору и усмотрению, ведала или вопросы придворной жизни, или те вопросы, по которым государь хотел подготовиться сам или подготовить к ним бояр, или, наконец, дела, требовавшие особой тайны [5]). Избранная рада на деле была более постоянной по составу и фактически так же огра-

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 153, статья 98-я.
[2]) Акты Историч., т. I, № 153.
[3]) *Сергеевич*, Русские юридические древности, т. I.
[4]) *Ключевский*, Боярская дума древней Руси, изд. 2, стр. 321—334.
[5]) Там же, стр. 329—330.

ничивала царскую власть, как юридически ее ограничивала, по Судебнику 1550 г., Боярская Дума полного состава. Можно даже, повидимому, сказать, что ограничивающее влияние избранной рады было фактически сильнее, чем соответствующее воздействие Боярской Думы. По крайней мере Иван Грозный жаловался потом в письмах к Курбскому на то, что избранная рада лишила его власти совершенно, например, навязала ему строгое соблюдение местнического порядка бояр в думе [1]), регламентировала весь дворцовый обиход [2]), распоряжалась землей в выгодах и интересах боярства [3]), наконец, даже покусилась во время тяжкой болезни царя на замену его сына на престоле удельным князем Владимиром Андреевичем, двоюродным братом Грозного, рассчитывая, очевидно, что он будет вернейшим оплотом боярских притязаний и явится настоящим феодальным государем, вполне покорным воле своих вассалов [4]).

Итак, ясно, что компромисс между боярством и дворянством построен был на уступках дворянам главным образом в деле организации и поддержки материальными средствами дворянского сословия и в сфере местного управления, а боярство сохранило львиную долю власти в центре и обеспечило полноту своего влияния на верховную власть и высшее управление, попыталось даже фактически захватить всю полноту этой власти.

Таков был первый момент в истории московского государственного строя второй половины XVI века. Компромисс держался лет десять—двенадцать, но он не был и не мог быть прочным, потому что дворянство не могло им удовлетвориться. Оно приняло и использовало в своих интересах все уступки, сделанные ему в эпоху соглашения с боярством, но помириться с торжеством боярской олигархии в верховном управлении было не в состоянии: это значило бы отречься от самого себя. Царское самодержавие было необходимо для дворянства, и Иван IV, сам лично давно усвоивший этот идеал

---

[1]) Сказания князя Курбского, изд. 2-е, стр. 188.
[2]) Там же, стр. 188.
[3]) Там же, стр. 188.
[4]) Там же, стр. 190.

и много страдавший, как видно из его переписки с Курбским, от боярской олигархии, нашел средства и возможность сделать решительный шаг к завоеванию самодержавной власти. То была знаменитая опричнина. Весьма возможно, что здесь сыграло роль и влияние вождей дворянства, стоявших против коалиции с боярством, — Захарьиных-Юрьевых, которых Курбский недаром называл клеветниками и нечестивыми губителями царства [1]). Один из обычных выездов царя в его летнюю резиденцию, Александровскую Слободу [2]), превратился 3 декабря 1564 г. в целый государственный переворот. Царь прислал из слободы, куда он выехал со всем двором и своей гвардией — „дворянами по по выбору“ в начале января 1565 г. две грамоты. В одной, гневной, обращенной к боярству, он объявлял, что бояре — изменники, а духовенство покрывает их измену; измена бояр состояла, по грамоте, в их грабительских действиях в малолетство царя, в захвате земель, в том, наконец, что бояре не защищали государства от внешних опасностей; в виду всего этого, заявлял царь, он оставляет государство и едет поселиться где-нибудь в другом вместе. В другой грамоте, адресованной купцам и всем людям московских черных сотен и слобод, царь заявлял, что на них он не гневается и опалы на них не налагает.

Едва ли может быть сомнение, что все дальнейшее было заранее подготовлено дворянской партией: Василий Юрьев и Алексей Басманов, по одному из наших источников, были составителями и проводниками в жизнь плана опричнины [3]). К царю было снаряжено посольство, и в ответ на его просьбы Иван IV объявил, что он согласен остаться на царстве, но с условием, что ему будет дано право расправиться с изменниками по своей воле и на свой царский обиход учредить опричнину. Конечно, эти условия были приняты: они ведь, как сказано, наверное были подготовлены заранее, и принятие их было обеспечено в тот месяц, который протек

---

[1]) *Соловьев*, История России, т. VI, стр. 177.
[2]) *Покровский*, Русская история с древн. врем., II, 3, стр. 113.
[3]) *Соловьев*, История России, VI, стр. 218.

между отъездом царя из Москвы 3 декабря 1564 г. и началом января 1565 г. Царь Иван получил таким образом диктаторские полномочия и его диктатура сопровождалась опричным террором.

В понимании значения этого террора и опричнины не все исследователи сходились между собою до самого последнего времени. Некоторые думали, что террор этот носил личный, в значительной степени неосмысленный характер, был не попыткой перестроить государственный или общественный порядок, а борьбой против отдельных лиц. Иван IV представлялся этим исследователям не в меру испугавшимся человеком, который в ослеплении бьет направо и налево, не разбирая ни правых, ни виноватых. Опричнина получает таким образом некоторое немаловажное значение для понимания личности, характера Грозного царя, но общественно-историческое ее значение не велико: самое большое— это была первая в России тайная политическая полиция, первый корпус жандармов, и Малюта Скуратов был шефом этого корпуса [1]).

Этот взгляд должен быть признан в настоящее время неправильным. Опричнина имела, конечно, значение политической полиции, террористической борьбы за царское самодержавие. Опричники истребляли царских „изменников“, противников самодержавия, и выметали „измену“ из Московского государства, символом чего и являлись собачьи головы и метла на седлах у их лошадей. Опричнина поэтому действительно нередко преследовала людей, боролась с лицами, а не с учреждениями и общественным строем: такова уже участь всякого терроризма, всякой власти, не основанной на законе, а опирающейся на личное усмотрение. Однако, как показывает ближайшее изучение вопроса, опричнина была орудием не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавию и дворянскому господству порядки.

Это проявилось в значительной мере и в преследовании лиц из старой княжеской и боярской удельной

---

[1]) *Ключевский,* Боярская Дума, стр. 343 и след.; ср. Курс русской истории.

или феодальной аристократии. Преследование лиц вовсе не было большею частью немотивированным. Уже в начале существования опричнины после первых, может быть и напрасных, казней наблюдается как бы возрождение удельного права отъезда: у некоторых князей и бояр были найдены грамоты польского короля и литовского великого князя Сигизмунда II Августа с приглашением перейти на службу к нему [1]). И когда следствием этого явились новые казни, митрополит московский Филипп, сам происходивший из боярского рода Колычевых, положил на весы весь свой церковно-иерархический авторитет, чтобы спасти боярскую партию: он применил тоже старинный, феодальный обычай „печалования", митрополичьего вмешательства в распоряжение светской власти, заступничества за виновных, имевшего морально-принудительную силу [2]). Это повело к ссылке его в Тверской Отроч монастырь, где он впоследствии был задушен Малютой Скуратовым. И здесь таким образом была борьба не только с лицом, но и со старинным обычаем и с вмешательством духовной власти в дела государственные. Если даже и допустить, что князь Владимир Андреевич, погибший в 1569 г., был напрасной и невинной жертвой террора, то разорение Новгорода в 1570 г. едва ли было необоснованным: наличность заговора, в котором принимали участие представители новгородского монашества и церковной иерархии, печатник (хранитель государственной печати, канцлер) Висковатов, казначей Фуников и даже опричники Басманов и князь Вяземский, не подлежит сомнению. Этим делом кстати воспользовались для того, чтобы экспроприировать многих новгородских купцов и ограбить казну новгородского архиепископа. Так был разом нанесен сильный удар и сопернику московских купцов новгородскому купечеству, и церкви—защите и оплоту феодального боярства [3]).

Но дело было не только в этом. Опричнина имела еще более крупное значение вследствие того, что она

---

[1]) *Соловьев*, Ист. Рос., VI, стр. 198 и прим. 76.
[2]) Там же, VI, стр. 233 и сл.
[3]) *Покровский*, Русская история, II, стр. 124.

стала включать в себя обширную территорию и произвела огромный землевладельческий и связанный с ним политический переворот. Иван Грозный постепенно отобрал в опричнину до половины всей территори Московского государства, при чем взяты были промышленные области—Север, Новгородская область, вотчины Строгановых, захвачены были все почти торговые пути, включены были в опричную территорию в центре, где опричные владения были чресполосны с земщиной, родовые владения князей Ярославских, Белозерских и Ростовских, Стародубских и Суздальских, Черниговских и других юго-западных. Князья Скопины, Шуйские, Пронские, Сицкие, Трубецкие, Темкины сами вступили в опричнину. При этом, когда известная местность отбиралась в опричнину, то все землевладельцы, не принадлежавшие к числу опричников, должны были оставлять свои земли, лишались их, сохраняя право искать в других местах, в земщине, новых земель для пожалования их царем. Таким путем уничтожались старинные удельные владения князей и связанные с ними обширные привилегии, происшедшие не от царского пожалования, а унаследованные от удельного времени: сюда относились и право суда, и право сбора податей, и право дачи жалованных грамот, все виды феодальных иммунитета, коммендации, вассалитета. Так опричнина с корнем вырывала остатки феодализма, устраняла дробление власти, порывала связь потомства бывших удельных князей с населением, предки которого были подданными предков князей-землевладельцев [1]).

---

[1]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 152; Лекции по русск. истории, стр. 160—175. Многие вотчины, взятые у владельцев их в опричнину, потом, как известно, были возвращены; однако, это не всегда бывало: некоторые вотчины так и остались за новыми владельцами. Один акт как будто даже указывает, что возврату, помимо специального пожаловании, подлежали только запустевшие земли: „которые будут вотчины у вотчинников иманы в опричнину, а вотчинники высланы в земское, и раздаваны те их вотчины в поместья опричниццам, а после тех помещиков те вотчины „запустели", а ныне теми землями владеют прежние вотчинники по старым своим крепостям, без государевых грамот—на эти земли грамот не надо, „потому что застарело": *Веселовский*, Акты писцового дела, I, № 120.

Этого мало: под влиянием опричнины уменьшилось и политическое значение Боярской Думы: опричная территория, т.-е. лучшая половина государства, была изъята из ведения думы, которая управляла только земщиной, да и то с доклада государю. К тому же, даже когда опричнина, заменившаяся с 1572 г. „двором“, впоследствии и совсем исчезла, под ее именно влиянием приобрела большее, чем прежде, влияние комнатная или ближняя дума [1]).

Остается, наконец, указать, что опричнина содействовала и переменам в технике высшего управления: управляя делами земщины, бояре только по важнейшим делам делали доклад царю; так проводилась самой административной практикой демаркационная черта между личной деятельностью государя и самостоятельным ведомством Боярской Думы. Не только по составу, но и по компетенции дума становилась подлинным, настоящим учреждением.

Понятно, таким образом, каким сокрушительным ударом для боярской аристократии была опричнина. Боярство очень хорошо это сознавало. Спрашивается: почему же оно не реагировало на опричнину самым решительным образом? Почему оно не восстало, не подняло открытого возмущения, а или терпело, или эмигрировало, бежало за границу, как сделал это князь Курбский? Ответа на этот вопрос, помимо могущества тех общественных элементов, в интересах которых было утверждение самодержавия, надо искать в известных уже нам хозяйственных условиях московского центра. К концу шестидесятых и особенно к семедесятым годам XVI века относится упадок хозяйства в центральных уездах, где расположены были в большинстве своем княжеские вотчины, разорение и запустение этих вотчин. Это как раз совпало с господством опричнины, достигшей своего высшего развития именно в начале семидесятых годов. Разоренные князья не имели таким образом материальной силы, на которую они могли бы опереться в открытой борьбе с царской властью.

---

[1]) *Ключевский*, Боярская Дума, стр. 325 и след.

Боярство получило при Грозном первый решительный удар, было поколеблено им, но далеко еще не сломлено. Закрепить приобретения опричнины и было целью Годунова, который продолжал лишь в смягченных формах политику Грозного при Федоре и в свое собственное царствование. При Федоре он решительно устраняет знать от всякого политического влияния; он постригает в монахи князя Мстиславского, в 1584 году ссылает князей Шуйских со всеми их сторонниками и низлагает митрополита Дионосия и крутицкого архиепископа Варлаама [1]). В свое собственное царствование Борис все время действует против боярства и в интересах среднего и мелкого дворянства. Такое направление его правительственной деятельности засвидетельствовано целым рядом данных. О нем говорит и хронограф 1616 года, и сказание Ивана Тимофеева, и Палицын, и Масса, и Флетчер, и польские послы 1600 года Олесницкий с товарищами [2]). О том же свидетельствует возвышение незнатных людей вроде Клешнина. Указы 1601 и 1602 годов, запрещающие вывоз крестьян крупным землевладельцам и разрешающие его землевладельцам мелким, носят на себе сразу бросающуюся в глаза классовую окраску. В Пскове, Смоленске, на разные должности в Москве царь Борис, по словам Тимофеева, назначал своих „родных спомогателей“ [3]). Такими средствами Борису удалось оттеснить знать и, в частности, Боярскую Думу от политического руководительства, лишить значения ее притязания на участие в верховной власти. Решительные успехи самодержавия были таким образом завещаны XVI веком Смутному времени.

Мы рассмотрели политическую постановку власти и отдельные органы управления верховного и подчиненного, центрального и местного во второй половине XVI века. Во всех этих отношениях подмечено было много нового. Интересы тех классов общества, которые готовились сделаться господами положения, создали первые успехи царского самодержавия и, наряду с но-

---

[1]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты.
[2]) Там же.
[3]) Русская Историческая Библиотека, кн. XIII, 340.

выми хозяйственными условиями и в связи с ними, положили начало правильной организации учреждений и отделению сфер верховного и подчиненного управления. Конечно, и здесь, как и в хозяйстве и социальном строе, наблюдаются лишь зачатки, первые шаги в новом направлении, нет завершенности, законченности, но все же наличность начавшегося решительного перелома несомненна, и это—явление первостепенной важности.

В то же время в разных сторонах правительственной деятельности происходят и протекают в начальной своей стадии и другие, не менее решительные перемены: на деле, на практике, а не только в теории или политической идеологии, о которых речь у нас пойдет особо, позднее, при изучении духовной культуры, намечаются понятия о принадлежности власти обществу, как целому, об обществе, как носителе, субъекте власти, и о том, что цель государственного союза—общее благо, понимаемое конкретно, на практике, конечно, как благо тех общественных слоев, которые становились фактическими господами положения.

Чтобы убедиться в этом, прежде всего следует обратить внимание на попытки уничтожения кормлений, нам уже известные, и на характерную мотивировку этих попыток. Сам по себе факт уничтожения кормлений, хотя бы и частичного, весьма знаменателен: кормления ведь характерный признак частноправового понимания государства как союза личного господства, имеющего в виду личное, а не общее благо. Признание несостоятельности и неуместности кормлений, необходимости их отмены свидетельствует о переходе к новому пониманию государства как союза общественного господства, имеющего в виду общее благо. И это чрезвычайно ярко подчеркивается мотивировкой реформы в уставных земских грамотах. Мотивировка эта оказывается всецело заимствованной из челобитий самого местного населения и вот к чему она сводится: „наперед сего жаловали есмя бояр своих и князей и детей боярских, городы и волости давали им в кормленья, и нам от крестьян челобитья великия и докука была беспрестанная, что наместники наши и волостели и их пошлинные люди, сверх нашего жалованья указу, чинят им продажи и убытки великие;

а от наместников и от волостей и от их пошлинных людей нам докука и челобитья многие, что им посадские и волостные люди под суд и на поруки не даются и кормов им не платят и их бьют, и в том меж их поклепы и тяжбы великие; да оттого де на посадех многие крестьянские дворы, а в уездах деревни и дворы запустели и наши дани и оброки сходятся не сполна"[1]. Мотивировка эта ярко подчеркивает соображения общего блага, лежащие в основе предпринятой реформы.

Конечно, в действительности это общее благо отливалось в формы, соответствовавшие интересам нового класса, стремившегося к господству и достигавшего его,— дворянства. И это, и сама общая, принципиальная постановка дела, идея общего блага, видны еще из финансовых реформ того времени, из преобразования, которое совершилось в половине XVI в. в окладных единицах, в так называемом „сошном письме".

Нам уже известно из истории предшествующего периода, что такое представляли собою соха, выть: известно, что новгородцы определяли Ивану III обжу, как нормальное крестьянское хозяйство—„один человек на одной лошади орет",—а соху—как единицу обложения из трех таких хозяйств, известно, что и выть—„одноколец", крестьянин, обладающий одной упряжкой. Характерно, что Ивану III пришлось спрашивать о смысле и значении новгородских обжи и сохи: они, значит, были ему неясны, непонятны. Почему? Потому, что сошное письмо отличалось большой субъективностью, условностью, открывало большой простор для личного усмотрения писца, писавшего земли и людей в сохи „по силе", по зажиточности, которую он определял и по семейному составу, и по количеству земли, и по размерам запашки, и по промыслам, и по рабочему скоту и пр.[2]. Повидимому, в разных местах и обычные мерила зажиточности были различны, чем и вызван был недоуменный вопрос Ивана III. И ответ, на этот вопрос данный, надо думать, не носил объективного, общего характера, а имел значение указания писцу на размер типичного хозяйства, которым он

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, №№ 242, 243.
[2]) *Веселовский,* Сошное письмо.

должен руководиться при обложении, принимая вместе с тем в соображение целый ряд указанных сейчас признаков[1]).

Такой субъективизм удельного или феодального сошного письма был связан с целым рядом обстоятельств; но больше всего он питался и удельной особностью и организацией феодального государства как союза личного господства, основанного на идее личного блага властителя—сюзерена. Он вполне совместим был и с той системой натуральных повинностей, какая в то время господствовала: никаких затруднений не представляла разверстка повинностей между отдельными малыми сохами и сошками, обжами и вытями, которая и производилась волостными и всеуездными мирами. Но с половины XVI в. явились новые финансовые потребности и социальные интересы и, последовательно развиваясь, они привели к новым единицам обложения, окладным единицам, в самой природе которых сказались глубокие перемены в характере государственного союза, как он стал слагаться в Московской Руси второй половины XVI века. И финансовые потребности и социальные интересы того времени нам известны: первые сводились к победе денежного обложения над натуральным, вторые к регулированию и обеспечению дворянской службы. Собирать и, главное, раскладывать, производить „разруб" и „размет", как тогда выражались, новым денежным оброкам государству было не менее трудно, чем прежде непосредственно регулировать натуральные повинности и распределять их; поэтому попрежнему сохранилась репартиционная система, т.-е. сами сельские, волостные уездные и посадские миры через своих выборных раскладывали и собирали налоги, отвечая за их выплату перед правительством целою „костью", платежно-податной единицей, которой и выдавалась сотная выпись с обозначением облагаемого имущества. Но рассчитывать новые подати по прежним, малым окладным единицам было неудобно: надо было их увеличить по размерам. С другой стороны, нельзя было облагать одинаково

---

[1]) *Миклашевский*, Древнерусские поземельные кадастры, Спб. 1903, стр. 13—14; *Веселовский*, Сошное письмо, т. II, стр. 344.

земли служилых людей, несших личную служебную повинность, с землями черными, дворцовыми, монастырскими, церковными. Наконец, нельзя было и оставаться при субъективизме обложения,—надо было выдвинуть новые, объективные его основы. И вот, в половине XVI в. соха, обжа и выть становятся уже более объективными, определенными величинами, равняются определенной площади земли.

Обжа и выть приравниваются к 10 четвертям или 5 десятинам земли в каждом из трех полей, соха в служилых землях составляет 800 чел. или 400 дес. доброй, хорошей, плодородной земли в каждом поле, а в землях монастырских и церковных, которые надо было обложить сильнее, она равняется 600 четвертям или 300 десятинам [1]). В новом направлении к объективности обложения сделан был шаг вперед и весьма немаловажный.

Новый характер государственного союза во второй половине XVI века сказался также и во внешней политике. Внешняя политика Московского государства в малолетство Ивана Грозного отличалась прежним, феодальным характером, не отмечена была ни широтою задач, ни энергией в их выполнении. В общем и целом бояре-правители ограничивались тем, без чего уже совершенно нельзя было обойтись. Нельзя было не защищаться от набегов крымских и казанских татар, и принимались для этого меры, но такие, которые пахли удельной стариной. Крымского хана подкупали и все-таки терпели от его грабительских нападений, настойчиво уклоняясь только от всего того, что напоминало о постоянной дани, о подчинении хану: не хотели ничего обещать „в пошлину" (т.-е. в виде постоянного обычая), отказывались „давать поминки уроком", т.-е. подарки в раз навсегда определенной норме [2]). В отношении к Казани результаты внешней политики были весьма печальны: в Москве не могли воспрепятствовать утверждению в Казани Сафа-Гирея и ограничивались почти исключительно оборонительными действиями против казанцев, набеги которых

---

[1]) *Милюков*, Спорные вопросы финансовой истории Моск. государства, стр. 40 и сл.

[2]) *Соловьев*, История России, том VI.

сделались чуть ли не разорительнее крымских[1]). Вяло велась война с Литвой, закончившаяся в начале 40-х годов перемирием[2]). Здесь обращает, впрочем, на себя внимание одно новое обстоятельство: когда литовские послы требовали уступок, опираясь на то, что Сигизмунд литовский много старше малолетнего Ивана, в Москве нашлось достаточно нового государственного смысла и сознания, чтобы ответить: „государь наш хотя и в несовершеннолетних летех, а божиею милостиею, государствы своими в совершенных летех“ [3]).

После 1547 года характер внешней политики меняется существенным образом. Дворянству нужны были новые земли, для нового товарного хозяйства необходима была Волга, надо было уничтожить возможность разбойничьих набегов по крайней мере из Казани, если не из Крыма. В результате получилось завоевание Казани в 1552 году и потом занятие Астрахани и всего течения Волги. Характерно, что уже казанские походы—их было целых три—были угодны дворянству, но не нравились боярам, старой феодальной аристократии, противнице широких внешних начинаний: по словам Грозного, бояре всегда ходили на Казань по принуждению[4]), и когда послан был туда князь Микулинский, говорили, что это—опала, что их посылают на погибель[5]).

Впечатление от завоевания Казани и Астрахани было так сильно, что люди близкие к царю советовали ему покорить и Крым. Царь не согласился, и Соловьев достаточно показал неосуществимость этого плана[6]). Но и по отношению к Крыму заметно повышение энергии действий московского правительства: год спустя после взятия Казани в ответ на требования поминков ханом Девлет-Гиреем Грозный велел сказать ему, что не покупает мира, и выстроил в степи за Тулой новый город Дедилов; мало того, русские узнают дорогу в самый Крым,—в 1555 году Шереметов был послан на Перекоп,

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Акты Зап. России, т. II, № 175, XX, стр. 248.
[4]) *Устрялов*, Сказания князя Курбского.
[5]) Там же.
[6]) История России с древнейших времен, т. VI.

в 1556 и 1557 годах удачные походы в Крым совершают дьяк Ржевский, кн. Михаил Вишневецкий и Даниил Адашев и заставляют хана просить мира без всяких пока поминков [1]). В таком положении находились крымские дела до 1560 года.

Но главное—в конце 50-х годов поставлена была практически новая задача внешней политики—пробиться к берегам Балтийского моря. Конечно, и здесь дворянская жажда земельных приобретений сказалась очень ясно и громко, но из Москвы Ливонскому ордену еще в 1551 г. грозили войной, если он будет мешать русской торговле [2]): это показывает, что хорошо понималось коммерческое значение приобретения Балтийского побережья, что в Москве уже тогда сознательно собирались „прорубить окно в Европу“ в интересах развивавшегося товарного хозяйства. Начавшаяся в 1558 г. успешно для Москвы война с Ливонией всполошила всю северную и среднюю Европу: встревожились германский император, датский король, Швеция, Польша [3]). При всей важности, осмысленности и целесообразности ливонской войны, которая опять таки предпринята была вопреки ближайшим советникам царя, „избранной раде“, Сильвестру и Адашеву, из которых первый все бедствия приписывал ливонской войне и называл Ливонию „сирою вдовицею“ [4]),—эта война подвергла Московское государство большим опасностям: оно сразу было введено в сферу широкой международной политики.

Балтийский вопрос повел, как известно, и к войне с Польшей и Литвой, с которыми Иван IV поддерживал перемирие, пока был занят на востоке [5]). История дипломатических сношений Московского государства с Польшей, Швецией и Данией в годы, ближайшие к 1560, показывает, что в Москве понимали, в какие сложные отношения придется вступить из-за Ливонии, и делали

---

[1]) *Соловьев*, История России, т. VI.

[2]) *Форстен*, Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях: „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1892 г., сентябрь, стр. 91.

[3]) Там же, стр. 123 и сл.; окт., стр. 252 и сл.

[4]) *Устрялов*, Сказания кн. Курбского.

[5]) *Соловьев*, История России, т. VI.

попытки предотвратить возможные опасности [1]. Но все было напрасно: когда в Ливонии одержала верх польская партия во главе с Кетлером [2]), война Польши и Литвы с Москвой стала неизбежной. Сначала и. эта война велась успешно, но и это не ослепило московских политиков; они понимали грозившую опасность и добивались политического союза с Англией [3]).

Союз не удался, и с 70-х годов истощенное долгой войной и экономическим кризисом государство терпит ряд ударов, заставивших царя Ивана отказаться от Ливонии: то были нашествие крымского хана в 1571 г. и сожжение им московского посада, война с Швецией, объявившей притязания на Эстонию, наконец, победы нового польского короля Стефана Батория, остановленного только упорным сопротивлением князя И. В. Шуйского в Пскове. Пришлось отказаться от Ливонии и заключить мир [4]).

Несмотря, однако, на эту крупную неудачу, естественную при необходимости воевать на несколько фронтов и при крайнем разорении государства, все же надо признать, что внешняя политика Московского государства XVI века пошла по новым путям, указанным новыми хозяйственными и социальными условиями его жизни. В этих путях, несомненно, заметно и новое понимание цели государственного союза,—защита общего блага, понимаемого, конечно, как удовлетворение интересов дворянства и купечества. Можно даже сказать, что при Грозном во время борьбы за Балтийское побережье и за старые русские города с Польшей и Литвой поставлен был впервые ребром вопрос о том, кто будет руководить капиталистическим развитием восточно-европейской равнины,—Россия или Польша. Здесь царь Иван был, следовательно, инициатором постановки тех вопросов внешней политики России, которые с тех пор не сходили с очереди вплоть до нашего времени.

---

[1]) Там же.

[2]) *Форстен,* Балтийский вопрос: „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1892 г., ноябрь, стр. 34 и сл.

[3]) *Соловьев,* История России, т. VI.

[4]) Там же

IX.

Церковь и духовенство.

В теснейшей связи с политической историей Московского государства во второй половине XVI века стоит положение церкви, как учреждения и духовенства, как общественного класса.

Первый и важнейший здесь вопрос—это вопрос об отношении церкви к государству. Мы уже знаем из истории падения удельного строя в России, что тогда заметна была ясно выраженная тенденция к подчинению церкви государству, и что в то же время эта тенденция встретила противника в лице волоколамского игумена Иосифа Санина. Напрасно исследователи [1]) склонны представлять себе Иосифа сторонником подчинения церкви государству на основании того, что он признавал в государстве хранителя чистоты веры, обладающего высшей властью в церковном управлении и суде. Хранение чистоты веры было, с точки зрения Иосифа, не правом, а обязанностью государя; государь здесь должен был действовать в интересах церкви и по ее решению являлся орудием в руках церкви, слугой, а не распорядителем. Таким образом Иосиф Санин, в сущности, был первым ярким выразителем идей русского папизма и в этом отношении сильно напоминает папу Николая I. Волоколамский игумен явился, следовательно, по вопросу об отношении церкви к государству типичным хранителем феодальных традиций.

Эти традиции не остались без защиты и потом, и нашли себе характерное выражение во второй половине

---

[1]) См. напр., *Дьяконов*, Власть московских государей, стр. 102.

XVI в. в постановлении Стоглавого собора 1551 года о церковном суде. Стоглав передал суд по духовным делам исключительно в руки архиереев и их слуг из духовенства, по их поручениям. Архиереи должны были действовать через посредство двух родов слуг—духовных и светских. Светские слуги—владычни бояре—судили только белое духовенство и мирян, живших на церковных землях, по гражданским делам. Остальные дела церковного управления и суда ведались архиерейскими слугами из духовенства—архимандритами, игуменами, протопопами, выборными поповскими старостами и десятскими священниками. Духовенство было объявлено подсудным светскому, государственному суду только по уголовным делам [1]). Это было одним из признаков стремления церкви, ее высших иерархов, духовно-феодальной аристократии, к возможно большей независимости от государства, от государственной власти.

Другим признаком той же тенденции была теория неподвижности, неотчуждаемости архиерейских, монастырских, вообще церковных земель, подтвержденная соборными приговорами 1551, 1581 и 1584 годов [2]). Она была ясно и определенно формулирована и мотивирована митрополитом Макарием в особом послании царю Ивану IV, трактовавшем „о недвижимых вещах, вданных богови в наследие благ вечных“ [3]).

Оба эти положения—и церковно-судебный иммунитет и неотчуждаемость церковных земель, как и вообще земельные богатства церкви,—подверглись нападению—первое с двух сторон—именно со стороны рядового духовенства и монастырей и со стороны государства, подчинявшего себе церковь, второе с одной стороны—государства, т.-е. нового пробивавшегося к власти класса—дворянства.

Мы уже видели, к чему свелось это второе нападение и какими результатами оно сопровождалось. Здесь остается

---

[1]) Стоглав, казанск. издание; Акты Ист., т. I, № 155; *Горчаков*, Монастырский приказ, Спб. 1868, стр. 50.

[2]) *Горчаков*, О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода, Спб. 1871, стр. 165.

[3]) *Тихонравов*, Летописи русской литературы и древности, т. V, отд. III, стр. 129; *Голубинский*, История рус. церкви, II, 1, стр. 800.

только привести полностью те постановления, которые по этому поводу были приняты. Соборный приговор 11 мая 1551 года гласил: 1) впредь ахиепископам, епископам и монастырям вотчин без ведома царя и без доклада ему не покупать ни у кого, а князьям, детям боярским и всяким людям вотчин без доклада царю не продавать архиепископам, епископам и монастырям; 2) поместья и черные земли, отнятые владыками и монастырями у детей боярских и крестьян за долги, отдать тем, чьи те земли были исстари; 3) относительно сел, волостей и всяких угодий, отданных владыкам и монастырям боярами во время малолетства царя, учинить, как было при великом князе Василье [1]). Конечно, это была невольная уступка, результат компромисса, проводившегося „избранной радой". Большинство духовенства— и иерархи, и монастыри—неохотно пошли на это. Поэтому на деле постановления собора 1551 г. плохо выполнялись [2]). Отсюда вышли дальнейшие меры в том же духе: собор 1573 г. по отношению к богатым монастырям повторил постановление 1551 г., разрешив лишь малым, бедным монастырям прием с доклада царю земельных вкладов [3]); соборное постановление 1581 г. повторило полный запрет покупки и приема в залог вотчин архиерейскими кафедрами и монастырями, а также и приема ими вотчин по завещанию; вместо земель в последнем случае разрешалось просить лишь деньги [4]); в 1584 г. это постановление было подтверждено новым соборным решением [5]). Таким образом, и после того, как компромисс „избранной рады" потерял силу, ее политика по вопросу о церковном землевладении сохранилась.

Конечно, это было пока лишь теоретическим, но все же важным проявлением ликвидации феодальных прав церкви. И вызвано оно было новыми условиями жизни, в особенности интересами дворянства.

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 227.
[2]) Акты Историч., т. I, № 154, XIX.
[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 308.
[4]) Собр. Госуд. Грам. и Договоров, т. I, № 200.
[5]) Там же, № 202.

То отношение, в каком дворянство находилось раньше к боярству, до некоторой степени наблюдается и во взаимном положении монастырей и белого духовенства, с одной стороны, и иерархов, князей церкви, епископов — с другой: монахи, священники и диаконы играли в отношении епископов роль дворянской оппозиции феодальной аристократии. Монастырям и рядовому священству были тяжки и архиерейский суд, и владычни поборы сами по себе и поскольку они были связаны с судом. Поэтому низшее духовенство и монастыри издавна добивались освобождения от епископского суда и подчинения непосредственно суду государя [1]). И это осуществлялось жалованными грамотами, на основании которых судебные дела архиереев, привилегированных монастырей и церквей вершились приказом Большого Дворца, ведавшим во второй половине XVI в. и другие монастырские и церковные дела [2]). Практика шла в этом отношении дальше: местные государственные власти сплошь и рядом вмешивались не только в церковные суды, но и в другие дела церкви, и приведенные выше постановления Стоглава о церковном суде на деле в подавляющем большинстве случаев совершенно не исполнялись, оставались мертвой буквой [3]).

Если таким образом в судебном отношении феодальные предания церкви теряли под собой почву, то финансовые тягости, лежавшие на духовенстве в его массе, отнюдь не уменьшались. Стоглав установил или, вернее, большею частью утвердил следующие архиерейские пошлины с духовенства: ставленые (при поставлении в духовный сан или на церковную должность), перехожие (при переходе из прихода в приход), епитрахильные и орарные (с вдовых священников при выдаче им грамот на служение); духовенство, не имевшее постоянных приходов, служившее по найму, для которого оно ставилось на „крестцах“, т.-е. уличных перекрестках, платило архиереям особую крестцовую пошлину; за явку грамот новому архиерею платилась явленая куница

---

[1]) *Горчаков*, Монастырский приказ, стр. 38.
[2]) Там же, стр. 41—43.
[3]) Там же, стр. 47, 51.

или явочные деньги; все церкви платили архиерею церковную дань по числу приходских дворов, венечные пошлины с венчания вступающих в брак, архиерейский подъезд при поездках архиерея по епархии, Московский подъем—на поездки его в Москву, к митрополиту, потом к патриарху; новые церкви при их открытии платили еще особый побор—антиминсы; сверх всего этого приходилось платить еще слугам архиерея десятичный доход и особые данские и отвозные деньги и писчее при платеже сборов и записи их в книги [1]). Средства для этих платежей получались этим духовенством отчасти в виде особого пожалования, больше же всего путем сборов с прихожан—петровского и осеннего поборов и платы за требы [2]). В общем и целом положение рядового духовенства, особенно сельского, было не из легких и смягчалось только близостью его к пастве, выбиравшей большею частью священников и заключавшей с ними особые договоры. Уже Стоглав отмечает утверждавшуюся и здесь сословность: церковные места часто фактически наследовались детьми после отцов [3]).

Подчинение духовенства на деле светскому суду и оставление его в финансовом отношении в полном распоряжении высшей церковной иерархии имеют один корень: интересы вновь возвышавшегося класса—дворянства, которое поставляло из своей среды иерархов и не было заинтересовано в облегчении финансовых тягостей массы духовенства и в то же время усиливало государственную власть, особенно в области суда.

То же усиление государственной власти, преобразование феодальной церкви в дворянско-государственную, подчиненную светской власти, знаменуется и учреждением патриаршества при царе Федоре Ивановиче в 1589 году. Новый сан главы русского духовенства должен был уравнять новую русскую государственную церковь с восточными патриаршими кафедрами, дать внешнее выражение ее полной самостоятельности по отношению к другим церквам, исповедовавшим христиан-

---

[1]) *Знаменский*, Руководство к русской церковной истории, изд. 5-е, стр. 115—116.

[2]) Там же, стр. 117.

[3]) Там же, стр. 119.

ство по греческому обряду. Это соответствовало положению нового русского православного царства. Но здесь была еще и другая важная сторона, касавшаяся внутреннего строя церкви: при митрополитах большое значение в церковной жизни имели сборы—местные, представлявшие отдельные церковные миры, и центральные, московские, усилившие свое значение с собиранием земли и власти великими князьями московскими. Патриаршество, церковное единоличное самодержавие, должно было занять место этих соборов, оставив им лишь совещательное значение, ничем не связывавшее патриарха [1]). Правда, это ставило рядом с царем новый высший церковный авторитет и чревато было новыми конфликтами. Но разрешить их и даже только ощутить их неизбежность и реальность было делом будущего. Пока же, во второй половине XVI века, клерикально папистские идеи Иосифа Санина не находили себе почвы. Его ученики и последователи—иосифляне—превратились в рабов светской власти, в „потаковников“ царя, как называл их князь Курбский. Митрополит (потом патриарх) и архиереи стали принимать к себе на службу бояр и дворян и увольнять их от службы не иначе, как с соизволения царя [2]). Иван Грозный низложил митрополита Филиппа и превратил его приемников—Кирилла и Антония—в своих полных холопов [3]). При Федоре Годунов лишил власти митрополита Дионисия и возвел на митрополичью кафедру Иова [4]). И с патриархами церемонились не больше, чем с митрополитами: Иов был свергнут первым Лжедимитрием и заменен Игнатием; Василий Шуйский низложил Игнатия и возвел Гермогена; Гермоген, как и другие архиереи его времени, например, Ефрем казанский, Исидор новгородский и Феоктист тверской, был слепым орудием в руках Шуйского и его партии [5]).

---

[1]) См. *Никольский*, Народная религия и церковь в XIV—XVI веках в „Русской истории“ Покровского, II, 3, стр. 57.

[2]) *Знаменский*, Руководство к русск. церк. истории, стр. 115.

[3]) Там же, стр. 109.

[4]) Там же, стр. 110.

[5]) Там же, стр. 184—186.

При всех этих условиях понятно, что все управление церковью стало слагаться по типу нового государственного управления. Одним из самых существенных признаков этого является учреждение патриарших приказов. В литературе господствует мнение, что эти приказы—Патриарший Судный или Патриарший Разряд, заведывавший судебными делами и делами о поставлении на духовные места, Приказ церковных дел, ведавший церковное благочиние, Казенный, собиравший поборы с вотчин патриарших и с духовенства, и Дворцовый, ведавший хозяйство патриаршего дома, — появились только в XVII веке, даже только с патриарха Филарета [1]). С этим нельзя согласиться: следы существования патриарших приказов становятся заметными уже в конце XVI столетия. Так, например, Патриарший Дворцовый приказ упоминается в одном документе 1595 года [2]).

---

[1]) *Шимко*, Патриарший Казенный Приказ,—в „Описании документов и бумаг, хранящихся в Моск. Архиве Мин. Юстиции", кн. IX, стр. 2.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., гр. колл. эк., Костр. уезд, № 5129, л. 20 об.

X.

Духовная культура.

В личности царя Ивана Грозного те черты, которые делают его понятным психиатрам—его паранойя, состояние, близкое к душевной болезни [1], —имеют не общее, а частное, индивидуальное значение. Их можно и должно поэтому отмести, не принимать в расчет, стараясь уловить черты, типичные для эпохи и нового класса общества, выдвигавшегося к власти. Ибо Иван Грозный был действительно типичной, характерной фигурой в обоих этих отношениях, если отвлечься от его болезненности, которая, впрочем, до некоторой степени также объясняется бурным, революционным характером времени: „нервная возбуждаемость" [2]) естественна тогда, когда совершается или даже только начинается перестройка старых привычных, традиционных общественных отношений и порядков.

В Иване Грозном было немало остатков старой, феодальной, удельной психологии, без которых, конечно, не могло обойтись и новое дворянство: преемники по власти ведь всегда многое наследуют от своих предшественников, а у царя Ивана была здесь и прямая наследственность от предков—типичных активных эгоистов, в личностях которых страх, инстинкт самосохранения был самой яркой, основной чертой и производил алчность, жадность, скопидомство как ближайшее средство сохранить свое существование и господство. Отсюда именно

---

[1]) *Ковалевский*, Душевное состояние Ивана Грозного, Харьков, 1883; *Глаголев*: „Русский Архив" за 1902 г.

[2]) *Ключевский*, Курс русской истории.

проистекала в Грозном царе „робость, подозрительность, недоверие к людям“ [1]), постоянный страх за свое существование, побуждавший его искать убежище даже в Англии, заставивший удалиться в Александровскую Слободу. „Всего сильнее в нем работал инстинкт самосохранения; все усилия его бойкого ума были потрачены на развитие этого грубого чувства“ [2]). Отражением скопидомческих, алчных побуждений и стремлений была отчасти опричнина: это ведь удельный термин, означавший полную собственность княгини — вдовы; характерно, что, замышляя и осуществляя в меру своего понимания новое государственное устройство, Иван IV не смог его понять иначе, как собственность, „собину“, полное свое личное достояние. И, подобно своим предкам-собирателям Руси, он собрал в опричнину лучшую половину государства. Собирал он в свою казну и неисчислимые движимые богатства, драгоценности, которыми любил хвалиться, показывая их иностранным послам.

Но эти старые грубо-эгоистические, элементарно-хищнические свойства сочетались в личности Ивана Грозного с более широкими и глубокими запросами человеческой индивидуальности, с побуждениями и чувствами индивидуалистическими. Между ними первенство принадлежит жажде власти, культу самодержавия, в котором ясно видна любовь к власти как таковой, самой в себе, независимо от материальных благ, с нею связанных и из нее проистекающих. Известно, что писания царя Ивана пестрят яркими выражениями и изречениями, характеризующими его властолюбие. Он с горечью вспоминал о том, как в детстве бояре плохо одевали и кормили его и брата Юрия и мало оказывали уважения к памяти отца: „нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский седит на лавке, локтем опершись отца нашего о постелю, ногу положив“ [3]). „Иван рано стал думать своей нервной мыслью о том, что он государь московский и всея Руси“ [4]), и самостоятельно пришел к решению венчаться на царство.

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Сказания князя Курбского, изд. 2-е, стр. 183.
[4]) *Ключевский*, Курс русской истории.

„Он был первый русский государь, который узрел в себе царя в смысле библейского помазанника божия. Это было политическим открытием для Ивана, и с той минуты его царственное „я“ сделалось для него предметом поклонения, он сам стал для себя святыней и создал себе целое богословие своей царской власти. Тоном вдохновенного свыше и вместе с тонкой иронией пишет он своему врагу Стефану Баторию во время переговоров о мире, коля глаза его избирательной властью: „мы смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси *по божию изволению, а не по многомятежному человеческому хотению*“ [1]). И этот мотив выступает у него в данном случае не в первый раз: его мы встречаем во вступительных словах первого из посланий его к Курбскому [2]), которые все в значительной степени являются „политическими трактатами о царской власти и государственном порядке“ [3]) и переполнены ярким выражениями идеологии царского самодержавия. Он считает себя обязанным „свое царство в своей руце держати, а работным своим владети не давати“ [4]). Он заявляет: „российское самодержавство изначала сами владеют всеми царствы, а не бояре и вельможи“ [5]); „или убо сие светло попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царствия честию почтенну быти, властию ничим же лучше быти раба?“ [6]) „како же и самодержец наречется, аще не сам строит?“ [7]) „а жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны ж есмя“ [8]), „мною владесте“, укоряет он Курбского, „и всю власть с меня снясте, и сами государилися, как хотели. а с меня все государство сняли: словом аз был государь, а делом ничего не владел“ [9]).

Но какую доминирующую роль в личности Ивана Грозного ни играла властность,—она была не единственной

---

[1]) Там же.
[2]) Сказания князя Курбского, стр. 156, 157.
[3]) *Ключевский*, Курс русской истории.
[4]) Сказания князя Курбского, стр. 162.
[5]) Там же, стр. 162.
[6]) Там же, стр. 171—172.
[7]) Там же, стр. 172.
[8]) Там же, стр. 172.
[9]) Там же, стр. 224.

новой, индивидуалистической чертой его характера. Ему свойственна была еще большая любознательность. Он был „начитаннейший москвич XVI века“ [1]), и это отражалось в его сочинениях, где встречаются постоянно „длинные и короткие выписки из Григория Назианзина, Иоанна Златоуста и других отцов церкви, строки и целые страницы из пророка Исаии, книг Моисеевых и других частей библии, образы из греческой мифологии — Зевс, Апполон, герои „Илиады“ — Антенор и Эней, библейские имена Гедеона, Авимелеха, Евфая, эпизоды из истории евреев, Римской и Византийской империй и даже западных народов с средневековыми именами, вычитанными из древнерусских учебников всеобщей истории — хронографов, и, наконец, порой мимоходом брошенная черта из русских летописей“ [2]). Недаром он слыл еще в XVII веке „словесной премудрости ритором“ и представлялся воображению интеллигенции того времени, древнерусских книжников, как „муж чудного рассуждения в науке книжного поучения доволен и многоречив зело“ [3]).

Страстность Ивана Грозного заставляла его гнаться за новыми яркими впечатлениями и, вырождаясь иногда в грубую чувственность, в которой он сам каялся в своем завещании [4]), и которой лишь слабым отражением были его семь браков, получала иногда и более глубокое и сердечное выражение: он, повидимому, искренно и нежно любил первую свою жену, он с неподдельной горечью свидетельствовал о своем душевном одиночестве: „ждал я, кто бы со мной поскорбел, и нет никого — утешающих я не сыскал“ [5]). Эта же страстность сделала из Ивана талантливого, яркого писателя, нередко доходившего в своих писаниях „до высокого красноречия“, когда „от его слов летели, как от раскаленного железа под молотом кузнеца, искры остроумия, насмешки и пикантные выражения“ [6]).

---

[1]) *Ключевский*, Курс русской истории.

[2]) Там же.

[3]) Повесть кн. И. М. Катырева-Ростовского, изд. Археогр. Ком., Спб. 1908, столбец 62.

[4]) Дополнения к Актам Историч., т. I, № 222.

[5]) Там же.

[6]) *Ключевский*, Курс русской истории.

Характер Ивана Грозного таким образом наглядно показывает, как сильно расширило свой духовный кругозор, как обогатило свою психологию новым содержанием дворянство сравнительно со старым феодальным боярством. Это видно и при сравнении его личности с таким даже уже перерождавшимся в дворянина титулованным бояриином, как князь Курбский. Не вдаваясь здесь в детали, стоит, например, отметить, что Иван Грозный не уличен исследователями ни разу во лжи, тогда как Курбский тенденциозно умалчивает о стремлении „избранной рады“ возвести на престол Владимира Андреевича и даже пытается в другом письме отрицать это стремление [1], лживо и мелочно объясняет преследования Вассиана Патрикеева Василием III [2] и доходит даже до заявления, что он в свое время присягал на верность царю будто бы „по принуждению“ [3].

Сочетание нового индивидуализма со старым грубым эгоизмом и составляет основную психическую складку дворянства. И отсюда проистекает новая окраска всех проявлений дворянской культуры, которая начала слагаться именно во второй половине XVI века. Эта окраска видна прежде и больше всего в публицистике того времени. Мы видели, что этот род литературы внес своей перепиской с Курбским Иван Грозный. Его оппонент князь Андрей Михайлович Курбский, бежавший в Литву после поражения, понесенного им в Ливонии, из страха перед карой за это, был и в своих письмах к Грозному и в особенности в „Истории великого князя московского“ идеологом компромиссной политики „избранной рады“. Восхваление ее политики и панегирик Сильвестру и Адашеву, который был „общей вещи зело полезен и отчасти, в некоторых нравех, ангелом подобен“ [4], обличение Грозного, иосифлян, дьяков, опричников, наконец, настойчивое проведение основной идеи—о необходимости „любосоветия“, так чтобы „без совету мужей разумных и совершенных“ царь не мог „ничесоже устроити или

---

[1]) Сказания князя Курбского, стр. 233.
[2]) Там же, стр. 4—5.
[3]) Там же, стр. 231.
[4]) Там же, стр. 10.

мыслити" [1]) и должен был „искати доброго и полезного совета не только у советников, „но и у всенародных человек" [2]), т.-е. у земского собора, — вот главное содержание „Истории" Курбского.

Но публицистическая литература второй половины XVI века имела еще одного весьма выдающегося представителя, о личности которого нет согласия между исследователями, — именно Ивана Пересветова. Одни считают его приехавшим из Литвы в 30-х годах XVI в. авантюристом, служившим в наемном польском отряде трем королям—польскому, венгерскому и чешскому, потерпевшим от бояр в Москве и потерявшим „собинку", нажитое службой имущество [3]), другие склонны считать имя „Иван Пересветов" псевдонимом и видят в его памфлете-челобитной или сказании о Махмет-салтане— продукт коллективной работы, продолжавшейся даже не одно десятилетие [4]). Как бы то ни было, правы ли те или другие из исследователей, но несомненно одно: мы имеем публицистическое произведение, очень ярко и полно выражающее дворянскую идеологию и психологию второй половины XVI века и заслуживающее поэтому самого пристального внимания.

Иван Пересветов резко критикует весь феодальный строй общества и государства и определенно и планомерно противополагает ему новый, дворянский, как бы проводит и предуказывает уже в конце 40-х годов, к которым относится его выступление [5]), план позднейших реформ социальных и политических. Он безусловно, категорически отвергает принцип родовитости, „породы", „отечества" и противополагает ему службу, заслугу и выслугу: „кто приближается к царю вельможеством, а не воинской заслугой или другой какой мудростью, тот чародей и еретик, у царя счастье и мудрость отнимает, того жечь надо"; „кто верно служит, хотя от мен-

---

[1]) Там же, стр. 11.

[2]) Там же, стр. 45.

[3]) *Ключевский*, Курс русской истории, ч. II. М. 1906, стр. 228; *Ржига*, И. С. Пересветов, публицист XVI в., М. 1908.

[4]) *Покровский*, Русская история, II, 3, стр. 83 и след.

[5]) Таково единодушное заключение всех исследователей, обоснованное источником (см. Ключевский, Ржига, Яворский, Покровский).

шого колена“, того надо „на величество поднимать, имя ему великое давать“, „а ведома нет, каково отца они дети“. Далее Пересветов против кормленщиков, за губные учреждения и за службу за жалованье из казны: кормленщики „особную (т.-е. междуусобную) войну на царство напущают“, „богатеют и ленивеют“; надо устроить везде сотских и десятских, которые преследовали бы и казнили бы татей и разбойников; „государю пристойно со всего царства доходы сбирать себе в казну, из казны воинам сердце веселить“. Не надо советников из знатных, нужно царское самодержавие и полное доверие дворянству, „воинникам“: их царю „надо к себе припускать и во всем им верить“, а с знатными советниками надо поступать так, как поступает Махмет-салтан: „возведет правителя высоко, да и пхнет его в зашею надол, приговаривая: не умел в доброй славе жить и верно государю служить“. Для дворянства, жаждавшего новых земель, нужна была война, которая ненавистна была старой боярской аристократии: „богатый о войне не мыслит, мыслит об упокои“. Наконец, нельзя допускать порабощения „воинников“ богачами: „в котором царстве люди порабощенны, и в том царстве люди не храбры“ [1]). Таким образом ясно, что вся программа дворянских реформ Грозного была осознана и пропагандировалась заранее. Классовая их подкладка несомненна, классовое сознание, их вдохновлявшее, имеется налицо.

Те же влияния сказываются в религиозных нововведениях времен Ивана Грозного. Порядок, благочиние, единство — вот цель, которая здесь была поставлена и последовательно проводилась. Несомненно, что постановления Стоглава, во многом утверждавшие, правда, такие обряды, как двоеперстие, сделали многое в борьбе с остатками язычества, с двоеверием и с феодальными пережитками в религии. В удельный период почитались местные иконы, местные святые точь в точь, как фетиши, языческие боги. Каждый приносил в церковь свою собственную икону и молился непременно перед ней. Фор-

[1]) Неверно думает Покровский (II, 3, стр. 85—86), что Пересветов противник рабства вообще, т.-е. и крепостного права на крестьян: речь у Пересветова идет только о предотвращении порабощения дворян.

мализм в исполнении обряда доходил до того, что не заботились о порядке и благочинии в богослужении, а читали и пели в одно время разное, чтобы только исполнить необходимую форму, не считаясь с ее смыслом и значением. Стоглав положил конец многому подобному. Митрополит Макарий, кроме того, вдобавок к постановлениям церковного собора, собрав ряд местных святынь: так, перенесены были в Москву икона Спаса из Новгорода, икона благовещения из Устюга, икона божией матери Одигитрии из Смоленска и пр. [1]); соборы 1547 и 1549 г. канонизовали 39 местных святых [2]). Централизация культа была осуществлена полностью.

Параллельно этому шла централизация литературы— житий святых и летописей. Великие Минеи-Четьи, общерусское собрание всех житий, составленное по повелению митрополита Макария, объединило все, что сделано было раньше в этой отрасли литературы, служившей любимым материалом для чтения древнерусских книжников [3]). Такое предприятие могло быть задумано и приведено к успешному завершению только в условиях новой централизованной, единой государственности, подкладкой которой, в свою очередь, являлся единый обширный, национальный великорусский рынок, созданный торговым капитализмом.

Централизация летописей, начатая митрополитами еще в конце удельного периода, продолжалась в XVI веке: к этому времени, несомненно, относится составление так называемого Воскресенского летописного свода [4]).

В половине XIV в. начат был и колоссальный летописный свод, известный под названием „Никоновской летописи“ [5]). В связи со всем этим, но с особою целью составлена была и „Книга Степенная царского родословия“.

---

[1]) *Милюков*, Очерки по ист. русск. культуры, II, Спб. 1897, стр. 28.

[2]) Там же, стр. 29; *Голубинский*, История канонизации святых русской церкви.

[3]) *Ключевский*, Древнерусские жития святых как исторический источник.

[4]) *Тихомиров*, Обозрение состава Воскресенского летописного свода: „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1892 г., декабрь, стр. 237.

[5]) *Платонов*, Статьи по русской истории.

Старое предположение Татищева о том, что первоначально Степенная книга была составлена еще митрополитом Киприаном в XIV веке, справедливо отвергается [1]). Степенная книга создана была по инициативе митрополита Макария в том литературном кружке, который составился около него; редактором Степенной книги был, вероятнее всего, будущий митрополит Афанасий, бывший протопоп Андрей, духовник Ивана Грозного во время казанского похода [2]). Работа была начата в 1560 г. и закончена в 1563 г. [3]). Степенная книга, строго говоря, не историческое сочинение, а собрание биографий русских государей, расположенных по генеалогической схеме, по „степеням" или „родословцам", встречающимся во многих летописных сводах [4]). Цель Степенной — прославление святости рода св. Владимира, восхваление русских государей; монархически-самодержавная идеология сказывается здесь ясно и громко. Источниками Степенной книги были „Сказание о князех владимирских", которое, во-первых, тоже не лишено генеалогический схемы, во вторых, отразилось на рассказах Степенной о Прусе, брате Августа, как предке Рюрика, и о венчании Владимира Мономаха царским венцом; затем Хронограф— древнерусское руководство всеобщей истории—повлиял на расположение материала; наконец, жития святых повлияли на характер изложения [5]). Не будучи историческим сочинением в собственном смысле, отличаясь ярко выраженной политической, самодержавно-монархической тенденцией, Степенная книга тем не менее оказала влияние на древнерусскую историческую мысль, явилась бессознательной подготовкой систематизации русской истории [6]). Система в хозяйстве и в государстве родила начатки системы и в историческом изучении. Но этого мало: нам известно, что уже в удельное время, в эпоху падения русского феодализма, собирания земли и власти,

---

[1]) *Васенко*, Книга Степенная царского родословия, ч. I, Спб. 1904, стр. 141 и сл.

[2]) Там же, стр. 185—201.

[3]) Там же, стр. 215—217.

[4]) Там же, стр. 160.

[5]) Там же, стр. 161—163.

[6]) Там же, стр. 233, 237

пробудился интерес к всеобщей истории, что и выразилось в так называемых хронографах; теперь, во второй половине XVI в., пришли к мысли связать русскую историю со всеобщею. Отсюда вышла целая историческая энциклопедия—иллюстрированный („лицевой“) летописный свод. В его хронографической части, т. е. той, которая касается всеобщей истории, он покоится на одной из редакций хронографа, носящего название „Эллинский летописец“, на других хронографах и на славянском переводе сочинения Иосифа Флавия [1]). В основе изложения русской истории лежит Никоновский свод, переработанный, однако, по другим источникам—Воскресенскому летописному своду, Степенной книге и пр. [2]). Цель этого произведения—идейное укрепление самодержавия и православной мировой миссии Московского царства [3]).

Вторая половина XVI в. вообще отмечена значительным оживлением литературы. Увеличилось число переводных сочинений, особенно с латинского: переведены были житие блаженного Августина, три лечебника, хроника и космография Мартина Бельского, хроника чудес Конрада Ликостена, география Помпония Мелы, арифметика, риторика, несколько мелких рассказов [4]). Одним из самых характерных, замечательных произведений эпохи является „Домострой“, редактированный окончательно знаменитым протопопом Сильвестром, прибавившим к нему и наставление сыну. В сущности, и это произведение было проявлением литературно-централизаторских тенденций: Сильвестр собрал воедино старинные хозяйственные и моральные поучения „о мирском строении“ и „о духовном строении“, на которые оказали влияние древние оригинальные и переводные сборники статей вроде „Стослова“ Геннадия, „Измарагда“, „Златой Цепи“ [5]).

---

[1]) *Пресняков*, Московская историческая энциклопедия XVI века, Спб. 1900, стр. 31.

[2]) Там же, стр. 33, 34, 38, 47 и след.

[3]) Ср. *Лихачев*, Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. I, глава IV; *Пресняков*, Моск. историч. энцикл., стр. 1 и 2.

[4]) *Соболевский*, Переводная литература Московской Руси XVI—XVII веков, Спб. 1903, етр. 41.

[5]) *Некрасов*, О происхождении древнерусского Домостроя, стр. 106—107, 116, 184.

Но „как солнце в малой капле вод", так и в мелочах, в отдельных второстепенных литературных явлениях того времени сказывался дух эпохи, ее основные устремления. Ограничимся в этом отношении двумя примерами—литературной деятельности царевича Ивана Ивановича, сына Грозного, убитого отцом в припадке раздражения, и работы Ермолая Прегрешного. Царевич Иван переделал житие Антония Сийского, раньше составленное монахом Ионой, нериторическое, богатое фактами. Переделка носит на себе печать некоторой оригинальности, проникнута новым духом: внесен ряд текстов священного писания, делаются церковно-исторические экскурсии, введены вставки, придающие тексту большую картинность и поэтичность; в предисловие вставлены аллегорические толкования [1]). Видны начитанность, талант [2]) и, главное, оригинальность, новая индивидуалистическая струя и эстетизм. Что касается Ермолая Прегрешного, вероятнее всего протопопа церкви Спаса на Бору в Московском Кремле, то он был типичным иосифлянином, противником феодальной аристократии [3]), следовательно опять-таки ясно отражал в своей писательской деятельности веяния эпохи.

Новшества, оригинальность, эстетизм, индивидуализм в зачаточной, конечно, большею частью, мере наблюдаются и в области искусства. Музыка, пение, театральное искусство имели своих представителей в лице скоморохов, составлявших иногда артели в 60—100 человек [4]). В числе скоморохов были в то время музыканты-гусельники [5]), бахари—сказатели сказок и басен без музыкального сопровождения [6]); были среди них и артисты, принимавшие участие в церковно-театральных „действах", соответствовавших западным мистериям [7]). Царь, князья,

---

[1]) *Тупиков*, Литературная деятельность царевича Ивана Ивановича: „Ж. Мин. Нар. Пр." за 1892 г., декабрь, стр. 358, 362, 365, 366, 370.

[2]) Там же, стр. 373.

[3]) *Шляпкин*, Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного: „Сборник статей в честь С. Ф. Платонова", стр. 550, 552.

[4]) *Фаминцын*, Скоморохи на Руси, Спб. 1889, стр. 142.

[5]) Там же, стр. 15.

[6]) Там же, стр. 52.

[7]) Там же, стр. 101.

бояре заводят при своих дворах постоянных, оседлых скоморохов [1]). Своеобразна психология этих музыкантов и артистов древней Руси: исследователи вскрывают в ней уже не только грубую алчность, стремление к наживе, вороватость, но и хитрость, находчивость, догадливость [2]), изобретательность, подчас настоящий дар художественного творчества, носящий на себе печать подлинного индивидуализма—опять-таки, конечно, в зародыше.

Но самое оригинальное, чем отмечена эпоха Грозного в искусстве,—это, конечно, появление такого исключительно выдающегося архитектурного произведения, как храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Он явился завершением целого процесса развития деревянного русского зодчества, особенно процветавшего на севере России и отразившегося в каменном зодчестве Москвы XVI века. Отсюда именно получились шатровые храмы, в которых купол заменен шатром, а от квадратного основания его идет система арочек или кокошников. Таковы церкви в селе Острове и в селе Коломенском под Москвой. При Грозном этот стиль, перенесенный в каменную архитектуру из деревянного строительства, получил новый оригинальный вариант, смысл которого—желание ослепить богатством убранства и восточной роскошью. Церковь рождества богородицы в Путинках и храм в селе Останкине—яркие тому примеры [3]). Собор Василия Блаженного завершает собою эту архитектурную эволюцию. Только такая оригинальная, бурная, богатая новшествами эпоха, как вторая половина XVI века, могла создать все эти в высокой степени своеобразные явления в области художественного творчества.

И ими, однако, не исчерпывалось все новое в искусстве. Иконопись второй половины XVI в. тоже носит на себе печать своеобразия и новизны отступления от старых образцов. Иконописцами были сами митрополиты

---

[1]) Там же, стр. 149.

[2]) Там же, стр. 138, 140, 145.

[3]) *Грабарь*, История русского искусства, т. I, стр. 11—14, 331 и сл., 359 и сл.

Макарий и Афанасий [1]). Как бы ни отрицательно относились новейшие исследователи русской иконографии к строгановской школе в иконописании, как бы не выдвигали они в противовес ей школу московскую, царскую [2]),— все же то, что заведено было Яковом, Григорьем и Семеном Строгановыми, имело большое значение: строгановские иконописцы стали смотреть на иконопись, как на художество и заботиться о красоте отделки в „доличном", т.-е. во всей картине, ее аксессуарах и подробностях, не считая изображения лиц, и о разнообразии в „переводах", т.-е. в композиции, в художественной системе целого [3]). Более сложная композиция и пользование линейкой и циркулем при изображении зданий составляют отличительную черту уже первых строгановских писем, созданных именно в XVI веке [4]). Строгановская школа взяла краски не из Москвы, а из Новгорода. Главный ее представитель в то время—Емельян Москвитин ввел тонкость цвета и спокойную грацию фигур [5]). В московской живописи, организованной митрополитом Макарием, было немало условности и орнаментальности, украшений золотом и тому подобного, живопись тут служит государственным целям, и местные ее школы подвергаются такой же централизации [6]), какая наблюдалась в государственном строе, в устройстве церкви, в религии и литературе. Но это не исключало оригинальности и нового творчества, эстетического индивидуализма. Даже в теории, иконописной системе, поскольку она отразилась в „Иконописном Подлиннике" конца XVI века, заметно влияние хода развития иконописи при всем стремлении охранить установившиеся традиции [7]).

---

[1]) *Ровинский*, История русских школ иконописания: „Записки Импер. Археологич. Общества", т. VIII, Спб. 1856, стр. 7.

[2]) *Филимонов*, Симон Ушаков: „Сборник" на 1873 г., изданный обществом древнеруск. искусства при Моск. публич. музее, стр. 20. Такого же мнения держится А. Успенский.

[3]) *Ровинский*, в „Зап. Арх. Общ.", т. VIII, стр. 18.

[4]) Там же, стр. 19.

[5]) *Грабарь*, История рус. искусства, т. VI, стр. 350 и след., 360.

[6]) Там же, стр. 318, 322, 332.

[7]) *Буслаев*, Общие понятия о русской иконописи: „Сборник" на 1866 г., изд. об вом др.-рус. искусства, стр. 25, 30.

В общем и целом таким образом и в духовной культуре второй половины XVI века происходили те же уклоны к новому, как и в хозяйстве, общественных отношениях и государственном строе. Жизнь была решительно сдвинута со старых оснований,—и в результате получилась социальная буря—Смутное время, „великая разруха“, как его тогда называли.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второй момент дворянской революции в России: Смутное время и его последствия в первой половине XVII века.

I.

Ход Смуты.

Результат эволюции, происходившей в Московском государстве второй половины XVI в., сводится к тому, что разные общественные силы, тогда существовавшие, пришли в брожение и готовы были столкнуться в защите своих интересов, которые часто были прямо противоположны. Боярско-княжеская аристократия, сильно пострадавшая, надломленная, все еще вожделела о власти, об ограничении царского самодержавия. Дворянство, напротив, видело в самодержавии истинную и верную свою опору. Обе эти общественные группы ставили себе задачей приобретение рабочей силы для сельскохозяйственной эксплоатации земли, для чего самым подходящим средством казалось закрепощение крестьян. Интересы посадских людей, в особенности купечества, а также зажиточного крестьянства Севера и окраин Центра не противоречили самодержавному режиму, а, напротив,

сходились с ним. Даже и крестьянская безземельная масса тяготела к самодержавию,—она не желала лишь крепостного права, узел которого уже начинал затягиваться на ее шее. Из сочетания этих общественных сил и интересов, вернее из их столкновения и вышли события Смутного времени.

Первый глубокий, в высокой степени ценный классовый анализ событий Смутного времени дал Ключевский в его классической „Боярской Думе древней Руси". Его изображение, конечно, не обошлось без отдельных неточностей и даже ошибок: он слишком узко и односторонне понимал опричнину, неправильно представлял себе борьбу Грозного с боярством, как борьбу с лицами, а не с учреждениями, недостаточно глубоко и подробно изобразил экономическую подготовку Смуты, наконец, высказал ошибочную мысль, что в Смуту отдельные классы русского общества вступили в том самом порядке, в каком они располагались сверху вниз. Но при всем том Ключевский впервые встал на верную историческую, научную дорогу в деле изучения происхождения, хода и исхода Смуты. Оставалось только развивать, дополнять, углублять и исправлять в отдельных частностях то, что сделано было Ключевским. И это исполнено было позднейшими исследователями.

В этом отношении, поскольку дело касалось самого хода Смуты, продолжателем Ключевского, усвоившим и лишь развившим в подробностях его взгляды, явился г. Платонов в своих „Очерках по истории Смуты". Г. Платонов исправил и основную ошибку Ключевского в изображении хода Смуты, доказав, что отдельные классы вступили в Смуту вовсе не в точно таком порядке, в каком они располагались сверху вниз. В общем и целом, социальная подкладка отдельных моментов русской революции XVII века изображена г. Платоновым правильно, что, коночно, не исключает некоторых частных ошибок, особенно в понимании грамот XVII века, ограничивавших царскую власть.

Позднее М. Н. Покровский в своей „Русской истории с древнейших времен" сделал попытку оспорить традиционные со времен Ключевского и г. Платонова объяснения классовой подкладки отдельных моментов Смуты.

Это вынуждает снова пересмотреть вопрос, чтобы решить, кто прав, и как следует понимать ход Смуты.

И Ключевский и вслед за ним г. Платонов считали первого царя, при котором началась Смута,—Бориса Годунова—дворянским царем. М. Н. Покровский, не отрицая дворянских тенденций в деятельности Годунова, как правителя при царе Федоре Ивановиче, полагает, что, со времени своего вступления на престол в 1598 году, Борис стал не дворянским, а крестьянским царем, служившим интересам широких масс населения.

Не говоря уже о том, что таким выводом создается и обосновывается фикция демократического абсолютизма, не оправдываемая нигде и никогда никакими фактами,—присмотримся ближе к доказательствам этого неожиданного положения. В чем они заключаются?

Первое из этих доказательств — риторические заявления авторов различных сказаний о Смутном времени, свидетельствующие о милосердии царя Бориса к нищим и сирым [1]). Ясно, однако, что, если даже и признать эту риторику достоверной, точно отражающей действительность, то отсюда еще далеко до правительственных демократических тенденций, тем более, что такие выражения, как „обидимым от рук сильных изыматель крепок“ [2]) или „всем нескудно даяние простираше.. мнози от любодаровитые его длани в сытость напиташися“ [3]), легко могли относиться к милостям царя, изливаемым вовсе не на „массы населения“, а на то же дворянство. Очевидна крайняя слабость этого доказательства.

Преследование взяточничества Борисом выставляется также доказательством его стремления защитить крестьянские интересы [4]). И опять-таки совершенно неосновательно: ведь от взяточничества страдали по преимуществу как раз дворяне и купцы, чаще всего, по самым условиям своей жизни, прибегавшие в то время к суду.

---

[1]) Русская история с древнейших времен, том второй, книга третья, стр. 157.

[2]) Слова дьяка Тимофеева в его „Временнике“ (см. „Рус. Ист. Библ.“, т. XIII).

[3]) Выражения Хронографа 1617 года. (Там же).

[4]) Русская история, том второй, книга третья, стр, 158.

Следовательно, здесь защищались интересы не крестьянства, а дворянства и купечества.

Третье доказательство Борисова демократизма—помощь голодающим крестьянам 1602—1604 годов [1]). Но с первого взгляда ясно, что правильно понятые интересы дворянства требовали помощи голодающим: ведь дворянство нуждалось в рабочих руках и потому не могло допустить массового вымирания крестьянства и усиления его разброда под влиянием голода. Царь Борис просто был умным защитником дворянских интересов.

Остается, наконец, последнее доказательство—одно иностранное известие о замысле Бориса определить законом размеры крестьянских повинностей, отбываемых в пользу землевладельцев [2]). Но, помимо сомнительности этого известия, в нем, если бы оно было достоверно, можно бы было также видеть—самое большее—свидетельств о большом уме Годунова, о правильном понимании им хозяйственных интересов того же дворянства: ведь если бы этот проект был осуществлен, не только Разиновщина, но и Пугачевщина не были бы столь опасны для дворянства.

Не надо к тому же забывать, что в нашем распоряжении имеется сколько угодно неопровержимых доказательств того, что Годунов был типичный дворянский царь, действовавший притом сплошь и рядом в духе и направлении, прямо противоположных крестьянским интересам.

Едва воцарившись, Борис служилым людям „на один год вдруг три жалования велел дать [3])". Все время он возвышал незнатных людей вроде Клешнина, что давало повод близким ему лицам высказывать целую теорию, по тенденциям своим резко противоречащую феодальной родовитости, как основе обладания властью: „велик и мал живет государевым жалованьем, государева опала понижает высоких, божье милосердие и государево призрение возвышает и малых [4])". Ярко выразились дво-

---

[1]) Там же, стр. 158 и 160.

[2]) Там же, стр. 158.

[3]) Очерки по истории Смуты, стр. 217.

[4]) Там же, стр. 220.

рянские тенденции правительства царя Бориса в знаменитых указах 1601 и 1602 гг., разрешивших вывоз крестьян только мелким землевладельцам [1]). Что касается, наконец, антикрестьянских тенденций, то они сказываются с непререкаемой ясностью в крепостнической политике Годунова: все крестьяне, записанные на тяглых жеребьях в писцовых книгах 1592—1593 гг., были лишены права перехода [2]), строго преследовались при Борисе вольные гулящие люди [3]). „Правительство Бориса, словом, всегда объявляло себя против выхода крестьян и холопей из их зависимости и всегда предпочитало интересы нужных ему служилых землевладельцев интересам их работных [4])“.

Естественно, что дворянский царь был неприятен обоим антагонистам дворянства — родовитому боярству и закрепощаемому крестьянству. Поэтому против Бориса разом поднялись, по справедливому замечанию г. Платонова, „верх и низ общества [5])“, и это, а вовсе не боярские интриги при Федоре и Борисе, как в другом месте ошибочно утверждает тот же г. Платонов [6]), было действительным началом Смуты.

Раз начавшись, революция или, „великая разруха“, как ее тогда называли, продолжала развиваться далее с непреклонною последовательностью.

Естественно, что те самые верх и низ общества, которые поднялись против Бориса, сыграли главную роль и в возведении на престол названного Димитрия: участие в этом деле боярства особенно ярко выразилось в роли первостепенной знати при низложении династии Годуновых и насильственной смерти царя Федора Борисовича и его матери [7]), а также в той поспешной готовности, с которою знать выехала навстречу претенденту и выразила ему свою преданность [8]); участие низов—беглых

---

[1]) Там же, стр. 221.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Очерки по истории Смуты, стр. 222.
[5]) Там же, стр. 223.
[6]) Там же, стр. 224 и сл.
[7]) Там же, стр. 273 и 277.
[8]) Там же, стр. 286—287.

крестьян, холопов и казачества—также совершенно несомненно [1]), при чем ошибочно было бы думать вместе с г. Платоновым, что „народные массы“ тогда „еще мало помышляли о собственном интересе и об удовлетворении собственных нужд [2])“.

Но сделана попытка доказать, что главной социальной силой, выдвинувшей названного царя Димитрия, с самого начала было рядовое дворянство. Попытка эта опирается, главным образом, на то соображение, что в рядах казачества было немало бывших дворян и что стремления в дворянство и в состав землевладельческого класса были казачеству не чужды [3]). Факты здесь подмечены верно, но упущено из вида то, что большинство казачества рекрутировалось не из дворян, что дворяне-казаки в классовом отношении были опустившейся до положения вольных гулящих людей группою, и потому так же мало представляли рядовое дворянство, как и южно-русские дети боярские и служилые люди по прибору, недавно поверстанные на службу из беглых крестьян и холопов, экономически близкие к последним и потому сразу охотно примкнувшие к названному Димитрию.

Последний был, таким образом, обязан властью и престолом молчаливому блоку верхов общества с его низами. Но такой блок не мог быть длительным. Московские низы сразу дали это почувствовать, начав тотчас по низвержении Годуновых грабежи в столице [4]). И этим было подчеркнуто в глазах боярства то в высшей степени важное обстоятельство, что боярство не могло обойтись без дворянства. И оно не без успеха попыталось увлечь дворянство за собой в деле признания нового царя: в Кромах в армии князья Голицыны склонили на свою сторону не только Басманова и Салтыкова, но и Ляпунова с детьми боярскими из Рязани, Тулы, Каширы, Алексина [5]), а в Москве боязнь грабе-

---

[1]) Это признают и Ключевский и г. Платонов, и Покровский.
[2]) Очерки по истории Смуты, стр. 250.
[3]) *Покровский*, Русская история, том II, кн. IV, стр. 165—166.
[4]) Очерки по истории Смуты, стр. 285.
[5]) Там же, стр. 278—279.

жей бросила служилых людей и купцов в объятия нового правительства[1]).

Нам уже известно, что давно имелись налицо предпосылки социального преобладания дворянства. Неудивительно, что, примкнув к новому правительству, дворянство сразу дало ему почувствовать свой социальный вес. Названный царь Димитрий, кто бы он ни был, несомненно, умный и талантливый человек. Он хорошо разобрался в обстоятельствах и сразу занял положение дворянского царя. Но обстоятельства были теперь гораздо сложнее, чем при царе Борисе: различные классы общества пришли уже в брожение и не могли успокоиться. Это наложило свою печать на правительственную деятельность названного царя Димитрия, раздвоило эту деятельность и тем ослабило положение нового царя.

Димитрий, правда, сурово обращался с боярами и приблизил к себе прежнее опричное боярство во главе с Романовыми, а также возвышал незнатных людей, вроде Басманова, Мосальских, Татева, Власьева, Сутунова, Молчанова [2]),—т. е. действовал точно так, как в свое время Грозный и Годунов. Но в то же время он вынужден был хоть отчасти отозваться и на требования социальных низов. В этом отношении особенно важны два приговора Боярской Думы при Димитрии—один от 7 января 1606 г. и другой от 1 февраля того же года. Первый стеснил обращение в кабальное холопство: прежде кабалы часто писались на имя целой семьи, в кабальные холопы люди превращались целыми семьями,—теперь это было запрещено,—закабаление стало делом каждой отдельной личности. По справедливому замечанию М. Н. Покровского [3]), этот приговор был „вовсе не безразличен для служилой массы“, так как дворяне—и особенно мелкие—сплошь и рядом поступали в кабальное холопство, и поэтому здесь еще не было выхода

---

[1]) Там же, стр. 286.

[2]) *Платонов,* Очерки по истории Смуты, стр. 287, 290—291.

[3]) Русская история, том 2, книга четвертая, стр. 171—172. Выяснение классового смысла приговоров 7 янв. и 1 февр. 1606 г. сделано впервые М. Н. Покровским и составляет его важную научную заслугу.

„за рамки дворянской политики нового царя“. Однако, главная масса кабальных холопов выходила, несомненно, из крестьянства и вольных гулящих людей, так что уже здесь заметно некоторое внимание к интересам масс населения. С совершенною ясностью выступает это внимание во втором приговоре, лишившем тех помещиков, от которых в голодные годы разбрелись крестьяне, права искать последних и требовать обратно. Конечно, это облегчало положение крестьян, в то же время не отнимая рабочих рук и у окраинных мелких помещиков, столь близких по своему экономическому положению к крестьянству и часто дававших у себя убежище беглым крестьянам.

Такая политика была неприятна не только большим боярам и богатым купцам, но и многим дворянам: недаром в низвержении названного Димитрия с престола участвовало и 3000 новгородских детей боярских [1]). В результате получился переворот, убийство царя и возведение на престол князя Шуйского.

В изображении сочетания социальных сил, вызвавших гибель Димитрия, согласны все исследователи русской революции XVII века. Но по вопросу о классовой подкладке царствования Шуйского мы снова встречаемся с глубоким разногласием. По мнению Ключевского, последователем которого является и г. Платонов, Шуйский был боярский царь, М. Н. Покровский считает его царем посадским, выдвинутым московской торговой буржуазией [2]). Впрочем, последний из названных исследователей не остался верен первоначально высказанному взгляду и в другом месте заметил: „четырехлетнее правление Шуйского было своего рода браком по расчету между торговым капиталом и боярской вотчиной“ [3]).

Справедлив действительно только этот тезис: власть Шуйского выражала интересы боярства и отчасти также интересы вступившей с боярством в союз торговой буржуазии, при чем положение этих двух социальных сил в союзе было далеко не равное: основной господству-

---

[1]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 293; *Покровский*, Русская история, стр. 173.

[2]) Русская история, стр. 176.

[3]) Там же, стр. 179.

ющей силой было боярство, купечество являлось силой подчиненной, второстепенной, что и выразилось в слабости данных ему прав сравнительно с правами боярства.

В самом деле: все данные—и в том числе те, которыми оперирует М. Н. Покровский, — подтверждают только что приведенное положение: „народ“ полуофициальной летописи Смуты, участвовавший в возведении на престол Шуйского вместе с „нецыими от вельмож“,—очевидно, те самые „купцы, сапожники и пирожники“, о которых говорит Буссов. Характерны и выражения „нецыи от вельмож“, „малыи некии от царских палат“, к сожалению, не проанализированные М. Н. Покровским: стоит сопоставить их с перечнем бывших „опричных“ бояр, фрондировавших против Шуйского,—и будет ясно, что за царя Василия была именно феодальная знать, составлявшая тогда уже меньшинство в среде боярства. Исключения, вроде кн. В. В. Голицына, только подтверждают общее правило.

Первостепенную важность для понимания социальной подкладки царствования Шуйского имеет его знаменитая „запись“. В оценке этого документа, как грамоты, ограничивавшей власть Шуйского, правы Ключевский и М. Н. Покровский, и совершенно не прав г. Платонов, не усматривающий здесь никакого ограничения. И ни в чем так ярко не вырисовывается соотношение между союзными классами, поддерживавшими Шуйского, как именно в этой записи. Боярству досталась львиная доля выгод: во-первых, Боярская Дума получила новое и притом документально обоснованное право суда по политическим делам, во-вторых, устранена была записью прежняя конфискация земель политических преступников и опала всего их рода: ответственность их стала личной, а не родовой; это было важным ограждением прав именно боярства, которое одно и страдало раньше от опал и конфискации. Купечеству дано было то же обеспечение личной, а не родовой, ответственности за государственные преступления, что и боярству, но политических прав торговая буржуазия не получила.

Неудивительно при таких условиях и сурово-крепостническое законодательство Боярской Думы при Шуйском. Смысл и значение этого законодательства

превосходно выяснены Ключевским и вслед за ним г. Платоновым. Неудивительно и то, что, по словам современников, „в те дни бояре в Москве имели более власти, нежели царь“ [1]), что Шуйский пытался обосновать свою власть, главным образом, своей родовитостью, происхождением своим от Рюрика, „прародительской нашей царской степенью“, как он выражался [2]), что, наконец, он скоро стал преследовать рядовых дворян и, попытавшись было столковаться с их вождем Филаретом Романовым, предполагаемым патриархом, скоро разорвал совсем с Романовыми, этими типическими „опричными“ боярами [3]). В полной гармонии с этим находятся и поднявшиеся против Шуйского в самом начале его царствования восстания дворян—в южных городах, в Твери, Пскове, Новгороде, наконец, в Рязани.

Итак, в вопросе о классовой подкладке власти Шуйского не может быть места ни для каких недоразумений: Шуйский был боярский царь, при чем правящее боярство, ограничив его власть в свою пользу, бросило кое-какие крохи и торговой буржуазии, с которой вступило в союз. Любопытно, однако, что царь Василий чувствовал слабость опоры, поддерживавшей его на престоле. Слишком было ясно, что серьезный общественный вес принадлежал уже дворянству, а не феодальной знати, и что лучше всего было бы опереться на первое, чем на вторую. И Шуйский—ставленник бояр—пытался было при венчании на царство изменить им и на место ограничения своей власти Боярской Думой подставить ограничение ее земским собором, представлявшим по преимуществу дворянские массы [4]). Это ему не удалось. И, нам кажется, и эту попытку и ее неудачу следует поставить в связь с первоначальным приближением к царю Филарета и с последовавшей затем немилостью к Романовым: феодальная знать не дала воли своему представителю на царском престоле.

---

[1]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 312.

[2]) Там же, стр. 299.

[3]) Там же, стр. 305, 306.

[4]) Правильное, совершенно новое, выяснение этого важного эпизода сделано впервые М. Н. Покровским (Рус. история, том 2, кн. 4, стр. 177—178).

Боярская олигархия была опасна для дворянства и экономически,—так как боярство было соперником дворянства по захвату земли и крепостных рабочих рук,—и политически: боярство не допускало к власти и связанным с нею выгодам дворянскую массу. Естественны поэтому отмеченные уже нами выше дворянекие восстания против Шуйского в самом начале его царствования.

Но не менее естественно и то, что дворянство в своей борьбе со старыми господами положения, временно достигшими небывалого прежде могущества, стало в лице более смелых и талантливых своих представителей искать себе союзников. Оно не успело еще сойтись с богатыми посажанами и зажиточными крестьянами севера и верхнего Поволжья вплоть до Нижнего и ухватилось сначала за то, что подвернулось под руку с первого раза: то было восстание крестьян, холопов, казаков, вольных гулящих людей под начальством беглого холопа Болотникова. Наличность социальных тенденций в духе защиты интересов крестьянства у Болотникова не подлежит ни малейшему сомнению: грамоты патриарха Гермогена достаточно отчетливо их констатируют. И напрасно М. Н. Покровский ссылается здесь на участие в бунте кн. Телятевского и на то, что Болотников обещал „ворам“ боярство, воеводство, окольничество и дьячество[1]). Неудивительно, что опустившийся, обедневший дворянин сражается против олигархии рядом со своим бывшим холопом, а обещания старых чинов, если они переданы даже точно, свидетельствуют лишь о том, что общественная мысль низов общества естественно и неизбежно отливалась в обычные, традиционные формы. Внушение Болотниковым боярской дворне „всяких злых дел на убиение и на грабеж“, агитация среди боярских холопов, чтобы они „побивали своих бояр“ и брали себе „их жен, вотчины и поместья“, достаточно красноречивы. Понятна и та кровавая, беспощадная расправа, какую произвело над сторонниками Болотникова победившее их правительство боярского царя: „целая треть государственной территории отдана была на окончатель-

[1]) Русская история, т. 2, кн. 4, стр. 188.

ное разорение и узаконенный грабеж"; „воеводы царя Василия и он сам осуждали на казнь сразу тысячи военнопленных" [1]).

Конечно, союз дворянства с социальными низами был вынужденным. И недаром Ляпунов с рязанцами скоро оставил Болотникова и, получив думное дворянство и воеводство в Рязани, т.-е. договорившись о власти с боярством, перешел на сторону Шуйского. Первое восстание против боярского царя было подавлено белым террором по отношению к массам населения и сделкой с дворянством.

Но белый террор не мог уничтожить весь горючий материал в социальных низах и, напротив, еще более возбуждал последние, так как пощады ждать было нельзя. С другой стороны, и сделка с дворянами была лишь частичной и местной. И вот под знамена Тушинского Вора стекаются массы обездоленного люда, а затем, когда он приближается к Москве,—к нему отъезжают вожди опричного боярства и дворянства, появляется здесь в качестве нареченного патриарха и Филарет [2]), наконец, даже северные и поволжские города с уездами передаются Вору.

Последние, правда, скоро увидели, что сторонники Вора — их социальные антагонисты, и начали борьбу с тушинцами. Весной 1610 г. князь Скопин-Шуйский заставил Вора бежать из Тушина в Калугу. Здесь он и погиб, оставшись вождем одних лишь крестьян, холопов и казаков. Оставшиеся в Тушине представители опричного боярства и дворянства во главе с Филаретом предложили престол королевичу Владиславу, при чем в договоре 4 февраля 1610 года осуществили тот план избавления от боярской олигархии, который—вероятно, не без влияния Филарета—в свое время безуспешно пытался осуществить Шуйский: дворянские интересы были обеспечены тем, это власть царя ограничивалась не одной Боярской Думой, но и земским собором.

Между тем, в Москве не только дворяне, но и разочарованные в союзе с знатью „торговые люди" давно

---

[1]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 342.
[2]) Там же, стр. 417.

уже составили заговор против Шуйского, а когда в мае 1610 г. Филарет был взят в плен войсками Шуйского и привезен в Москву, он вместе с Ляпуновым стал руководителем заговора, завершившегося низложением боярского царя.

Наступил момент, когда родовитое боярство сочло себя вынужденным вступить в соглашение с дворянством. Результатом этого соглашения была новая редакция договора 4 февраля, изменившая дворянское преобладание в пользу боярского[1]), выбор в цари Владислава и посольство к Сигизмунду Филарета и князя В. В. Голицына. В Москве утвердился польский гарнизон. Так дворянство, не находя себе пока естественных по своему социальному положению союзников, вынуждено было еще раз сдать позицию феодальной знати. Началась „семибоярщина".

Семибоярщина была компромиссом между старой знатью и опричным боярством, представлявшим собою дворянскую массу. Перевес в этом союзе принадлежал, однако, несомненно, феодальной знати; к ней, принадлежало четверо из „седмочисленных бояр"—кн. Ф. И. Мстиславский, кн. И. М. Воротынский, кн. А. В. Трубецкой и кн. А. В. Голицын, тогда как опричное боярство было представлено всего тремя лицами—И. Н. Романовым, Ф. И. Шереметевым и князем Б. М. Лыковым[2]). Компромисс этот, сам по себе непрочный, так как интересы обеих сторон были несогласимы, заключал в себе зерно разложения и гибели еще и в том отношении, что кандидатом на престол „седмочисленные бояре" выставили Владислава.

До последнего времени непопулярность кандидатуры Владислава в массах дворянства, посадских людей и крестьян объяснялась не только тем, что он должен был оказаться боярским царем, но и тем также, что он был чужеземец, поляк. Констатируя наличность национально-патриотического движения против Владислава и поляков, исследователи на этом и остановились, не углубляя далее своего анализа.

---

[1]) М. Н. Покровский как будто совершенно игнорирует различие между первой и второй редакциями договора, очень важное на деле.

[2]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 455.

Теперь произведен надлежащий классовый анализ патриотического движения, выяснены действительные социальные интересы, его вызвавшие. Польские шляхетские отряды—Сапеги, Лисовского, Рожинского—вовсе не были заинтересованы в том, чтобы поддерживать порядок, укреплять господство дворянства и торгового класса. Наоборот, они заинтересованы были в том, чтобы смута росла и расширялась: это сулило им и непосредственное обогащение и в перспективе унию Московского государства с Речью Посполитой, господствуя в которой, польская шляхта с уверенностью рассчитывала приобрести господство и на Москве. Поэтому до поры до времени польские шляхетские отряды дружили с взбунтовавшимися казаками, крестьянами и холопами, уверенные в том, что потом, когда правящие классы Московской Руси будут разорены и разгромлены, польскому дворянству, как новому господину положения, легко будет справиться с неорганизованными и необученными социальными низами [1]).

Понятно, как болезненно отражалась эта деятельность польских шляхетских войск на интересах дворянства, посадских людей и даже зажиточного северного крестьянства. Отсюда понятна и социальная подкладка патриотизма. „Патриотизм русских помещиков, таким ярким пламенем вспыхнувший в 1611—12 годах, был, как и всякий патриотизм, впрочем, особой формой классового самосохранения [2]).

Правительство Владислава своей деятельностью только разжигало раз вспыхнувшее пламя. Фактически семибоярщина была бессильна. Бессилен был даже и польский комендант Москвы Гонсевский. Всякий, кто мог, опираясь на того или другого из вождей отдельных польских отрядов, захватывал поместья, где было можно, и распоряжался, как хотел. Распоряжался Андронов, давал листы на поместья Жолкевский, то же позволял себе Гонсевский, раздавал земли И. М. Салтыков. Словом, „все стало переменно и непостоятельно“ [3]), а что

---

[1]) *Покровский*, Русск. история, т. 2, кн. 4, стр. 189.
[2]) Там же.
[3]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 470.

может быть невыносимее такого беспорядка для тех классов общества, которые по самой своей социальной природе более всего расположены дорожить порядком?

Религиозная идеология только прикрыла и освятила классовые побуждения, подставив по внешности вместо классового самосохранения самосохранение национальное.

Как всегда в таких случаях бывает, движение облеклось в одеяние легенды: появилась агитационная литература с целью воздействовать на воображение масс. Так как в интересах дела было подействовать не только на национальное, но и на религиозное чувство, то современники—идеологи патриотического движения дворян и посадских—создали легенду о патриархе Гермогене и Троицком-Сергиевом монастыре, как духовных вождях всего движения. Большинство исследователей [1]) приняло на веру эту легенду и расписало сусально, по образцу суздальских богомазов, образ Гермогена и подвиги Троицкой Лавры. На деле и Гермоген, и Дионисий с Палицыным долго держались семибоярщины [2]). Участие Гермогена в возбуждении борьбы против поляков отрицается фактически и так называемой „Новой повестью о преславном российском царствии", признающей, что от патриарха нельзя ждать призыва к восстанию, так как „сами ведаете, его ли то есть дело, что тако ему повелевати на кровь дерзнути", хотя вместе с тем и изображающей Гермогена стоящим против всех, „аки исполин муж без оружия и без ополчения воинского" [3]). Что касается знаменитых грамот Гермогена, то сами их составители признавали, что они исходят не от него, так как у патриарха „писати некому, дьяки и подьячие и всякие дворовые люди пойманы" [4]). Наконец, точно установлено, что Троицкие грамоты не оказали никакого влияния на сбор нижегородского ополчения по той простой причине, что пришли в Нижний

---

[1]) И в том числе отчасти даже Платонов: „Очерки по истории Смуты", стр. 481, 521—522.

[2]) *Покровский*, Рус. ист., т. 2, кн. 4, стр. 202—203; *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 523 и след.

[3]) *Покровский*, Рус. история, т. 2, кн. 4, стр. 210.

[4]) Там же.

гораздо позднее, чем выступил со своей агитацией Минин, и уже тогда, когда агитация эта увенчалась полнейшим успехом [1]).

И нет ничего удивительного в такой второстепенной роли духовенства в то время: хорошо известно, до какой степени сильно подчинено оно было светской власти и, следовательно, служило интересам господствующих классов. Так случилось и на этот раз: будущие господа положения, давно уже приближавшиеся к полному захвату власти, сделали авторитет патриарха орудием в своих руках для достижения своих целей помимо воли самого Гермогена, а Троицкая Лавра, увидев гибель семибоярщины и растущую силу дворян и посадских, стала служить новым господам так же, как прежде служила боярству.

Первым опытом союза дворян с посадскими людьми Поволжья и севера Московской Руси было ополчение Ляпунова. Не совсем верно, что „города Ляпунову сочувствовали, но подмоги пока не слали“ [2]). В войске Ляпунова были представители Кашина, Дмитрова, Ростова, Ярославля, Владимира, Нижнего-Новгорода, Пошехонья, Вологды, Галича, Архангельска, Переяславля-Залесского, Костромы, Юрьева-Польского [3]). Но, повидимому, это ополчение не было еще достаточно многочисленно и не могло своею численностью преодолеть казачьи войска Трубецкого и Заруцкого. Сразу же обнаружились резкие классовые противоречия между ополчением Ляпунова и казаками. Дворяне Ляпунова в своем приговоре 30 июня 1611 г. прямо установили возвращение старым помещикам беглых крестьян и холопов и высказались за передачу областной администрации исключительно дворянам, за смену атаманов и казаков там, где они утвердились до того времени, и за вознаграждение землей и жалованьем лишь тех казаков, которые давно служат Московскому государству [4]). Сильное противодействие оказывал Ляпунов и казачьим

---

[1]) Ср. *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 526.
[2]) *Покровский*, Рус. история, т. 2, кн. 4, стр. 213.
[3]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 503.
[4]) Там же, стр. 510; *Покровский*, Рус. история, т. 2, кн. 4, стр. 213.

грабежам и своеволию[1])—той социальной борьбе, которую стихийно и инстинктивно вели общественные низы, пополнявшие собой казачество. Все это вызвало сильнейшее раздражение казачества, убийство Ляпунова и распадение дворянско-посадского ополчения 1611 года.

Но первый шаг к союзу дворян с посадскими был уже сделан. За первым опытом, неудавшимся только вследствие противодействия со стороны казачества, представлявшего крестьянство и холопство, последовал второй, увенчавшийся полным успехом.

В фактической истории ополчения и похода Пожарского и Минина следует лишь отметить те основные причины, которые заставили посадское население севера и Поволжья примкнуть к дворянству.

Мы видели, что долгое время север Московской Руси оказывал весьма слабое влияние на ход Смуты: он обыкновенно подчинялся существующему правительству, кем бы оно ни ставилось. Так было при Борисе, названном Димитрии и при воцарении Шуйского. Зажиточные города севера и Поволжья с их уездами во имя своих торговых интересов дорожили прежде всего порядком и спокойствием, охранения которых они ждали от правительства. Классовые противоречия здесь были сравнительно невелики. Крепостного права в собственном смысле этого слова почти не было. Крупные феодальные владения были редкостью в Поволжье, а на крайнем севере их совсем не было. Наконец, эти места нимало не пострадали от того экономического кризиса, которым в центре государства сопровождался переход от натурального хозяйства к денежному.

Этот кризис и последовавшее затем во время Смуты разорение центральных областей существенным образом изменили соотношение между влиянием центра и севера: социально-экономический перевес первого над вторым, существовавший раньше, сменился обратным отношением. Удельный вес севера сильно увеличился.

К тому же Смута разгорелась до такой степени, что в царствование Шуйского затронула существеннейшие интересы посажан и крестьян севера. Правительство царя

---

[1]) *Платонов*, Очерки по истории Смуты, стр. 510.

Василия оказалось не в состоянии защитить север от поляков и казаков Тушинского Вора. Одно время северные города вынуждены были перейти на сторону последнего. А скоро затем им пришлось позаботиться и о полной политической самодеятельности, так как оказалось, что правительство фактически не существует.

Тогда и возник союз посадских людей с дворянами сначала под начальством Ляпунова, и потом под руководством Пожарского и Минина. Большая численность и организованность последнего ополчения дали ему материальный перевес над казаками Трубецкого и Заруцкого. В результате получились: победа, взятие Москвы, земский собор 1613 г. и выбор на нем Михаила Федоровича Романова. Формально Смута закончилась. Мы должны теперь познакомиться с тем, что представлял собою этот формальный исход Смуты в действительности.

Романовы заняли в 1613 г. московский престол не случайно. Воцарение Михаила Федоровича было не чем иным, как символом торжества дворянства и городской торговой буржуазии с сильным перевесом первого над последней.

Романовы, как известно, были почти единственным нетитулованным родом, удержавшимся в первом ряду московского боярства, несмотря на прилив в Москву на службу московскому государю с конца удельного периода массы бывших удельных князей. Сохранив равенство с знатнейшим титулованным боярством, с феодальной знатью в собственном смысле этого слова, Романовы, однако, не чувствовали себя солидарными с этой знатью и не разделяли ее притязаний, а держали сторону той дворянской массы, которая отодвинута была на второй и третий план новыми титулованными слугами московского государя. Поэтому неудивительно, что еще во время Ивана Грозного Романовы стали во главе опричного боярства, опоры царского самодержавия, столь близкого сердцу дворян—„воинников“, имевших в виду сокрушить господство старой знати.

При всем том, как ни близки были Романовы к опричнине, они сумели, однако, не запятнать себя непосредственно теми жестокостями, которые почти повседневно практиковались Грозным в дни его беспощадной борьбы

с боярством. Это уменье держать себя осторожно, этот оппортунизм составляет вторую отличительную черту представителей рода Романовых. Понятно поэтому, что Никита Романович пользовался в Москве большою популярностью.

Популярность перешла и на его сыновей, из которых особенно выделялся и обходительностью, и ловкостью, и умом старший—Федор Никитич. Он и его братья, несомненно, составили заговор в царствование Годунова, за что и поплатились ссылкой и заточением, а Федор Никитич был пострижен в монахи. Воцарение названного Димитрия, предполагаемого сына Грозного, следовательно родственника Романовых, из рода которых происходила первая жена Ивана IV, вернуло Романовых ко двору и дало митрополию Филарету—бывшему Федору Никитичу. К тому же дворянский царь, естественно, не мог оставить в тени вождей дворянской массы.

Впервые о кандидатуре Романовых на московский престол стали говорить по смерти названного Димитря. Романовы были против Шуйского еще тогда, когда Тушинский Вор только что подошел к Москве. Скоро затем в Тушино отъехали родственники Романовых, напр., Сицкой и Черкасский. Наконец, там же в течение некоторого времени находился и нареченный патриарх Филарет. Позднее, когда Вор бежал в Калугу, Филарет явился одним из вдохновителей договора 4 февраля 1610 года и, попав затем, как пленник, в Москву, несомненно, принял деятельное, хотя и скрытое, участие в низложении Шуйского с престола.

Понятно, почему выбор земского собора 1613 года остановился на Романове: дворянство возводило на престол фамилию, по традициям всегда бывшую его руководительницей в борьбе за власть и в то же время сумевшую, в общественном мнении, предохранить себя от той грязи и крови, с которой была сопряжена эта борьба.

II.

Народное хозяйство в первой половине XVII в.

Смута, ряд только что описанных выше бурных событий, совершивщихся в России начала XVII в., не могла, конечно, не отразиться на состоянии народного хозяйства. Тем не менее, весьма характерно и в высшей степени поучительно, что разрушительное влияние Смуты на хозяйственную жизнь на самом деле не было столь сильно, как можно было ожидать: проявления его, правда, на первый взгляд были весьма резки и ярки, но они оказались не глубокими, не стойкими, не длительными; к тому же в экономическом отношении Смута была лишь заключительным моментом того кризиса, который начался и развился во второй половине XVII века и имел более серьезное и устойчивое значение, чем общественные бури начала XVII столетия.

Для того, чтобы убедиться в справедливости этого замечания, необходимо познакомиться прежде всего с писцовым материалом начала XVI века. Но так как по отношению к писцовым книгам этого времени в литературе высказываются критические замечания, обесценивающие, если не вполне, то в значительной части этот важный источник, то необходимо хотя бы не надолго остановиться на этой критике и установить степень и пределы ее основательности.

Писцовые книги вообще не могут, конечно, идти ни в какое сравнение с современными хозяйственно-статистическими исследованиями. Исследователи [1]) не без

---

[1]) *Лаппо-Данилевский*, Организация прямого обложения в Моск. государстве, стр. 205--214; *Миклашевский*, К истории хозяйственного быта Моск. гос., ч. I, стр. 46—47, 54, 57, 62.

серьезных оснований находят древне-русские переписи недостаточно быстрыми и единовременными, неудовлетворительными по способам и формам, лишенными научных приемов при изучении почв и ценности хозяйств, преисполненными множества ошибок, которые произошли как от теоретических затруднений, так и от обманов со стороны населения и от небрежности и злоупотреблений писцов; в частности, замечают, что нельзя считать достоверными цифры, указывающие размеры разных угодий, особенно пашни паханой, и что основания писцовых данных весьма шатки: это именно „сказки“, т.-е. показания отдельных лиц, непроверенные письменными документами. Надо при этом отметить, что если вообще репутация наших писцовых книг не высока, то особенно низка она по отношению к отдельным „дозорам“ или „дозорным книгам“, составлявшимся часто в начале этого века, после „разрухи“, имевшим целью констатировать факт особого разорения и внести поправки к старым или общим описаниям, дать основания для льгот и облегчений в податях [1]).

При всей серьезности и известной степени обоснованности этой критики, она, однако, нередко переходит в скептицизм, разрушающий без созидания, тогда как это созидание, положительные результаты и выводы составляют основную, конечную задачу всякой серьезной научной критики. Ставя необходимое критическое отношение к писцовым книгам на эту здоровую почву, на такой единственно правильный путь, мы должны смягчить в очень значительной мере сурово отрицательный приговор, выносимый писцовым книгам Московской Руси и, главное, центр тяжести критики перенести с огульного, общего осуждения на детальную оценку степени достоверности отдельных, конкретнык описаний того или другого времени и места. Говоря вообще [2]), известная минимально-необходимая мера достоверности писцовых книг обусловливалась сравнительной узостью, простотой

---

[1]) *Готье,* Замосковный край в XVI в., стр. 69; *Веселовский,* Сошное письмо, т. II, стр. 167—170.

[2]) *Рожков,* К вопросу о степени достоверности писцовых книг: „Историч. и социалогич. очерки“, часть вторая, стр. 240 и след.

и ясностью программы описаний, определенностью мер, какими производилось измерение, опытностью отчасти самих писцов, в особенности же их ближайших помощников [1]), участием самого населения в производстве описаний, фактами проверки „сказок" не только показанием местных сторожильцев, но и документами. Конечно, требующихся теперь полноты наблюдения, точности вычисления и установления причинной связи статистически-изображаемых явлений не было в писцовых книгах: они не полно, узко изображали экономическую действительность, писцы очень плохо считали, так что итоги описаний почти сплошь недостоверны, а вывод причинной зависимости изучаемых явлений не входит в поле их зрения [2]), но нельзя предъявлять к старинным документам такие запросы и требования, какие естественны в отношении к новейшим, научно-построенным статистическим исследованиям. В известных узких пределах писцовые книги дают ценный материал. Этого довольно.

Обращаясь к частностям, к описаниям первой половины XVII века, мы видим, что, как то доказано специальным исследованием [3]), землемерие писцовых книг этого времени было хорошим, стояло на надлежащей высоте, ошибки не привышали 4—5%, что не важно; затем признано, что с 20-х годов утвердились лучшие приемы измерения земель [4]); наконец,—и это особенно важно,— мы имеем довольно точные и полные данные о забракованных, действительно недостоверных писцовых и дозорных книгах первой половины XVII в. [5]), которые и надо, следовательно, исключить из состава материалов, пригодных для изучения.

Опираясь на все сказанное, можно с достаточной уверенностью пользоваться имеющимся в нашем распоряжении писцовым материалом первой половины века.

---

[1]) *Готье*, Замосковный край, стр. 77; *Веселовский*, Сош. письмо, II, стр. 35.

[2]) *Рожков*, К вопр. о степ. достоверн. писц. кн.: „Ист. и социол. оч.", II, стр. 251 и сл.

[3]) *Седашев*, Очерки и материалы по истории землевладения в Московской Руси XVII века, М. 1912, стр. 29—32.

[4]) *Веселовский*, Сошное письмо, II, стр. 369.

[5]) *Готье*, Замоск. край, стр. 69; *Веселовский*, Сош. письмо, II, стр. 167—170.

Нам уже известно, как резко был выражен кризис конца XVI в. в центре и в области Новгорода и Пскова. Его естественным продолжением и обострением здесь и было разорение, постигшее эти местности в Смуту. Напр., по писцовой книге Дмитровского уезда 1626—28 годов в поместных землях Повельского стана было всего 7 сел и деревень и 96 пустошей, причем пашни было 201 ч. в каждом из трех полей, а перелогу 3030 ч.[1]). Поучительны сравнительные данные о Троицких вотчинах в 20 замосковных уездах в 90-х годах XVI в., в 10-х и 20-х годах XVII в.: в первый из этих сроков пашня здесь составляла 37%, а перелог 63%, во второй соответствующие отношения выражаются цифрами менее 2% и свыше 98%, в третий—25% и 77%[2]). Эти примеры, количество которых можно увеличить в очень большой степени[3]), свидетельствуют, что разорение, запустение, упадок хозяйства были огромны.

Процесс разрушения, упадка не ограничился пределами, в которых кризис конца XVI в. нашел себе яркое проявление. Губительное влияние Смуты сказалось и в других областях страны, не знавших кризиса предшествующего времени. Оно распространилось на Прикамье, где в 1609—1611 гг. разорены были Чебоксары и Цывильск, Котельнич, отчасти Казанский уезд[4]), и даже на северный край, в границах которого встречаем указания на разорение Каргопольского, Белозерского, Вологодского, Двинского уездов, Турчасовского стана, Важской земли[5]).

Но характерно, что момент наибольшего упадка—последние годы второго десятилетия XVII века; в третьем десятилетии, в 20-х годах, наблюдается уже некоторое улучшение[6]). Уже это указывает, как скоро сравнительно долечивались раны, нанесенные бурными событиями

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—39.

[2]) *Готье*, Замосковный край в XVII в., стр. 213.

[3]) См., напр., М. Арх. М. Юст., писц. кн. 11833; 12604, лл. 978—1892; 425, лл. 1—770 и др.

[4]) *Перетяткович*, Поволжье в XVII и начале XVIII в. стр. 26, 96, 97.

[5]) Акты Археогр. Эксп., т. III, №№ 15, 35, 64, 69, 110, 112.

[6]) *Готье*, Замосковный край, стр. 223.

времен „великой разрухи“, насколько поверхностнее, чем кризис XVI в., было влияние Смуты [1]). И это подтверждается еще тем, что кризис закончился, повидимому, не позднее сороковых годов XVII века. Так, по переписной книге Калуги и Калужского уезда 1646—48 годов, на посаде мы видим довольно густое и многочисленное для тех времен население; здесь числилось 643 двора с населением в 1822 человека; в уезде совсем не было пустошей [2]). Здесь уже в 30-х годах заметно было некоторое улучшение: пашня в 1630 г. занимала свыше 19% всей пахотной площади [3]). Надо прибавить, что даже в Центре разорение от Смуты не было повсеместным: в соответствии с данными конца XVI в. по окраинам этой области, в уездах Балаханском, Костромском, Гороховецком, Лушском, Муромском, Романовском, Шуйском, Суздальском в 20-х годах „живущая пашня“ составляла от 22 до 49% всей пахотной земли; в Юрьев-Польском, Кашинском и Галицком уездах живущая пашня превышала перелог [4]), т.-е. сохранилась паровая-зерновая система земледелия: там, где не было кризиса XVI в., не ощущалось или слабо ощущалось и влияние Смуты. В общем и население разоренных Смутой местностей, поскольку оно не ушло в другие области, а „скиталось от страху и ужасти по лесам и болотам“ [5]), скоро вернулось и восстановило хозяйство к концу второго момента в развитии дворянской революции в России.

Таким образом после непродолжительного обострения кризиса смутными событиями наблюдается улучшение системы или техники земледельческого хозяйства, сведшее на нет даже и кризис конца предыдущего столетия. Спрашивается, не соответствовало ли этой перемене изменение и в других сторонах экономических отношений?

Прежде всего—изменилось ли и, если изменилось, то в каком направлении соотношение основных отраслей

---

[1]) Там же, стр. 245.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 162.

[3]) *Симсон*,—в „Изв. Калужск. ученой архив. комиссии“, № 3, стр. 208.

[4]) *Готье*, Замосковный край, стр. 225.

[5]) *Готье*, Замосковный край в XVII в., стр. 247.

хозяйства? Относящийся сюда метериал не оставляет сомнения в том, что раны, нанесенные и в этом отношении кризисом конца XVI века и бурями Смуты, скоро залечились, и соотношение разных отраслей хозяйства стало слагаться в том же направлении, в каком оно определилось раньше. Торговля, обрабатывающая промышленность, товарное хозяйство шли вперед все далее и все быстрее. Особенно развивалась внешняя торговля. По известии Олеария, в 30 х годах XVII в. Россия вывозила заграницу кожаные изделия, главным образом юфть; голландцы вывозили к себе русский хлеб[1]); через Псков шли заграницу мед и воск[2]); лен и конопля также были предметами русского вывоза[3]). Голландцы считали торговлю с Московией не менее важной, чем раньше торговлю с Испанией и ее американскими колониями[4]). Англичане, хотя и сильно уступавшие голландцам в русской торговле XVII в., все же вывозили из России главным образом канаты, мачты, смолу, поташ, воск и ввозили сукна, металлы, хлопчатобумажные и колониальные товары[5]). Характерно, что царь Алексей соблюдал особо интересы русского купечества и, воспользовавшись казнью Карла I в Англии, не дал привилегии английской компании[6]). По Павлу Алеппскому, русские при царе Алексее продавали пшеницу и рожь во все франкские земли[7]). Повидимому, русское купечество в первые десятилетия после Смуты вообще преуспевало в своих торговых операциях: недаром к 1642 году сумма косвенных налогов, „а стало быть и торговых оборотов", увеличилась в 10 раз[8]).

Конечно, отчасти это свидетельствовало о торговле гостей, в значительной мере заграничной, но здесь ска-

---

[1]) „Чтения в Общ. Ист. и Древ. Росс." за 1868 г., кн. III, стр. 117, 199.

[2]) Там же, стр. 121.

[3]) Там же, стр. 199.

[4]) *Покровский*, Рус. история, III, 5, стр. 85.

[5]) *Любименко*, Торг. сношения России и Англии при первых Романовых; „Ж. М. Н. Пр." за 1911 г., дек., стр. 152—153, 161.

[6]) Там же, ноябрь, стр. 14.

[7]) *Павел Алеппский*, Путешествие антиох. патриарха Макария, вып. IV, стр. 12.

[8]) *Покровский*, Рус. ист., II.

залось и развитие торговли внутренней, о которой мы имеем опять-таки внушительный ряд данных. Москва была, конечно, первым центром внутренней торговли: на нее в 30-х годах XVII в. приходилась треть всех торговых оборотов страны [1]); по переписи 1626 г., в Китай-городе было $657^2/_3$ действовавших лавок, не считая $46^1/_2$ незанятых лавочных мест [2]). Вслед за Москвой шли десять волжских городов, между которыми первенствовали в торгово-промышленном отношении Казань, Ярославль и Нижний-Новгород [3]). Это и неудивительно: первая треть XVII века как раз была временем процветания восточной торговли по Волге и сибирской дороге [4]). Но и север еще держался; там крупными центрами были Вологда, Кострома, Устюг Великий, Архангельск и Холмогоры, при чем, однако, экономическая мощь крупнейшего из этих северных центров—Вологды была вдвое меньше, чем у Нижнего-Новгорода [5]). Великий Новгород занимал уже только одиннадцатое место среди крупных торгово-промышленных городов того времени и был немного богаче Калуги [6]). Калугу мы возьмем в качестве конкретного примера типичного среднего торгово-промышленного посада. Во втором десятилетии XVII века, около 1616—1617 годов, в Калуге считалось 723 двора с 733 человеками. Из них тогда обрабатывающей промышленностью было занято 139 человек в 133 дворах [7]). В 1645—47 годах в Калуге было 588 посадских дворов, в которых жили 1688 человек; из них 432 человека в 158 дворах были заняты обрабатывающей промышленностью, причем, если не считать довольно сильно развитой торговли продуктами земледелия, имели особенное значение обработка скотоводственных продуктов—выделка кожи, выработка масла и сала,—обработка метал-

---

[1]) *Сташевский*, Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московского государства: „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1912 г., май, стр. 99.

[2]) *Довнар-Запольский*, Промышленность Москвы, стр. 50.

[3]) *Сташевский*, Пятина 142 года: „Ж. М. Н. Пр." за 1912 г., май стр. 99.

[4]) Там же, стр. 99.

[5]) Там же, стр. 99, 102, 80.

[6]) Там же, стр. 99.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 11605, лл. 2 об. 123.

лов, затем дерева и приготовление одежды; повидимому, многое было здесь рассчитано на обширный сбыт, на довольно широкий отдаленный рынок [1]). По Олеарию, в 30-х годах Астрахань торговала водным путем с Москвой виноградным вином, медом, солью и соленой рыбой [2]). В области Козьмодемьянска, по его же словам, драли много липового лыка, который „развозили всюду по стране“, делали из него сани, боченки и разные ящики [3]). В 1630 г. в Москве было 2367 ремесленников, в 1634 г. в четверти Москвы их было 1022 [4]). В 1638 г. 21% ремесленного производства столицы составила обработка металлов; далее следовали производство хлебных продуктов (17%), приготовление одежды (11%), изделия из дерева и кожи (по $9^1/_2$%) и т. д. [5]). В 20-х годах XVII века в Московском уезде в селе Клементьевском были монастырские слободы, где жили ремесленники, которые получали из монастыря денежное и хлебное жалованье и за то „делали на монастырь всякое изделье“, очевидно, но своей специальности; здесь, как показывает число некоторых мастеров, работа производилась на широкий рынок, рассчитана была на обширный, не местный только спрос: там было 12 иконописцев (в том числе 2 ученика), 12 „судописцев“ (1 ученик), 38 каменщиков (в том числе один подмастерье) [6]). Известно, что к тем же временам относится появление в Туле, на Шексне и в Костроме металлообрабатывающих, главным образом железоделательных, заводов Виниуса, Марселиса, Акемы, при чем они работали главным образом вовсе не на казну и приготовляли не столько оружие, сколько полосовое и кровельное железо, железные двери и ставни, судовые якоря [7]). Торговля вообще росла быстро: к 1642 году сумма торговых оборотов увеличилась в 10 раз [8]); были

---

[1]) Там же, писц. кн. 162.

[2]) *Адам Олеарий*, Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию: „Чт. в Общ. Ист. Древ. Рос.“ за 1868 г., кн. III, стр. 121; за 1869 г., кн. I, стр. 391.

[3]) Там же, за 1865 г., кн. I, стр. 391.

[4]) *Довнар-Запольский*, Промышленность Москвы, стр. 64.

[5]) Там же, стр. 66—67.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст, писц. кн. 685, лл. 976 об.—978 об.

[7]) *Покровский*, Русская история, III, 5, стр. 120.

[8]) Там же, II.

крупнейшие капиталисты, особенно из числа гостей; гость Никитников в 30-х годах владел целою четвертью капиталов всех частей Московской Руси [1]); тогда же один из московских гостей откупил для рыбной ловли значительную часть Волги под Черным Яром [2]).

Таким образом после перерыва, созданного кризисом конца XVI века и Смутой, соотношение разных отраслей хозяйства в Московском государстве первой половины XVII века пошло по тому пути, на который оно вступило с половины предшествующего столетия,—т.-е. по пути развития торгового капитализма, рассчитанного на обширный, национальный, отчасти даже международный рынок. Остается только отметить, что этому содействовало расширение территории государства, совершившееся путем колонизации в двух основных направлениях—на юг, вглубь степей с их тучным черноземом, и на восток—в сибирские дали с их необозримой широтой. Отметим здесь лишь главные моменты этих колонизационных процессов, как они определялись к половине XVII века.

Самым южным аванпостом русского колонизационного движения является донское казачество, а также казачество волжское и яицкое. Они представляли собою в XVII веке вольные казацкие общины, всецело самоуправлявшиеся и пополнявшиеся главным образом беглым крестьянским и холопским элементами из Московской Руси и отчасти также из Речи Посполитой и Запорожья. Но интересы московского правительства или классов общества, его поддерживавших, заставляли мириться с потоком беглецов, сюда направлявшимся, так как, по справедливому замечанию Котошихина, если бы не было донских казаков, то „не укрепились бы и не были бы в подданстве за московским царем Казанское и Астраханское царства“ [3]). С юга и востока ту же роль заслона от разных кочевых и полукочевых хищников играли казаки волжские и яицкие. Волга с ее торговой дорогой и благодатными землями по ее берегам, особенно в среднем и нижнем течении, была жизненно

---

[1]) *Сташевский*. Пятина 142 года: „Ж. М. Нар. Пр.“ за 1912 г., май, стр. 113.

[2]) *Олеарий*, стр. 446.

[3]) *Котошихин*, О России, гл. IX.

необходима и служилому сословию и торговым людям посадов, особенно столичным, и потому пришлось помириться ради ее сохранения даже с утечкой части закрепощаемой рабочей силы. Мало того: московское правительство с конца XVI в. и в XVII в. посылает на Дон казакам хлеб, порох, свинец, сукно, даже небольшое денежное жалованье, которого в 1648 г. пришлось по $1^1/_2$ рубля на человека [1]).

Но, независимо от этих казачьих аванпостов, двигались на юг и вольные поселенцы—крестьяне, и отчасти совершалась также владельческая колонизация, напр., князя Пожарского, Бобрищева-Пушкина, Плещеева, Вельяминовых, Чудова и Спасского монастырей в нынешней Тамбовской губернии и Ивана Никитича Романова в Ельце и Лебедяни [2]). Настоящими же закрепителями южной окраины за Москвой были служилые люди по прибору—стрельцы, пушкари, казаки—и мелкий провинциальный полуслужилый—полурабочий люд, одновременно сам пахавший, сам и воевавший,—будущие однодворцы. Наиболее южными городами здесь были к половине XVII в. Курск, Оскол, Валуйки, Воронеж, Елец, Ливны, Брянск, Рыльск, Путивль, Севск, Белгород, численность гарнизонов которых уже в 30-х годах доходила почти до 14000 человек [3]). Население самой южной полосы, охватывавшей восточную часть нынешней Черниговской губернии, южную часть Курской, почти всю Воронежскую и Харьковскую, юго-западную часть Тамбовской и северо-восточную часть Полтавской губернии, доходило в XVII в. уже до 45000 человек [4]). При всем консерватизме оборонительной организации московского правительства на южной окраине, оно все же, цепляясь по старым преданиям за линию обороны Рязань-Тула-Одоев, прикрывавшую непосредственно центр государства [5]), вынуждалось иногда двигаться далее на юг,

---

[1]) *Яковлев*, Засечная черта Моск. государства в XVII в., М., 1916, стр. 8—9.

[2]) Там же, стр. 13.

[3]) *Яковлев*, Засечная черта, стр. 14.

[4]) *Миклашевский*, К истории хозяйственного быта Моск. госуд., ч. I, стр. 140.

[5]) *Яковлев*, Засечная черта, стр. 285.

особенно когда к тому его подталкивала не крестьянская только и не мелкослужилая, а крупновладельческая колонизация. Так случилось, напр., в середине 30-х годов, когда организована была укрепленная черта около Козлова, между Полным Воронеже и Челновой [1]).

Конечно, южные поселенцы вполне или отчасти переставали на время быть земледельцами: казаки на Дону совсем не занимались хлебопашеством, у них существовал даже запрет в этом отношении [2]),—повидимому, инстинкстивно чувствовалась, даже сознавалась необходимая органическая связь земледелия с частным землевладением и организацией государственности; но и южные поселенцы, особенно однодворцы, не только пахали землю своими руками, но и пользовались рыбными и звериными ловлями, так называемыми здесь „юртами“ [3]). Во вновь заселяемых местах естественно возрождались и воскресали традиции первоначальной добывающей промышленности.

То же самое наблюдалось и в колонизации и хозяйстве Сибири, с тою лишь особенностью, что Сибирь была богаче мехами, шкурами зверей, и потому ее заселение давало сильнейший толчок развитию торговли—внешней и внутренней. Главные факты, касающиеся колонизации Сибири и подчинения здесь русским инородцев до половины XVII века, сводятся к следующему: еще в 1586 г. основана была Уфа, в 1645 г. Мензелинск, в 1663 г. Бирск, в 1664 г. Шадринский острог, в 1658 г. острог Челябинский, в 1639 г.—Ялуторовский; начало Тюмени относится еще к 1586 году, в начале XVII в. появился Томск, в 1618 г. Енисейск, в 1628 г. Красноярск; в 20-х годах началось движение по Ангаре далее, в Восточную Сибирь, в Якутский край: в 1631 г. основан Братский острог, в 1632 г. Якутск, в 1638 г. Верхоянск, в 1648 г. Нижнеколымск, в 1641 г. Верхоленск, в 1652 г. Иркутск, в 1654 г. Балаганск [4]); наконец, в 1649—

---

[1]) Там же, стр 284, 13.

[2]) *Дружинин*, Раскол на Дону, стр. 16; ср. *Яковлев*, Засеч. черта, стр. 11.

[3]) *Яковлев*, Засеч. черта, стр. 12.

[4]) *Дмитриев*, Пермская Старина, вып. VIII, стр. 25, 28, 29, 43, 46; *Фишер*, Сибирск. история, Спб. 1774, стр. 283 и др.; *Буцинский*,

53 годах совершил свою знаменитую экспедицию на Амур Хабаров [1]), проложивший таким образом путь в Забайкалье и на Дальний Восток. Охота и сбор ясака мехами, с незначительной сравнительно примесью земледелия, составляли главное занятие сибирских поселенцев. Естественно, что и главными колонизаторами Сибири были выходцы с севера, уроженцы Устюга, Яренска, Пинеги, Сольвычегодска, Мезени и т. д., а также выходцы с Урала, бывшего всегда промежуточным этапом, посредствующим звеном для движения населения из Европейской России в Сибирь.

Переходя к вопросу о землевладении, мы не будем долго останавливаться на тех формах и видах отношения к земле, какие сохранялись или вновь насаждались на окраинах: при указанных сейчас общих экономических условиях окраин естественно господство здесь в лучших случаях сябринного, складнического владения [2]), часто, особенно в Сибири [3]), на Дону, на Яике, даже и вольного или захватного землепользования, значительные остатки которого сохранялись и позднее. Для нас важнее здесь те перемены, которые произошли между окончанием Смуты и половиной XVII века в землевладении старых областей государства. Здесь главное влияние принадлежит именно переходу к торговому капитализму. Под влиянием этого наблюдаются серьезные перемены в относительном значении и даже в юридической природе поместного и монастырского землевладения.

Что касается прежде всего земель монастырских, то закон 1581 г. о запрещении монастырям принимать земельные вклады был подтвержден в 1613 году, а в 1622 и 1624 годах это допускалось лишь со специального каждый раз доклада государю, относительно же тяглых земель запрещалось безусловно [4]). Уложение

Засселение Сибири; *Ватин*, Минусинский край в XVIII в., стр. I; *Серебренников*, Покорение и первонач. заселение Иркутской губ., Ирк. 1915, стр. 3, 9, 12, 15, 17.

[1]) *Серебренников*, Покорение и первон. засел. Ирк. губ., стр. 36 и след.

[2]) *Миклашевский*, К истории хоз. быта.

[3]) *Филимонов*, Формы землевладения в Барабе.

[4]) *Сташевский*, Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, Киев, 1913, стр. 216, 217.

1649 года окончательно запретило прием земельных вкладов монастырями [1]). Тем не менее, фактически нередко монастыри приобретали новые земли приемом вкладов, в залог и покупкой. Это бывало и в центре страны [2]), и, напр., также на севере, где на приобретение земли многие монастыри затрачивали десятки тысяч рублей на наши довоенные деньги [3]). Но несомненно все-таки, что, несмотря на это, параллельно юридическому ограничению монастырского землевладения шло фактическое сокращение его размеров. Неотчуждаемость монастырских земель, возведенная в принцип Стоглавом, часто обращалась в юридическую фикцию: под давлением начавшего свое развитие торгового капитализма, делавшего необходимым нередко превращение земли в деньги, монастырские власти прибегали прежде всего к залогу вотчин. А так как залог был в большинстве случаев вещным, реальным договором, т.-е. сопровождался немедленной и обязательной передачей закладываемого имущества залогопринимателю или кредитору, то часть монастырской земли переходила в руки светских лиц, происходила мобилизация монастырской земельной собственности. Дело осложнялось еще нередко вмешательством правительственной власти, которая, признавая незаконным отчуждение монастырской земли, не возвращала этой земли монастырям, а конфисковала в пользу государства и раздавала в поместья, так что возврат заложенной монастырями земли в монастырскую собственность окончательно пресекался. Так, в Бежецкой пятине Великого Новгорода была целая „волостка Соружа в Облутне", где было до 30 деревень. Эта волостка прежде принадлежала Спасскому Нередицкому монастырю, потом монастырские власти заложили ее некоему Михаилу Петрову, и, она, „по государеву наказу", была роздана по частям в поместья [4]). Или: в Обонежской пятине князь Путятин получил поместье из земель, принадлежащих некогда Павлову монастырю и бывших за-

---

[1]) Уложение, XVI, 42.

[2]) *Готье*, Замосковный край в XVII в., стр. 250.

[3]) *Богословский*, Земск. самоуправление на русском севере в XVII в., I, стр. 87.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц., кн. 962, кн. 765—769 об.

тем в закладе за дьяком Меншиком Дурбеневым [1]). Точно так же Козодавлеву досталась в поместное владение земля, отписанная на государя у Василия Хлопова, получившего ее в свою очередь в залог от Аркажа монастыря [2]).

Мало того: неотчуждаемость монастырских земель иногда прямо нарушалась ее продажей. Так, Троицкий Сергиев монастырь в 1627 году продал князю Сицкому пустошь Клобукову в Дмитровском уезде [3]). В 1624 году тот же монастырь продал подьячему Овдокимову свою вотчину в Шацком уезде, село Гавриловское [4]), и т. д.

Гораздо менее податливым в смысле изменения своей юридической природы оказалось в изучаемое время поместье. До половины XVII века, впрочем, и здесь все же утвердился обычай передавать поместья по смерти владельцев их сыновьям и вообще родственникам [5]), и, кроме того, стала входить в практику мена поместных земель на вотчинные. Эти перемены имели свое немаловажное значение: старые формы землевладения, свойственные феодализму, удельному строю, приспособленные к натуральному хозяйству, начали уже, очевидно, перерождаться, приспособляться к условиям торгового капитализма.

Повлияв на юридическую природу поместья, денежное хозяйство с обширным рынком повело и к сокращению размеров поместной земли посредством обильного и входившего все более в обычай пожалования поместий в вотчину в награду за службу и заслуги. В царствование Михаила много поместной земли было роздано во владение на вотчинном праве, т.-е. в полную собственность служилым людям за участие в защите столицы в Смутное время от нападений Тушинского Вора—это так называемое „осадное сидение при царе Василии“— и во время похода на Москву Владислава—„осадное сидение королевичева приходу“. В XVII веке ни один удач-

---

[1]) Там же, писц. кн. 965, л. 12.

[2]) Там же, писц. кн. 965, л. 76 об.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчинная Поместного приказа 5969—1, л. 561.

[4]) Там же, л. 121.

[5]) *Сташевский*, Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, стр. 219.

ный поход не обходился без обращения части поместной земли его участников в вотчину. Установилась и обычная норма такого пожалования: обыкновенно в награду за службу с каждых ста четвертей поместного оклада 20 четвертей обращались в вотчинное владение. Неудивительно, что в XVII веке размеры поместной земли сокращаются и абсолютно, и относительно, и на ее счет увеличивается вотчинное землевладение служилых людей. В Тульском уезде конца XVI века всего каких-нибудь 1500 десятин пахотной земли находилось в вотчинном владении, что составляло всего 2% распахиваемой площади уезда, тогда как поместья занимали около 76000 десятин во всех трех полях, или почти 92%[1]); по писцовой книге 1628 года, вотчины заключали в себе уже около 14000 десятин пахотной земли, т. е. увеличились абсолютно в девять раз; чрезвычайно быстро шел рост и относительных размеров вотчинного владения, так как оно составляло в то время уже около 17% всей площади уезда; на долю поместий приходилось 64000 десятин, или 77% уездной территории (остальная земля в XVI и XVII веках была занята монастырскими и церковными владениями)[2]). В Казанском уезде в 50-х годах XVI столетия совсем не было служилых вотчин[3]), а около ста лет спустя они являлись очень видным элементом в составе земельного владения[4]). В Рузском уезде 1624—26 годов вотчинное землевладение уже очень немногим уступало по размерам поместному: тогда как на первое приходилось до 25 тысяч десятин пашни во всех трех полях, второе занимало 26 тысяч десятин[5]).

Чтобы закончить речь о формах землевладения, остается отметить, что Смута окончательно смела последние остатки черных земель в Центре[6]), и что дворцовые земли, расхищенные было в значительной мере в Смутное время, стали снова возвращаться во дворец

---

[1]) *Рожков,* Сел. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 371.

[2]) *Щепкина,* Тульский уезд в XVII в., М. 1882, стр. 92 и 93.

[3]) *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 373.

[4]) *Перетяткович,* Поволожье в XVII и начале XVIII в., Одесса, 1882. стр. 60, 140 и др.

[5]) М. Арх. М. Юст., писц. кн. 425, л. 763 об.

[6]) *Готье,* Замосковный край в XVII в., стр. 252, 340.

при Михаиле[1]), так что предполагать здесь сокращение размеров нет никаких оснований.

История служилого землевладения в XVII веке не настолько хорошо изучена, чтобы можно было дать вполне отчетливое представление о мобилизации земельной собственности дворянства и о распределении ее по размерам. Можно только предполагать с большой степенью вероятности, что мобилизация не была столь стремительной, как раньше. Позднейшие данные 70-х и 80-х годов XVII в. подтверждают это[2]). Таким образом, принимая во внимание это обстоятельство в связи с переменами в формах владения землей, следует признать, если не исчезнувшими, то в значительной степени ослабевшими те специфические причины, которые вызвали и обострили экономический кризис конца XVI века. Что касается распределения земли по формам владения, то здесь возможны некоторые предположительные вычисления, интерес и важность которых заключается в освещении вопроса о том, более ли приспособленным являлось землевладение XVII века по размерам своим и новым хозяйственным условиям, чем то было во второй половине XVI столетия.

От конца 40-х годов XVII в. до нас дошла роспись земельных владений высших чинов—бояр, окольничих, думных дворян, думных дьяков и стольников. Всего за ними числилось тогда 49837 дворов[3]). От начала 60-х годов, т.-е. всего на каких-нибудь 15 лет позднее, сохранились сметы военных сил Московского государства, по которым общее число дворов на посадах, в дворцовых, черных, монастырских и служилых землях определяется в 447710 дворов[4]). Выключая отсюда 5%, т.-е. 22385 посадских дворов и, по данным Котошихина[5]), 30000 дворов дворцовых, 20000 черных и 118 тысяч дворов архиерейских и монастырских, получаем на служилое землевладение 257325 дворов. Таким образом, если вы-

---

[1]) *Сташевский*, Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, стр. 120 и сл.

[2]) *Готье*, Замосковный край в XVII в.

[3]) *Рождественский*, Роспись земельных владений моск. боярства 1647—8 г., М. 1913.

[4]) *Веселовский*, Сметы воен. силы Моск. госуд., М. 1911, стр. 5.

[5]) *Котошихин*, О России, изд. 2-е, стр. 118—119.

честь 49837 дворов, принадлежавших высшим чинам, то на долю провинциального дворянства и низших чинов дворянства столичного (стряпчих, дворян московских и жильцов) придется 207488 дворов. Следовательно, рядовое дворянство, служилая масса, держало в своих руках более 80% всех служилых земель. Уже это указывает на большую распространенность среднего и мелкого служилого землевладения.

Еще важнее в данном отношении анализ росписи конца 40-х годов. Всего росписи означено 54 владельца, из которых у 23 было больше 455 дворов, а у 26 от 150 до 455 и у пяти меньше 150 дворов[1]). Эти нормы взяты по следующему расчету: в среднем в первой половине XVII века приходилось на крестьянский двор 3,3 десятины во всех трех полях; поэтому при 455 дворах получается пашни больше 1500 десятин—низшая норма крупного землевладения, а при 150 дворах менее 500 десятин—высшая норма землевладения мелкого. Значит, даже в среде высшего столичного дворянства было свыше 9% мелких землевладельцев; крупные землевладельцы там представлены были $42^1/_2$ процентами; преобладало, значит, и здесь среднее землевладение, которое составляло немногим менее половины всех служилых людей высших чинов. А это среднее землевладение и было наиболее приспособлено к начальной стадии торгового капитализма. Несомненно также, что средним и мелким было и владение московских дворян и жильцов[2]). Характерны притом наблюдения над крупным землевладением. Прежде всего, кто был крупным землевладельцем? Вот их перечень в порядке, убывающем по отношению к числу дворов: 1) Н. И. Романов (7012 дворов), 2) Б. И. Морозов (6034 двора), 3) кн. Я. К. Черкасский (5207 дворов), 4) Ф. И. Шереметьев (2791 дв.), 5) И. В. Морозов (2491 дв.) 6) М. М. Салтыков с сыном (2232 дв.), 7) кн. Н. И. Одоевский (1683 дв.), 8) Г. И. Морозов (1688 дв.), 9) Л. С. Стрешнев (1563 дв.), 10) В. И. Стрешнев (1485 дв.), 11) кн. Ф. С. Куракин (1297 дв.), 12) кн.

---

[1]) *Рождественский*, Роспись земельных владений.

[2]) Средний размер владений моск. дворян в 30-х г.г. 494 ч., а жильцов 143 ч.: *Сташевский*, Землевладение моск. дворянства; *Изюмов*, Жилецкое землевладение в 1634 г.

А. Н. Трубецкой (1104 дв.), 13) кн. И. А. Голицын (880 дв.), 14) кн. С. В. Прозоровский (817 дв.), 15) И. А. Гавренев (796 дв.), 16) Ф. Б. Долматов-Карпов (747 дв.), 17) кн. Б. А. Репнин (718 дв.), 18) Г. Г. Пушкин (591 дв.), 19) кн. М. Н. Одоевский (585 дв.), 20) Ф. С. Стрешнев (578 дв.), 21) кн. Д. П. Львов (522 дв.), 22) Л. Д. Салтыков (476 дв.), 23) кн. Ф. Ф. Волконский (457 дв.). Просматривая этот список, мы находим в нем всего 9 человек потомков бывших удельных князей, что составляет только 39%. Остальные 61%, т.-е. значительное большинство, принадлежит или к выслужившимся дворянам, или к опричному боярству, или, наконец, к числу царских родственников. Притом наиболее богатыми землевладельцами оказываются как раз люди без княжеского титула. В соответствии со всем этим крупные земельные владения ни у одного собственника не лежат сплошь, отличаются крайней чересполосицей, и, кроме того, у потомков бывших удельных князей не находятся в пределах их бывших княжеств. Типичный пример—вотчины и поместья боярина князя Н. И. Одоевского: его поместье было в Рязанском уезде, вотчины—в Московском, Шацком, Ряжском, Бежецком, Дмитровском, Костромском, Ярославском, Муромском уездах[1]). Положение совершенно ясно: феодальная вотчина даже у потомков феодалов переродилась в вотчину и поместье дворянские. Обломки старых удельных владений редки, и то обычно они встречаются у средних землевладельцев: пример—кн. А. Ф. Литвинов-Мосальский, имевший вотчину в Мосальском уезде[2]).

От землевладения переходим к формам хозяйства.

Конечно, на оригинальном, во многом хранившем предания старины севере и, с другой стороны, на вновь заселяемом юге были свои особенности, уже неизвестные другим частям страны и знакомые нам по предшествующему времени. На севере то было половничество, как и раньше[3]). Но и там оно в XVII веке начало видо-

---

[1]) *Рождественский*, Роспись земельных владений, стр. 22—23.

[2]) Там же, стр. 58.

[3]) *Ефименко*, Исслед. народ. жизни, ч. I; *Островская*, Земел. быт сельск. населения русск. севера в XVI—XVIII вв., Спб. 1913, стр. 185 и др.

изменяться, потому что и туда, хотя и ослабленное, достигало веяние торгового капитализма. Это сказалось в росшей задолженности половников, нуждавшихся, очевидно, все более в деньгах, далее—в том, что половники, кроме доли урожая, иногда делали дополнительные взносы деньгами, что они сплошь и рядом обязаны были „природом“, т.-е. помочью, нерегулярной работой на барской пашне, наконец, нередка была для них и „служба“ или „сделье“, барщина, занимавшая иногда $^2/_3$ всего рабочего времени; денежные платежи нередко и получались в результате замены ими сделья и тогда назывались „заставка“ или „огурное“ [1]). Надо, впрочем, заметить, что половничество было значительно только на землях духовенства, где оно превышало 24% всей рабочей силы [2]), общее же относительное число половников доходило на северном поморье всего до $6^1/_2$%. Здесь рабочие силы на $^9/_{10}$ состояли из крестьянства, что естественно при преобладании черного землевладения.

Особенность юга известна: это—обилие однодворцев, преобладание собственного труда мелких землевладельцев—служилых по своему правовому, сословному положению и средних крестьян по своему положению экономическому, классовому [3]).

Но уже на юге сильно уможились в первой половине XVII века бобыли. В 20 годах XVII века бобыльские дворы в разных южных уездах составляли от 40 до 58% общего числа дворов крестьянских и бобыльских вместе [4]). Как сейчас увидим, это уже не исключение, а общее правило для всей Московской Руси того времени и требует особого объяснения. Таким образом и юг приближался к общерусскому типу еще в большей степени, чем северная окраина.

---

[1]) *Островская*, Земел. быт сельск. нас. русск. севера, стр. 270, 272, 273.

[2]) *Богословский*, Земск. самоупр. на русск. севере, I, прил. II, стр. 64—65; *Сташевский*, Очерки из ист. царств. Мих. Фед., I, стр. 30.

[3]) *Багалей*, Очерки из истории колонизации и быта южн. окраины Моск. гос.; *Миклашевский*, К ист. хоз. быта Моск. гос.; *Благовещенский*, Четвертное право.

[4]) *Сташевский*, Очерки по ист. ц. Мих. Фед., I, стр. 30 и пр. 4 на стр. 31.

Устанавливая основные черты этого общерусского типа форм хозяйства в первой половине XVII века, надо прежде всего отметить, что, когда, с развитием денежного хозяйства, образовался обширный сельскохозяйственный рынок, выгодно стало расширение барской владельческой запашки, начавшееся еще во второй половине XVI века и теперь быстро двинувшееся вперед. Росла государева десятинная пашня в дворцовых селах и Центра [1]) и Степи [2]). В служилых поместьях и вотчинах, в особенности к западу и юго-западу от Москвы, барская запашка достигла сильного распространения, охватывая иногда $^9/_{10}$ всей пашни; так, в Тверском уезде 20-х годов она составляла свыше $60^0/_0$ пашни, в Волоколамском и Дмитровском около $62^0/_0$, в Можайском $71^1/_2{}^0/_0$, в уездах Костромском, Ржевском и Старицком $94—95^0/_0$; 20, 30, 40, $50^0/_0$ приходилось на барскую запашку сплошь и рядом [3]). То же приходится повторить и о монастырском и церковном хозяйстве [4]). Приведем типичный пример отдельного служилого хозяйства. Вот хозяйство помещика Марка Позднеева в Московском уезде в 1626 году: в поместье его, состоявшем из одной деревни и пяти пустошей, был двор помещиков и двор крестьянина Степана Овдокимова; „к нынешнему 134 году сеяно на помещика ярового хлеба у деревни две чети ячменю да две чети овса, гороху полдесятины, лну осмина с четвериком, ячменя десятина, да по конец ярового поля овса да ячменю десятина с четвертью десятины, да крестьянского хлеба Степанки Овдокимова в том же поле ржи да овса десятина, четь пшеницы, четь ячменю, четь ярицы, полдесятины ржи ж да ярицы, да гороху же да лну полдесятины, да ярицы да гречихи десятина; да у деревни у Шатуровой сеено ржи к нынешнему к 134 году десятин с десять, да на отвершках полдесятины пшеницы, полдесятины лну в том же в озимом поле, да к 135 году вспахано на помещика паренины десятин з десять“ [5]). Вычисляя по этому при-

[1]) *Готье*, Замосковный край, стр. 463.
[2]) *Миклашевский*, К ист. хоз. быта, стр. 222 и др.
[3]) *Готье*, Замоск. край, стр. 493—494.
[4]) Там же, стр. 497.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., отказная книга № 9830, л. л. 48—56 об.

меру соотношение помещичьей и крестьянской пашни, получаем для первой $30^1/_4$ четвертей (не считая парового поля), а для второй 32 четверти. Характерна здесь и чересполосица и пестрота посева разных хлебов: чересполосица барской и крестьянской пашни типична и для более раннего времени, и позднее; пестрота и разнообразие посевов—новое явление, результат образования сельскохозяйственного рынка с его сложными и своеобразными запросами.

Расширенная барская запашка требовала усиленного приложения рабочих рук. Естественно, что землевладельцы употребляли все средства, чтобы найти эти рабочие руки в достаточном количестве.

Прежде всего они заставляли работать на барской пашне своих холопов—полных и кабальных, называвшихся попрежнему деловыми людьми, когда они жили на дворе землевладельца, и людьми задворными, когда они селились за двором его, на особых, своих дворовых участках. В XVII в. количество деловых и особенно задворных людей, несомненно, возросло сравнительно с предшествующим временем. В 1646 г. процент задворных людей доходил до 4,2 [1]). В Дмитровском уезде 1626—28 годов в каждом почти имении значились холопы в количестве, редко уступавшем числу крестьян: например, в поместье Сафонова было 4 холопа и 5 крестьян [2]); у князя Шаховского на его дворе жило 4 деловых человека, а крестьян было трое [3]); в вотчине Батюшкова было 2 деловых человека и 4 крестьянина [4]) и т. д. В Тульском уезде 1628 г. считалось 387 холопов и 2366 крестьян [5]), а в 1664 г. здесь первых было 475, вторых 7243 [6]). В 1628 г. в поместье Коржебора в Московском уезде крестьян совсем не было, а были только два двора людских, где жили приказчик и деловые люди [7]).

---

[1]) *Огановский*, Закономерность аграрной эволюции, ч. 2, Саратов, 1911, стр. 150.

[2]) М. Арх. М. Юст., писц. кн. 627, л. л. 19—20 об.

[3]) Там же, л. л. 25—26 об.

[4]) Там же, л. л. 49 об.—51.

[5]) *Щепкина*, Тульск. уезд в XVII в., стр. 92 и 93.

[6]) Там же, стр. 156—157.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., отказ. кн. № 9830, л. 264 и об.

Труда холопов, однако, было недостаточно для обработки всей барской пашни, и потому землевладельцы стали больше, чем прежде, облагать живших на их земле крестьян барщиной, которая иногда совмещалась и с оброком, большею частью денежным. Но это указывают, например, порядные грамоты и ссудные записи крестьян в XVII веке [1]), а также и другие источники [2]). К числу источников ценных в данном отношении, принадлежат, между прочим, и до сих пор не изданные отказные книги, в которые записывались все случаи отказа, т.-е. утверждения поместий за их владельцами. По этим книгам, крестьянская барщина—обычное, заурядное явление. Например, крестьянин Степан Овдокимов в московском поместье Поздеева в 1626 г. „пашни пашет на помещика по полдесятине, сена косит шесть острамков . . . . . , а деньгами никаких доходов не давал" [3]). В 1628 г. „по сказке княж. Васильевых крестьян. Урмаметева оброку де они помещику князю Василью Урмаметеву не плачивали никаково, только де пахали на него пашни десятины по две да важивали к Москве сено да дрова" [4]).

Наконец, когда не хватало ни холопских ни крестьянских рук, помещики и вотчинники всех родов и видов прибегали к труду бобылей. В XVII веке не только на юге, как было выше отмечено, но всюду умножилось число бобылей, не имевших собственной пашни. Их поряжали к себе землевладельцы и заставляли обрабатывать на себя пашню. Таких бобылей, сидевших на барской пашне, было очень много, судя по писцовым книгам 20-х годов и по переписным 40-х. Уже в поволожских уездах число бобылей доходило до 20% рабочего населения [5]), в центральных их было до 41% [6]). В 1626—28 г. в Дмитровском поместье Ельчанинова

---

[1]) См., например, *Дьяконов*, Акты, отн. к ист. сельс. нас., вып. I, №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 31, 42, 43, 49, 51, 53, 54, 55 и др.

[2]) Ср. *Готье*, Замосковный край, стр. 488—500.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., отказ. кн. № 9830, л. 52 и об.

[4]) Там же, л. 284 об.

[5]) *Сташевский*, Очерки из ист. царств. Мих. Фед., I, стр. 30.

[6]) Там же, стр. 30.

считалось 17 крестьян и 11 бобылей [1]), в поместьи Шокуровых было 11 крестьян и 9 бобылей [2]), у Толбузина 4 крестьянина и 4 бобыля [3]) и т. д. почти во всех имениях. В Тульском уезде 1628 г. было всего 1223 бобыля на 2366 крестьян [4]), а в 1646 году здесь считалось 1149 бобылей при 7243 человек крестьян [5]). Само собою разумеется, что бобылей трудно назвать наемными людьми в современном, нашем, смысле этого слова: они работали за прокорм и за пользование усадьбой и огородом и т. д., платили даже оброк; получая для собственного хозяйства, как то иногда бывало, землю, бобыли постепенно сближались в хозяйственном отношении с крестьянами, чем подготовлялось в будущем и юридическое объединение этих двух общественных групп.

Но надо заметить, что были в сельском хозяйстве первой половины XVII века и наемные люди в собственном смысле слова. Они существовали и в монастырских имениях, и в частновладельческих, и даже иногда у отдельных крестьян [6]).

Высказано мнение, что начало XVI в. было возвратом к старой натуральной форме оброка [7]). Это, однако, неверно: где и появились натуральные оброки, там они, так сказать, наросли на старый денежный оброк, прибавились к нему, отнюдь его не заменив, образовалась, следовательно, смешанная форма оброка [8]).

Наконец, говоря о формах сельскохозяйственных предприятий, остается отметить, что в общем и целом крестьянская запашка на двор увеличилась, выросла: она колебалась в пределах от $^{7}/_{10}$ десятины до $7^{4}/_{5}$ дес., равняясь в среднем 3,3 дес. [9]).

Можно, наконец, и приподнять завесу, скрывающую от нас форму ремесленного производства. Здесь несо-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, л.л. 1—2.
[2]) Там же, л.л. 5—6.
[3]) Там же, л. 12.
[4]) *Щепкина*, Тульск. уезд. в XVII в., стр. 92 и 93.
[5]) Там же, стр. 156—157.
[6]) *Готье*, Замосковный край, стр. 510—521.
[7]) *Покровский*, Рус. история.
[8]) *Готье*, Замосков. край, стр. 516.
[9]) Там же, стр. 503.

мненно существовала цеховая организация. Мастера-хозяева имели подмастерьев и учеников, которые все жили в доме хозяина и пользовались общим с ним и его семьей столом. Подмастерья получали жалованье или „пожилое“, как оно тогда называлось в ремесле. Цехи имели свое самоуправление, именно выборных старост, которых, например, в цехе серебреников в Москве было двое. При всем том не было цеховой принудительности: можно было заниматься ремеслом, и не вступая в соответствующий цех [1]). Это понятно: в Московской Руси XVII в. сложилось уже товарное хозяйство с обширным рынком, а цехи с цеховой принудительностью, строго и детально организованные, всецело приспособлены к узкому, местному рынку, к небольшим самодовлеющим, экономически-замкнутым областям. Нельзя поэтому говорить, что цеховое устройство в Москве было „недоразвито“ [2]), вернее надо сказать, что хозяйственные условия Московской Руси XVII века переросли цеховую организацию в ее классическом, средневековом феодальном виде.

Переходя к распределению хозяйственных благ, следует прежде всего констатировать факт огромного роста государственного податного облажения в первой половине XVII века. Подробности податной организации того времени будут освещены особо, при изучении государственного строя. Здесь достаточно отметить, что, если исключить черные земли Севера или Поморья и земли дворцовые—два разряда земельных владений, налоги на которые хотя и были повышены в XVII в. сравнительно с XVI в., но не катастрофично, то на землях частных землевладельцев и церковных учреждений, а также на посадах главные прямые налоги выросли в размерах, кажущихся прямо невероятными: в XVI в. владельческая соха платила от 10 до 20 р., а посадская от 30 до 60 р., а в XVII в. теми и другими сохами платились сотни и тысячи рублей; например, во втором десятилетии XVII в. платилось 1200—1600 р. с сохи,

[1]) *Довнар-Запольский*, Организация московских ремесленников в XVII веке: „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1910 г., сентябрь, стр. 133—134, 141, 161.

[2]) Там же, стр. 163.

в 20-х и 30-х годах, в более мирные времена, 500—560 р., к сороковым годам обложение вновь возросло до 1700 р. с сохи [1]). Катастрофически-огромное повышение податного обложения таким образом совершенно несомненно, если даже принять во внимание, что деньги в XVII в. сравнительно с концом XVI в. подешевели вдвое [2]). Увеличение податей в 10, 20, 50 раз, конечно, должно было сильно отразиться на благосостоянии крестьянского и рабочего населения: трудящиеся массы, очевидно, разорялись, пауперизировались очень сильно. Это тем более верно, что и владельческие поборы и повинности— оброк и барщина—также росли в XVII в. Оброк в 5 р. в год с среднего крестьянского участка не был редкостью в XVII в. [3]), тогда как в конце XVI в. денежный оброк обычно равнялся одному или полутора рублям. Кроме того, в XVII в. оброки и хлебные и денежные обычно совмещались с „изделием", барщиной, которая господствовала, можно сказать, почти везде [4]). Понятно, что и большинство ремесленников получало низкую заработную плату: плата подмастерью в Москве не превышала на хозяйских харчах и квартире 5—10 р. в год [5]). Поденная плата в первой половине XVII в. в среднем равнялась 1 алтыну [6]). Поэтому было много городской ремесленной бедноты, жившей очень скудно. Но, разумеется, были и исключения, встречались и ремесленники-аристократы с сравнительно высоким заработком. Так, мастера-серебреники в Москве получали 12— 13 алтын в день [7]).

Существующая литература по экономической истории России в XVII веке дает нам возможность, если не всегда обобщениями исследователей, то по крайней мере материалом, ими использованным, изобразить в конкретных

---

[1]) *Веселовский*, Сошное письмо, I, стр. 191, 192.

[2]) *Ключевский*, Русский рубль XVI—XVIII веков в его отнош. к нынешнему.

[3]) См., напр., *Дьяконов*, Акты о сельск. насел., I, № 2 и др.

[4]) *Дьяконов*, Акты I, №№ 5, 7, 8, 10, 11, 31, 42, 43, 49, 51, 53, 54, 55 и пр.

[5]) *Довнар-Запольский*, Организация московских ремесленников. „Ж. М. Н. Пр." за 1910 г., стр. 134, 135.

[6]) *Довнар-Запольский*, Промышленность Москвы, стр. 76.

[7]) Там же, стр. 80, 76.

чертах характерные для того времени хозяйства. Понятна вся важность таких конкретных изображений: они дают цельную картину хозяйственной жизни, где органически объединенными являются отдельные элементы, подвергнутые нами выше анализу. Особенно важны здесь два крупных хозяйства—царя Алексея Михайловича и боярина Морозова. Они представляют собою высшие достижения, какие возможны были в хозяйственной действительности того времени, и любопытны во многих отношениях для характеристики не одного только крупного, но всякого владельческого хозяйства.

Хозяйство царя Алексея в том виде, в каком мы его наблюдаем по дошедшим до нас материалам, относится к 60-м и 70-м годам XVII века и представляет собою, следовательно, резюме того, что достигнуто было в экономической области в первой и в начале второй половины XVII века. В нем насчитывалось 17342 двора, и оно было территориально разбросано в 20-ти уездах [1]). Надо, однакоже, заменить, что эти обширные и рассеянные в разных местах владения не представляли собою единого органически-связного целого в экономическом отношении. В сущности, это не одно обширное, огромное предприятие, а механическая смесь целого ряда отдельных предприятий крупных, средних и мелких и тем более характерных для эпохи. В хозяйстве царя Алексея, как и вообще в русском народном хозяйстве XVII в., земледелие, производство хлеба было основной отраслью [2]). Но рядом с этим было молочное скотоводство для собственного, правда, потребления, не для продажи, пчеловодство, садоводство и огородничество, рыболовство особенно в астраханских имениях, солеварение в уездах Ростова и Переяславля Залесского, поташное („будное") дело в Нижегородском крае, наконец, существовали промышленные предприятия, заводы железоделательные в Звенигородском уезде (их было три), стеклянные в Измайлове и Черноголовской волости, кожевенные, кирпичные, делались опыты выделки кумача

---

[1]) *Заозерский*, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, Петроград, 1917, стр. 18, 21.

[2]) Там же, стр. 109.

и миткаля, пытались даже вывести дыни, виноград и совершенно неудачно — хлопчатник и тутовое дерево [1]). Весьма важно было винокурение [2]), хозяйственная предприимчивость, даже новаторство прихотливо сочеталось здесь с крепостническим самодурством. Подготовлялось будущее промышленное возвышение центральной России. Боярская барская пашня была сильно распространена [3]). Обработка ее производилась главным образом крестьянской барщиной [4]). Близко к ней по своему характеру подходил принудительный труд „работных людей“ из дворцовых крестьян Каргопольского, Вятского и Тамбовского уездов, обязанных в данном отношении барщинной повинностью и получавших притом, кроме полного содер жания, еще денежное жалованье 1—$1^1/_2$ рубля в летний сезон. Число таких „работных людей“ доходило в имениях царя до 600—700 человек [5]). Наконец, существовал наемный труд в собственном смысле этого слова, при чем наемные рабочие были зимние, летние и недельные. Зимой по найму работало около сотни рабочих, летом 600—700. Недельные нанимались для специальных работ: в Измайлове для жнитва ржи нанимались до 630 чел., ячменя и овса до 1000, пшеницы до 750; в подмосковных селах 900 чел. косили сено по найму и 150 чел. чистили на тех же условиях лес [6]). В промышленных предприятиях наемный труд господствовал почти безраздельно [7]). И техника производства не была сплошь рутинной: производились улучшения, заметен был значительный в этом отношении прогресс. В земледелии господствовало, конечно, трехполье, но существовали и зародыши многополья—бывало до пяти полей [8]). Поля удобрялись постоянно и часто очень хорошо [9]). При выборе посева применялись к почве: напр., под лен

---

[1]) Там же, стр. 126, 128, 130 и сл., 138, 140, 142, 146 и сл.
[2]) Там же, стр. 244.
[3]) Там же, стр. 108.
[4]) Там же, стр. 117.
[5]) Там же, стр. 194, 195.
[6]) Там же, стр. 196 и след.
[7]) Там же, стр. 141, 144, 147, 148.
[8]) Там же, стр. 111.
[9]) Там же, стр. 112, 113.

почву подбирали сведущие специалисты—„ольленики“ [1]). Производился тщательный подбор лучших семян [2]). Заботились об изобретении и применении на деле механических приспособлений, напр., водных молотилок [3]). Покупали на юге племенных быков, коров, баранов и овец, заводили голландский рогатый скот, немецких лошадей, покупали заграничных кур [4]). Некоторые промышленные изделия, напр., стекло, отличались высшим качеством [5]). Понятно, что такое хозяйство или такие хозяйства не могли уже быть натуральными, феодальными: они рассчитаны были на рынок и притом обширный, были типичными торгово - капиталистическими предприятиями [6]). Широко — тысячами четвертей — раздавали хлеб крестьянам „взаймы до нови“ [7]). Винокурение давало по меньшей мере 100% чистого дохода. Не ниже был доход от земледелия непосредственно—от продажи хлеба, муки, льна, конопли и пр. [8]). Стекло, соль, поташ, рыба продавались в больших количествах [9]). Словом, хозяйство царя Алексея — яркий образец того экономического сдвига, который в то время происходил. Подобными же чертами, лишь в менее широком размахе и масштабе, отличалось и хозяйство Морозова [10]).

---

[1]) Там же, стр. 114.
[2]) Там же, стр. 114.
[3]) Там же, стр. 116.
[4]) Там же, стр. 125, 126
[5]) Там же, стр. 150.
[6]) Там же, стр. 233.
[7]) Там же, стр. 245.
[8]) Там же, стр. 122.
[9]) Там же, стр. 248, 250, 252 и др.
[10]) *Забелин*, Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве: „Вестник Европы“ за 1871 год, №№ 1 и 2.

III.

Устройство общества в первой половине XVII века.

Обзор состояния народного хозяйства России первой половины XVII века, сейчас нами сделанный, в достаточной мере характеризует землевладельческое дворянство того времени как класс: если уже во второй половине XVI века наблюдалось разложение старого феодального хозяйства и вместе с тем класса феодалов-землевладельцев, основывавших свое господство на натурально-хозяйственных оброках и на раздачах земли во временное пользование в награду за службу, то этот процесс в первой половине XVII века можно считать уже законченным, завершенным. Мы видели сейчас, что крупное владение было рядом средних и мелких денежно-хозяйственных предприятий, не имевших ничего общего со старым феодальным хозяйством; мы убедились раньше в свое время, что и земля в большинстве случаев ушла из рук потомков бывших удельных князей к новому дворянству. Землевладельческий класс изменил свой облик самым решительным образом.

Это явилось подкладкой, основой изменения в сословном положении дворянства. В делении дворянского сословия сохранилось, правда, много обломков старины, уцелел даже весь общий остов прежнего деления, установившегося в первый момент дворянской революции в России. Но состав отдельных дворянских групп, особенно высших, где прежде так много было остатков феодализма, существенно изменился. Так, бояре княжеского происхождения составляли уже лишь немногим

больше половины всех бояр XVII века, причем до 20 княжеских фамилий, члены которых носили боярское звание в XVI в., исчезли в XVII в.; на место их стали назначаться в бояре члены 17-ти княжеских же фамилий, но новых, из которых никто не бывал боярином до 1594 года [1]). Значит, они получали боярство не потому, что были знатны, родовиты, а за службу—за выслугу и заслуги. Точно также до 15-ти простых боярских фамилий XVI века, большею частью старинных, выбыло из списка бояр в XVII веке; на их место явилось до дюжины неродовитых [2]). Попрежнему были фамилии, члены которых прямо назначались боярами, минуя низшие чины, но состав этих фамилий иной: от прежнего остались только князья Голицыны, Пронские, Репнины, Воротынские,—остальные—младшие ветви княжеских фамилий, неродовитые, и такие нетитулованные новички-выскочки в этом разряде, как Морозовы, Шереметевы, Шеины, Салтыковы [3]). Точно также и в составе окольничих XVII в. старые, знатные фамилии исчезают и заменяются новыми, неизвестными [4]). Дворянство теряет свой феодальный, родовитый характер, „худает", как говорили в то время.

В связи с этим упадком аристократии в дворянских рядах слабеет и одно из важнейших аристократических привилегий—местничество. Все чаще и чаще встречаем при Михаиле и Алексее предписания правительства „быть без мест" при разных службах и за царским столом [5]). К концу царствования Алексея местнические случаи встречаются все реже и реже [6]). Очень редки становятся случаи выигрыша дела лицом, вчинающим местнический спор: обыкновенно такие лица проигрывали дело [7]). Мало того: их подвергали обыкновенно весьма суровым наказаниям—выдаче головою тому, против кого они выступали с местническим спором, заключению в тюрьму,

---

[1]) *Ключевский,* Боярская Дума, изд. 2-е, стр. 232.
[2]) Там же, стр. 233.
[3]) *Котошихин,* О России, изд. 2-е, стр. 19.
[4]) *Ключевский,* Боярск. Дума, изд. 2-е, стр. 234, 235.
[5]) *Маркевич,* История местничества, стр. 510 и след.
[6]) Там же, стр. 521.
[7]) Там же, стр. 524.

телесным наказаниям батогами и кнутом, денежным штрафом, опале [1]).

Понятно, что соответственно падению аристократических привилегий, в XVII в. резче, чем прежде, выразилось крепостное, служебное положение дворянства, окончательно образовались и утвердились нормы служебной обязанности дворянства, прибора, разбора, верстанья службой и жалованьем — денежным, хлебным и поместным (земельным).

И права дворянства — личные и имущественные — нашли себе более точное выражение в Уложении 1649 года и в так называемых новоуказных статьях — отдельных указах и законах (боярских и соборных приговорах), которые были изданы после Уложения. Нетрудно при этом подметить ту черту, что этими правами дворянство снабжено было лишь постольку, поскольку это было необходимо для выполнения его служебной обязанности. Отсюда именно вытекало право дворянства владеть землей — поместьями и вотчинами—и происходившее вследствие этого лишение такого права других сословий, точно формулированное Уложением [2]). Затем, нуждаясь в рабочей силе для хозяйственной эксплоатации своей земли, дворянство получило в том же Уложении официальное признание крестьян крепостными [3]). Наконец, дворянство, обязанное службой государству, специально на нем лежавшей, было свободно от тягла, от податей, падавших на личность, и соответственно этому не несло тех служб, которые были специально связаны с тяглом. Поэтому служилые люди, если они не занимались вместе со службой также и торговлей, не несли тягла и не отбывали тяглых служб, т.-е. служб в головах и целовальниках в таможнях, кабаках, на мытах, перевозах и мостах; если же, кроме своей специальной службы — военной и гражданской — служилые люди еще и торговали, то в таких случаях действовали следующие правила Уложения: 1) все служилые люди по отечеству должны тогда и нести тягло, исключая,

---

[1]) Там же, стр. 525; *Зернин*, Судьба местничества: „Архив историко-юридич. сведений о России" за 1859 г., кн. 3, стр. 26.

[2]) Улож., XVI и XVII; Ул., XVI, 66, XVII, 41.

[3]) Ул. XI.

однако, отбывание тяглых служб; 2) стрельцы, казаки и драгуны с промыслов платят таможенные пошлины, с лавок—оброк, но не несут тягла и служб; 3) пушкари, затинщики, казенные плотники и кузнецы платят таможенные пошлины, несут тягло и отбывают тяглые службы [1]). Дворяне были затем свободны от уплаты пошлины на мытах и перевозах [2]) и имели льготы в уплате печатных пошлин, т.-е. пошлин, бравшихся при приложении печати к разного рода грамотам: так, думные люди, по Уложению, не платили печатных пошлин с получаемых ими жалованных грамот, что, впрочем, потом, новоуказными статьями, было отменено [3]); с них же не брались печатные пошлины тогда, когда по их челобитьям посылались грамоты в города [4]); подобные же льготы в уплате печатных пошлин существовали и для других рязрядов служилых людей—не только по отечеству, но и по прибору [5]).

Давая привилегии и регулируя службу дворянства, закон XVII века еще более тщательно, чем законодательство XVI столетия, ограждал личную дворянскую свободу: 9 марта 1642 года было окончательно и решительно запрещено принимать в холопство дворян и детей боярских, и это запрещение внесено было также в Уложение 1649 года. И здесь ясно проглядывают интересы службы: служить мог только свободный лично человек, не холоп, и число служилых людей сокращалось с поступлением дворян в холопство.

Правовое положение служилого сословия или дворянства носило на себе ясные и даже яркие следы его крепостного, повинностного по отношению к государству состояния еще и потому, что у дворянства не было личных прав, имевших самостоятельное значение, независимое от обязанностей, на нем лежавших, так, дворянство XVII века не было свободно от телесных наказаний; не существовало также так называемой неприкосновенности дворянского звания или дворянского достоинства.

---

[1]) Ул., XIX, 4, 11, 12; IX, 6.
[2]) Ул., IX, 1.
[3]) Ул., XVIII, 16; Полное Собр. Законов, №№ 425, 895.
[4]) Ул., XVIII, 56, 57.
[5]) Ул., XVIII, 48, 49, 50, 51, 53, 63, 68.

Наконец, и корпоративные права дворянства или, точнее, их зародыши, элементы слагались, как и раньше, под прямым влиянием обязанностей: дворянские окладчики были выборными от дворянства лицами, знаменщики и сотенные головы тоже в известном смысле отличались выборным характером, но все это было тесно связано или прямо с военной службой, или с подготовительными к ней действиями, с военной организацией того времени, с устройством дворянского, конного ополчения.

Положение посадского или городского сословия отличалось тем же крепостным характером. Уже самое деление посадских людей на отдельные разряды носило черты деления на чины, установленные государством: посадское сословие делилось на гостей, людей гостиной и суконной сотен и людей черных сотен и слобод или собственно посадских людей. С точки зрения приобретения городского состояния крепостной характер посадского сословия также ясно обнаруживался: посадское состояние было наследственным, резко обособлялось от других сословий, и доступ в него был открыт только для одних вольных гулящих людей,—той бродячей, не закрепленной еще части населения, которую правительство того времени всячески старалось влить в крепостные сословные организации. Соответственно этому Уложение запретило выход из городского сословия: запретило посадским людям поступать в холопы, поряжаться в крестьяне, переходить в служилые люди [1]). Указ 8 февраля 1658 года грозил смертной казнью даже за переход из посада в посад и за женитьбу вне посада не на посажанке [2]).

Важнейшим отличием посадского сословия от дворянства или сословия служилого были специальные сословные обязанности посадских людей вообще всех и отдельных разрядов городского сословия в частности. Общею для всех разрядов городского сословии обязанностью было несение тягла, т.-е. уплата податей — пря-

---

[1]) *Градовский*, История местного управления в России.
[2]) *Ключевский*, Курс рус. ист., III, стр. 204.

мых и косвенных [1]). Если дворянство по его обязанностям было сословием служилым, то горожане принадлежали к числу тяглых сословий. Но сверх этой общей обязанности, лежавшей на всем посадском сословии, отдельные его разряды отбывали еще специальные, им одним свойственные обязанности или повинности. Так, высший разряд городского сословия—гости—имел обязанностью исполнение комиссионных поручений по казенной, государственной оптовой торговле, вообще сильно развитой в Московском государстве [2]). Люди гостиной и суконной сотен обязаны были заведывать казенными промыслами разного рода [3]). Наконец, люди черных сотен и слобод несли разные, так называемые тяглые службы—служили в целовальниках и присяжных при казенной продаже вина, были сторожами при тюрьмах, десятскими и т. д. [4]).

Обязанностям и их различной тяжести и сложности соответствовали права. Больше всего прав было поэтому у гостей. Гости имели ряд судебных и финансовых привилегий: они были неподсудны местным учреждениям, а судились непосредственно в учреждениях центральных, в приказах [5]); они имели право вести внешнюю торговлю, мало того: так как гости по существу своему были состоянием переходным от тяглых сословий к служилому, несли и служебные обязанности, то им принадлежали и некоторые важные права, свойственные служилому, сословию, — именно право владеть вотчинами и право не нести регулярного, обычного тягла [6]). Права людей гостиной сотни были во всем равны правам гостей, за одним только исключением: люди гостиной сотни не могли владеть вотчинами [7]). Торговые люди суконной

---

[1]) Уложение, XIX. Ср. *Плошинский*, Городское или среднее состояние; *Пригара*, Опыт истории состояния городских обывателей при Петре В.: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1867 г., сент.

[2]) *Пригара*, Опыт истории состояния гор. обыват.: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1867 г., сент., стр. 693.

[3]) Там же, стр. 694; *Плошинский*, стр. 149.

[4]) *Плошинский*, Городское или среднее состояние, стр. 128, 134, 136, 148, 149.

[5]) Там же, стр. 115, 116.

[6]) Там же, стр. 146.

[7]) *Пригара*, „Ж. М. Н. Пр.“ за 1867 г., сент., стр. 686.

сотни обладали еще более ограниченной правоспособностью: они по правовому своему положению не выделялись из остальной посадской массы ничем, кроме лишь права по гражданским делам судиться в центральных учреждениях (в делах уголовных они были подсудны местным властям [1]). Посадские люди вообще, в том числе и люди черных сотен и слобод, городская торговая, ремесленная и рабочая демократия, имели исключительное, не принадлежащее другим сословиям, право владеть в городах дворами, лавками, погребами, варницами, а также право брать на откуп таможенные и кабацкие доходы правительства [2]). Исключительное право заниматься городскими торговлей и ремеслами Уложением 1649 года было подтверждено вслед за указом 1646 года, последовавшим по челобитью посадских людей и запретившим служилым людям, архиереям и монастырям, вообще „беломестцам" владеть слободами и приобретать лавки и тяглые дворы в городах. Этот указ и постановление Уложения, с ним согласное, естественно вытекали из всего крепостного положения посадских людей: раз на них наложены были обязанности специального рода, надо было обеспечить за ними и права, необходимо обусловливавшие несение этих обязанностей. Этим же объясняются и те особые условия, которые ставило Уложение отдельным слоям служилого сословия в тех случаях, когда эти слои обращались к занятию городскими ремеслами и торговлей. Об этих условиях у нас уже шла речь выше, когда говорилось о служилом сословии. Общий их смысл сводился к тому, что, кто из служилых людей хотел торговать и заниматься ремеслом помимо службы, тот должен был нести и двойные обязанности: и отбывать службу, и нести тягло, быть одновременно и служилым и тяглым человеком. Но из этой же исключительности личных и в особенности имущественных прав посадских людей вытекали естественно и известные имущественные правоограничения: тяглые посадские дворы и лавки нельзя было отчуждать всякому; как общее правило, следовало отчу-

---

[1]) Там же.

[2]) Улож., XIX, 1, 5, 7, 8, 9, 17, 39.

ждать их только тяглым же посадским людям или по крайней мере тем лицам других сословий, которые обязывались нести тягло. Из тягла посадские дворы и лавки не должны были выходить ни в каком случае [1]).

Разумеется, и корпоративные права городского сословия проникнуты были духом повинности, обязанности. Участие посадских людей в государственном финансовом и губном управлении путем выбора лиц из своей среды имело прямо характер не права, а обязанности. Но и некоторые другие права выбора, обеспечивавшие в известной мере интересы городского сословия, не лишены были крепостнического налета. Старосты, сотские, десятские, целовальники, выбиравшиеся посажанами, обязаны были наблюдать за порядком и спокойствием, собирать подати и следить за отбыванием повинностей, т.-е. блюсти интересы государства [2]). Только право раскладки податей выборными лицами давало известную гарантию интересов посажан, по крайней мере высших их разрядов. В связи с правами и обязанностями, свойственными посадскому сословию, находилось и право посадской общины принимать и исключать своих членов [3]). Отдельные сотни и слободы имели и своих выборных должностных лиц, ремесленных и торговых старост и старшин [4]).

Мы видели уже в свое время, в обзоре социальной истории России второй половины XVI века, как слагались тогда различные законодательные прецеденты крестьянского закрепощения: как прикреплялись тогда к тяглу тяглые люди, как закрепощались крестьяне-старожильцы, как, наконец, в начале XVII в. преследовались незаконные виды ухода крестьян от землевладельцев — крестьянский побег и крестьянский вывоз, т.-е. увоз землевладельцами друг у друга крестьян. Первая половина XVII в. была временем, когда юридически завершено было образовние крепостного права на крестьян в России.

---

[1]) См. особенно Улож. XIX, 16.

[2]) *Плошинский*, Город или сред. состояние, стр. 149.

[3]) *Градовский*, История местного управления.

[4]) Там же.

Здесь прежде всего обращает на себя внимание то новое явление, прежде не бывалое, что не только во второй четверти XVII в., как думали раньше [1]), но еще в первой четверти этого века [2]) появились гражданские акты, частные сделки крестьян с землевладельцами, устанавливавшие раньше общего закона отказ крестьян от права перехода, „вечность" или „крепость".

Формулы, выражавшие эту крепость, были различны в отдельных договорах, в порядных и ссудных того времени: крестьяне обязываются „не сойти, и не сбежати" [3]), „ни куде не переходити" или „не сойти" [4]), „нигде не отходити" [5]), „ни за кого не поряжатца" или „не рядитца" [6]) и заявляют, что они „крепки во крестьянстве" [7]), „по сей порядной государю своему крепки безвыходно" [8]) „крестьянство впредь крестьянством" [9]), „крестьянство в крестьянство" [10]). Конечно, на-ряду со сделками такого рода встречались в течение всей первой половины XVII века и даже позднее и свободные договоры, предполагавшие свободный уход. Были и явления переходного характера, свойственные еще отчасти и XVI веку: землевладельцами выговаривались условия, затруднявшие переход, обязывавший крестьянина или поручителей по нем ставить взамен ушедшего нового жильца, напр.: „а не учнет (крестьянин) жити,—и на нас порутчиках пеня и наши порутчиковы головы в их голов место" [11]), или: в случае ухода порядчиков на поручителях пеня, возмещение убытков и „в их место крестьяне" [12]), в случае побега, возвращения, подмоги, уплата убытков, „и в его место на деревню добрый крестьянин, каков

---

[1]) *Ключевский*, Происхождение крепостного права в России „Р. Мысль" за 1886 г., № 10, стр. 28; Курс рус. ист., III, стр. 217.

[2]) *Дьяконов*, Акты, относящиеся к истории сельск. населения в. Моск. гос., в. I, №№ 4, 5.

[3]) Там же, №№ 5, 10.

[4]) Там же, №№ 5, 7.

[5]) Там же, № 6.

[6]) Там же, №№ 7, 9, 11, 12, 33, 43, 51.

[7]) Там же, №№ 9, 10, 11, 12, 31, 42, 43.

[8]) *Ключевский*, „Рус. Мысль" за 1886 г., № 10, стр. 28.

[9]) Там же, стр. 28; *Дьяконов*, Акты о сел. нас., I, № 49.

[10]) *Дьяконов*, Акты, I, № 50.

[11]) Там же, № 4.

[12]) Там же, № 8.

им церковным прикащиком и прихожанам люб“ [1]), уходя, обязан „жильца доброго, платежного в свое место посадить“ [2]), „а будет мне тут не поживетца, и мне бы волно на свое место иного посадить на тот участок“ [3]). Но каковы бы ни были остатки свободы перехода, как бы ни являлись многочисленными переходные оттенки, промежуточные звенья, наличность частых отказов крестьян по частным договорам от вольного ухода и признания ими своего крепостного положения не подлежит сомнению и представляет собою явление первостепенной важности. Очевидно, в бытовой обстановке, в жизненных условиях того времени имелись обстоятельства, которые толкали крестьян в эту сторону. Нетрудно, присматриваясь к тем же сделками и договорами между крестьянами и землевладельцами, уяснить себе и самые эти обстоятельства. Здесь прежде всего обращает на себя внимание характерное изменение самой формы договоров. Нам уже известно, что в XVI в. и раньше то были порядные грамоты, которые, по юридической своей сущности, представляли собою договоры об аренде земли и о найме личных услуг. В XVII веке порядные заменяются „ссудными записями“, в которых основным условием является ссуда и заем, а соглашение о поселении крестьянина на владельческой земле рассматривается только как следствие главной сделки [4]). Вот типический пример ссудной записи: „се яз Матвей Мартынов с сыном взяли мы у властей (т.-е. у монастырских властей, у игумена) ссуды 15 р. А за тое за ссуду жить мне во крестянстве за монастырем“ [5]). Уже эта перемена формы договора характерна и знаменательна: она указывает на перенесение центра тяжести договорных отношений в область займа, т.-е. свидетельствует о сильном росте задолженности даже сравнительно со второй половиной XVI века, когда, как уже было указано, она, несомненно, развивалась и достигла весьма

---

[1]) Там же, № 32.
[2]) Там же, № 39.
[3]) Там же, № 52.
[4]) *Дьяконов*, Очерки из истории сельск. насел. в Московском государстве.
[5]) *Дьяконов*, Акты о тягл. насел., I, № 70.

значительного распространения. Но дальнейший, более детальный, анализ тех же ссудных по их содержанию, а уже не по одной лишь форме, убеждает не только в колоссальном росте задолженности крестьянства, но и в безнадежности его долгов, в неоплатности их и вообще в сильной пауперизации крестьянской массы. Оказывается, во-первых, что размер ссуды велик—5, 10, 11 р. на деньги того времени [1]). Во-вторых, многие крестьяне поряжаются в XVII в. уже на готовое хозяйство, следовательно, собственного инвентаря не имеют [2]). Везде, в третьих, указывается, что ссуда берется или в виде инвентаря натурой или деньгами опять-таки для приобретения инвентаря [3]): очевидно, поряжающийся—полный паупер.

Общие выводы о происхождении договорного отказа крестьян от свободы перехода и признания ими по частным сделкам своего крепостного положения напрашиваются таким образом сами собой: причина этих новых явлений заключалась, очевидно, в крайней бедности и вытекавшей отсюда неоплатной задолженности крестьянства. Заплатить долг было все равно немыслимо,—ничего не стоило поэтому отказаться от его уплаты и юридически, признав себя крепостным. Характерно здесь и то, что ссуда и подмога теперь уже являются не безвозвратным пособием, как в XVI в., а действительным займом, вполне приравниваются к „ростовому“ и „издельному серебру“ [4]). Понятно, что задолженность, как и обеднение, неразрывно связаны с хозяйственными условиями времени,—с переходом к торговому капитализму, требовавшим особых средств приспособления к новым условиям и выбивавшим из колеи маломощных людей, которые таким образом были не в состоянии обойтись без чужой материальной поддержки. Прогрессивно-экономический смысл возникавшего крепостного права и заключался именно в том, что дворянство, нуждавшееся в постоянном контингенте земледельческих рабочих, содействовало приспособле-

---

[1]) Там же, №№ 3, 49, 53.
[2]) Там же, №№ 10, 11, 50.
[3]) Там же, №№ 3, 32, 49, 53.
[4]) Там же №№ 3, 9, 32, 51.

нию закрепощавшихся крестьян к новым торгово-капиталистическим условиям хозяйства.

Но, чтобы весь этот генезис крепостнических отношений, возникавших из бытовой обстановки первой половины XVII века, был совершенно ясен во всех подробностях, необходимо еще остановиться на одной важной его стороне: на юридической подготовке его судьбами русского холопства конца XVI и начала XVII веков.

Эти судьбы отчасти, поскольку они выражаются в переменах положения кабальных людей по законам 1586 и 1597 годов, нам уже известны: сущность перемены здесь заключалась в том, что кабальный человек, прежде служивший за проценты и могший уйти с уплатой долга, потерял право ухода до смерти кредитора, со смертью же последнего выходил на волю без уплаты долга. Он из свободного стал холопом, но не наследственным. Отсюда вытекал вывод: долг без расплаты закрепощает. При этом в специальной литературе доказано, что кабальные холопы и крестьяне были в начале XVII века состояниями, действительно чрезвычайно близкими между собою: крестьяне по ссудным записям заключали займы без процентов, но и кабала после указов 1586 и 1597 годов, как и крестьянская ссуда, вовсе не была уже процентным долгом; затем многие кабальные люди совершенно уподоблялись крестьянам в том отношении, что работали уже не во дворе господина, а в числе его задворных людей, т.-е. сидели, как и крестьяне, на собственной пашне; наконец, как кабального человека в случае его побега можно было возвратить господину по кабале, так и крестьянин подлежал возврату по порядной или ссудной записи [1]). Такая близость между кабальными людьми и крестьянами приводила к тому, что правовые понятия, привившиеся к кабальному холопству, перенесены были и на крестьянство: важнейшим из этих понятий было понятие о том, что долг, особенно неоплатный, закрепощает. Оно и содействовало юридическому закрепощению крестьянства [2]).

---

[1]) *Дьяконов*, Очерки из истории сельского населения в Моск. госуд., стр. 136.

[2]) *Ключевский*, Происхождение креп. права в России: „Р. Мысль“ за 1885 г., № 8, стр. 36.

И это тем более, что в XVII в. окончательно сформировалась последняя форма русского холопства—холопство жилое. Жилые холопы были такими холопами, зависимость которых от господ обусловливалась долгом, обеспеченным личным закладом, залогом личности должника [1]) (новый вид древнего закупничества). Можно рассматривать жилое холопство как видоизменение кабального, при чем жилые холопы могли свободнее, чем кабальные, определить границы зависимости и разнообразнее выразить ее условия [2]). Здесь не было той связанности, которую для кабального холопства создали указы 1586 и 1597 годов. И опять-таки характерно, что и жилое холопство фактически было очень близко к крестьянству, так что ссудная жилецкая запись—документ, юридически обусловливавший состояние жилого холопства, почти во всем была сходна с ссудными записями крестьянскими. В одной ссудной мы это и видим: люди поряжаются в крестьяне, обязуются „сойти и не сбежать", „никуде не переходити" и прибавляют: „а нечто мы перейдем или сойдем, или сбежим, и где нас Иван (землевладелец) *с сею жилецкою записью* сыщет, и мы крепки ему во крестянстве и его поместье" [3]). Здесь явно смешиваются и жилые холопы с крестьянами и жилецкая запись с крестьянской ссудной записью. Ясно, что и жилое холопство юридически повлияло как образец на происхождение правового закрепощения крестьян.

Но раз весь этот процесс совершился, достиг полной зрелости,—ничего не оставалось, как сделать его законным, санкционировать его в законодательстве. И вот мы видим, сначала в 1642 году, удлиняется срок давности с 5-ти лет для исков о вывезенных крестьянах до 15-ти лет, а для беглых до 10-ти лет [4]), что затем пис-

---

[1]) Там же, стр. 36; *Ключевский*, Подушная подать и отмена холопства в России: „Р. Мысль" за 1886 г., стр. 13.

[2]) *Ключевский*, Происх. креп. права: „Р. М." за 1885 г., № 8, стр. 29—30.

[3]) *Дьяконов*, Акты о тяглом населении, вып. 1, № 5.

[4]) Акты Историч., т. III, стр. 110. Этому предшествовало удлинение срока исков о крестьянах до 15 лет, установленное законом Василия Шуйского в 1607 году, но закон этот потом утратил свою силу, см. *Ключевский*, Курс рус. ист., III, стр. 214.

цовый наказ 1646 года, данный составителям переписных книг, совсем уничтожил срок давности: по новым переписным книгам крестьяне должны быть крепки „без урочных лет“ [1]). Наконец, Уложение 1649 года прямо и точно установило прикрепление крестьян по писцовым книгам, составленным после 1626 года [2]). Так крепостное право на крестьян к половинс XVII века было окончательно санкционировано законом.

Итак, общий вывод о времени прикрепления крестьян в России может и должен быть формулирован следующим образом: крепостное право на крестьян в виде отдельных, спорадических прецедентов возникло во второй половине XVI века; в виде прикрепления по гражданским договорам оно распространилось в первой половине XVII века, а законом было утверждено в виде общей меры лишь в половине XVII столетия.

Установив факт и время закрепощения крестьянства, необходимо остановиться еще на вопросе о юридической природе крестьянской крепости. На этот счет имеется в литературе два мнения. По одному, наиболее обстоятельно развитому Беляевым [3]), крестьяне сначала были прикреплены к земле, и только в конце XVII в. землевладельцы начали переводить крестьян и меняться ими без земли по купчим и другим актам. По другому мнению, высказанному Ключевским [4]), крестьяне с самого начала были прикреплены не к земле, а к личности землевладельца, так как у владельцев их было право перевода, мены и продажи их без земли; только дворцовые и черные крестьяне были, по Ключевскому, прикреплены к земле. Второе мнение, поскольку оно касается вотчинных крестьян, т.-е. крестьян, живших в вотчинах, на полной земельной собственности владельцев, должно быть признано правильным. Уже в 1649 году мы встречаем ссудную запись, в которой говорится, что землевладелец поступился крестьянином другому лицу, при чем к ссуд-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. IV, № 15.
[2]) Улож., XI, 1 и 2.
[3]) *Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 145, 164 и след.
[4]) Происх. креп. права в России: „Р. Мысль“ за 1885 г., № 8, стр. 7, 8.

ной даже приложена поступная [1]). В отказных книгах за весь XVII век, не только за конец его, крестьян свободно переводят с одной земли на другую и даже из одного уезда в другой, напр., из Углицкого в Московский [2]). Но уже по отношению к поместной земле приходится сильно ограничить это личное прикрепление, внести к нему поправку в ином смысле. В самом деле,— вот постановления Уложения 1649 г.: 1) помещик не имеет права переводить своих крестьян с поместной земли на вотчинную [3]); помещик может отпускать своих крестьян на волю, но преемник его по владению поместьем имеет право потребовать отпущенного [4]). Из этого можно, во-первых, сделать вывод, что на поместной земле крестьяне не были прикреплены к личности землевладельца, замечались лишь зародыши такого личного прикрепления в виде условного права помещика отпускать крестьянина на волю, во-вторых, крестьянин был прикреплен и не к земле, а к виду земельного владения, к поместью, потому, очевидно, что он обязан был именно здесь отбывать свои повинности, нести тягло. Другими словами, уже поместные крестьяне были в известном смысле прикреплены к тяглу. Это в полной мере и без всяких уже ограничений и колебаний, естественных для поместного владения, относится к землям дворцовым и черным: там крестьяне были прикреплены не к земле, вопреки мнению Ключевского [5]), а к данному виду земельного владения или, точнее, к тяглу: при уходе они подлежали возврату „на старые свои жеребьи“,—это верно,—но в то же время они могли поставить вместо себя другого жильца, и тогда имели право оставить свои жеребьи: очевидно, основной интерес заключался здесь в том, чтобы люди несли тягло, чтобы в этом отношении не было ущерба.

Чтобы закончить исследование положения крестьянства в первой половине XVII века, остается еще осве-

---

1) *Дьяконов*, Акты о тягл. насел., в. I, № 49.
2) Моск. Арх. Мин. Юст., отказная № 9838, в ней дело № 25; ср. там же дело № 71—из Ярославск. уезда в Московский и т. д.
3) Улож., XI, 30.
4) Улож., XV, 3; *Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 149.
5) Курс рус. ист., III, стр. 205.

тить важный вопрос о том, как закрепощение отразилось тогда и позднее, во второй половине столетия, на юридическом состоянии крестьянства, на правах крестьян—личных, имущественных и корпоративных.

В общем и целом следует в этом отношении признать, что крестьяне и после закрепощения не сделались бесправными, не превратились в полных холопов. Личность крестьянина признается и ставится законом наряду с членами других сословий. Так, при повальном обыске, т.-е. при опросе о добром поведении и благонадежности подозреваемого в уголовном преступлении, показания крестьян, как и лиц других сословий, признаются законными и вполне заслуживающими доверия, тогда как холопы при этом не подлежат опросу [1]. Уложение 1649 г. устанавливает пеню за бесчестье крестьянина [2]), т.-е. ограждает его честь. Он же признает крестьян, наряду с лицами других сословий, полноправными свидетелями на суде. И после Уложения, как и раньше, крестьяне сохранили право свободно вступать в договоры и сделки [3]). Однако, уже были и признаки ограниченной личной правоспособности, шедшей дальше отказа от свободы перехода: Уложение установило, что за крестьян, кроме важнейших уголовных дел—убийства, разбоя и кражи с поличным—отвечают их помещики и вотчинники [5]). Это—важный и грозный признак, открывавший простор для расширения владельческой власти.

Переходя к правам имущественным, надо отметить перемены в отношениях крестьян к земле. Известно, что уже в XVI в. крестьяне, жившие на черных, дворцовых и владельческих землях всего государства, кроме севера его, не могли распоряжаться землей, не были ее собственниками ни в какой степени. Но на севере и на черных и навладельческих землях тогда у них было право распоряжения своими участками: они их могли продавать и закладывать другим лицам, на которых переходили и их

---

[1]) Улож., X, 161; *Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 154.
[2]) Улож., X, 94; *Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 154.
[3]) Улож., X, 159; *Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 154—155.
[4]) *Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 185, 186.
[5]) *Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 156.

тяглые обязанности по земле по отношению к владельцам и государству. XVII век лишил северных крестьян этих прав распоряжения, напоминавших средневековую низшую собственность — dominium utile — в противоположность высшей собственности (dominium directum или eminens) владельцев и государства. Черным крестьянам севера отчуждение их участков запрещено было новоуказаными статьями 1649 и 1653 годов [1]). Что касается монастырских и архиерейских крестьян севера, то здесь слагались постепенно такие же ограничения: еще в конце XVI века крестьяне Соловецкого монастыря были сильно ограничены в своих землевладельческих правах в том смысле, что они могли отчуждать свои участки друг другу, а не посторонним [2]); в 70-х годах XVII в. крестьяне холмогорского архиепископа просили его: „пожалуй нас, сирот своих, благослови нас меж собою земли свои нужды ради продавать и закладывать“ [3]), — значит, здесь уже запрещено было отчуждение не только посторонним, но и между собою; в 80-х годах XVII в. приказные люди устюжского архиепископа проводили принцип: „во всяких вотчинах продать что или заложить повольность имеет вотчинник, а не крестьянин [4]). Так к концу XVII века исчезли последние остатки крестьянских прав собственности на землю.

В отношении прав крестьян на движимое имущество имеется два параллельных ряда наблюдений, значительно расходящиеся между собою по смыслу и значению. С одной стороны, законодательство XVII века признает за крестьянами имущественные права; так, Уложение признает за крестьянами собственность и право вступления помимо владельцев в гражданские договоры с посторонними лицами и даже с казною [5]); и Уложение и указы часто вообще говорят о „крестьянских животах“ (имуществе). Но, с другой стороны, уже указ 21 ноября

---

[1]) Полное Собрание Законов, №№ 10, 112.

[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 258.

[3]) *Иванов*, К истории крестьянского землевладения на севере в XVII в., М. 1898, стр. 31.

[4]) Там же, стр. 32 (первонач. напечатано в I томе „Трудов Археографич. Комиссии Моск. Археологич. Общества“).

[5]) *Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 157.

1628 года предписывает, в случае неплатежа землевладельцами по искам на них, „велети правити на холопех их и на крестьянех“; то же мы видим в Уложении и новоуказанных статьях; затем известно, что с конца XVI в. землевладельцы должны были кормить крестьян в голодные годы и нести за них податную ответственность, что, естественно, расширяло их право на крестьянское имущество. Общий вывод должен быть таким образом следующий: крестьянское имущество приближалось по своей юридической природе к тому положению, какое было свойственно пекулию колона или средневекового виллана: крестьянам, в сущности, принадлежало лишь право владения и пользования без нарушения хозяйских интересов землевладельца [1]). Тиски крепостного права естественно сжимались по преимуществу в сфере имущественных отношений.

О корпоративных правах крестьянства говорить много не приходится. Если у других сословий были, в сущности, не корпоративные права, а корпоративные обязанности, то это сугубо верно в отношении крестьянства; крестьянские старосты и целовальники, сотские и десятские стали органами государственной полиции, обязанными наблюдать за порядком и спокойствием, или органами, производившими раскладку и сбор податей и ответственными за исправность перед правительством всем своим имуществом.

Таким образом, если вторая половина XVI века—первый момент дворянской революции в России—поставила на очередь вследствие хозяйственного переворота, тогда совершившегося, новые задачи социального строительства, выдвинула на первый план не только сословность, существовавшую и раньше, но также и крепостничество, то во второй момент той же революции, охвативший всю первую половину XVII века, сделано было несколько решительных шагов в избранном направлении: в это время окончательно сложились отдельные чины или слои разных сословий, самые сословия сплотились сильнее и обозначились определеннее. По-

---

[1]) *Дьяконов*, Очерки из истории сельск. насел. в Моск. гос.; *Ключевский*, Курс рус. ист., III, стр. 231.

нятно, насколько это отвечало создавшимся неотложным и неустранимым потребностям. Дело здесь было вовсе не в том, что государство подвергалось внешним опасностям и должно было организоваться по-военному [1]), а в том, что настояла необходимость справиться с грандиозной экономической проблемой: приспособить общество, жившее прежде в условиях почти исключительно натурального хозяйства, к новым обстоятельствам, созданным переходом к товарному хозяйству, рассчитанному на обширный рынок, к торговому капитализму. Скачок был огромный, колоссальный. Внешние опасности—польская угроза в Смутное время и позднее—были здесь только дополнительным условием, тесно связанным с тою же проблемой: ставился ребром вопрос о том, кто будет гегемоном восточно европейского торгового капитализма—русское или польское дворянство, и попытка дворянства польского стать господином положения кончилась неудачей. Но эти препятствия, как они ни были важны, только увеличивали тяжесть перелома, делали скачок лишь затруднительнее, но не создавали его сами по себе: он вытекал из хозяйственной конъюнктуры. И класс, которому в будущем суждено было господство, нашел средства овладеть положением: закрепостив все общество, распределив между отдельными сословиями обязанности, обложив тяглом посадское население и крестьян, усугубив тяжесть крепостничества в отношении крестьянства еще личным его прикреплением к землевладельцам, дворянство оказалось достаточно политически проницательным, чтобы и на себя наложить тяжелую повинность службы: в тех условиях это был единственный правильный выход из положения, единственный залог победы. Вот почему факт закрепощения на государственной службе дворянства, факт дворянского самозакрепощения, конечно, более легкого, чем закрепощение других сословий, в особенности крестьянства, не подлежит сомнению и не стоит ни в каком противоречии ни с экономическим пониманием истории, ни с классовой теорией общества. И на-

---

[1]) Мнение это особенно защищалось Чичериным, Градовским, Ключевским и Милюковым.

прасно поэтому некоторые новые исследователи [1]) возлагают на себя ненужный и вредный для научного понимания русской истории труд опровергнуть теорию дворянского закрепощения. Не надо только забывать, что то было самозакрепощение дворянства, необходимое, как и весь вообще крепостной и сословный строй, для дальнейшего развития производительных сил страны: ведь известно, что класс, который претендует на господство, может его достигнуть, только содействуя этому развитию производительных сил, только руководя этим процессом, организуя для него общество [2]).

Уложение 1649 года [3]) уничтожило также один из важных обломков старого феодального строя—именно закладничество, этот вид коммендации на русской почве. И весьма характерно, что это уничтожение произошло в связи с новой перестройкой общества, в частности с организацией тяглого посадского сословия и его исключительного права вести торговлю и заниматься городскими промыслами: это наглядно показывает, как социальные отношения строились под непосредственным влиянием хозяйственных условий.

---

[1]) *Покровский*, Русская история с древнейших времен.
[2]) *Marx*, Znr Kritik des Politischen Oekonomie, предисловие.
[3]) Уложение, XIX.

IV.

Государственный строй Московской Руси в первой половине XVII века.

Перемены в устройстве общества отражаются всего яснее и отчетливее в той части правительственного аппарата, которая носит название областного или местного управления.

Мы видели, какою пестротой, каким чрезвычайным разнообразием отличалось областное управление второй половины XVI века: кормленщичье управление было разрушено по крайней мере на три четверти, если не более, и с ним успешно конкурировали, соперничая в то же время между собою, управление дворцово-хозяйственное, дьячье-бюрократическое и земское самоуправление. Огромный экономический и социальный сдвиг того времени разрушил почти до конца старое удельное управление, уничтожил систему кормлений и вызвал движение и столкновение новых административных организаций, которые пока еще не сложились тогда в новую систему, а являли собою именно образец сумятицы, беспорядочности, администритивной несогласованности и неслаженности. Надо было выйти из этого неустойчивого положения, установить однообразие, стройность и порядок.

Социальные перемены первой половины XVII века подсказывали то направление, в котором должно было преобразоваться местное управление. Невозможен, немыслим был возврат к старой феодальной системе кормлений: дворянство не могло поручить власть на местах феодальной аристократии, боярству, да и самый принцип кормления в прежнем чистом, беспримесном виде был

для него неприемлем. Хозяйственное управление также сильно отдавало стариной и являлось, естественно, лишь редким исключением, которое не могло быть превращено в общее правило за отсутствием реальных причин и интересов, могущих содействовать такому превращению. Дьячья бюрократия также была редким, даже редчайшим исключением, слишком демократическим для дворянства: это значило бы передоверить власть на местах дворянским низам, выскочкам из недавних поповичей. По существу это было недалеко от практической действительности,—дьяки на деле были весьма влиятельны и на нижних и на верхних ступенях административной лестницы,—но по форме допустить это было нельзя. Наконец, не по плечу крепостному обществу оказалось и земское самоуправление: нельзя было строить местную власть на основе корпоративных прав всего населения, которое на деле и по закону разбито было на разобщенные друг от друга сословия, основанные на принципе не права, и обязанности, повинности. Крепостничество и самоуправление—понятия и явления, взаимно исключающиеся.

Выход был один: в уезде, основной областной единице, надо было создать единую, сильную власть, которая всюду была бы однообразной. Эту власть создала сама жизнь в эпоху Смуты, когда появились в ряде городов и уездов воеводы. После Смуты воеводы получили повсеместное распространение.

Воеводская власть была явлением во многих отношениях новым.

Если прежде всего взять компетенцию, ведомство воевод и исследовать ее пределы и по закону и в особенности на практике с сколько-нибудь пристальным вниманием, то придется признать, что хотя „воевода и войсками командует, и судит, и подати собирает“ [1]), и, прибавим, делает еще многое другое [2]), но ошибочно думать, будто „воеводская власть носит все признаки типичнейшего феодального учреждения“ [3]). В самом деле:

---

[1]) *Покровский*, Русская история, т. II, кн. 4, стр. 238.

[2]) *Чечерин*, Областные учреждения России в XVII веке, М. 1856, стр. 105 и след.

[3]) *Покровский*, Русская история, т. II, кн. 4, стр. 238.

феодальный наместник, кормленщик удельного времени, обладал в эпоху полного господства удельного строя почти всею полнотою правительственной власти, его власть почти равнялась власти князя, пока последний не приезжал в уезд; совсем не то надо сказать о воеводской власти: она была весьма сильно ограничена в отношении к органам центрального, особенно верховного управления и к самой верховной власти. Уже воеводские наказы свидетельствуют об этом. Если взять военную компетенцию воеводы, то уже из наказов видно, что она не была ни особенно широка, ни самостоятельна: воевода должен был, конечно, защищать свой город и уезд от неприятельских нападений и усмирять внутренние волнения и бунты, высылать на службу тех, кто этой высылке подлежал, ведать городские укрепления и все военные силы уезда[1]); но стоит заглянуть в многочисленные воеводские отписки, напечатанные и особенно неизданные, хранящиеся в архивах, чтобы убедиться, что почти ни одного шага воевода не делал по собственной инициативе, и если его на такую инициативу хотя бы в самой малой степени вызывали обстоятельства, он немедленно слагал с себя ответственность, запрашивая обо всех мелочах, не говоря уже о главном, центральную власть. В ближайшей связи с военными делами стоят дела разрядные, — производство в чины, запись на службу, выдача отпусков с военной службы, отставка от службы, назначение на должности, верстанье окладами и т. д. К подавляющему большинству этих функций воеводская власть не имела никакого касательства. Только к верстанью на службу и окладами да к увольнению от службы воеводы имели некоторое отношение[2]), но административная практика того времени показывает, что и здесь они самостоятельны не были. Мы имеем, напр., факт 1640 года, когда верстанье окладом, произведенное воеводой, подлежало пересмотру и утверждению самой верховной власти[3]); в другом случае воевода верстает окладом только по специаль-

---

[1]) *Чичерин*, Областные учреждения России в XVII в., стр. 114—120.
[2]) Там же, стр. 123—129.
[3]) *Рожков*, Происхождение самодержавия в России, стр. 101.

ному указу царя [1]). Не надо к тому же забывать, что обычный порядок здесь сводился к тому, что верстанье производили специальные разборщики вместе с выборными от местного дворянства окладчиками. Та же общая картина довольно скромных, иногда даже очень скромных пределов действия воеводской власти получается и при рассмотрении других сторон компетенции ее и по наказам и в особенности на практике, в действительности. В отношении к землевладению, столь важному как главный вид вознаграждения за службу, воевода действовал всегда по указанию высших властей: оброк за арендуемые казенные земли воевода фактически устанавливал лишь в тех случаях, когда ему это специально поручалось царским указом [2]); дача земли в поместье налагала на воевод большую работу, но опять-таки чисто-вспомогательную, лишенную решающих функций, которые всецело принадлежали верховной власти, высшим и отчасти центральным исполнительным учреждениям: только по особым грамотам из столицы воеводы „обыскивали" дело о пожаловании поместьем, проверяли данные челобитной просителя, вводили помещика во владение поместьем, производили, если то было нужно, „отдел", т.-е. отграничение поместья от соседних владений и т. д. [3]). Судебная власть воевод, по наказам, была значительна [4]). Практика показывает, что воеводы самостоятельно разбирали и решали поземельные тяжбы [5]), дела о корчемстве (иногда по поручению центральных учреждений [6]), иски о беглых и вывезенных крестьянах [7]), о беглых кабальных людях [8]), об убийстве и других „губных" делах, когда в уезде не было губных старост [9]), по обыкновенным разного рода уголовным делам (увечью, нанесению ран и побоев, бесчестью, краже, грабежу, поджогу, мошенничеству), по всем гражданским право-

---

[1]) Там же, стр. 100.
[2]) Там же, стр. 111.
[3]) Там же, стр. 112; ср. *Чичерин*, Областн. учр., стр. 129—131.
[4]) *Чичерин*, Областн. учрежд. в России XVII в., стр. 135 и след.
[5]) *Рожков*, Происх. самодержавия в России, стр. 121.
[6]) Там же, стр. 145.
[7]) Там же, стр. 146—147.
[8]) Там же, стр. 148.
[9]) Там же, стр. 151, 153.

нарушениям [1]). Мало того: воеводам—только по специальным каждый раз указам — поручалось ведение следствия по некоторым государственным преступлениям и по преступлениям против власти: по оскорблению должностных лиц при исполнении ими обязанностей [2]), по сопротивлению властям [3]) и т. д. Едва ли не самым ярким признаком феодального характера администрации является широта ее финансовых функций. В этом отношении замечательна крайняя узость и ограниченность воеводской компетенции. Сбор податей лишь в редких случаях находился в руках воеводы [4]); важнейшие пошлины — таможенные — тоже не входили в круг ведения воеводской власти [5]), надзор за таможенным и кабацким управлением и заведывание казенными имуществами [6])— вот к чему сводилось, в сущности, все финансовое ведомство воевод. Дело доходило до того, что без особого царского указа воеводы не могли расходовать казенные деньги, имевшиеся в их распоряжении [7]). Конечно, полицейская власть воевод, — особенно поскольку она касалась полиции благостояния, а не более элементарной полиции безопасности, — была слаба [8]), что вполне естественно, так как вообще полицейская деятельность государства развивается позднее, чем другие функции государственной власти. Но все-таки характерно — и именно как противовес представлению о воеводской власти как о феодальном учреждении,—что и наказы [9]) и практика [10]) отводили этой новой государственно-бюрократической функции воевод известное место.

Если таким образом новый государственный, нефеодальный характер воеводской власти вытекает уже из рассмотрения ее компетенции, ведомства, то нет недо-

---

[1]) Там же, стр. 154.
[2]) Там же, стр. 142.
[3]) Там же, стр. 143.
[4]) *Чичерин*, Обл. учр. в России XVII в., стр. 191, 197 и след.
[5]) Там же, стр. 220.
[6]) Там же, стр. 224, 231, 243 и след.
[7]) *Рожков*, Происх. самодержавия, стр. 136.
[8]) *Чичерин*, Обл. учр.; *Андреевский*, О наместниках, воеводах и губернаторах; *Градовский*, История местного управления в России.
[9]) *Чичерин*, Обл. учр., стр. 178 и след.
[10]) *Рожков*, Происх. самодержавия, стр. 156.

статка и в других признаках государственной новизны воеводской должности. Воевода назначался через приказ, ведавший город, каждый раз специальным царским указом непременно на срок не только потому, что воеводская должность была наградой за военную службу, являлась прибыльной, доходной, и надо было удовлетворить ею всех желающих, но и по той причине, что срочность ограничивала злоупотребления воеводской властью [1]). Конечно, наказы, дававшиеся воеводам при их назначении, не были для них совершенно и непременно обязательны: в самих же наказах предписывалось дела делать не только „по сему наказу“, но и „смотря по тамошнему делу и по своему высмотру, как будет пригоже и как бог вразумит“, что, разумеется, открывало простор для произвола, но, во-первых, везде и всегда, как потом выражался Петр Великий, „по нужде и закону перемена бывает“, а во-вторых, имеет важное значение самый факт снабжения воевод наказами—определенными инструкциями, далеко оставляющими позади себя старые уставные грамоты, ограничивавшие власть наместников почти в одном лишь финансовом отношении.

Но дело не в одних лишь наказах. Государственный, нефеодальный характер воеводской власти XVII века ясно выступает на вид еще и потому, что воевода подлежал отчетности и ответственности в особенности при сдаче своей должности преемнику [2]). Правда, эта отчетность ограничивалась почти исключительно финансовой частью [3]), но все же и здесь, как и в вопросе об инструкциях, сделан был важный шаг вперед, как бы ни ограничена была первоначально сфера воеводской отчетности.

Наконец, принципиально воеводская должность была не кормлением, а службой, которая вознаграждалась не кормом, а поместьями. Конечно, на деле остатки кормленной системы в больших размерах сохранялись: взяточничество и вымогательство были обычным и всем

---

[1]) *Чичерин*, Областн. учрежд., стр. 89.
[2]) Там же, стр. 93, 96.
[3]) Там же, стр. 289.

известным явлением, которому потворствовала и сама власть, даже верховная [1]). Вычислено, что поборы воеводы и его помощников в Тотьме в 90-х годах XVII века составляли в полгода до 3000 р. на наши довоенные деньги [2]). Но это естественно и понятно: старина всегда живет долго в многочисленных обломках, которые отмирают очень медленно. И новое нарастает тоже частично и не скоро: все, вышесказанное о воеводской власти, свидетельствует только о появлении в ней важных и новых элементов государственности,—элементов, полное и законченное развитие которых было делом будущего. Здесь, как везде и всегда, важны новые тенденции, а не их полное завершение и осуществление, которое дается не сразу.

Воевода действовал не один, а при помощи целого ряда подчиненных ему органов власти. Важнейшими из них были следующие: губные старосты, городовые приказчики, городничие, осадные головы.

Губные старосты первой половины XVII в. редко были независимы от воевод, большею же частью подчинялись воеводской власти [3]), ведая специально судом по губным делам. При этом понятие „губных дел" расширилось: сюда относились теперь уже не только убийство, разбой и кража с поличным, но, по Уложению и новоуказным статьям, еще зажигательство, совращение с веры, насилие над женщинами, сводничество, непочтение к родителям [4]). Губные старосты иногда заменяли воевод и при воеводах, помимо своих прямых обязанностей, выполняли ряд воеводских поручений по общему управлению [5]). Можно вообще подметить, что выборный из дворян губной староста приобрел в XVII веке значение и характер правительственного чиновника. Соответственно этому выборные из других групп общества губные целовальники окончательно превратились в подчиненных губного старосты [6]), утратив прежнее значение его товарищей, членов губной коллегии.

---

[1]) *Покровский*, Русская история, т. II, кн. 4-я, стр. 252.
[2]) *Ключевский*, Курс русск. ист., III, прилож. II, стр. 463—470.
[3]) *Чичерин*, Обл. учр., стр. 483—484.
[4]) Там же, стр. 481.
[5]) Там же, стр. 482—483.
[6]) Там же, стр. 466.

Городовые приказчики XVII в. уподобились совершенно городничим: оба эти чина ведали город в узком смысле этого слова, в смысле городских укреплений и защищавшей их артиллерии [1]). Повидимому, городовые приказчики и особенно городничие ведали также под начальством воеводы мелкими полицейскими делами: следили за порядком, за безопасностью от пожаров, преследовали корчемство [2]).

Осадные головы назначались из дворян и детей боярских и имели надзор за караулами и городскими воротами [3]).

Особое положение занимали таможенные и кабацкие головы с целовальниками. Таможни и кабаки, как известно, или сдавалась на откуп, или управлялись „на вере", т. е. отдавались в управление под присягой („верой") головам и целовальникам из посадских людей. Эти головы и целовальники самостоятельно ведали таможенные и кабацкие сборы только под надзором и контролем воеводы [4]).

В общем и целом в XVII веке получилось подчинение воеводам тех выборных властей, которые появились в XVI столетии. На большей части территории Московского государства исчезли только органы земского самоуправления, учрежденные при Иване Грозном: им совершенно не осталось места в новой административно-бюрократической системе, которая делала столь заметные успехи. Сохранились они только на севере под именем земских судеек: архаические условия Северного края содействовали тому, что обломки земского самоуправления здесь уцелели [5]).

Переходя к центральным учреждениям, надо прежде всего отметить, что первая половина XVII века получила по наследству от XV и XVI столетий уже значительно разветвленную, хотя и мало стройную, систему приказов, о которых у нас уже шла речь в свое время.

---

1) Там же, стр. 367—368.
2) Там же, стр. 367.
3) Там же, стр. 370.
4) *Чичерин*, Областн. учрежд., стр. 404 и след.
5) См. особенно *Богословский*, Земское самоуправление на крайнем севере.

Система дворцовых приказов, существовавших в Московской Руси, была, повидимому, вполне закончена в течение первой половины XVII века. Главным из них был Большой Дворец, влившиий к этому времени окончательно в себя все старые дворцы, заведывавшие дворцовым хозяйством бывших удельных княжеств. Во второй половине XVI века, а может быть и раньше, Большой Дворец или приказ Большого Дворца развивает подведомственные ему учреждения: тогда именно упоминаются впервые дворцы сытный, кормовой и хлебный или хлебенный [1]), которые сохраняются и позднее. В 1540 г. встречаем впервые Конюшенный приказ [2]), известный и в XVII столетии. В начале XVII в. в первый раз упоминаются приказы Ловчий, Сокольничий и золотого и серебряного дела [3]), которые, впрочем, могли возникнуть и раньше. Дворцовое хозяйство разрасталось все более, и потому в первой половине того же века появились Царская и Царицына мастерские палаты [4])— крепостные дворцовые ремесленные учреждения, ведавшие также и сборами натурой с разных ремесленных слобод, приписанных к ним [5]). Вторая половина XVII в. прибавила к системе дворцовых приказов только один— Панихидный приказ, где ведалось поминание по мертвых прежних великих князьях, царях, царицах, царевичах и царевнах [6]). Панихидному приказу предшествовал в первой половине XVII века подьячий, сидевший „у панихидного дела“ [7]).

Образованию системы дворцовых приказов соответствовали перемены и во внутреннем механизме их работы: хотя дворцовые дела имели непосредственное, ближайшее отношение к личным, в особенности хозяйственным, интересам царя и потому вызывали его личное прямое в них участие, но здесь уже началась админи-

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 171.

[2]) *Лаппо-Данилевский*, Организация прямого обложения в Московском государстве, стр. 444, прим. 3.

[3]) Акты Историч., т. II, № 355.

[4]) Моск. Архив Министерства Двора, столбцы Оружейной палаты, №№ 33, 37, 41.

[5]) *Котошихин*, О России, Спб. 1840, стр. 84—85.

[6]) Там же, стр. 92.

[7]) Моск. Арх. Мин. Двора, столбцы Оруж. палаты, № 58.

стративно-бюрократическая дифференциация, подчиненные органы центрального дворцового управления приобрели в некоторых делах, им подведомственных, известную степень самостоятельности, т.-е. начали уже принимать облик и характер настоящих учреждений. Так, в 20-х и 30-х годах XVII века приказ Большого Дворца, без доклада государю, верстает окладами жалованья царицыных детей, боярских, сенных сторожей, дворцовых истопников, портных мастерской палаты, вообще мелких служащих по дворцу[1]). Он же получает дворцовые доходы, не докладывая об этом царю[2]), выдает жалованье завязочным мастерам, бобровникам, портным, царицыным детям боярским, золотным мастерицам, дворцовым портомоям и проч.[3]).

Если подобные явления наблюдались в сфере дворцового управления, то тем более они становилась заметными в области собственно государственных, уже не лично государевых дел. Это надо сказать прежде всего о функциях возникшего в 1549 году[4]) Посольского приказа, предназначенного заведывать иностранными делами и выделившегося, повидимому, из ведомства казначеев[5]). Нам уже известно из предыдущей главы, как широко развертывалась внешняя политика Московского государства еще во второй половине XVI века, что и послужило, конечно, основой образования Посольского приказа. Но этим вовсе не обусловливалась сначала самостоятельность ведомства этого приказа. В удельной Руси верховная власть обыкновенно принимала непосредственное участие в ведении дипломатических переговоров. С этою целью стремились вести эти переговоры непременно в Москве. Эта традиция сохранилась и в XVI веке. В малолетство Грозного московское правительство ни за что не соглашалось отправить посоль-

---

[1]) *Рожков*, Происхождение самодержавия, стр. 101.

[2]) Там же, стр. 131.

[3]) Там же, стр. 134.

[4]) *Белокуров*, О посольском приказе, М. 1906, стр. 15, 26. Новая работа о Посольском приказе—*Савва*, Посольский приказ—дает почти только одни списки личного состава приказа, и ничего нового больше нельзя оттуда взять.

[5]) *Белокуров*, О посольском приказе, стр. 19.

ство для мирных переговоров в Литву, упорно отстаивая старый обычай, несмотря на все настояния с литовской стороны [1]). То же долго сохранялось и тогда, когда Иван Грозный сам стал править государством, и только победы Батория заставили впервые отступить от этого правила [2]).

Характерно, что и самый способ ведения переговоров долго оставался прежним: „ответные“ комиссии Боярской Думы, назначавшиеся для переговоров с приезжавшими в Москву иностранными дипломатами, обыкновенно всякую мелочь докладывали царю и Боярской Думе, ни шагу не делали самостоятельно [3]). Мало того: иногда Грозный вступал в переговоры с иностранными послами сам непосредственно [4]).

Отмеченный уже сейчас факт, что со времени Батория московское правительство стало отправлять своих послов для переговоров в Литву, свидетельствует сам по себе о большей, чем прежде, самостоятельности московских дипломатов уже в конце XVI века. Правда, они и тут продолжали весьма часто сноситься с верховной властью через гонцов, испрашивая инструкций по незначительным иногда вопросам, но все-таки это было труднее, чем выйти в соседнюю комнату для получения надлежащих указаний. Такая новая постановка дела не замедлила отразиться и на содержании инструкций или „наказов“, даваемых послам: наказы эти касаются уже весьма важных вопросов внешней политики и, стремясь исчерпать и предусмотреть все подробности и перипетии переговоров, волей-неволей расширяют пределы компетенции послов, предоставляя им больше свободы [5]). В первой половине XVII века московские послы обыкновенно уже ведут переговоры вне Москвы, часто не сносясь с московским правительством даже по важным вопросам [6]). Выработка наказов им, выполнявшаяся технически Посольским приказом, получила таким образом особое значение.

---

[1]) Акты Западной России, т. II, № 175.

[2]) *Соловьев*, История России, т. VI, М. 1856, стр. 367 и сл.

[3]) См., напр., Сборник Имп. Рус. Историч. Общества, т. 59, стр. 275.

[4]) Там же, т. 71-й; *Соловьев*, Ист. России, VI, стр. 268.

[5]) *Рожков*, Происх. самодержавия, стр. 161—162.

[6]) Там же, стр. 162.

Унаследованный еще от первой половины XVI века Разряд, ведавший военное дело, вообще службу и служилых людей, также приобретает в первой половине XVII столетия характер в известной мере самостоятельного подчиненного центрального учреждения. Так, Разряд самостоятельно производил зачисление или запись на службу новиков и гулящих людей „до верстанья", т.-е. до того времени, как разборщики и окладчики специально поверстают их в службу с соответствующими окладами жалования [1]); Разряд же без санкции свыше брал в службу служилых людей по прибору [2]), назначал тех, кто должен участвовать в торжественных встречах иностранных послов [3]), справлял придачу к жалованью служилых людей, т.-е. формально регистрировал увеличение жалованья, произведенное высшими властями [4]), выдавал наказы вновь назначенным воеводам и грамоты о расписке, т.-е. сдаче отчета, старым, сменяемым воеводам [5]), составлял „годовую смету" числа служилых людей [6]).

Разряд ведал службу обычного, господствующего вида. Необходимость создать войска специальных родов оружия повела к учреждению именно в первой половине XVII века новых военных приказов—Пушечного или Пушкарского [7]), Стрелецкого [8]), Иноземского, который иногда назывался также Панским [9]), и Казачьего [10]).

Вопросы землевладения играли огромную роль в организации службы и служилого сословия. Понятно поэтому, что, привлекая большое внимание правительства, они вели к развитию ведавшего их центрального учреждения—Поместного приказа. Именно этот приказ регистрировал все пожалования землей в поместье и в вотчину [11]), записывать в „книги записные вотчинные" все случаи

---

[1]) Там же, стр. 100, 101.
[2]) Там же, стр. 93.
[3]) Там же, стр. 97.
[4]) Там же, стр. 105.
[5]) Там же, стр. 106.
[6]) Там же, стр. 106.
[7]) Там же, стр. 88.
[8]) Там же, стр. 88.
[9]) Там же, стр. 88.
[10]) Там же, стр. 88.
[11]) Там же, стр. 112.

перехода вотчин из одних рук в другие, при чем эта запись имела значение нотариального акта, т.-е. укрепляла собственность за законным ее владельцем[1]); в подавляющем большинстве случаев,—именно тогда, когда не было налицо особых, исключительных условий,—дело это обходилось без участия верховной власти и высших учреждений. Наконец, Поместный приказ как раз в 20-х и 30-х годах XVII века начинает выступать в роли судебного учреждения, разбирающего некоторые поземельные тяжбы,—именно те, которые в судных приказах, первоначально ведавших споры о земле, не были решены за нехождением истцов[2]). Разумеется, кроме того, Поместный приказ разбирал и решал те споры о земле, которые передавались в него по специальному поручению верховной власти[3]). Но важно, что дело этим не ограничивалось, что уже в первой половине XVII века Поместный приказ стал частично усваивать себе функции суда по земельным делам, которые в конце XVII века в нем особенно развились, развернулись во всю ширь[4]). В связи с этим можно рассмотреть уже в изучаемое нами сейчас время начало новой внутренней организации приказа, важной потому, что оно бросает свет на московский приказный строй вообще. Установлено, что в конце XVII века в Поместном приказе существовало два отделения—судейский стол, т.-е. стол главного судьи приказа, его начальника, каким обыкновенно был думный дьяк, и стол у дьяков; в первом слушались и вершились спорные дела, а во втором слушались и помечались неспорные дела; при этом настоящей, действительной коллегиальности, которую приписывали приказам некоторые исследователи[5]), не было: „дела не слушались всем отделением, а слушались как главным судьей, так и всеми его товарищами отдельно, отдельно и каждым из дьяков";

---

[1]) Там же, стр. 115.

[2]) *Рожков*, Книги записные вотчинные Поместного приказа—в „Историч. и социологич. очерках", часть 2-я, стр. 312.

[3]) *Ключевский*, Боярская Дума, изд. 2-е, стр. 406.

[4]) *Н. Ардашев*, Книги записные приговорам бывшего Вотчинного архива: „Описание документов и бумаг, хранящихся в Архиве Мин. Юстиции", кн. XIII, М. 1891, стр. 62.

[5]) *Лихачев*, Разрядные дьяки XVI века.

оба стола—судейский и дьячий—работали одновременно и помещались в особых казенках[1]). И вот оказывается, что, начиная с 40-х годов XVII века, челобитные по неспорным делам подаются в Поместном приказе не его начальнику, главному судье, а другим поместным дьякам[2]). В то же время и пометы по неспорным делам делаются уже не дьяком, стоявшим во главе приказа, как то было по всем делам раньше, а другими дьяками[3]). Очевидно, уже тогда подготовлялось, даже на деле осуществлялось разделение Поместного приказа на два стола—судейский для спорных дел и дьячий для дел неспорных. Подобная организация была, повидимому, и в других приказах. Отметим, наконец, что и Поместный приказ, как и другие, уже в то время делился на столы[4]). Приказная администрация и организация делала заметные, решительные технические успехи.

Но все же, хотя в Московском государстве не было приказа, который бы не судил, главная масса судебных дел сосредоточивалась в особых судебных приказах. Сюда относится прежде всего Разбойный приказ, возникший еще в 30-х годах XVI века и имевший уже тогда прочно сложившуюся и строго определенную компетенцию: он ведал контроль органов губного управления, проверял присылаемые из губных учреждений протоколы следствия и суда, а также списки, точно обозначавшие доходы губных старост; сюда шел доклад по губным делам, которые не могли решить губные старосты с целовальниками; наконец, некоторые дела поступали в Разбойный приказ из губных учреждений на ревизию, т.-е. губные старосты с целовальниками производили только следствие, записывали в протокол показания сторон и свидетелей, а приговор постановлялся уже самим приказом[5]).

---

[1]) *Ардашев*, Книги запис. приговорам: „Опис. док. и бум. Арх. Мин. Юстиции", кн. VII, стр. 348, и кн. VIII, стр. 66.

[2]) *Рожков*, Книги записные вотчинные: „Ист. и социол. очерки", ч. 2-я, стр. 313.

[3]) Там же, стр. 313, 314.

[4]) *Рожков*, Историч. и социол. очерки, ч. 2-я, стр. 314; *Сторожев*, Указ. книга Помест. приказа, стр. 87, 104, 136.

[5]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Допол. к Акт. Ист., т. I, № 31.

В конце XVI в. становятся заметным и три других судебных приказа—Владимирский судный, Московский судный и Дмитровский судный. Они продолжали существовать и в XVII столетии. Здесь судились служилые люди и их крестьяне, при чем место суда определялось подсудностью ответчика[1]). Сюда же принадлежал Холопий приказ, который лишь отчасти, впрочем, судил и наказывал холопов, главным же образом ведал регистрацию их и сделок с ними[2]).

Но едва ли не самыми любопытными являются в истории центрального управления и центральных учреждений России первой половины XVII века те факты, которые касаются государственного хозяйства, финансов и финансовых учреждений. И учреждения, и порядки, и реформы здесь так тесно связаны, что менее, чем где-либо в другой сфере, допускают обособленное, изолированное изучение того, другого и третьего в отдельности. Надо исследовать все это целиком и во взаимной связи.

Нам уже известно, что финансовые нововведения второй половины XVI века создали ряд новых финансовых центральных учреждений: то были приказ Большого прихода и четверти—Владимирская, Галицкая, Костромская, Новгородская, Устюжская; сюда же принадлежали по существу главных своих функций Казанский дворец с выделившимся из него Сибирским приказом и Новая четверть. У Новой четверти было специальное ведомство—кабацкие доходы, т.-е. доходы от казенной продажи вина—все равно, сбирались ли они „на вере" или на основе откупа; здесь же разбирались и решались все дела о корчемстве, т.-е. незаконной продаже и выделке вина[3]). Что касается остальных финансовых приказов, сейчас перечисленных, то их основная компетенция определялась следующим образом: Большой Приход ведал морастырские земли и некоторые посады, четверти—большую часть посадов и все черные земли. Все эти приказы ведали старые, существовавшие еще в XVI в.

---

[1]) *Котошихин*, стр. 82.
[2]) А. А. Э., т. I, № 280; *Котошихин*, стр. 89.
[3]) *Котошихин*, стр. 86.

налоги, причем сбор этих налогов распределялся между четвертями территориально: Казанский дворец собирал их со среднего и нижнего Поволжья, Сибирский приказ с Сибири, Новгородская четверть—с областей бывших вольных городов, Вологды и Нижегородского края, Устюжская четверть с Поморья, т.-е. крайнего севера, Владимирская—по преимуществу с центральных уездов, Галицкая с части Костромского края и прилегавших к нему частей центра и приокских уездов, Костромская—с Костромского и Ярославского уездов с прибавкой некоторых других местностей [1]). Надо, однако, заметить, что в 1613 г. были введены вовые ямские деньги—„большая ямщина" [2]), а затем в том же году „хлебные запасы ратным людям на жалованье" [3]). Эти новые налоги стали постепенно отодвигать на второй план старое обложение, унаследованное от XVI столетия. Так как они собирались четвертями и Большим приходом сначала лишь для передачи в специально ведавшие их Ямской, Стрелецкий и Казачий приказы, а потом эти последние приказы стали собирать их и непосредственно со всех мест кроме Поморья [4]), то значение финансовых приказов XVI века во второй половине XVII в. пало, и выдвинулись на первый план финансовые функции Ямского, Стрелецкого и Казачьего приказов [5]).

Этот процесс падения Большого прихода и четвертей сопровождался еще появлением особых временных финансовых приказов. При этом и падение финансовых приказов XVI в. и появление новых временных учреждений с финансовыми функциями неразрывно связаны с переменами в финансовой технике, главным образом в единицах обложения, в окладных единицах. Поэтому необходимо сейчас остановить внимание на этих важных переменах.

Мы видели, что во второй половине XVI в. прежняя соха, открывавшая большой простор личному усмотрению писцов, окладная единица субъективная, была за-

---

[1]) *Веселовский*, Сошное письмо, II, стр. 17—19.
[2]) *Веселовский*, Сошное письмо, I, стр. 157.
[3]) Там же, I, стр. 162.
[4]) Там же, II, стр. 12, 13, 15.
[5]) Там же, II, стр. 13.

менена объективной единицей, сохой в 800 ч. доброй земли на служилых и дворцовых землях и в 600 ч. такой же земли на землях монастырских. При этой новой большой сохе для субъективизма оставалась одна возможность—в операциях так называемых „наддачи“ и „одабривания“: писец мог признать землю средней или худой и, одабривая ее, т.-е. преводя на норму доброй, имел право наддавать, прибавить размер площади на каждую соху по расчету 100 ч. доброй земли—125 ч. средней и 150 ч. худой. Но очевидно, что пределы субъективизма здесь уже были довольно узки, так что практически объективность была достигнута, и едва ли поэтому можно согласиться с исследователями, полагающими, что двор—более объективная окладная единица, чем большая соха [1]), тем более, что и дворы могли быть разные по степени населенности и могли включать то одну избу и семью, то несколько. Таким образом ключа к дальнейшим изменениям в окладных единицах надо искать не в стремлении к объективности обложения.

Первой причиной, поколебавшей сошное письмо в новой, объективной форме было выделение отдельных боярщин из волостного и всеуездного миров: с ростом служилого землевладения каждая боярщина, т.-е. каждое служилое владение, стала особой „костью“, с которой исчислялись и собирались налоги; это стало правилом уже к концу XVI века и окончательно установилось в начале XVII столетия [2]). Исчисление сошного оклада на отдельные боярщины, подчас и нередко мелкие, делало неудобной большую соху, которую приходилось дробить на доли. Разорение, произведенное Смутой, нанесло второй, гораздо более решительный удар большой сохе: соха дробилась на доли, самою мелкою из которых была $^1/_{32}$ сохи, т.-е. 25 ч. доброй земли при сохе в 800 ч. и 18,7 ч. при сохе в 600 ч. Между тем реальная запашка, „живущая пашня“ сильно сократилась тогда в размерах и далеко не достигала площади $^1/_{32}$ сохи, будучи в среднем в 6 или в 7 раз ее меньше [3]). Тогда-то

---

[1]) Там же, II, стр. 510; ср. *Яковлев*, Приказ сбора ратных людей, М. 1917, стр. 41.

[2]) *Веселовский*, Сошное письмо, II, стр. 549.

[3]) *Готье*, Замосковный край в XVII в.

и решено было заменить большую соху четью или живущей четвертью, т.-е. $^1/_{800}$ или $^1/_{600}$ частью сохи [1]). Но ограничиться одним механическим уменьшением окладной единицы оказалось неудобным: во-первых, тогда исчезло бы различие в обложении служилых и монастырских земель, что было бы не в интересах нового господствующего класса—землевладельческого дворянства; во-вторых, налоги, падавшие на живущую четверть, так определенную, легли бы на плательщиков, разоренных Смутою, все же большей тяжестью, хотя бы их и понижали. Выход из положения найден был в том, что живущая четверть была понята не в буквальном смысле, а сведена к определенному числу крестьянских и бобыльных дворов. Нормы определения числа дворов на живущую четверть установились не сразу и никогда не сделались вполне однообразными: здесь принимались во внимание не только отличие служилых земель от монастырских, но и различное состояние хозяйства в отдельных уездах. Живущая четверть введена была указами 1620—1632 годов, и в первые 8 лет все уезды, в которых она постепенно вводилась, разделены были на 8 разрядов [2]); в последующие затем годы были сделаны уступки, и в результате, за малыми исключениями [3]), остались два разряда: для 53-х городов с их уездами живущая четверть заключала в себе в поместных и вотчиных землях 8 дворов крестьянских, 4 бобыльских, в монастырских, архиерейских и церковных землях,—6 дворов крестьянских и 3 бобыльских, а для 30 городов с уездами соответствующие нормы были в первом случае 12 дворов крестьянских и 8 бобыльских и во втором 9 дворов крестьянских и 6 бобыльских [4]).

Введение живущей четверти было важным, ярким признаком упадка сошного письма: оно приучало к мысли о возможности подворного обложения, о введении новой

---

[1]) *Лаппо-Данилевский*, Организация прямого обложения в Моск. госуд.; *Милюков*, Спорные вопросы финанс. истории Москов. госуд.; *Миклашевский*, Поземельные кадастры; *Веселовский*, Сошное письмо.

[2]) *Сторожев*, Указная книга Помест. приказа; *Веселовский*, Сошное письмо, II, стр. 489.

[3]) Там же, II, стр. 490.

[4]) Там же, II, стр. 490.

окладной единицы—двора [1]). Сущность подворного обложения не столько в том, что оно объективнее сошного письма [2]), сколько в приближении плательщика к государству,—в том, что государство, установив один двор, как окладную единицу, подошло ближе к отдельному крестьянскому хозяйству, к квотативной, а уже по крайней мере по идее не чисто репартиционной податной системе. Процесс победы „дворового числа" над сошным письмом не закончился в первой половине XVII века, но в это время им сделаны были большие и решительные успехи, связанные с появлением и деятельностью одного из временных финансовых учреждений—Приказа сбора ратных людей [3]).

Экономические конвульсии, вызванные или обостренные Смутой, приводили к финансовым затруднениям. Отсюда вытекали и экстренные сборы и особые временные финансовые приказы, их ведавшие.

Финансистом-новатором, проложившим новые пути в деле прямого обложения в Московском государстве XVII века, был Кузьма Минин. Он нашел средства для организованного им вместе с Пожарским ополчения не посредством сбора добровольных пожертвований, как то прежде изображали и представляли себе, а путем введения принудительного займа „с животов и промыслов" в размере одной трети их: то был экстренный, чрезвычайный военный сбор смешанного подоходно-поимущественного характера. Тут были две важные новости: во-первых, принудительность сбора, во-вторых, его долевой, квотативный, не репартиционный характер [4]).

При участии того же Минина в 1614 году предпринят был сбор „пятой деньги", т.-е. 20% с животов и промыслов. Но так как правительство было слабо, то эта, так называемая „первая пятина" лишь для некоторых плательщиков была принудительным займом, для дру-

---

[1]) Там же, II, стр. 511.

[2]) Напрасно так думают Веселовский, Яковлев и др.

[3]) Отметим попутно, чтобы развить это позднее в свое время, что введение живущей четверти означало полное освобождение барской пашни от государственного обложения.

[4]) *Веселовский*, Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М. 1909, стр. 6.

гих она выразилась в зачете недоимок по старым, прежним сборам, для третьих явилась платежем вперед, в счет будущих сборов. Эта первая пятина платилась только одними торговыми людьми, при чем был установлен свободный от обложения минимум, равный торговому обороту в 10 руб. в год. Дальнейшие пятины—их в царствование Михаила было всего семь—постепенно сближались с обычными репартиционными налогами, сохраняя характер если не исключительно, то преимущественно налога на торговлю и промышленность, на „животы и промыслы“ торговцев и промышленников. И позднее в XVII веке не раз собирал этот подоходно-поимущественный налог—пятая, десятая и двадцатая деньги[1]).

Все эти сборы и налоги собирались особыми временными приказами. Временные приказы учреждались также для разных чрезвычайных сборов, производившихся натурой, и для водворения населения по месту его приписки к тяглу (тогда они назывались „сыскными приказами“ [2]). Таких временных финансовых приказов до конца 30-х годов XVII в. насчитывается более двух десятков. Этот ряд чрезвычайных временных приказов венчался приказом сбора ратных людей, существовавшим с 1637 по 1653 год. Деятельность этого самого замечательного из временных приказов имеет значение в том смысле, что она послужила основанием для введения впоследствии „дворового числа“, обложения налогами по дворам, введения двора, как окладной единицы: Приказ сбора ратных людей собирал людей и деньги именно с дворов[3]).

Всего меньше привлекала внимание правительства забота о благоустройстве и благосостоянии населения, полиция благосостояния: здесь почти все было еще в будущем. Трудно признать учреждением такого характера, напр., Ямской приказ, в 70-х годах XVI века выделив-

---

[1]) Там же, стр. 7—87.

[2]) Ср. *кн. Шаховская*, Сыск посадских тяглецов и закладников в 1-й половине XVII в.: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1914 г., окт. Сыскной приказ для этой цели существовал с 1619 г. до конца века (см. стр. 253 и сл.).

[3]) *Яковлев*, Приказ сбора ратных людей, стр. 161 и след., особенно стр. 547 и сл.

шийся в самостоятельное учреждение из ведомства казначеев [1]). Дело в том, что он ведал только казенной почтой, т.-е. служил непосредственно интересам одного лишь правительства, а вовсе не населения, и был, кроме того, потом финансовым приказом, сбиравшим большую ямщину, новые ямские деньги. С чисто полицейскими функциями по наведению внешнего порядка и элементарной безопасности и санитарии выступает не ранее конца XVI века Земский двор или Земский приказ. Мощение, чистка и метение столичных улиц [2]), планы их обстройки после пожаров [3]), уборка грязи или „скареду“ всякого [4]), „московские разбойные и татиные и всякие воровские приводные дела“ [5])—вот ведомство этого приказа. Казенным же интересам главным образом служили, но уже отчасти посвящали и заботе о благосостоянии населения свою, впрочем, весьма скромную, деятельность приказы Книжного и печатного дела, Каменный и Аптекарский [6]).

Чтобы закончить обзор системы московских приказов XVII века, остается отметить появление в этой системе некоторых зародышей учреждений, ведавших контроль и надзор за администрацией. Сюда относится прежде всего Челобитный приказ или „приказ, что на сильных бьют челом“. Он возник под непосредственным влиянием интересов дворянства при Иване Грозном в 1550 году, и первым его „судьей“, начальником был Алексей Адашев, представитель рядового дворянства в „избранной раде“. Он известен был в 70-х и 80-х годах XVI века также под именем „Челобитной избы“ [7]). Исследователи обыкновенно именуют его канцелярией по приему прошений, подававшихся лично царю [8]), и эта

---

[1]) *Гурлянд*, Ямская гоньба в Моск. государстве, стр. 297—298.

[2]) *Котошихин*, стр. 89.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга Моск. стола Разряда № 17, л. 1 и сл.; кн. 18, л. 1; Полное Собрание Законов, № 6.

[4]) *Веселовский*, Несколько документов Московского Главного Архива Мин. Иностр. Дел, М. 1907, № 2.

[5]) *Котошихин*, стр. 89.

[6]) Книга разрядная, т. I, стр. 1037; Собр. Гос. Грам. и Договоров, т. III, № 109.

[7]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 289.

[8]) *Ключевский*, Курс русской истории.

функция, подтверждаемая и сообщением Котошихина [1]), действительно не подлежит сомнению. Но справедливо указано [2]), что здесь преследовалась специальная классовая цель защиты интересов провинциального рядового дворянства путем непосредственного общения его с носителем верховной власти. И в связи с этим становится понятным, что Челобитный приказ был историческим предшественником тех функций непосредственного выявления дворянской воли, которые впоследствии, при Екатерине II, в ее жалованной грамоте 1785 года, были даны губернскому дворянскому собранию, имевшему право обращаться прямо к верховной власти по всем не только сословным, но и общегосударственным делам. Надо только прибавить, что и Челобитный приказ носил на себе печать неполной и далеко не вполне правильной организации приказов как учреждений: его ведомство было пестрым, смешанным: ему нередко давались разные специальные и временные поручения [3]).

Еще в большей степени та же смешанность разных функций наблюдается в деятельности и ведомстве учреждения второй половины XVII века—приказа Тайных дел. Предшественники этого приказа были подьячие государственных тайных дел, бывшие уже в 1614 году [4]), чем опровергается неосновательное мнение, будто в происхождении данного приказа определяющую роль сыграла личность патриарха Филарета [5]): Филарет был тогда еще в плену. Приказ Тайных дел образовался в 1654 году в обстоятельствах войны с Речью Посполитой [6]). Он должен был содействовать царю в осуществлении его личной инициативы в управлении и прежде всего в области военного управления [7]). С конца 50-х и в особенности в 60-х годах ведомство приказа Тайных

---

[1]) *Котошихин*, стр. 88.

[2]) *Яковлев*, Приказ сбора ратных людей, стр. 36—37, 76.

[3]) *Оглоблин*, К истории Челобитного приказа: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1892 г., июнь.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 890, л. 23 об.

[5]) *Гурлянд*, Приказ великого государя Тайных дел, стр. 96.

[6]) *Заозерский*, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, стр. 273—274.

[7]) Там же, стр. 274.

дел сильно расширилось, охватывая дела военно-административные, дипломатические и хозяйственные [1]). Везде заметно личное участие царя: в военно-административных делах с целью введения европейской военной техники [2]), в дипломатических—для разрешения малороссийского вопроса с отсрочкой решения вопроса балтийского [3]). „Действия воевод и посланников берутся под очень бдительный и систематический надзор“ самого царя при помощи приказа Тайных дел [4]). В дипломатических делах через этот приказ царь руководил только важнейшими моментами дипломатических переговоров, главным образом при окончательных решениях [5]). В военных делах приказ Тайных дел давал обыкновенно секретные дополнения и разъяснения к общим распоряжениям правительства [6]). По личному своему интересу к тому или другому судебному делу царь Алексей брал и дела этого рода иногда также в приказ Тайных дел [7]). С 1663 года главным предметом внимания приказа стали дела хозяйственные [8]), при чем это вызывалось необходимостью содержать царскую гвардию — московских стрельцов, а также дворцовых слуг, ведавших любимую забаву царя,—сокольников [9]). Стрельцы должны были служить надежной опорой царскому самодержавию. Приказ Тайных дел был закрыт в феврале 1676 г., вскоре после смерти царя Алексея [10]).

Параллельно развитию системы приказов в первой половине XVII века наблюдается и более упорядоченная и точная организация их самостоятельного ведомства: приказы все более приближаются по своему характеру к типу самостоятельных в определенном круге действий учреждений центрального управления. Можно довольно точно определить, какие дела в то время вер-

---

[1]) Там же, стр. 276 и след.
[2]) Там же, стр. 278 и след.
[3]) Там же, стр. 281.
[4]) Там же, стр. 285.
[5]) Там же, стр. 296.
[6]) Там же, стр. 301.
[7]) Там же, стр. 311.
[8]) Там же, стр. 311 и след.
[9]) Там же, стр. 346.
[10]) *Гурлянд*, Приказ великого государя тайных дел, стр. 11.

шили разные московские приказы независимо от верховной власти и высших учреждений. Так, в разрядных делах, т.-е. в служебных назначениях и распоряжениях, органы центрального управления, приказы, стали самостоятельно ведать запись в службу главной массы служилых людей, служебные отпуска низших чинов в невоенное время, переводы из гарнизонной службы в полевую, назначение на все мелкие должности в войске, центральном и областном управлении, верстанье окладами, назначение специальных вознаграждений, придачи к окладам низших чиновников, справку придач для всех служилых людей, выдачу инструкций областным правителям, сбор сведений о состоянии военных сил государства и устройство мелких укреплений [1]. В отношении к землевладению приказы успели сосредоточить в своих руках самостоятельное заведывание хозяйством на дворцовых землях, поскольку оно шло обычным, нормальным порядком, сдачу на оброк разных доходных статей на черных землях, передачу свободных дворов на посадах, нотариальное укрепление владельческих прав на землю, исполнительную деятельность по производству статистических описаний и межеваний земли и разбор поземельных тяжб обычного характера [2]. В финансовых делах приказы приобрели право отдачи казенных сборов на откуп и сдачи их на веру в тех случаях, когда откупная или „верная“ система существовала уже в данной местности, и не требовалось перехода от одной из них к другой; они также отсрочивали на непродолжительное время платеж податей, получали все доходы государства, выдавали обычное жалованье служилым людям высших разрядов и важнейшим должностным лицам по центральному и областному управлению, а также дворцовым слугам, наконец, производили и другие расходы, если они были невелики по размерам [3]. Самостоятельные судебные функции приказов выражались к половине XVII века в производстве следствия по государственным преступлениям, в рассмотрении и решении дел о пре-

---

[1]) *Рожков*, Происхождение самодержавия в России, стр. 109.
[2]) Там же, стр. 125.
[3]) Там же, стр. 137—138.

ступлениях против власти и против порядка управления (за исключением особенно важных), исков о крестьянах и холопах, дел о закабалении и закрепощении свободных людей, о выходе служилых и посадских людей из их состояния, наконец, обыкновенных, заурядных дел об убийстве, о преступлениях против здоровья, чести и против прав имущественных и всякого рода гражданских тяжб [1]). Полицейское, наконец, ведомство приказов слагалось из элементарной охраны общественной безопасности, снабжения паспортами купцов, заведывания пожарной частью, исполнительной деятельности по ямской гоньбе и менее важных дел по торговой полиции [2]).

Из всего этого видно, что в административной практике центрального управления в Московском государстве первой половины XVII века стали слагаться такие порядки и отношения, которые вели к освобождению верховной власти и высших учреждений от множества мелких дел, ранее постоянно восходивших до них. Такими переменами в административной технике подготовлялась возможность полного осуществления самодержавия: только при подобной бюрократической опоре мыслима и осуществима эта форма организации верховной власти, столь необходимая для нового господина положения,— землевладельческого дворянства.

Надо, однако, заметить, что начало царствования Михаила ознаменовано было попыткой боярской олигархии ограничить царскую власть, уничтожить самодержавие: старые феодальные общественные силы и традиции все еще были настолько сильны, что такая попытка была неизбежна.

Ограничительный характер „записи", взятой с царя Михаила боярами при его вступлении на престол, совершенно ясен из сообщений целого ряда наших источников, в особенности из Котошихина [3]) и Фоккеродта [4]). Михаил по этой „записи" был ограничен Боярской Ду-

---

[1]) Там же, стр. 155—156.

[2]) Там же, стр. 160.

[3]) *Котошихин*, стр. 104.

[4]) Россия при Петре Великом: „Чтения Общ. Ист. и Древ. Рос." за 1874 г., кн. II, стр. 21—22.

мой. Нет никаких оснований сомневаться в факте и характере ограничения, как то делают некоторые исследователи [1]).

Как должно было отозваться новому носителю власти на эту олигархическую попытку? Как ей противодействовать?

Выход был давно найден, путь был указан не кем иным, как Филаретом—еще при Шуйском, как мы видели, и потом в договоре 4 февраля 1610 года: то был постоянный созыв земских соборов для решения всех важнейших государственных дел. Так как земские соборы состояли главным образом из классов населения, начинавших занимать господствующее положение,—дворян и посадских,—то их частый созыв соответствовал интересам этих новых господ положения, представляя собою непреодолимую преграду для олигархических притязаний боярства. Притом же земские соборы были и технически необходимы: предстояло строить новый государственный порядок, облекать в юридические формы результаты Смуты.

Число земских соборов XVII века точно установить довольно трудно. Состав их был далеко не одинаков. Чрезвычайно спорно, напр., был ли собор 1606 года при Лжедимитрии I для суда над князем Шуйским, обвинявшим царя в самозванстве [2]). Несомненно, что собор, избравший на царство Шуйского в том же 1606 году, был на деле фиктивным, неправильно составленным: фактически царь Василий был возведен на престол только боярством [3]). Трудно также назвать правильно и по новому организованными земскими соборами те „советы всей земли", под именем которых разумелись военно-походные совещания ополчений Ляпунова в 1611 г. и Пожарского в 1612 году. Надо, однако, заметить, что эти военно-походные совещания послужили основой и

---

[1]) *Маркевич*—в „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1889 г.; *Платонов*, Очерки по истории Смуты; *Любомиров*, Очерк истории нижегородского ополчения: „Ж. М. Н. Пр." за 1914 г., стр. 86.

[2]) *Латкин*, Земские соборы древней Руси, Спб. 1885, стр. 98—99; все остальные исследователи не признают факта созыва этого собора.

[3]) *Латкин*, Земские соборы, стр. 100 и сл.; *Чичерин*, О народном представительстве, М. 1866, стр. 367.

зародышем того нового состава, какой приобрели дальнейшие земские соборы. Чей голос слышался всего лучше в этих совещаниях? Несомненно, голос дворян и посадских [1]). Очевидно, здесь и сложилась идея нового сословного представительства.

Пунктом решительного перелома в истории земских соборов был, без сомнения, земский собор 1613 года, повидимому, заседавший также в 1614 г. [2]) и может быть даже в 1615 году [3]). Известно, какие важные функции он выполнил: он был сначала учредительным собранием, правившим страною, потом избрал царя, утвердил новую династию, даже и по избрании царя вел дипломатические сношения с Сигизмундом III и, наконец, при царе организовал войну с Речью Посполитой, устраивал финансы государства, боролся с теми элементами общества, которые продолжали еще бродить и волноваться [4]). Этим чрезвычайным, из ряда вон выходящим по своей важности функциям, соответствовал и новый, небывалый прежде и даже отчасти не повторявшийся и впоследствии, состав собора 1613 года. На соборе присутствовали Освященный собор, т.-е. высший орган церковного управления в Московской Руси, Боярская Дума, выборные представители дворянства, посадских людей и, наконец, „уездных людей", т.-е. крестьян [5]). Этот последний элемент появился на соборе в первый и в последний раз: крестьянство ни раньше, ни после не имело более своих представителей на соборах. Но за этим единственным, хотя и весьма важным, исключением состав земского собора 1613 года надо считать типичным для нормального земского представительства в XVII веке.

---

[1]) *Латкин*, стр. 115, 116, 119, 120, 121; *Платонов*, Заметки по истории моск. земских соборов, „Ж. М. Нар. Пр." за 1883 г., март стр. 5—8.

[2]) *Латкин*, Земск. соборы, стр. 148—150.

[3]) Там же, стр. 151; *Беляев*, Земские соборы на Руси, стр. 28.

[4]) *Чичерин*, О народ. представительстве, стр. 370; *Латкин*, Земские соборы, стр. 126, 148, 149.

[5]) *Беляев*, Земск. соборы на Руси, стр. 24—27 (напрасно только Беляев думает, что члены собора выбирались не по сословиям, а всем обществом); *Сергеевич*, Земск. соборы в Моск. госуд., „Сборник гос. знаний", т. II, Спб. 1875, стр. 13 и прим., 14; *Платонов*, Заметки в „Ж. М. Н. Пр." за 1883 г., март, стр. 9—11; *Латкин*, Земск. соборы, стр. 123, 264, 266.

Как ни расходятся между собою разные исследователи в определении числа земских соборов, бывших при Михаиле,—все же число это было весьма значительно: в течение всего второго десятилетия XVII века и в самом начале третьего десятилетия соборы созывались или действовали почти каждый год [1]). В 30-х годах соборы были тоже нередки: их было, повидимому, тогда не менее трех [2]). Сороковые годы при Михаиле и Алексее дали четыре собора—1642, 1645—1648—49 и 1650 годов [3]). Наконец, в 50-х годах были созваны два собора—в 1651 и 1654 годах [4]). Строго говоря, собор 1654 года был последним земским собором, заслуживающим этого названия. В конце XVII века созывались также собрания, именовавшиеся земскими соборами, но они состояли только из столичных чинов служилых и посадских и из тех провинциальных дворян и детей боярских, которые тогда случайно были в столице. Таковы были два собора 1682 года, утвердившие первый—Петра на престоле, а второй—Ивана и Петра, и собор 1698 года, созванный Петром для суда над Софьей [5]).

За исключением этих трех соборов, свидетельствующих своим составом, что учреждение уже умерло, все остальные в общем и целом состояли из тех же элементов, какие присутствовали на соборе 1613 года, за исключением крестьян. Соборы XVII в. были типическими *сословно*-представительными учреждениями фактически с совещательными функциями, без ограничительных тенденций по отношению к царской власти [6]). Голоса подавались по сословиям, каждый чин выбирал своих

---

[1]) *Латкин*, Земск. соборы, стр. 124 и след., 281, 282.

[2]) Там же, стр. 175 и след., 281; ср. *Беляев*, Земск. соборы, стр. 33—35; *Сергеевич*, Земск. соборы, стр. 23—24, прим. 2-е.

[3]) *Беляев*, Земск. соб., стр. 37, 44, 45; *Сергеевич*, Земск. соб., стр. 23—24, прим. 2-е; *Латкин*, Земск. соборы, стр. 281.

[4]) *Дитятин*, К вопросу о земск. соборах“ XVII в., „Русск. Мысль“ за 1883 г., № 12, стр. 88; *Латкин*, Земс. соборы, стр. 281.

[5]) *Беляев*, Земск. соб., стр. 53, 55; *Латкин*, Земск. соборы, стр. 251—254.

[6]) Этот взгляд впервые обоснован Чичериным и в общем и целом может быть признан, несмотря на некоторые его ограничения особенно у Беляева, окончательно установленным.

представителей особо [1]). Выборные члены соборов снабжались наказами избирателей, и в тех случаях, когда избиратели находили, что их представители не выполнили наказа, можно было опасаться весьма неприятных для этих представителей последствий [2]). Компетенция соборов состояла в даче советов главным образом по делам внешней политики, финансов и законодательства. Так, вопросы внешней политики обсуждались на соборах 1618, 1621, 1632—33, 1636—37, 1642, 1651 и 1654 годов; соборы 1616 и 1619 годов утверждали сбор чрезвычайных налогов; собор 1648—49 годов утвердил, отчасти и выработал, Уложение 1649 года [3]).

Пока земские соборы были технически и политически необходимы дворянству для строительства новой дворянской государственности и для обезвреження олигархических тенденций боярства,—они существовали. Но когда это их назначение было выполнено, они перестали быть нужными правящему сословию. Вот почему московское посадское население всех слоев, стремившееся создать в соборах противовес дворянской бюрократии и ходатайствовавшее в 1662 г. все—от гостей до людей черных сотен и слобод—о созыве собора по случаю потрясения, явившегося результатом введения медных денег, получило самый решительный отказ [4]).

Земские соборы, в полном соответствии с бюрократизацией управления и утверждением крепостного строя и дворянского самодержавия, выродились в особые сословные комиссии по специальным сословным делам. Так, в 1681 и 1682 г.г. была созвана дворянская комиссия для обсуждения нового ратного устава, завершившая свои работы отменой местничества. Специально торговые по составу и компетенции своей комиссии созывались не раз во второй половине XVII века: так было в 1660, 1672, 1676, 1682 годах [5]).

---

[1]) *Латкин*, Земск. соборы, стр. 263—264, 277.

[2]) *Алексеев,*—в „Трудах Археогр. Ком. Моск. Археол. Общ.“, т. II, где напечатана и грамота, подтверждающая это.

[3]) *Загоскин*, Уложение и земский собор 1648—49 годов; *Латкин*, Земские соборы и др.

[4]) *Платонов*, Статьи по русской истории, стр. 161—162.

[5]) *Латкин*, Земск. соборы, стр. 245 и след.

Деятельность земских соборов лишила таким образом Боярскую Думу возможности сделаться учреждением, по крайней мере отчасти обладающим верховной властью. Она стала просто высшим совещательным учреждением. Состав ее остался прежним,—таким же, как в XVI веке. Компетенция приобрела характер подчиненной верховной власти законодательной работы. Боярская Дума XVII века судила, участвовала в делах управления, наконец, в законодательстве, но ее судебные приговоры и административные решения по утверждении государем получали значение прецедентов, по образцу которых решались затем все подобные дела, т.-е. по существу играли законодательную роль [1]).

В предшествующем изложении, поскольку оно касалось государственного строя, было дано значительное количество материала для определения того, как слагались в первой половине XVII века новые понятия о цели государственного союза и о субъекте власти. Конечно, много еще было остатков феодальной старины в обоих этих отношениях: взгляд на государство как на вотчину, частную собственность государя, и вытекающее отсюда представление о цели государства как личном благе правителя жили и давали себя знать очень часто. Но наряду с этим прорывались и росли новые начала—идеал общего блага и понятие об обществе, как субъекте власти. Разумеется, на деле все сводилось в конечном счете к господствующему сословию и его интересам, но все же сделаны были важные приобретения в новом направлении, и они имели не только одно принципиальное, но также отчасти и практическое значение. Последнее, как мы видели, сказалось в ослаблении, даже почти в полном уничтожении принципа кормления, в развитии бюрократической централизации, в образовании самостоятельного ведомства подчиненных учреждений, в особенности центральных, в более правильной внутренней организации приказов, в введении новых окладных единиц, делавших обложение объективным и приближавших государство к отдельному плательщику податей, в появлении и первых успехах контроля и надзора за

[1]) *Ключевский*, Боярская Дума древней Руси.

администрацией, в организации сословного представительства на земских соборах. К этому надо прибавить еще появление первого сколько-нибудь развитого кодекса — Уложения 1649 года. Уложение, как памятник законодательства, отличается не только тем, что оно было общегосударственным кодексом, обязательным для всей страны независимо от местных условий и обычаев — в этом отношении предшественниками Уложения были Судебники 1497 и 1550 годов,—но также и тем, что оно уже не было почти лишь процессуальным законодательством, и затрагивало целый ряд сфер жизненных отношений, формулировало материальное право—государственное, публичное и частное, гражданское. Важно здесь также и то, что не одна только специальная комиссия под председательством князя Одоевского подготовляла материалы для нового кодекса и сводила их в систему, но видную роль здесь сыграло и участие выборных сословных представителей, явившихся на собор 1648—49 годов; их влиянию и участию приписывается не менее 80 статей Уложения [1]). Вряд ли можно сомневаться, что и собор 1648—49 годов, и само Уложение, на нем утвержденное, стояли по своему происхождению в неразрывной связи с московскими волнениями 1648 года, имевшими весьма сильный резонанс и в провинции. Суть дела сводилась здесь к тому, что ближайшие советники, фавориты первых царей новой династии, вовсе не принадлежавшие к старой удельной знати, как, напр., боярин Морозов, окольничий Траханиотов, дьяк Чистой и другие тем не менее соблазнились во многом традициями феодального хищничества и пострадали за это, некоторые поплатились даже жизнью [2]). Уложение в значительной степени пресекло эти увлечения феодальными примерами,—оно создало суд для всех, т.-е. для всего дворянства, равный и юридически оформило целый ряд новых хозяйственных и социальных порядков и отношений. Конечно, и Уложение, в силу уже одной

---

[1]) *Загоскин*, Уложение и земский собор 1648—49 годов; впервые на некоторое участие членов земск. собора в выработке Уложения указал *Сергеевич*, Земск. соборы, стр. 43.

[2]) *Зерцалов*, К истории мятеж. 1648 г. в „Чт. Общ. Ист. и Др." за 1896 г., кн. I; *Платонов*, Статьи по русск. истории, стр. 77 и след.

спешности его составления, не говоря о других причинах, не выполнило кодификационной и созидательной задачи с достаточной полнотой. Отсюда и произошло видное значение так называемых новоуказных статей — ряда указов и законов, дополнявших правовые нормы, которые нашли себе выражение в Уложении. Но это касается уже только несовершенства в выполнении нового государственного по своей природе дела, а государственный характер самого этого дела таким путем вовсе не колеблется и тем более не уничтожается.

V.

Внешняя политика.

Смутное время выдвинуло на первый план во внешней политике Московского государства одну из важнейших проблем, ставших с тех пор на очередь в восточной половине Европы. Уже во второй половине XVI в., при Иване Грозном, мы наблюдали постановку вопроса о том, русскому или польскому дворянству должна будет принадлежать экономическая и политическая гегемония на всей восточно-европейской равнине. Но тогда эта постановка была еще не вполне ясной и недостаточно решительной. Смутное время поставило этот вопрос ребром, во всей его серьезности и реальности. Рожинский, Лисовский, Сапега с их отрядами поставили себе целью полное истребление русского дворянства и замену его польско-литовским [1]). Казалось, что бедствия смуты, разорение, революция дают полную надежду на успех польскому дворянству. Действительность, однако, тогда не оправдала этих надежд. Правда, потом, уже при новом царе, польское дворянство сделало в „королевичев приход", во время похода Владислава и гетмана Сагайдачного на Москву, новую попытку захватить себе все в Московском государстве, при чем эта попытка опять сопровождалась огромным разорением, колоссальными бедствиями, но Владиславу не удалось взять Москву, и Деулинское перемирие означало уже переход польского дворянства к решительному отступлению: отказ от московского престола, возвращение из плена Филарета, прекращение борьбы, которая велась

---

[1]) *Покровский*, Русская история с древн. времен.

раньше, казалось, на истощение—явные признаки этого. Смертельная опасность для русского дворянства миновала уже тогда,—начался перелом в другую сторону.

Этот перелом ясно, даже ярко выразился при Алексее. Конечно, и в это царствование московские дипломаты говорили с польско-литовскими нередко старым феодальным языком: они повторяли старую формулу об „отчине“ царя московского, входившей в состав Речи Посполитой. Обыкновенно принято расшифровывать эту формулу в национальном смысле, говорить о стремлении московских князей объединить всю русскую народность. Едва ли, однако, можно признать это толкование правильным: сознательными националистами в таком широком смысле руководители московской внешней политики не были. Да и реальной почвы для этого еще не существовало: белоруссы и малороссы-украинцы вовсе не склонны были чувствовать себя едиными с великоруссами; да и последние, люди Московского государства, смотрели на „черкас“ вовсе уж не так дружелюбно. С другой стороны, во время счастливого сначала своего похода на Польшу и Литву в 1654 году царь Алексей расширил свою вотчинную формилу до того, что и Литву включил в состав наследственных своих владений. Дело, очевидно, было не в национализме и не в старинных феодальных преданиях. Дело было в экономической и политической гегемонии того или другого дворянства. Недаром царь Алексей выказывал намерение стать и королем польским или по крайней мере великим князем литовским.

Непосредственным результатом польской войны при Алексее был возврат Смоленска, необходимого для России просто уже потому, что нельзя было допускать, чтобы неприятель стоял у ворот столицы. Но был и другой результат—присоединение Украины на основе внутренней автономии, гетманской власти Хмельницкого и его преемников. Для украинского казачества, по крайней мере зажиточного, городского, реестрового, т.-е. записанного в реестр, в официальный список казачьих военных сил, состоявших на службе государства, но фактически защищавших свои собственные интересы, было важно решить вопрос, как лучше всего удовле-

творить собственным своим запросам. Четыре возможности рисовались ему в этом отношении: или полная независимость, или ориентация на единение с Речью Посполитой, или подданство на вассальной основе турецкому султану, или, наконец, ориентация московская. Несомненно, Хмельницкий пытался сначала как-нибудь устроиться с Речью Посполитой, добившись от польского правительства возможно более широкой внутренней автономии. Потом он хотел, опираясь на союз с Крымом, стать самостоятельным. Но крымский хан, вассал султана, естественно увлекал его в турецкую ориентацию. Реестровые, зажиточные казаки, „дуки" одни без голытьбы, без „нетяг", группировавшихся в Запорожье и защищавших интересы бедноты, беглого крепостного крестьянства, не могли добиться своих целей. Подчинение Турции означало лишение запорожцев возможности грабить Крым и Турцию. „Нетяги" были и против своих господ—польских крепостников-помещиков крупного полуфеодального типа, заводивших обширные латифундии на Украине и эксплоатировавших труд крепостных крестьян. Все эти обстоятельства, невозможность в одиночестве отстоять независимость Украины, наконец, более близкое социальное родство реестровых казаков с московским дворянством, чем с польским, которое имело более феодальный характер, бросили Хмельницкого в объятия Москвы [1]).

Но, конечно, сразу утвердиться на этой позиции, сохранить выбранную линию было трудно: и Москва была слишком властна, и к ней надо было приспособиться, и она была ненавистна запорожцам, и сильны были и польские и крымско-турецкие влияния. В результате получились „измены" гетманов—Юрия Хмельницкого, Брюховецкого, Многогрешного, турецкая по форме, но „самостийная" по существу политика Дорошенка, и разорение Украины, „руина" [2]).

Малороссийский вопрос завершился все-таки на деле в XVII в. Андрусовским перемирием 1667 года, по кото-

---

[1]) *Костомаров*, Богдан Хмельницкий; *Покровский*, Рус. история с древн. времен.

[2]) *Костомаров*, Руина.

рому вся левобережная Украина и Киев на правом берегу отошли к Москве, а правобережная в конце-концов осталась за Польшей. Но решен уже фактически был вопрос о том, кому в восточной Европе будет принадлежать гегемония: русское дворянство одержало решительную победу,—дворянство украинское стало тяготеть к московскому торговому капитализму.

Этот результат сопровождался решительным поворотом в дальнейшей внешней политике от соперничества с Польшей к борьбе против Швеции. Еще раньше, во время войны с Польшей, царь Алексей хотел по преемству от Грозного решить в пользу Москвы и балтийский вопрос, но натолкнулся здесь на непреодолимое пока соперничество Швеции. Поэтому Ордин-Нащокин, глава и руководитель московской дипломатии, и установил мир с Польшей и наметил грядущую борьбу с Швецией за балтийское побережье как ближайшую и главную очередную задачу внешней политики [1]).

Таковы были основные пружины и линии внешней политики Московского государства в XVII в. Она была прецедентом тех явлений, которые развернулись во всю ширь в следующем столетии. В этом же смысле имеют некоторое значение и попытка донских казаков захватить и удержать с помощью Москвы Азов, не поддержанная в конце-концов московским правительством, и потом, в конце XVII века, крымские походы князя Голицына, не сопровождавшиеся полной удачей, но не оставшиеся без частичных последствий: хищнические набеги крымцев с тех пор были прекращены.

Тесная связь внешней политики Московского государства в XVII веке с новыми проблемами в области хозяйственных отношений и с определявшимися в связи с этим интересами нового овладевавшего властью класса выступает таким образом с совершенною ясностью.

---

[1]) *Соловьев*, История России; *Ключевский*, Курс русской истории.

VI.

Церковь и духовенство.

Мы уже наблюдали в истории второй половины XVI века постепенное отмирание феодальных традиций в устройстве русской церкви и превращение церкви в орудие дворянского государства. Этот процесс огосударствления русской церкви продолжался и в XVII веке. Наиболее важным в этом отношении этапом было тогда Уложение 1649 года. Оно не только подтвердило запрещение монастырям и епископам приобретать земли, но и ввело в жизнь светское, государственное учреждение для заведывания церковными землями и для суда по гражданским делам над духовенством, церковными людьми и крестьянами—Монастырский приказ. Но феодально-церковные традиции были еще слишком сильны, чтобы не сказаться в XVII столетии и не дать дворянской государственности еще одного решительного боя. Эта последняя вспышка церковно-феодальной реакции, русского папизма связана с именем патриарха Никона.

У Никона в XVII в. были предшественники. Таким предшественником, по крайней мере сознательным, трудно было бы признать патриарха Филарета: правда, он правил и церковью и даже государством и именовался „великим государем", но это было следствием того, что он был отцом царя Михаила, и со смертью его высокое и независимое положение патриаршей власти снова сошло на нет: патриархи Иоасаф и Иосиф были простыми орудиями государственной власти в области церковного управления [1]. Но несомненным пред-

[1]) *Н. Каптерев*, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, том II, Сергиев посад, 1912, стр. 61.

шественником Никона в его папизме был новгородский митрополит Киприан в первой половине XVII в. [1]).

Однако, и тот факт, что патриарх Филарет назывался великим государем, не остался без влияния на последующее время. Яркая, талантливая и властная личность Никона, его административная энергия в Новгороде во время бунта, его реформаторские порывы выдвинули его на патриаршую кафедру, а затем, надо думать отчасти под впечатлением филаретовского прецедента, дали ему и титул великого государя. Уже в 1652, 1653 и 1654 годах этот титул значится в обращениях к патриарху подчиненного ему духовенства, земского собора и самого царя [2]). В отсутствие царя во время польского похода в течение двух лет, в 1654 и 1655 гг., Никон и фактически был государем, управлял всеми делами [3]). Что касается собственных патриарших владений, то в них Никон был самовластным хозяином и правителем, вполне независимым удельным князем [4]). Он основал, кроме того, три новых патриарших монастыря—Воскресенский (Новый Иерусалим), Иверский и Крестовый, снабдил их огромными землями, увеличил земельное богатство патриаршей кафедры в 2$^1/_2$ раза [5]). Все это было ненормально, шло в разрез с развитием дворянской государственности. Отношения между царем и патриархом стали поэтому меняться. Царь стал отдаляться от Никона, устранять его от государственных дел. Достаточно поэтому было одной случайности, чтобы породить разрыв. Царский окольничий Хитрово побил на встрече грузинского царевича, патриаршего стряпчего, и Никон не удовлетворился обещанием царя разобрать дело впоследствии, стал требовать немедленного удовлетворения и с угрозой заявил, что „будет управляться с царем церковью“ [6]), т.-е. сделает церковный свой авторитет орудием борьбы против царского самодержа-

---

[1]) Там же, II, стр. 222.

[2]) Там же, II, стр. 133.

[3]) Там же, II, стр. 138—141.

[4]) Там же, II, стр. 170.

[5]) Там же, II, стр. 167; *Знаменский*, Руководство к русской церк. истории, стр. 199.

[6]) *Каптерев*, Патр. Никон и царь Алексей Мих., I, стр. 395.

вия. Ответ царя на эти агрессивные выступления был естествен: царь велел патриарху не писаться более великим государем. Тогда Никон отрекся от патриаршества в Успенском соборе и не взял обратно своего решения, несмотря на то, что царь послал боярина Трубецкого уговаривать его сделать это. Но затем, через несколько лет, Никон одумался, попытался вернуться, приехал в декабре 1664 года в Успенский собор и встал на патриаршее место. Он опоздал: пришло царское приказание вернуться в монастырь. 13 января 1665 года Никон окончательно отказался от патриаршества под условием сохранения за ним трех им основанных монастырей, богатства и независимости. Но и это условие оказалось, как и надо было ожидать, неприемлемым. Никон был судим церковным собором с участием двух восточных греческих патриархов и лишен патриаршества и архиерейства [1]).

Весь этот конфликт, в особенности обвинения и суд дали возможность Никону развернуть во всю ширь свою папистскую теорию. Он сделал это в сочинении „Возражение на вопросы боярина Стрешнева газскому митрополиту Паисию Лигариду и на ответы ему Паисия". Здесь прямо развивается теория двух властей и двух мечей. Патриарх—живой образ Христа, истинный помазанник божий и превосходит царя, так как деятельность патриарха простирается на сферу духовную, а деятельность царя обнимает лишь сферу телесную [2]). „Царь получил есть строительствовати на земли, священство же престол на небеси есть"; поэтому „священство царства преболе есть", и царства процветают и стоят твердо лишь до тех пор, пока в них почитается архиерейство. Никон отмечает даже в этом сочинении противоречия московской политики его церковно-феодальному идеалу: эти противоречия заключаются в том, что государство в лице царя присвоило себе церковную власть и захватило церковное достояние, что оно уничтожает привилегии церкви; „Уложенная книга—беззаконная": нельзя мирским людям писать законы о духо-

---

[1]) Там же, I, стр. 396—422; II, стр. 350.
[2]) Там же, II, стр. 130.

венстве [1]). Уложение именно потому возбудило недовольство, даже ненависть Никона, что оно ввело государственный суд над духовенством по гражданским делам в Монастырском приказе и передало этому приказу заведывание архиерейскими и монастырскими землями.

Никон далеко не был одинок в своем папизме. У него были последователи, отстаивавшие ту же точку зрения. Таковы были тобольский архиепископ Корнилий, казанский митрополит Лаврентий, рязанский архиепископ Илларион и другие [2]). В сущности, все русские архиерии ставили священство выше царства и отстаивали это на соборе 1667 г., низложившем Никона. Против них были царь и восточные патриархи александрийский Паисий и антиохийский Макарий. Именно, вследствие сопротивления русских архиереев, решение собора по вопросу о взаимоотношениях церкви и государства получило компромиссный характер: признано было, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх—в церковных [3]). Другими словами, церковь все же оказалась независимой от государственной власти. Папизм в его крайних проявлениях не был санкционирован, но клерикализм, феодально-церковные традиции в более умеренной форме не были окончательно отвергнуты.

Так, однако, было лишь в теории. Практика, жизнь, действительность пошли гораздо дальше. Патриархи после Никона—Питирим в 1672 г. и Адриан в 1690 г.— были поставлены не по выбору церковных соборов, а по усмотрению царской власти. И все епархиальные архиереи назначались царем. Вся почти церковная администрация состояла из светских лиц—архиерейских бояр, дворецких, дьяков, ведавших нередко не только светские нужды церкви, но и дела духовные. Они назначались с согласия царя и на деле были не чем иным, как государственными контролерами деятельности иерархов церкви. Церковные соборы XVII в. созывались лишь по воле царей, и решения их выполнялись только после утверждения их государственной властью, так что они имели лишь совеща-

---

[1]) Там же, II, стр. 181—197.
[2]) Там же, II, стр. 212—213.
[3]) Там же, II, стр. 244.

тельное значение [1]). Правда, собор 1667 года постановил, что церковные соборы должны созываться один или два раза в год, но на деле правильного созыва их не было: были просто более или менее постоянные совещания по церковным делам при патриархе, состоявшие из „чередных“, т.-е. приглашаемых по очереди в Москву епархиальных архиереев с прибавкой иногда еще „прилучавшихся“, т.-е. случайно присутствующих в Москве иерархов. Эти совещания при патриархе—предшественник будущего святейшего синода [2]). Собор 1667 г. постановил, что духовные лица неподсудны светским судьям, так что Монастырский приказ был закрыт, и вместо него для суда над духовенством по всем делам был учрежден Духовный приказ. Но и это приобретение церкви оказалось непрочным: в 1675 г. Духовный приказ был закрыт, и дела его были переданы в Патриарший разряд, где главную, руководящую роль играли светские люди, бояре, и единственным бледным остатком церковного иммунитета являлось присутствие здесь „приказного старца“ из архимандритов или иеромонахов по назначению патриарха [3]).

В общем и целом таким образом XVII век дал дворянскому государству новые победы над феодальной церковью. Здесь оставалось только довершить дело, что было задачей будущего.

---

[1]) Там же, II, стр. 62—104.
[2]) Там же, II, стр. 422—432.
[3]) Там же, II, стр. 450—451.

VII.

Духовная культура.

Когда тот или другой класс погибает, сходит с исторической сцены как самостоятельное социальное целое, тогда и отдельные его представители, типичные выразители его психологии, теряют былую цельность и, сохраняя многочисленные остатки прошлого, примешивают уже к ним нечто новое. Получаются уже переходные в той или другой мере характеры, и это находит себе отражение в разных проявлениях духовной культуры.

Старая русская феодальная аристократия в первой половине XVII века испытала на себе именно этот процесс психического распада, соответствовавший ее социальному разложению и политическому падению. Князь, впоследствии царь, Василий Иванович Шуйский — типический пример для изображения начальной стадии этого процесса. Одной из отличительных его черт была скупость [1]), столь характерная для феодальной психологии. Будучи не глуп, он направлял все силы своего ума в сторону удовлетворения грубого инстинкта самоохранения, поэтому он умело приспособлялся к Грозному и его опричнине, при Федоре услуживал Годунову, проявлял и потом чрезвычайную гибкость, напр., несколько раз противореча себе в показаниях о судьбе царевича Димитрия. Но к этим элементарно-эгоистическим, грубо-своекорыстным побуждениям у него уже частично примешивались индивидуалистические: он жаждал власти как таковой, независимо от выгод, с нею

---

[1]) Повесть князя И. М. Катырева-Ростовского, Спб. 1908, столб. 64: „скуп велии и неподатлив“.

связанных. Сознавая опасность и ненадежность своего положения в качестве боярского царя, он готов был изменить своим же сторонникам—боярам [1]), и, однако, в конце-концов не решился на это и пошел по старой, давно проторенной дороге. Он вечно интриговал и устраивал заговоры, лицемерил и лгал, еще будучи боярином, и, став царем, продолжал делать то же и вдохновил и создал соответствующую его взглядам публицистическую литературу и ряд актов и грамот, грубо извращавших истину и действительность.

То, что в Шуйском было заметно как начальная стадия процесса, прошло дальше у других представителей старого боярства. Привязанные к старине неразрывными узами, сросшиеся с нею основными своими интересами и побуждениями, они уже в значительной степени порвали со старой психологией самосохранения и скопидомчества и оказались способными к борьбе и самопожертвованию за свои старые идеалы, а потом некоторые из них нашли возможным и приспособиться в известной мере к действительности, не порывая в то же время со стариной.

Пример самопожертвования—боярыня Федосья Прокопьевна Морозова. Храня заветы старого обрядового благочестия, эта богатая боярыня, державшая до 300 чел. прислуги, владевшая восемью тысячами душ крестьян, имевшая домашнего имущества на несколько миллионов на наши деньги [2]), была преданной сторонницей старообрядчества и сюда же привлекла свою сестру княгиню Урусову. Правда, и она бывала скуповата по отношению к старообрядческим юродивым, жившим в ее доме, и иногда властно расправлялась с ними, за что и получала резкие порицания и брань от вождя старообрядцев протопопа Аввакума [3]), но все же она отказалась отречься от старой веры, была вместе с сестрой закована в кандалы и отправлена в монастырское заточение, при чем

---

[1]) *Покровский*, Русская история, т. II, кн. 4, стр. 177—178.

[2]) *Тихонравов*, Боярыня Морозова,—в „Сочинениях Н. С. Тихонравова", т. II, М. 1898, стр. 14; *Субботин*, Материалы по истории раскола, т. V, стр. 258 (письмо Аввакума).

[3]) *Барсков*, Памятники первых лет русского старообрядчества, Спб. 1912, стр. 33—35, 39—40.

„вотчины ее и стада коней были розданы боярам, вещи золотые и серебряные, жемчуг и драгоценные камни были проданы“; после годового заключения в монастыре и нового отказа отречься, обе сестры были подвергнуты пытке и отправлены в Боровск в земляную тюрьму, где и умерли [1]).

Боярские роды дали, как известно, староверов-учителей в лице Спиридона Потемкина [2]) и двух братьев—князей Мышецких. Мышецкие под именами Андрея и Семена Денисовых оказались достаточно практичными организаторами, чтобы положить основание самой правой из раскольничьих общин—на севере, на реке Выге, где и возникла Выгорецкая обитель, центр будущих поморцев [3]). Это удаление в пустыню было естественно для боярской оппозиции: ему предшествовала попытка князя Хованского, последнего могикана старого заговорщицкого боярства, Гедиминовича по происхождению, пытавшегося захватить престол, но потерпевшего неудачу, несмотря на поддержку стрельцов. Эти факты, строго говоря, уже выходят из хронологических пределов второго момента дворянской революции в России, но о них уместно сказать здесь, чтобы представить общую картину разложения старой феодальной психологии.

И, однако, в первой половине XVII в. в разных ветвях и проявлениях духовной культуры Московской Руси можно подметить еще довольно яркие отражения этой психологии.

Так, в церковном обряде упорно держался старый формализм. В богослужении приняты были исстари уставы церковной службы самых строгих восточных монастырей, и так как считали необходимым непременно все, что полагалось, пропеть и прочитать, то служба была так продолжительна, что вызывала обычай многогласия: читали и пели иногда в 5, 6, 7 голосов разные тексты и церковные песнопения [4]). И церковный собор 1649 г.

---

[1]) *Тихонравов*, Боярыня Морозова—в „Сочинениях Н. С. Тихонравова“, т. II, стр. 28—40.

[2]) *Никольский*—в „Русской истории“ Покровского, т. II, кн. 4, стр. 279.

[3]) Там же, т. II, кн. 4, стр. 287.

[4]) *Каптерев*, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I, стр. 96.

утвердил многогласие [1]). Ряд архиереев—Макарий новгородский, Маркелл вологодский, Александр вятский—были горячими сторонниками церковно-феодальной старины в обряде. Последний написал даже для собора 1666 года особое исследование в защиту старины [2]). Характерно, однако, что и этот сторонник старого церковного обряда из среды князей церкви не выдержал своей позиции до конца и на соборе 1666 г., составив сначала проникнутое старыми воззрениями и подписанное другими архиереями „Обличение Никона патриарха", потом покаялся, отступил от оппозиции [3]).

С религиозными взглядами и настроениями неразрывно связаны были и многие старые, отжившие элементы в общем миросозерцании и науке, знании. Вот почему крепко держалась на Руси XVII века астрология: в рукописи того времени дошла до нас календарно-астрологическая „Беседа о седьми планетах", где трактовалась старая тема о том, кто под какой планетой родился; переведено было, впрочем, с латинского, наряду с этим уже и лучшее астролого-астрономическое сочинение XVII века „Селенография, еже есть луны описание" Гавелия [4]): здесь наряду с астрологическими предрассудками и суевериями, столь обычными и типичными для феодального мировоззрения, встречаются уже заметные элементы научно-астрономического знания: и тут по старой толще, унаследованной от прошлого, прошла довольно ясная трещина, которой предстояло углубляться вплоть до полного разрушения астрологии.

В истории старое феодальное направление нашло себе выражение в ярко тенденциозном, насквозь публицистическом, намеренно и грубо извращающем истину, действительность „Ином Сказании",—в тех, разумеется, его частях, которые являются основными, первыми по происхождению и значению. Сюда относится прежде всего первая часть „Иного Сказания", которую исследо-

---

[1]) Там же, I, стр. 99—100.

[2]) Там же, I, стр. 494—498.

[3]) Там же, I, стр. 500—502; II, стр. 34.

[4]) *Архангельский*, Образование и литература в Моск. государстве конца XV—XVII вв.: „Ученые Записки Казанск. Унив." за 1900 г., № 9, стр. 71—76.

ватели [1]) называют Повестью 1606 года и которая написана летом этого года [2]). Автор ее—монах Троице-Сергиева монастыря [3]), пользовавшийся официальными правительственными материалами [4]), чтобы поддержать и восхвалить боярского царя Василия и написать резкий политический памфлет против Годунова и особенно названного царя Димитрия [5]). Защитник погибающего дела и падающего класса, автор естественно вынужден был сообщить недостоверные, прямо и резко противоречащие действительности данные. Так, он включил в свой рассказ пресловутый „Извет старца Варлаама“, составленный с целью как-нибудь объяснить происхождение названного Димитрия и тем уличить его в самозванстве [6]), он выдумал, будто царь Борис кончил жизнь самоубийством [7]), в согласии с официальными грамотами Шуйского взводил на Лжедимитрия 1 неосновательные [8]) обвинения в желании его ввести в России католицизм, отдать Литве Смоленск и Северную землю, в „ведовстве и чернокнижестве“ [9]), курил фимиам Шуйскому, льстило его восхвалял, представлял его заговор на Лжедимитрия как защиту веры, уверял, вопреки истине, что Шуйский выбран на царство „всею Российскою областью“ [10]). Тем же духом проникнуты и собрание грамот Шуйского, приложенное к Повести 1606 г., вероятно, ее автором [11]), и рассказ о движении Болотникова [12]).

---

[1]) *Платонов*, Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в., как историч. источник, изд. 2-е, Спб. 1913, стр. 4.

[2]) Там же, стр. 5.

[3]) Там же, стр. 8.

[4]) Там же, стр. 12 и след.

[5]) Там же, стр. 21 и след.

[6]) *Костомаров*, Кто был первый Лжедимитрий, стр. 21; ср. *Платонов*, Древнерус. сказ. и повести о Смут. врем., стр. 12—14, примеч.; *Покровский*, Рус. история с древн. времен.

[7]) *Платонов*, Древнерус. сказ. и повести, стр. 38—40.

[8]) *Левитский*, Лжедимитрий I, как пропагандист католичества в Москве: „Христ. Чтение“ за 1885 г., №№ 5—6, 9—10, и за 1886 г., №№ 1—2, 7—8.

[9]) *Платонов*, Древнерус. сказания и повести, стр. 15.

[10]) Там же, стр. 17—19.

[11]) Там же, стр. 57—60.

[12]) Там же, стр. 61 и след.

Влияние феодальных традиций, представлений и настроений сказывалось также иногда и в изящной литературе XVII века.

Сухой дидактизм в духе ходячей, обыденной морали, аскетические идеалы и проповедь смирения психологически родственны господствующему настроению в эпоху феодализма. Оригиальная русская повесть о Савве Грудцыне отличается именно таким характером: содержание ее сводится к тому, что Савва попал во власть беса и потом чудесным образом от нее спасся; здесь нравоучительная повесть соединяется с историческим рассказом, в котором нет живости [1]). Сюда же можно отнести почти все нравоучительные рассказы, внесенные в обширный сборник, известный под названием „Великое Зерцало" [2]).

Уже из предыдущего изложения видно, что в феодальную психологию стали отдельными струйками проникать новые веяния и настроения. В свою очередь и в психологии нового дворянства было немало остатков старого: слагались переходные типы мышления, чувствования и воления в разных оттенках. Мы встречаем здесь сплошь и рядом таких людей, как И. П. Шереметев—„опасный и хищный паразит" [3]), дьяк Василий Прокофьев—„осторожный, себе на уме, настоящее крапивное семя, неумирающий тип приказного крота, канцелярского умника", боящегося сделать хотя бы один рискованный шаг [4]). Ближе к новому уже князь И. Б. Черкасский—„крупная, властная и не очень идиллическая фигура"; „радел государеву делу, но умел порадеть и себе, составив состояние в 1986 дворов" [5]). Но особенно характерными, типичными для слагавшейся дворянской психологии XVII века были такие люди, как два патриарха—Филарет и Никон—и царь Алексей Михайлович. Крайнюю левую, оппозиционную господствующему среди дворянства течению представляли собою

---

[1]) *Пыпин*, Обзор старинных повестей и сказок русск., стр. 278—279.

[2]) Там же.

[3]) *Яковлев*, Приказ сбора ратных людей, стр. 134.

[4]) Там же, стр. 538.

[5]) Там же, стр. 472.

князь И. А. Хворостинин и подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин.

Мы не раз уже встречались с колоритной личностью Филарета—боярина Федора Никитича Романова. В молодости щеголь, франт, жизнерадостный и веселый, приветливый, обходительный [1]), рано привыкший к интриге, умелый и опытный в ней, самолюбивый, честолюбивый [2]), властный [3]), практичный, хорошо приспособлявшийся к обстоятельствам [4]), готовый жертвовать и людьми и правдой [5]), он, однако, не был беспринципным, как считали его некоторые исследователи [6]): он был всегда идеологом и практиком дворянского самодержавия и создателем той тактики противодействия земского собора притязаниям боярской олигархии, которая дала в конечном счете победу этому самодержавию. Психологически он также являлся типичным дворянином. Психология дворянства—двойственная; в ней немало элементов старого грубого хищничества, элементарного эгоизма, сплетающегося из чувства страха, питаемого инстинктом самосохранения, и из своекорыстных побуждений, но наряду с этим есть и новые индивидуалистические черты: властность, жажда новых впечатлений, эстетические склонности и вкусы. Некоторая внутренняя противоречивость, несогласованность этих психических элементов примиряется и сводится к единству, внутренней связности самодурством—тою чертой, которая воспитывается крепостным хозяйством и крепостнической общественностью. У Филарета эта объединяющая черта еще не сложиласть окончательно.

Она заметнее становится у его внука—царя Алексея Михайловича. Чем, как не его крепостнически-дворянским самодурством можно в самом деле объяснить производившиеся им опыты разведения в климате подмо-

---

¹) *Ключевский*, Курс русской истории.

²) *Бестужев-Рюмин*, Письма о Смут. времени, стр. 26, 36; *Сташевский*, Очерки по истории царств. Мих. Феод., стр. 193.

³) *Сташевский*, Очерки по ист. царств. М. Ф., стр. 201.

⁴) Там же, стр. 201; *Смирнов*, Святейший патриарх Филарет, стр. 843.

⁵) *Бестужев-Рюмин*, Письма о Смут. врем., стр. 37.

⁶) Там же, стр. 36.

сковной области дынь, винограда, хлопчатника и тутового дерева? Как настоящий барин-самодур, он ругал, не стесняясь в выражениях, близких к нему лиц и даже собственноручно бил их: так было, например, с Стрешневым и Милославским. Будучи гневлив и в гневе несдержан по-барски, царь Алексей по-барски же был и отходчив: „без меры ласкал", например, того же обруганного им и побитого Родиона Стрешнева [1]). Исследователи [2]), как и современники—русские [3]) и иностранцы [4])—особенно подчеркивают доброту и нравственную чуткость царя Алексея. Эта личная черта его несомненна, но это не мешало его дворянски-крепостническому самодурству, и о нем вовсе нельзя было сказать, вопреки утверждению некоторых [5]), что он не принадлежал ни к какому общественному течению своего времени. Нет, царь Алексей был убежденным сторонником самодержавия и почитателем Грозного, которому подражал, и учреждая особый Записной приказ для записывания по образцу и в продолжение Степенной книги, „степеней и граней царственных" [6]), и устраивая приказ Тайных дел, повидимому, не без влияния опричнины [7]). Правда, он не прибегал к жестоким мерам, к постоянному террору, но в исключительных случаях мятежей не останавливался ни перед какими мерами суровой репрессии [8]). А главное, что он вполне определенно начинал понимать, заключалось в сознании, что его самодержавие—дворянское, почему он и умел сносить терпеливо злоупотребления Морозова, Милославского и других, пока это было можно, и терпел резкие выходки Ордина-Нащокина [9]), и строго соблюдал в государственном строительстве интересы дворянства, и даже долго терпел властолюбие и резкости Никона. В религиозности

---

[1]) *Платонов*, Статьи по русской истории, Спб. 1903, стр. 39.

[2]) *Ключевский*, Курс; *Платонов*, Статьи.

[3]) Котошихин.

[4]) Олеарий, Рейтенфельс, Коллинс, Павел Алеппский.

[5]) *Платонов*, Статьи по русск. ист., стр. 35.

[6]) *Белокуров*, О Записном приказе: „Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос." за 1900 г., кн. IV.

[7]) *Заозерский*, Царь Алексей Михайл. в своем хозяйстве.

[8]) Там же.

[9]) *Платонов*, Статьи по русск. ист., стр. 40.

Алексея было немало старого формализма—соблюдения постов и обрядов, внешнего богомольства, но был и моральный элемент [1]), и,—главное, что характерно и типично,—политические соображения: искренний сторонник церковной реформы, даже ее инициатор [2]) по нравственным отчасти побуждениям, царь Алексей вместе с тем имел тут в виду и сближение с южно-руссами, важное для прочного присоединения Украины [3]), и единство всего православия, т.-е. единение с греческой церковью [4]), для религиозного оправдания и обоснования московского самодержавия как хранителя единой истинной веры, и, наконец, подчинение церкви дворянскому государству, превращение первой в орудие последнего.

Новым, индивидуалистическим элементом в душевной природе Алексея был, наконец, его эстетизм: в составленном им „Уложении сокольнича пути", трактующем о любимой его забаве—соколиной охоте, тоже типичной для вкусов дворянина-крепостника, он рассуждал о красоте птиц, птичьего лёта и боя и о внешнем изяществе сокольников, любил внешнее благолепие церковного богослужения, пышную внешность придворных торжеств, церемоний и приемов, ценил красоту положения Саввина-Сторожевского монастыря, села Коломенского [5]). Наконец,—и это опять характерно для психического склада нового дворянина—абсолютиста и полицеиста,—царь Алексей высоко ценил порядок, „чин" [6]), стройность, ранжир, дисциплину. Верно, разумеется, что он только понял необходимость перехода к новому, но не решился его довершить до конца, „поднял одну ногу, да так и остался в этой неудобной позе", по картинному выражению Ключевского, но это относится уже к заимствованиям с Запада, а не к общему складу душевной жизни Алексея: этот общий склад был типично-дворянским.

Патриарх Никон был родом из крестьян. Но тем-то и характерен был новый правящий класс, что он вбирал

---

[1]) Там же, стр. 42.

[2]) *Каптерев*, Патр. Никон и царь Алексей Мих., I, стр. 47; II, стр. 1.

[3]) Там же, II, стр. 9.

[4]) Там же, I, стр. 43 и след.

[5]) *Платонов*, Статьи по русск. ист., стр. 45.

[6]) Там же, стр. 47.

в себя все талантливое из других общественных групп, что так трудно, почти совершенно невозможно было для феодального боярства. Никон, правда, стал духовным лицом, и в качестве такового, как мы видели, явился защитником церковно-феодальных преданий, но он одно время играл правительственную роль, приобщался к правящему классу и потому усвоил себе также некоторые новые, типичные, характерные черты его психического уклада. Никон был умен, даровит, энергичен, способен увлекаться, красноречив, начитан, любил пышность, все красивое, выдающееся, ввел, еще будучи новгородским митрополитом, единогласие в богослужении, киевские напевы, говорил поучения, был властен [1]). Став патриархом, он под влиянием царя и его духовника Стефана Вонифатьевича начал ревностно проводить богослужебные реформы и исправление книг и сделался грекофилом, но грекофильство его не было искренно: он был верен ему, пока это было ему выгодно [2]), а собственные свои реформы он впоследствии, поссорившись с царем, заподозрел, подверг сомнению [3]). Именно тогда и только тогда Никон пришел к заключению, что и старые и новые обряды и книги—добры и приемлемы [4]), а раньше боролся со стариной из соображений престижа власти, требования безусловного повиновения [5]) и еще более вследствие старого религиозного формализма, ставившего на один уровень догмат и обряд [6]). Все это было вполне понятно, потому что Никон не имел надлежащего образования, был простым начетчиком, был суеверен, считал себя целителем, сновидцем, чудотворцем [7]), в 1655 году сжег ряд икон „фряжского“ (западно-европейского) письма [8]).

Если Никон больше, чем царь Алексей, стоял на почве старины, то князь Хворостинин и Котошихин, на-

---

[1]) *Каптерев*, Патр. Никон и царь Алексей Мих., I, стр. 60, 110.
[2]) Там же, I, стр. 269.
[3]) Там же, I, стр. 267.
[4]) Там же, I, стр. 208, 261.
[5]) Там же, I, стр. 178.
[6]) Там же, I, стр. 61, 177, 202; II, стр. 357.
[7]) Там же, I, стр. 61, 62, 203; II, стр. 357.
[8]) Там же, I, стр. 155.

против, ушли далеко влево от своих современников и обнаружили очень рано решительные западнические симпатии.

Князь Иван Андреевич Хворостинин, скончавшийся в 1625 году, представляет собою редкое исключение, совершенно оригинальное явление, не повторявшееся в царствование Михаила. Он был очень близок к Лжедимитрию I и уже тогда, по словам Массы, проявил свою надменность и отличался развращенностью [1]). Шуйский, став царем, обвинил его в ереси, в несоблюдении постов и хуле на православие и наказал за это ссылкой в монастырь [2]). В гордости, самомнении и религиозном вольнодумстве обвинял Хворостинина и один из писателей того времени, рассказывавший, подобно ему, о Смутном времени—князь Шаховской [3]). При Михаиле у Хворостинина были произведены два раза обыски, при чем найдены были латинские книги и иконы западного письма; его подозревали в переходе в католицизм [4]). В 1622 году один из его холопов донес на него, и он был уличен не только доносом, но и его рукой написанными рукописями в том, что он отрицает воскресение мертвых, пост и молитву, не пускает в церковь своих людей, пил вино и ел мясо на страстной неделе, не был в церкви на пасхе и не поехал поздравлять с праздником царя, думал отъехать в Литву, называл московских людей глупыми, а царя—деспотом [5]). За все это Хворостинин послан был под строгий надзор для поучения в Кириллов-Белозерский монастырь, где пробыл около года.

Григорий Карпович Котошихин был подъячим Посольского приказа. Способный и знающий, умный и наблюдательный, как показывает его сочинение, он, однако, не был счастлив по службе: составляя одну грамоту, он описался в царском титуле, за что был жестоко

---

[1]) Сказания Массы и Гаркмана, стр. 208.

[2]) *Платонов*, Древнерусск. сказания и повести о Смутн. врем., стр. 233.

[3]) Там же, стр. 236—237.

[4]) Там же, стр. 237.

[5]) Там же, стр. 237—238; *Ключевский*, Курс русской истории; *Плеханов*, История русской общественной мысли.

наказан батогами, а потом не захотел покрывать проделки своего ближайшего начальства и, опасаясь мести за это, вынужден был бежать заграницу, эмигрировать. В Швеции он и написал свое замечательное сочинение о России времен царя Алексея, где выказал глубокие и серьезные познания разных сторон жизни своей родины, выразил глубокие симпатии к Западу и его науке и образованности и проявил большой литературный талант. Но и в Швеции ему не посчастливилось: он вступил в любовную связь с женой хозяина того дома, где жил, и, поссорившись из-за этого с хозяином, убил его, за что и был казнен по приговору суда.

Если воззрения и настроения Котошихина нашли себе в его сочинении верное, точное выражение, то это нельзя сказать о „Словесах дней и царей и святителей московских, еже есть в России", написанных Хворостининым. Автор старается здесь оправдать себя, изобразить православным, врагом еретиков-иноземцев, обличителем Лжедимитрия, хотя и не скрывает своего несочувствия Шуйскому [1]); ценно, между прочим, что, высоко ценя и восхваляя патриарха Гермогена, он сомневается в том, чтобы он призывал русских на борьбу с поляками, вызывал кровопролитие: по его мнению, неприлично было делать это патриарху [2]). Цель самореабилитации совершенно объясняет несогласие произведения Хворостинина с собственными взглядами автора [3]).

Хворостинин и Котошихин—исключения, первые ростки будущего, на первую очередь третьего момента в истории дворянской революции в России. Но Филарет, царь Алексей, даже Никон при всей его отсталости были типичны, характерны именно для господствовавшего течения в новом правящем классе. И это господствующее течение, естественно, принесло свои плоды в разных областях духовной культуры того времени.

На первом плане здесь стоит реформа в религии. Основная идея этой реформы—религиозный подъем, углубление религиозного сознания, искоренение или по

---

[1]) *Платонов*, Древнерусск. сказания и повести о Смутн. врем., стр. 255.

[2]) Там же, стр. 254.

[3]) Там же; *Плеханов*, История русск. общ. мысли.

крайней мере уменьшение языческих элементов в религиозных верованиях, ослабление обрядового формализма, слишком сильно отзывавшегося еще колдовством, шаманством, магией, развитие морального элемента в религии—свойственна была в разных степенях своего развития различным классам русского общества XVII века—не одному только дворянству, но и духовенству, и посадским людям, и крестьянству. Но здесь были классовые оттенки, которые необходимо учесть и определить по возможности точно.

Оттенки определились, разумеется, не сразу. Это видно уже по составу и первоначальной программе того реформаторского кружка, который в конце 40-х годов XVII в. сложился в Москве, повидимому, с ведома и одобрения, даже поощрения царя Алексея, около царского духовника Стефана Вонифатьевича. Первоначальная задача этого кружка—развитие нравственного поучения в церкви, проповедь морального подъема словом с церковной кафедры, упорядочение церковного обряда, главным образом уничтожение многогласия и, наконец, фактический подъем нравственности духовенства и мирян [1]). Эта задача объединяла довольно разнородные элементы—столичные и провинциальные. В столице за нее были сам царь, боярин Б. И. Морозов, окольничий Ф. М. Ртищев, Стефан Вонифатьевич, в провинции протопопы Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин, Лазарь [2]). Стефан Вонифатьевич умело сорганизовал кружок, объединил его, создав связующее звено между столичными и провинциальными сторонниками реформы в лице Ивана Неронова, который был назначен протопопом Казанского собора в Москве, на Красной площади, на бойком торговом месте, привлекавшем в собор множество богомольцев, чем открывалась широкая возможность для плодотворной дятельности Неронова, талантливого проповедника [3]). Осуществлять задачи кружка в провинции должны были Аввакум, назначенный протопопом в Юрьевец-Поволжский, Даниил—протопоп

---

[1]) *Каптерев,* Патр. Никон и царь Ал. Мих., I, стр. 1—15, 26 и стр. 82.

[2]) Там же, I, стр. 24, 35.

[3]) Там же, I, стр. 24.

в Костроме, Логгин в Муроме [1]). Но провинциальные реформаторы в своей ревности не знали меры, не были достаточно тактичны и потому потерпели неудачу; их в провинции били и преследовали. Аввакум не выдержал и бежал в Москву, за что царь его сильно порицал, видя в этом настоящее дезертирство, малодушное оставление опасного и ответственного поста [2]).

Но провинциальные сторонники реформы были представителями передовых слоев посадских людей, крестьян и сельского духовенства, тогда как столичные являлись плотью от плоти и костью от костей дворянства, все более забиравшего в свои руки господство в обществе. Поэтому с первых же шагов деятельности столичные члены кружка стали подготовлять решение вопросов, ближайшим образом затрагивавших интересы дворянской государственности. Надо было сблизиться с южно-руссами и греками для присоединения Малороссии и освящения притязаний московского самодержавия на роль мирового хранителя православия [3]). Отсюда вышел целый ряд мероприятий, приведших в последнем счете к разрыву между разнородными элементами, составлявшими кружок.

Дело началось с того, что еще в 1648 г. стараниями Стефана Вонифатьевича в Москве была издана „Книга о вере“ Нафанаила, игумена киевского Михайловского монастыря, в которой пропагандировалась необходимость теснейшей связи русской церкви с греческой и исправления русских обрядов по образцу греческих, будто бы более древних [4]). Столичные члены кружка считали неотложным радикальное исправление старых русских богослужебных книг и думали достигнуть этого и вообще подъема образования в России с помощью южно-русских ученых. С этою целью — „для справки библеи греческие на словенскую речь“—из Киева были вызваны в Москву в 1649 г. Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий, а в 1650 г. Дамаскин Птицкий [5]).

---

[1]) Там же, I, стр. 24.
[2]) Житие протопопа Аввакума.
[3]) *Каптерев*, Патр. Никон и царь Ал. Мих., I, стр. 43, 46.
[4]) Там же, I, стр. 17, 18.
[5]) Там же, I, стр. 48.

Искали учителей греческого языка и потому в 1649 г. взяли у бывшего в Москве иерусалимского патриарха Паисия грека Арсения [1]). Даже проповедывать в церкви учились у греков, напр., в 1650/51 годах у назаретского митрополита Гавриила, проповедывавшего в Богоявленском монастыре в Москве [2]). Под влиянием киевлян и греков Никон в 1653 году, не пробыв еще и года патриархом, сделал распоряжение не становиться во время молитвы на колени, а кланяться в пояс и креститься тремя перстами. Именно от этих новин у Аввакума, по его словам в автобиографии, „сердце озябло и ноги задрожали“ [3]). Провинциальные сторонники реформы откололись от столичных и подали царю челобитную против никоновских нововведений. Они дорого за это поплатились: Неронов был сослан в монастырь, Логгин лишен был священства, Даниил расстрижен и сослан в Астрахань, Аввакум отправлен в Сибирь, где провел 11 лет в страшно тяжелых условиях [4]). Созванный Никоном в 1654 году церковный собор решил, по предложению его, исправить обряды, руководясь старыми харатейными (т.-е. пергаминными) рукописями и греческими книгами. Но исправление обрядов на деле произведено было по греческим венецианским изданиям и по современной практике греческой церкви. Кроме того, уже без всякого решения собора, отменено двоеперстие и введено троеперстие, вместо двойного „аллилуиа“ введено тройное, выброшено слово „истинного“ по отношению к духу святому в символе веры. Во всех этих отношениях Никону оказал поддержку приехавший в Москву за милостыней антиохийский патриарх Макарий. В 1656 г. Макарий в Успенском соборе торжественно проклял двоеперстников. Отмена двоеперстия была утверждена русским церковным собором 1656 года [5]).

После удаления Никона от патриаршества, собор русских архиереев и настоятелей важнейших монастырей в 1666 г. утвердил новые книги и обряды, высказался

---

[1]) Там же, I, стр. 50.
[2]) Там же, I, стр. 52.
[3]) Там же, I, стр. 114, 116.
[4]) Там же, I, стр. 117, 123.
[5]) Там же, I, стр. 136—138, 146.

за церковное благочиние и нравственную, строгую жизнь духовенства, но он не отверг совершенно и старых книг и старых обрядов [1]). Тогда в 1667 году был созван другой собор с участием греческих патриархов Макария антиохийского и Паисия александрийского, и под влиянием их и их помощников из греков митрополита газского Паисия Лигарида и архимандрита Дионисия здесь было произнесено решительное осуждение и старых обрядов и их защитников [2]). Церковная реформа окончательно приняла дворянский характер и отколола от господствующей церкви религиозно - мыслящие части других классов общества.

Дворянский характер церковной реформы царя Алексея и Никона, как и вся вообще дворянская государственность, имел последствием резкий протест и массовое движение других слоев общества. О них пойдет речь ниже, особо, теперь же уместно определить, как то же господствующее дворянское течение сказалось и в других проявлениях духовной культуры. В исторической литературе громко звучат новые дворянски-публицистические и индивидуалистические струны. Хронографы—учебники всеобщей истории—в новых их редакциях вообще характерны для XVII в., как показатель расширения исторических интересов того времени [3]). Характерны в этом смысле и переводные исторические сочинения, появившиеся в XVII веке. Сюда относятся в особенности переводы с польского: два раза переведены были „История Сарматии европейской“ Гваньини и „Кроника Литовская“ Стрыйковского, один раз „Вертоград королевский“ Папроцкого—история Чехии, Польши и юго-западной Руси [4]). В хронографе 1617 года обращает на себя внимание общая окраска рассказа о Смутном времени: в Смуте винятся здесь только „дурные“ части русского общества—общественные низы главным образом. Автор холоден к Шуйскому и довольно благо-

---

[1]) Там же, II, стр. 43, 46.

[2]) Там же, II, стр. 369, 370.

[3]) *Попов*, Обзор хронографов русской редакции.

[4]) *Архангельский*, Образование и литература в Моск. гос. XV—XVII вв.: „Уч. Зап. Каз. Ун.“ за 1900 г., № 9, стр. 80, 81.

склонен к Годунову[1]). Дворянским характером и настроением отличаются и „Новая Повесть о преславном Российском царствовании[2]), и „Повесть“ князя Катырева-Ростовского, имеющая к тому же и крупные литературно-художественные достоинства[3]), и „Новый Летописец“, восхваляющий Минина и Пожарского[4]). Но из всех сказаний о Смутном времени, отличающихся дворянской тенденцией, наиболее характерным, как выражение переходного настроения дворянской массы, находившейся еще в процессе сложения новой психологии, является „Временник“ дьяка Ивана Тимофеева. Автор не в силах разобраться в сложной сети общественных условий, в борьбе классов и партий. Он во многом во власти старины, предания, традиции: на религию смотрит исключительно с обрядовой стороны[5]), выше всего ставит „древняя благоуставления законная и отцы преданая“[6]), риторичен в духе XVI века[7]). Но вместе с тем он и сторонник самодержавия[8]), прагматизирующий и критикующий историк[9]), а главное—у него есть сознание необходимости общественной активности, народной самодеятельности, критики государственной работы во имя общего блага: главная причина Смуты—„безумное молчание“, политический индифферентизм общества, по мнению Тимофеева[10]).

Эти же воззрения заметны и в сочинении о Смуте, написанном келарем Троицкой Сергиевой Лавры Авраамием Палицыным[11]). Но он ближе к Шуйскому, как боярскому царю, чем Тимофеев, и более эгоистичен,

---

[1]) *Платонов.* Древнерус. сказ. и повести о Смут. вр., стр. 98, 99.
[2]) Там же, стр. 110).
[3]) Там же, стр. 273.
[4]) Там же, стр. 321, 327.
[5]) *Васенко,* Дьяк Иван Тимофеев, автор „Временника“: „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1908 г., март, стр. 94.
[6]) Там же, стр. 100.
[7]) Там же, стр. 103.
[8]) Там же, стр. 103.
[9]) Там же, стр. 106.
[10]) *Яковлев,* Безумное молчание: в „Сборнике статей, посвященных В. О. Ключевскому“.
[11]) Там же.

своекорыстен [1]), менее способен возвыситься до новых точек зрения.

Характерно для развития личности, индивидуализма и появление такого чисто субъективного рода исторической литературы, как мемуары, записки современников. Сюда относятся посвященные Смуте сочинения князя Шаховского [2]) и так называемый Столяров хронограф [3]).

Наконец, и большие летописные своды продолжали развиваться в то время: таковы были, например, продолжение Степенной книги [4]) и Никоновская летопись— колоссальный летописный свод, начатый, как известно [5]), и даже в значительной степени составленный, если не завершенный, еще в XVI веке.

Продолжалось и составление „лицевых“, т.-е. иллюстрированных, летописей. Есть их следы в 30-х годах XVII в. [6]). Прежде думали, что так называемая „Царственная Книга“ — часть иллюстрированного Никоновского свода—относится также к XVII веку, даже к его второй половине [7]), но теперь и ее относят к XVI столетию [8]). Но, несомненно, традиции прошлого в данном отношении были сохранены и в изучаемый нами сейчас момент, на что в особенности указывают такие факты, как составление иллюстрированных книг об избрании Михаила Федоровича и о царских предках—самодержцах в Посольском приказе, при Матвееве; книги эти Матвеев поднес царям Алексею и Федору Алексеевичу [9]).

Первая половина XVII века дала и несколько переводных сочинений по другим областям знания—чистого

---

[1]) *Кедров*, Авраамий Палицын; *Платонов*, Древнерус. сказания и повести о Смут. вр., стр. 213 и след.

[2]) *Платонов*, Древнерус. сказ. и повести, стр. 292 и след.

[3]) Там же, изд. 2, прим. 18 на стр. 452.

[4]) *Белокуров*, О Записном приказе: „Чт. в Общ. Ист. и Древн. Рос.“ за 1900 год, кн. 3, стр. 56 и след.

[5]) *Платонов*, Статьи по русской истории.

[6]) *Забелин*, Домашний быт русских царей.

[7]) *Пресняков*, Царственная книга, ее состав и происхождение, Спб. 1893, стр. 22, 27.

[8]) *Пресняков*, Московская историческая энциклопедия XVI века, стр. 3 и 4.

[9]) *Пресняков*, Царственная книга.

и прикладного. Сюда относятся по естествознанию—перевод книги: „Problemata Arlstotelis“, трактующей о физиологии органов чувств, по военному искусству—„Воинская книга“, переведенная с немецкого в 1607 г. Юрьевым и Фоминым, и в 1647 г. „Учение и хитрость строения пехотных людей“ Вальгаузена. На основании „Воинской книги“ и других сочинений того же рода между 1606 и 1620 г.г. Михайлов составил оригинальный русский труд „Устав ратных, пушечных и иных дел, касающихся до воинской науки“ [1]). Потребности дворянского государства и новые вкусы и интересы сказались в этих переводных и оригинальных работах с совершенною ясностью.

Новые индивидуалистические настроения вызвали жажду новых впечатлений, стремление к легкому и приятному чтению, склонность к юмору, насмешке, сатире, наконец, апофеоз хитрости, ловкости, находчивости, карьеризма. Отсюда вышли рыцарские романы и повести, заимствованные с Запада непосредственно и через посредство Польши, как „Бова-Королевич“ (из итальянской повести конца XV в.), „Петр Золотые Ключи“ (из французского романа 2 половины XV в.), „Тристан“, „История о королевиче Брунцвике“, „История об Аполлоне, короле Тирском“. Прививается к русской почве и легкая и живая новелла—в „Повести о семи мудрецах“ и в так называемых смехотворных повестях, в число которых попали в Россию в то время несколько новелл Боккачьо [2]). Были восточные влияния, например, в „Повести о Шемякином суде“. Но уже сюда внесено было много русских бытовых подробностей [3]). Сатира и юмор нашли себе яркое выражение в „Судном деле у леща с ершом“, в „Повести о куре и льстивой лисице“, где наблюдается уже оригинальное русское творчество [4]). Наконец, вполне оригинальной была и „История о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничьей

---

[1]) *Архангельский*, Образ. и литер. в Моск. гос.: „Уч. Зап. Каз. Ун.“ за 1900 г., № 9, стр. 93, 94, 95.

[2]) Там же, стр. 119.

[3]) Там же, стр. 120. Такого мнения держались и Тихонравов и Сухомлинов.

[4]) *Пыпин*, История русской литературы.

дочери Нардина-Нащокина Аннушке", где легко и игриво рассказывается о похождениях этого авантюриста, о его любви и женитьбе против воли отца, о примирении с отцом и конечном благополучии [1]). Это—апофеоз дворянской удачливости, достигаемой ловкостью, смелостью, широтой размаха личных запросов и усилий.

В искусстве—архитектуре и живописи—наблюдается и оригинальное творчество, и заимствования в духе и тоне новой развивающейся индивидуалистической психологии—в стиле ренессанс и, что всего характернее, в его позднейшем, дворянски-капризном видоизменении—барокко.

И то и другое видно больше всего и прежде всего в архитектуре. К половине XVII в. в архитектуре господствуют фантазия, разнообразие, изобретательность в том направлении, которое было завещано XVI веком,—в переработке в каменных зданиях мотивов и приемов деревянного зодчества. Северное деревянное зодчество XVII в. создало оригинальные бочечные крыши, прямоугольные пристройки или прирубы к главному, центральному срубу, шатровые покрытия глав церковных, рундуки, т.-е. лестницы с перилами у входа, крыльца и особые трапезные, где в праздники происходили пиры вскладчину, так называемые братчины. Основные черты этого стиля—самостоятельность, простота, рациональность и красота [2]). Это—собственно посадское и в простейших его видах крестьянское художественное творчество. Дворянская культура берет основные его мотивы и приемы и преобразует по своему, в направлении большего великолепия, пышности или по крайней мере расчета на усиление впечатления. Первая ступень такого приспособления деревянного зодчества к дворянским вкусам наблюдается в XVII в. в соборе Романова-Борисоглебска; там смелая конструкция в отношении передачи давления, входы в церковь расположены так, что сразу получается сильное впечатление, южный фасад богат, отличается разнообразием мотивов [3]). Дальнейшее усложнение—пятиглавые кубические церкви, главы которых покоятся на несколь-

---

[1]) *Пыпин*, Обзор старинных повестей и сказок русских, стр. 283.

[2]) *Суслов*, Очерки из истории древне-русского зодчества, Спб. 1889, стр. 35—37, 40, 90, 91.

[3]) Там же, стр. 109, 124.

ких рядах кокошников; здесь роскошь, блеск, великолепие, пышность отделки доведены до величайшей степени; самый типичный пример—церковь Грузинской богоматери в Москве, проще и строже там же церкви Николы на Столпах и Николы в Хомовниках [1]). В светской архитектуре этот оригинальный стиль был представлен деревянным дворцом царя Алексея в селе Коломенском, построенным в 1667 году: это соединение двухэтажных корпусов и многоэтажных башен, с бочечными, чешуйчатыми и иными весьма причудливыми крышами, крыльцами, вышками, сенями [2]). В том же духе верхний этаж кремлевских теремов в Москве, воздвигнутый также при Алексее: здесь знание и вкус нашли себе совершенное воплощение [3]). Барокко, проникший в Московское государство с начала XVII в. через посредство Малороссии, подвергся у нас своеобразной переработке, вероятно, под влиянием того же деревянного зодчества. Отсюда произошла шатровая глава в виде нескольких, сужающихся кверху, осьмигранников. Образец—церковь Покрова в Филях — „изящная, стройная", „легкая кружевная сказка" [4]).

В области живописи или иконописания новые приобретения были не менее значительны, чем в архитектуре, и также приспособлялись к дворянским вкусам. Типичен в этом отношении иконостас Успенского собора в Москве: все его пять ярусов были готовы уже в начале XVII века [5]). Этому соответствовала и идея стенописи Успенского собора: здесь изображен собор всех святых, соединение церкви небесной с земной,—девять чинов святых и девять чинов ангельских [6]). Грандиозность и единство, стройность замысла соединяются с порядком, строго установленным и чинным. Ярославские фрески в церквах Ильи пророка и Иоанна Предтечи в Толчкове блестяще решают огромные декоративные

---

[1]) *Павлинов*, История русской архитектуры.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) *Грабарь*, История русского искусства, т. I, стр. 17—20.

[5]) *Успенский*, Из истории иконостаса Успенского собора в Москве: „Древности, Труды Московск. Археолог. Общества", т. I, стр. 48.

[6]) *Снегирев*, Успенский собор в Москве, М. 1856, стр. 9.

замыслы [1]). В Строгановской школе иконописи в XVII в. замечательны произведения Прокопия Чирина, принадлежащие к так называемым вторым строгановским письмам, отличающимся светлыми красками, тонкой разделкой одежд и зданий, красивых и затейливых [2]). Особенно выделяется в XVII в. царская московская иконописная школа при Оружейной палате. Здесь, как и в позднейшей новгородской иконописи и в так называемых третьих строгановских письмах [3]), совершается переход к новому иконописанию: начинают писать „по живописному на манер фряжский“ [4]). Цари Михаил и Алексей в 40-х, 50-х и 60-х годах выписывают иностранных мастеров живописи, напр., Детерса, Лопутцкого, Вухтерса [5]). Но всех их и своих русских товарищей далеко превзошли два талантливейших представителя новой московской дворянской иконописи Симон Ушаков и Иосиф Владимиров. В их работах замечательно то, что они, разумеется, после ряда исканий, нашли известную меру в сохранении старого и приобретении нового, создали синтез того и другого в духе дворянской, лишь наполовину индивидуалистической психологии. Их деятельность соответствует mutatis mutandis, тому, что сделали для запада Европы итальянские мастера, основатели классического стиля, Аннибале Карраччи и его братья. Типическим образцом живописи Симона Ушакова и его школы служит лучшее произведение Ушакова—икона владимирской божией матери в церкви грузинской богоматери в Москве. Здесь есть определенная идея в духе московской дворянской государственности: сущность ее заключается в том, что богоматерь покровительствует Москве через местных святых и через заслуги московских государей, при чем на иконе изображены и эти святые и государи [6]). В произведениях Симона Ушакова видны, при сохране-

---

[1]) *Грабарь*, История рус. искусства, т. I, стр. 48.

[2]) *Ровинский*, История русских школ иконописания до конца XVII в.: „Записки Археолог. Общества“, т. VIII, Спб. 1856, стр. 20—23.

[3]) Там же, стр. 17, 27.

[4]) Там же, стр. 40.

[5]) *Филимонов*, Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи, М. 1873, стр. 33—39.

[6]) Там же, стр. 23, 83.

нии верности православию, установившейся и принятой государством религиозной и церковной традиции, свободное художественное творчество, искреннее и глубокое влечение к природе и красоте [1]). Родившись в 1626 году и происходя из посадских людей, Симон Ушаков достиг высшей ступени расцвета своего таланта, известности и славы к концу 60-х годов XVII века. Тогда им создана была, между прочим, стенопись Успенского собора в Москве. Он основал целую школу. Наиболее известными его учениками были такие талантливые иконописцы, как Иосиф Владимиров, Иван Максимов, Михаил Малютин [2]). Из них наиболее талантливым и оригинальным был Иосиф Владимиров.

Чтобы закончить характеристику культурных приобретений и достижений дворянства в XVII веке до подготовки Петровской реформы, остается вкратце остановиться на основных новшествах в понятиях о праве и справедливости, поскольку они выразились в законодательстве XVII века, в особенности в Уложении 1649 г.

Но прежде, чем выяснить эти понятия и именно для того, чтобы такое выяснение было обосновано, надо оценить Уложение, как источник права, т.-е. рассмотреть его как проявление правового творчества Московской Руси.

Из предшествующего изложения видны в достаточной степени причины, вызвавшие составление Уложения: новые хозяйственные, социальные и государственные условия поколебали старый, юридический обычай и уже в XVI веке создали целый ряд отдельных указов и законов совершенно новых по своему содержанию. Ошибочно думают, что в Московской Руси обычай, „пошлина“ продолжал играть определяющую роль; он не исчез еще, конечно, его влияние оставалось значительным, но, поскольку жизнь обновлялась,—а она, как мы видим, обновлялась очень сильно и в самых существенных своих сторонах,—постольку творилось новое писанное право и во многом заменяло собою старинный обычай. Все это создавало большую сумятицу, множество противоречий и несогла-

---

[1]) Там же, стр. 4, 32, 27.
[2]) Там же, стр. 67, 72, 73.

сованностей—результат столкновения феодальных юридических преданий с новым государственно-дворянским законом. Внешним выражением этого были злоупотребления власть имущих, не отвыкших еще от феодальной старины, и происходившие отсюда бунты, восстания народных масс, из которых в первой половине века самым крупным был известный, выше уже упоминавшийся, бунт 1648 года в Москве, Сольвычегодске, Великом Устюге, Козлове и других городах. Так и произошел собор 1648—49 годов, утвердивший Уложение 1649 года. Еще до собора, в июле 1648 года, учреждена была особая комиссия из бояр князей Одоевского и Прозоровского, окольничего князя Волконского и дьяков Леонтьева и Грибоедова, которой поручено было составить проект будущего Уложения. Основная задача комиссии состояла в кодификации существующего права, главным образом в своде воедино всех законов и указов, которые издавались в Московском государстве XVI и XVII веков и заносились в так называемые „указные книги“ приказов [1]). Но, кроме того, комиссия должна была согласовать эти указы, привести их в систему и, наконец, пополнить новыми юридическими нормами. Что касается системы, то здесь поступили довольно просто: заимствовали в главных чертах ее из Литовского статута в его третьей редакции—1588 года [2]). В общем и целом получился такой, не вполне выдержанный и стройный, порядок изложения: в главах с I до IX—государственное право, с X по XV—судоустройство, судопроизводство и обязательственное право, с XVI по XX—вещное право, главы XXI и XXII излагают уголовное право, наконец, последние три главы Уложения—XXIII, XXIV и XXV—представляют собою добавочную часть [3]), являясь таким образом особенно ярким признаком несовершенства системы всего кодекса. Что касается согласования законодательных постановлений по существу

---

[1]) См. их издания в „Хрест. по ист. русск. права“ *Владимирского-Буданова*, вып. 3-й, и *Сторожева* „Указная книга Поместного приказа“.

[2]) *Ключевский*, Курс русской истории, III, стр. 172.

[3]) *Владимирский-Буданов*, Обзор истории русск. права, изд. 3-е, стр. 240.

и введения новых юридических норм, то эта особенно трудная и ответственная работа производилась комиссией только в ее редакционной стадии, существо же дела находилось в руках земского собора или Боярской Думы и царя. Таким образом жизненность Уложения, его связь с условиями общественной обстановки, отражение им этих условий не могут подлежать ни малейшему сомнению. Одно только верно: Уложение отличалось неполнотой, далеко не разрешало многих вопросов, в столь большом обилии возникавших в критическую эпоху.

Это в значительной степени объясняется спешностью работы: Уложение составлено было с небольшим в полгода[1]). Вот почему большое дополнительное значение имеют так называемые „новоуказные статьи“ — последующие указы и законы, дополнявшие и изменявшие постановления Уложения.

Переходя к вопросу о понятиях права и справедливости в Уложении и новоуказных статьях XVII века и останавливаясь прежде всего на уголовном праве, мы в первую очередь должны обратить внимание на классификацию преступлений по Уложению. „Уложение царя Алексея Михайловича дает понять свою классификацию тою последовательностью, в какой оно излагает свои уголовные постановления; а именно оно излагает (хотя не без отступления) сначала преступления против религии (гл. I) и против государства (глава II), потом против порядка управления (гл. IV, V, VI, VII, IX) и суда (гл. X, XIV), против законов о состояниях (гл. XIX), наконец, против лиц частных (гл. XXI и XXII)“ [2]). Главное, что обращает на себя внимание в этой классификации,—это видное место, занимаемое государственными преступлениями. Это очень важная и притом новая черта: она свидетельствует и о чрезвычайном усилении понятия о преступлении, как о зле общественном, о росте общественного элемента в понятии о преступлении, и в то же время о своеобразном оттенке, какой приобретает в Уложении самая идея общественного зла: это не столько зло для общества в собственном смысле слова,

---

[1]) *Ключевский*, Курс русск. истории, III, стр. 171.

[2]) *Владимирский-Буданов*, Обзор ист. русск. права, стр. 331.

сколько зло для государства, дворянской государственности. Очевидно, правосознание поднялось на известный уровень, далеко обогнало те времена, когда неизвестен был целый ряд преступлений — против государства и общества,—но на этом достигнутом уровне оно поднялось лишь на одну из низших ступеней: предприняло защиту прав государственного союза и господствующего в нем сословия, но не прав всего общества и отдельного гражданина, как его члена, тем более человеческой личности. Эти последние понятия только еще начинали зарождаться и с трудом пробивались сквозь толщу дворянских государственно-крепостнических представлений. Это в особенности ясно видно из анализа понятия о наказании в русском праве XVII века. Целью наказания в то время совершенно не было исправление преступника [1]). Слаба была здесь также и отвлеченная идея справедливости, начало возмездия, воздаяния злом за зло. Вот почему редко встречается так называемый „материальный тальон", т.-е. причинение преступнику того же самого вреда, какой нанес он сам: в Уложении поджог карается поэтому сожжением, тяжкие увечья влекут за собою также увечья; лжедонос и ябедничество имеют следствием наказание, назначенное за деяние, на который ложный донос последовал; за неистовые речи отрезывался язык, — здесь материальный тальон принимает вид поражения органа, которым совершено преступление; наконец, иногда тот же материальный тальон принимает характер возмещения того ущерба, который причинен преступным деянием: за укрывательство беглых даточных людей сам укрыватель берется в военную службу; у того, кто ложно выпросил поместье, последнее конфискуется; за упущение ссыльных стражею упустивших постигает также ссылка [2]).

Как ни слабо проявляется принцип возмездия в наказании по русскому праву XVII века,—он все же является одной из важных новостей в понятии о праве и справедливости [3]). Но и он здесь не главное, главное в по-

---

[1]) *Сергеевский*, Наказание в русском праве XVII в., Спб. 1887, стр. 11.

[2]) Там же, стр. 3–9.

[3]) Там же, стр. 6.

нятии о наказании в то время—это принцип целесообразности с государственной точки зрения: стремились, чтобы наказание было практически полезно для государства [1]). Отсюда происходили кары, направленные к тому, „чтобы лихих людей вывести", прямо истребить: смертная казнь, пожизненная ссылка, увечья, наказания членовредительные; затем наказания устрашающие—кнут, батоги, плети, „чтобы неповадно было воровать" (т. е. совершать преступления); все эти наказания выполнялись грубо, без всякой торжественности; наконец, стремились из тех же соображений государственной пользы извлечь из наказания и личности преступника материальную выгоду для государства: отсюда проистекали конфискации, денежные взыскания, использование труда преступника в ссылке [2]), частое применение смертной казни и телесных наказаний для сокращения государственных расходов на наказание [3]). По всем этим причинам чаще всего в Уложении кнут и другие телесные наказания, второе место занимают имущественные взыскания, третье принадлежит смертной казни [4]). Прежнее материальное понятие о преступлении, приводившее к штрафам и возмещению ущерба, понесенного потерпевшим, отступает на второй план [5]). С другой стороны, не ценится личность, и отсутствуют гуманные побуждения [6]). Сохраняется, в особенности на практике, принцип групповой ответственности—в корчемстве [7]) и политических преступлениях [8]). Впрочем, Уложение вслед за „записью", взятою с Шуйского, теоретически уничтожает ответственность семьи государственного преступника. Судебная политика по крайней мере смягчает эту ответственность при непременном, однако, условии, чтобы родственники сами доказали свое неведение о преступном деянии или намерении; это во всяком случае шаг

[1]) Там же, стр. 10.
[2]) Там же, стр. 12—17.
[3]) Там же, стр. 42—43.
[4]) Там же, стр. 16.
[5]) Там же, стр. 21.
[6]) Там же, стр. 23.
[7]) Там же, стр. 36.
[8]) *Тельберг*, Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в., М. 1912, стр. 249.

вперед, так как в XVI веке родственники политического преступника обязательно несли наказание, равное с ним самим [1]).

Характерно для первенствующего значения государства и то, что оно, а не церковь, ведает большинство религиозных преступлений—богохульство, совращение из православия, умышленный перерыв литургии, оскорбление священнодействующих в церкви, даже преступления против нравственности; на долю церковного суда остается только вероотступничество [2]).

Очень важно, что Уложение впервые в истории русского права определяет наказуемость административных преступлений [3]).

Тот же государственный интерес, охрана дворянской и крепостнической государственности сказывается, наконец, и в квалификации общеуголовных преступлений: в Уложении особенно сильно наказываются поэтому отцеубийство, мужеубийство, убийство господина слугою, приравниваемое к государственной измене [4]), кража холопов [5]); в определении наказания за преступления против чести принимаются во внимание различия уже не только в происхождении, знатности, но и в чине, звании и должности [6]).

Таковы важные новые черты уголовного права. Переходя к праву гражданскому, следует прежде всего отметить, что выделение лица как субъекта, носителя частного права из союза семейного, начавшееся, как мы видели, еще и раньше, продолжалось и даже пошло ускоренным темпом в Московском государстве. Это всего яснее обнаруживается из того, что точнее, чем то было прежде, определились условия правоспособности лица. Оставляя пока полное освещение вопроса о правоспособности лица в зависимости от его пола, т.-е., иначе говоря, о юридическом положении женщины, до изуче-

---

[1]) Там же, стр. 252—253.

[2]) *Владимирский - Буданов,* Обзор истории русского права, стр. 331—333.

[3]) Там же, стр. 335.

[4]) Там же, стр. 338—339.

[5]) Там же, стр. 342.

[6]) Там же, стр. 339.

ния семейного права, заметим сейчас только, что гражданское положение женщины в XVI и XVII веках значительно улучшилось, права ее расширились.

Затем точнее определилась правоспособность лица в зависимости от возраста: именно, окончательно установилось правило, что гражданское совершеннолетие наступает по достижении пятнадцатилетнего возраста: так, дети служилых людей поступали на службу и верстались поместными и денежными окладами, начиная с 15 лет; поступать в кабальное холопство можно было только начиная с 15-летнего возраста, а до этого времени сам несовершеннолетний не мог поступить в кабальные холопы,—его могли записать в это состояние только его родители, которые, однако, теряли это право по достижении им 15 лет от роду.

Нам уже известно, как далеко зашли юридические различия между сословиями в Московском государстве, и как сильно различались по гражданским (напр., вещным) правам служилые люди, посадские и крестьяне: напр., только служилые люди могли владеть землей и крепостными крестьянами, только посадские имели право владеть лавками в городах, крестьяне не имели полных прав собственности,—их имущество находилось лишь в их пользовании под условием, чтобы они не нарушали интересов господина.

Наконец, замечательно, что в праве Московского государства впервые слагаются определения и ограничения правоспособности в зависимости от состояния здоровья: по закону 1677 года люди глупые и пьяницы обладают ограниченной гражданской правоспособностью,—напр., не могут менять свои поместья на поместья других служилых людей [1]).

Итак, условия правоспособности лица точнее определились в зависимости и от его пола, и от возраста, и от сословного положения, и от здоровья. Это понятно в виду развития торгового капитализма, выдвигающего уже на первый план до известной степени личность и личную инициативу. Яркая сословная окраска при таких экономических условиях также естественна.

---

[1]) *Неволин*, История росс. гражд. законов.

Переходя к семейному праву и говоря о семье как союзе супругов между собою, надо прежде всего отметить те условия вступления в брак, которые определились точнее в Московской Руси XVI и XVII веков. Стоглав, т.-е. церковный собор 1551 г., впервые в истории русского семейного права установил точно низший предельный возраст для брачущихся,—для мужчин 15 лет, для женщин 12. Точное указание предельного старческого возраста, препятствующего вступлению в брак, не было тогда сделано: лишь в 1697 г. священникам предписано было исследовать, не венчаются ли люди слишком престарелые. Не требовалось для вступления в брак и свободного согласия сторон: все, по словам Котошихина, решалось в сущности родителями жениха и невесты. Соответственно особым условиям государственного быта и крепостным сословным отношениям введено было в виде условия вступления в брак согласие властей: служилые люди, особенно столичные, вступали в брак с разрешения царя, неслужилые с разрешения местных властей, крестьяне с разрешения своих господ[1]).

Точно определена была Уложением 1649 года и указом 1651 года повторяемость брака; Уложение признало законным лишь три брака и запретило жениться в четвертый раз, а указ 1651 года запретил выходить замуж в четвертый раз. В 1697 г. четвертый брак признан был прямо преступлением: супруги отдавались в таком случае в монастырь и содержались там до указа.

Законодательство Московского государства подробно и точно установило законную форму совершения брака. Такой формой являлось единственно венчание. Разрешал произвести венчание непременно местный архиерей, который об этом разрешении давал священнику каждый раз особую грамоту—„венечную память“ или „знаменную грамоту“. Получив ее, священник до венчания производил еще два юридических акта: 1) троекратное оглашение в церкви, 2) обыск, т.-е. опрос брачущихся и свидетелей о неимении законных препятствий к совершению брака. Намечены были—по крайней мере отчасти—условия расторжения брака. Одной из причин

---

[1]) *Владимирский-Буданов*, Обзор истории рус. права.

развода признавалось в то время пострижение одного из супругов в монашество, при чем закон 1681 года запрещал в таком случае вступление другого супруга во вторичный брак. Другой причиной расторжения брака считалось прелюбодеяние одного из супругов—безразлично мужа или жены. Наконец, в третьих, развод возможен был при несогласной супружеской жизни, когда муж и жена „жили не в совете“, при чем, по словам Котошихина, в течение семи лет после развода обе стороны не могли вступить в новый брак[1]).

Отношения между супругами слагались в смысле все большего обеспечения личных и имущественных прав жены. Уложение установило, что отдавать жену в услужение посторонним лицам муж может лишь в том случае, если сам пойдет в услужение. Убить свою жену муж не мог безнаказанно: за убийство ее без вины он наказывался, как за убийство постороннего, и даже при убийстве за прелюбодеяние подвергался наказанию кнутом. Имущественные отношения супругов регулировались рядной записью, в которой перечислялось приданое, приносимое женой. Рядные записи и законы устанавливают общность прав супругов на приданое: оно находится в общем их распоряжении. В случае смерти мужа или при разводе жена получала обратно имущество, входившее в состав приданого[2]).

Рассматривая семью как союз родителей и детей, можно видеть, что оба родителя имели власть над детьми: оба они распоряжаются их брачною судьбою и отдают их в монастырь; обоим родителям, по Уложению, дети обязаны послушанием, мать-вдова является главой семьи. Но, несомненно, родительская власть подверглась уже значительному сокращению: исчезло право родителей отдавать несовершеннолетних детей в полное холопство и заменилось меньшим правом отдавать их в холопство кабальное при том, однако, условии, чтобы и сами родители становились одновременно с детьми кабальными холопами. Уложение установило наказание

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.

за убийство детей родителями, раньше не формулировавшееся русским законодательством[1]).

Общий вывод, который можно сделать при изучении семейного права, сходен с выводом, получаемым в результате исследования субъекта частного права: проявляется все сильнее большая юридическая определенность институтов гражданского права, большее обеспечение гражданских прав отдельной личности, необходимое при развитии денежно-хозяйственных, торгово-капиталистических отношений.

В наследственном праве Московской Руси XVI и XVII веков наблюдается немало нового. Прежде всего здесь замечательно то, что завещание окончательно становится выражением *личной* воли завещателя: только по отношению к родовым недвижимым имениям личная воля завещателя была ограничена.

Затем точнее и подробнее определяются условия, при которых завещательное распоряжение признается законным: для этого требуется наличность собственноручной подписи завещателя или по крайней мере подписей свидетелей, при чем в последнем случае завещательное распоряжение должно быть укреплено нотариальным порядком при жизни завещателя: нотариальное укрепление завещаний входило в круг деятельности церковных властей, т.-е. архиереев. Завещание жены при жизни мужа признавалось действительным лишь при том условии, чтобы муж не был при этом душеприказчиком.

Кроме этих двух первых черт наследственного права Московского государства—определения характера завещания и уяснения условий его законности—наблюдается в то же время еще третья черта—подробное и точное определение круга лиц, призываемых к наследованию по закону, т.-е. в случае отсутствия завещания. Здесь прежде всего замечательны постановления о наследовании дочерей после отца. Попрежнему сохраняется принцип, что при сыновьях дочери—не наследницы: это видно и из Судебника 1550 г. и из Уложения 1649 г. Однако, к этому принципу постепенно устанавливается поправка, дающая дочери фактическую возможность

---

[1]) Там же.

наследовать по закону часть имения отца и при наличности сыновей—наследников: именно, утверждается обычай выдела части отцовского имущества дочерям „на прожиток“. Само собою разумеется, что, если сыновей не было, то имущество лица, умершего без завещания, наследовали дочери. Точно так же и жена по смерти мужа получала на прожиток часть его недвижимой собственности, обыкновенно до $^1/_7$; что же касается движимости, то по Уложению жена наследовала от мужа четвертую часть его движимого имущества. Таким образом в общем московское наследственное право, несомненно, улучшало и возвышало юридическое положение женщины.

Наконец, прочно утверждается наследование боковых родственников—близких и дальних,—если не было нисходящих. Круг боковых родственников, призываемых к наследованию по закону, с течением времени постепенно расширялся: по закону 1572 года наследовали лишь ближние родственники, именно родные братья умершего, их дети и внуки; но закон 1650 года распространил право наследования и на дальних родственников, под которыми разумелись, согласно более поздним узаконениям, дядья и двоюродные братья с их потомством [1]).

Общая черта гражданского права изучаемой эпохи—развитие личности как субъекта частного права—выступает ясно таким образом и при изучении наследственного права. Ясно, в какой тесной, необходимой связи стоит эта черта с хозяйственными условиями времени: когда стали развиваться торгово-капиталистические отношения, личность с ее запросами, с ее инициативой стала по крайней мере отчасти освобождаться от опеки семейного, кровного союза, выделялась из него. Поэтому и завещание утратило остатки прежнего понятия „ряда“, договора всей семьи; поэтому же расширились и наследственные права женщин и боковых родственников: то и другое и было немыслимо, пока субъектом частного права была семья.

Еще в удельный период в вольных городах и в северо-восточной Руси определилась письменная форма

---

[1]) Там же.

обязательств, установилось их нотариальное укрепление, и, наконец, увеличилось число договоров. Обязательственное право времен Московского государства унаследовало от удельного времени многие из этих особенностей и развило их далее. Обязательства теперь еще чаще, чем прежде, стали отливаться в письменную форму. Форма эта установилась по определенному шаблону, приобрела устойчивый характер, сделалась постоянной, обычной. Нотариальное укрепление обязательств определилось точнее: напр., купчие, закладные, меновые и дарственные грамоты на землю стали записываться в Поместном приказе в особые записные книги. Наконец, число видов обязательств умножилось до такой степени, что гражданское право Московского государства, можно сказать, знало уже все виды договоров, известные современному обязательственному праву.

И в самом характере договоров наблюдаются перемены: чем позднее, тем более теряют они характер вещной сделки. Покупатель и продавец, напр., совершают свои договоры без наличности предмета купли-продажи, закладываемая земля иногда остается в пользовании залогодателя и т. д.

Остается рассмотреть вопрос о судопроизводстве,— об уголовном и гражданском процессе.

В судопроизводстве предшествующих периодов русской истории наблюдалось постепенное и неуклонное развитие большей активности судей, постепенная смена формализма в процессе стремлением установить материальную истину, войти в самое существо разбираемого дела. Параллельно этому все более прививались к русскому процессу такие доказательства, которые уже не имели формального характера, а относились к исследованию дела по существу и потому подлежали поверке.

Эта основная тенденция продолжала сохраняться и стала сильнее, чем прежде, развиваться в судопроизводстве времен Московского государства. Кроме ее дальнейшего развития, составлявшего таким образом одну из отличительных черт процессуального права XVI и XVII веков, следует отметить для этого времени еще другую черту,—развитие различия между уголовным и гражданским процессом. Надо, впрочем,

сейчас же и оговориться: это различие далеко еще не было проведено до конца. Правда, большая часть гражданских дел уже разбиралась посредством „суда", т.-е. обвинительного, гражданского процесса, но, во-первых, были и уголовные дела, решаемые „судом", а, во-вторых, существовали гражданские дела, которые подлежали рассмотрению и решению при помощи уголовного, следственного процесса, так называеаого „розыска". В сущности, обвинительная форма или „суд" в чистом виде применялась лишь в гражданских тяжбах, вытекавших из обязательств. В остальных делах, называемых теперь гражданскими, обвинительная форма применялась с примесью следственных начал [1]). Дела о поместьях и вотчинах вершились почти всегда розыском: причина заключалась в том, что здесь сильно затрагивались интересы государства [2]). Основанием для применения суда или сыска служило, в сущности, таким образом не различение дел гражданских и уголовных, а внешнее обстоятельство—„гласность или негласность преступного действия"; поэтому, когда преступное действие было гласно, известно,—применялся розыск, когда нет,—„суд" [3]).

При обвинительном процессе („суде") сторонами в процессе могли быть, по Судебникам и Уложению, все физические лица — светские и духовные, даже монахи, холопы и несовершеннолетние. Не могли быть гражданскими истцами только изменники (лица, обвиненные в „крамоле" и „составе"), клятвопреступники и дети против родителей [4]). В этих постановлениях опять нельзя не заметить развития личности как субъекта гражданского права.

Досудебные действия сторон в предыдущие периоды истории русского права вытекали из договора между ними, из их свободного соглашения. Теперь это начало постепенно слабеет, и на первый план выдвигается

---

[1]) *Дмитриев*, История судебных инстанций; *Стефановский*, Разграничение гражд. и уголов. судопроизводства в истории рус. права: „Ж. М. Нар. Пр." за 1873 г., февраль, стр. 267.

[2]) *Дмитриев*, Ист. судеб. инстанций, стр. 352.

[3]) Там же, стр. 360.

[4]) *Владимирский-Буданов*, Обзор истории русского права.

одностороннее принуждение истцом ответчика явиться на суд, при чем истец действует через посредство судебной власти. Все досудебные акты облекаются при этом в письменную форму. Досудебные действия начинаются жалобой истца, излагаемой на имя царя и подаваемой в виде „челобитной“ судье. Затем следовал вызов ответчика к суду. Первоначально он производился посредством „приставной памяти“, в которой еще ясно выражалась идея явки на суд по взаимному соглашению сторон, а не по принуждению, почему лицо, не явившееся в назначенный срок, тотчас обвинялось: добровольно согласившись явиться, оно своим отказом от присутствия на суде, очевидно, и признавало свою точку зрения в разбираемом деле несостоятельной. Но ко времени Уложения 1649 года устанавливается вызов ответчика к суду посредством „зазывной грамоты“, которая теряет характер акта, выражающего договор, взаимное соглашение сторон, и имеет значение внешне принудительного акта, почему при неявке ответчика на суд по первому зову посылалась зазывная грамота во второй раз, а при повторной неявке еще и в третий раз, и только после того, как он не явился по третьему зову, он обвинялся. С целью обеспечить явку ответчика на суд установлена была порука его родственников, соседей или знакомых. Если же поруки не было, ответчик приводился насильно [1]).

Переходя к самому суду, надо прежде всего указать, что вместо сторон могли являться их представители— родственники и холопы, при чем до 1690 года не требовалась доверенность. Явившись на суд, стороны или их представители подавали „ставочные челобитные“, т.-е. заявления от своего имени, что они на суд стали. В случае, если другая сторона в срок не явилась (при призыве посредством „приставной памяти“ по первому зову, а при „зазывной грамоте“—по третьему), явившаяся сторона получала бессудную грамоту, т.-е. грамоту, ее оправдывающую без суда [2]).

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.

Если обе стороны были налицо, то производился разбор доказательств иска.

Первым видом доказательств было показание свидетелей или послухов. При этом различались „ссылка из виноватых“ и „общая ссылка“. Ссылкой из виноватых называлась такая ссылка одной из сторон на свидетеля, при которой ссылающаяся сторона обязуется признать себя неправой, если показание свидетеля будет говорить против нее. Это, в сущности, показание свидетеля в нашем современном смысле слова. „Общей ссылкой“ называлась ссылка обеих сторон на одного и того же свидетеля: это—остаток третейского суда. Но при этом запрещалось ссылаться на лиц, только слышавших о факте, а не видевших его, а также на лиц, зависимых от одной из сторон. Этими ограничениями „общая ссылка“ также приближалась уже к показанию свидетелей в нашем смысле слова и утрачивала вследствие этого значение третейского разбирательства. Свидетелями могли быть лица совершеннолетние. Не могли свидетельствовать жена против мужа, дети против родителей, холопы против господ; показания свидетелей из высшего сословия ценились выше показаний свидетелей из низших сословий. Свидетели были обязаны явиться на суд; при неявке им грозила опасность уплатить стоимость иска, покрыть убытки и внести судебные пошлины [1]).

Если не было свидетелей, производился повальный обыск, т.-е. опрос соседей о личности ответчика.

Решающим доказательством служили далее письменные акты, документы всякого рода, подлежавшие поверке с точки зрения их достоверности и доказательности.

Только в крайних случаях применялись формальные доказательства, при чем число их сильно сократилось. „Поле“ или судебный поединок исчез из судебной практики и законодательства после Судебника 1550 года. Единственным, в сущности, остатком старых ордалий оказалась в эпоху Уложения присяга или крестное целование. Это формальное доказательство допускалось при мелких исках—не выше 1 рубля, причем никто не мог присягать на суде более трех раз в жизни. Наконец,

---

[1]) Там же.

иногда мелкие дела решались также жребием; бросался жребий для решения вопроса, кто прав, и соответственно результатам жеребьевки постановлялся приговор [1]).

Судебное решение облекалось в письменную форму,— излагалось в „правой грамоте“, которая выдавалась стороне, выигравшей дело. Если обвиненный не мог или отказывался уплатить присужденную сумму,—его подвергали „правежу“ в течение одного месяца за каждые 100 рублей. Правеж состоял в битье палками по ногам на площади. Если и после правежа уплата не производилась, обвиненный „выдавался головою до искупа“ лицу, выигравшему процесс, т.-е. работал на него до обработки долга по определенной в законе цене—5 рублей в год для мужчины, $2^1/_2$ рубля для женщины, 2 рубля для детей старше 10 лет [2]).

Таков был состав „суда“, обвинительного, по существу своему гражданского процесса, которым из дел, причисленных теперь к уголовным, судились бой и грабеж в тех случаях, когда они совершались не „ведомыми лихими людьми“ [3]). В остальных уголовных делах и во многих гражданских, как было уже сказано, применялся „розыск“. В чем же состояла эта следственная, уголовная форма процесса?

Первая ее—и притом первостепенная по своему значению особенность—заключалась в том, что при розыске истцом являлось само государство, которое без наличности частного обвинителя, по собственной инициативе, производило все следственные действия и само же вызывало обвиняемого на судебное разбирательство зазывной грамотой. Досудебные действия приобретали таким образом яркую государственную окраску. Но, конечно, уголовное дело могло начаться и путем заявления или „довода“ частного лица [4]). В делах о государственных преступлениях была уже одна особенность в тех случаях, когда обвинение возникало не по инициативе власти:

---

[1]) Там же.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) Там же; *Стефановский*, в „Ж. М. Нар. Пр.“ за 1873 г., июль, стр. 227.

для частных лиц в этого рода делах обязателен был „извет“—заявление о преступлении органу государственной власти. Если кто-либо из частных лиц знал о государственном преступлении и не делал „извета“, не донес о нем власти, то ему грозила смертная казнь. Во время самого суда изветчик „уличает и доводит“, и если не докажет обоснованности извета, то подвергается тому наказанию, которое, в случае обоснованности извета, угрожало обвиняемому[1]). Все это очень характерно для новой дворянской государственности, для крепостного, самодержавно-полицейского государства.

Суд при „розыске“ начинался допросом или „распросом“. Затем обычно следовала пытка обвиняемого. Далее производилась „очная ставка“ обвиняемого с теми лицами, которых он оговорил во время пытки; если же обвинение производилось частным обвинителем (истцом) или доносчиком, то иногда очная ставка обвиняемого с ними предшествовала пытке. Вообще, порядок применения доказательств не был строго установлен и нередко менялся, хотя общий состав их был при розыске постоянен. Так, кроме отмеченных выше частей судебного процесса при розыске, непременной его составной частью был еще „повальный“ или „лихованный обыск“, т.-е. опрос соседей и вообще лиц, знающих обвиняемого, о его добром поведении, долженствовавший установить, что обвиняемый не „ведомый лихой человек“. Осмотр или исследование следов преступления, производившееся при распросе, повальный обыск и пытка носили все вместе также общее название „сыска“[2]). Результатом судоговорения и всех судебных действий при розыске должно было быть непременно собственное признание обвиняемого. Если такого признания не было, не могло быть и полного наказания, наказание смягчалось, по крайней мере в принципе подлежало смягчению [3]).

При определении меры наказания Уложение отличает случайные действия, неосторожные и умышленные,

---

¹) *Тельберг*, Очерки политич. суда и полит. преступлений в Моск. гос. XVII в., стр. 30.

²) *Стефановский*, в „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1873 г., стр. 255, 261; *Владимирский-Буданов*, Обзор. ист. русск права.

³) Там же.

при чем различается голый умысел, покушение и совершение преступления, и в двух случаях—именно в случае умысла против царя или замысла раба против господина—наказуемым деянием является уже самый умысел [1]). Это опять-таки характерно для крепостнической дворянской государственности.

Чтобы исчерпать все основные, главные признаки понятия о праве и справедливости в Московской Руси XVI и XVII веков, остается еще отметить взаимоотношение инстанций и понятие об апелляции.

Конечно, как мы в свое время видели, уже начало образовываться более или менее постоянное ведомство отдельных учреждений, в том числе и органов судебной власти. Но хотя в общем и целом это и было так, однако, не только на практике, но и в теории, по смыслу и букве закона, и те судьи, которые имели право самостоятельно и окончательно вершить дела, во всех сомнительных с их точки зрения случаях могли обращаться к судебным властям и учреждениям высших инстанций [2]).

Что касается, наконец, апелляции, то если она оправдывалась, признавалась обоснованной, то судья, постановивший тот приговор, который вызвал апелляцию, подвергался наказанию: законодателю того времени, его правовому сознанию, очевидно, совершенно чужда была мысль, что право может быть понимаемо различным образом [3]), хотя бы никакой недобросовестности и не было: судейская недобросовестность здесь, так сказать, необходимо примышляется.

Обозревая общие понятия о праве и справедливости в XVI и XVII веках, мы не раз отмечали выше сильное непосредственное влияние хозяйственных, социальных и политических условий на эту сферу духовно-культурных явлений. Но это же влияние сказалось в данной области духовной культуры и через посредство той новой психологии господствующих классов, которая к тому времени начала слагаться: здесь выразилась та смесь грубо эгоистических и более тонких индивидуалистиче-

---

[1]) *Сергеевич*, Лекции по истории русского права, Спб., 1890, стр. 489, 497, 498.

[2]) Там же, стр. 685.

[3]) Там же, стр. 693.

ских элементов психики, которая составляет именно отличительный признак дворянства и близкой ему по духу и настроению крупной торговой буржуазии. Эта черта проходит таким образом красной нитью через все проявления новой духовной культуры Московской Руси XVI и XVII веков.

Но народные массы, общественные низы сильно отличались по своей психологии от дворянства, и эти отличия становились все резче, вследствие особенностей их хозяйственного и социального положения. Отсюда произошли оригинальные явления в области духовной культуры, больше всего в религиозной жизни.

Успехи дворянства в деле завоевания власти после Смутного времени, строительство новой дворянской государственности, установление крепостного права обрушили на массы деревенского населения бедствия, внушившие им убеждение в наступлении „последних времен", в пришествии антихриста. Такого рода эсхатологические представления обычны в эпохи великих общественных переломов. Они нашли себе довольно яркое выражение задолго до реформы Никона, еще в первой половине XVII века, может быть еще в царствование Михаила, в 30-х и 40-х годах. В Поволжье и в Поморье,—в костромских, нижегородских, суздальских, гороховских, вологодских деревнях, монастырях, скитах и прямо в лесах уже тогда появились новые учителя веры, проповедывавшие близкий конец мира, указывавшие на наступающее торжество антихриста в церкви и государстве, требовавшие во имя душевного спасения отказа от „антихристовой печати"—от подчинения духовным и светским властям, и от исполнения таинств и обрядов господствующей церкви. Во главе их стояли два человека—Капитон и Прохор. По имени первого из них последователи этого учения позднее назывались „капитонами", и хотя имена их и их последователей были занесены потом в сводный старообрядческий синодик [1]) и значатся в „описании пострадавших в России

---

[1]) Сводный старообрядческий синодик, изд. Общества любителей древней письменности, Спб. 1883.

за древлецерковное благочестие" [1]), но ученики Аввакума первоначально не смешивали себя с ними и, утверждая, что „отец Аввакум воистину апостол Христов есть", находили, что „капитоновы ученицы прельстились" „прелестию сатаны" [2]). Самостоятельность Капитона и его учеников таким образом не подлежит сомнению. В то же время их раннее появление лучше всего указывает на социальное происхождение религиозных движений в массах, правильно отстаивавшееся в свое время Щаповым [3]) и столь напрасно оспаривавшееся многими новыми исследователями, пытавшимися представить дело в том виде, что лишь потом, вследствие преследований властей, старообрядчество приняло политическую и социальную окраску [4]). Очевидно, протест, получивший в массах естественно религиозное выражение, носился в воздухе, питался всею общественною обстановкою. Это подтверждается и содержанием учения „капитонов"; по позднейшему „извету", они не только „хулят новоисправные святые книги", но и „не велят жениться, ни мужем ж женами жити, ни попов в дом пущати, ни к церквам божьим не велят ходити, ни причашчатися святых пречистых тайн, и младенцев не велят крестити, и твоему царскому величеству хула идет велия от них" [5]). Капитон своей пропагандой вызвал внимание властей, и в 1651 г. велено было особой царской грамотой „в Костромском уезде на реке Шаче взять в келиях старца Капитона, старцев и мирских людей, робят, которые в келиях живут" [6]). Спасаясь от ареста, Капитон бежал с Шачи в окрестности Вязников, в Шуйский

---

[1]) Виноград Российский или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (кн. Мышецким), М. 1906.

[2]) *Барсков*, Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 160, 161.

[3]) См. *Щапов*, Земство и раскол, Спб. 1898, стр. 28, 30, 41 и др. его сочинения.

[4]) Ср., напр., *Бороздин*, Протопоп Аввакум, Спб. 1898, стр. 159, и работы других исследователей.

[5]) *Барсков*, Памятники первых лет русского старообрядчества, Спб. 1912, стр. 82—83.

[6]) *Смирнов*, Внутренние вопросы в расколе XVII в., Спб. 1898, стр. XXXIV.

уезд [1]), и там умер в 1665 году. Его ближайшим последователем был знаменитый старец Вавило, который за свою проповедь был в 1666 г. сожжен на костре [2]). В 60-х годах „капитоны" насчитывались, по дошедшим до нас изветам, десятками [3]) и сотнями [4]), на деле же их были, конечно, тысячи. Характерна одна подробность учения „капитонов": они проповедывали и осуществляли в действительности добровольную смерть от голода, учили—„ныне де настоит в антихристово пришествие комуждо заморитися гладом" [5]). Повидимому, с этим их учением следует связывать и возникшую в 60-х годах XVII века практику самосожжения. Прежде думали, что самосожжение появилось среди старообрядцев только после собора 1666—67 годов и под влиянием тех „казней", которые за ним последовали; но теперь надо считать доказанным, что самосожжение практиковалось уже в 1665 году и по крайней мере отчасти в связи с самоуморением „капитонов" [6]).

Капитон и его последователи действовали в глуши, не выходили на историческую авансцену, не бросались сразу в глаза, не создавали яркого впечатления, что, конечно, не лишало крупного общественного значения движение, ими представленное, но долго мешало исследователям русской истории обратить на них надлежащее внимание. Несравненно более колоритным и потому подвергшимся уже обстоятельной разработке является второе религиозное движение народных масс XVII века, возглавляемое протопопом Аввакумом. Важнейшие черты биографии Аввакума нам уже отчасти известны. В этом отношении остается добавить немногое: после своего окончательного отказа примириться с церковной реформой Аввакум был сослан в Мезень, затем расстрижен, потом снова сослан, и в 1681 году в Пустозерске, на месте своей последней ссылки, сожжен на костре за то,

---

[1]) *Барсков*, Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 333, 334.

[2]) Там же, стр. 333, 334.

[3]) Там же, стр. 79—84, 331.

[4]) Там же, стр. 331.

[5]) Там же, стр. 331.

[6]) Там же, стр. 335.

что объявил умершего царя Алексея одним из „рогов антихриста", мучающимся поэтому в аду.

Личность Аввакума не только сама по себе ярка, но является также характерной для психологии значительной части передовых слоев народной массы, и потому необходимо составить себе о ней точное и верное представление.

Психология крестьянской массы, — поскольку эта масса уже преодолела первоначальную духовную аморфность, освободилась от импульсивной изменчивости,— характеризовалась еще и в предшествующее время господствующим настроением смирения, покорности гнетущим ее силам, пассивного эгоизма, дававшего возможность сохранять существование посредством терпения. Единственным просветом для людей такого склада является надежда на загробную награду райским блаженством. Отсюда естествен примат религиозного чувства.

Глубокая и искренняя религиозность была свойственна и Аввакуму, вышедшему также из крестьянской среды или из среды, близкой к крестьянству,—из сельского духовенства. И, как у массы крестьянства, религиозность Аввакума носила наивный и консервативный, во многом очень примитивный характер. Точное исполнение обрядов, неумолимый формализм, вера в чудеса, в постоянное физическое присутствие и нападения бесов, в физические мучения в аду и такие же райские наслаждения, твердое убеждение в истинности русского традиционного православия во всех его деталях, отрицание науки, слепая и грубая привязанность к старине—вот основные, унаследованные от прошлого и от окружающего черты религиозного миросозерцания Аввакума [1]). Его основной принцип превосходно формулирован самим Аввакумом: „Не рассуждай много. Держу до смерти, якоже приях, не прелагаю предел вечных. До нас положено: лежи оно так во веки веком".

---

[1]) *Бороздин*, Протопоп Аввакум; *Каптерев*, Патр. Никон и царь Алексей Мих., I, стр. 385, 434; *Никольский*—в „Рус. ист." Покровского, II, стр. 293.

На почве этой традиционной религиозности взросло то новое, что отличало от масс Аввакума и его ближайших единомышленников. Сюда относятся прежде всего строгие нравственные требования [1]) и пыл пропагандистов и агитаторов [2]): это вытекало для более активных натур, какими они и были из религиозности. Но верность традиции приводила к столкновению с новаторами, проводившими церковную реформу в дворянском духе, и отсюда произошли великие страдания в тюрьмах и ссылках, красноречивым, глубоко реальным и ярким изображением которых является написанное Аввакумом его собственное „Житие“ [3]). Борьба, страдания и вера в чудеса внушали мысль, что борцы—орудие божие и, следовательно, сами могут творить чудеса и исцеления, о которых так много и искренне рассказывает в том же „Житии“ его автор [4]). Затем следовали и последние, конечные выводы: государство и церковь стоят за дело антихриста, значит они—„рога зверя“, им не надо подчиняться. Отдаваться слугам антихриста—еретикам не следует: отсюда—необходимость самосожжения [5]).

Но неподчинение дворянскому государству, религиозно обоснованное, служило идеологическим освящением восстания против власти и новых государственных и церковных порядков. И первый яркий тому пример—бунт Разина.

Казачество на Дону было верно преданиям далекой старины даже в своем хозяйстве: разбои, охота и рыболовство были главными его занятиями, земледелие было прямо запрещено [6]). Но львиная доля выгод от этих местных промыслов и от царского жалованья—хлебного и денежного—доставалась домовитым, зажиточным казакам, а не голытьбе, которая нуждалась и голодала. У ней нашелся вождь в лице Степана Тимофеевича Разина. Не успев проникнуть в Черное море для грабежа,

---

[1]) *Бороздин*, Протопоп Аввакум, стр. 4.

[2]) Там же, стр. 85.

[3]) Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, изд. Археогр. Комиссии, Петроград, 1916.

[4]) Там же.

[5]) *Бороздин*, Протопоп Аввакум, стр. 342.

[6]) *Дружинин*, Раскол на Дону, стр. 16.

Разин пошел на Яик, засев там, потом вышел в Каспийское море, грабил русские суда и персидские города, на обратном пути был помилован, вернулся на Дон, собрал голытьбу в новое ополчение, с которым взял в 1670 г. Царицын, Астрахань, Саратов, Самару и осадил Симбирск, а его сторонники пошли дальше к Нижнему-Новгороду и на луговую сторону Волги. Под Симбирском Разин был разбит князем Барятинским, бежал на Дон, был выдан оттуда домовитыми казаками во главе с атаманом Яковлевым и в 1671 г. казнен. Одновременно с этим ликвидированы были и остатки его сторонников, проникавшие нередко далеко на север—до Тотьмы и даже до Соловецкого монастыря [1]). Этот бунт, прямое продолжение восстания Болотникова, направленный против крепостного права и государства и во имя казацкого идеала, не был лишен и старообрядческой идеологии, хотя, конечно, большим преувеличением звучит утверждение, что раскол был его „объединяющей силой, душой движения“ [2]).

Но если в разинском бунте организующая сила старообрядческой идеологии сказалась не особенно сильно, то главную роль она сыграла в Соловецком возмущении и в последующих казацких восстаниях. В Соловецком монастыре объединились сначала все противоправительственные силы того времени—старая аристократия, крестьянство, посадские люди, даже казаки из бывших разинцев. „Бельцы“, а не монахи, иными словами, посадские крестьяне и казаки и захватили власть в монастыре во время его осады, начавшейся в 1673 году: они прекратили богослужение, стали сектантами. Соловецкое возмущение было подавлено в 1675 году [3]).

Но уже в 1672 г. на Дону—по рекам Чири, Хопру, Медведице появились старообрядческие скиты, и донская голытьба массами стала примыкать к расколу. Старый казацкий идеал, проводниками которого были Болотников и Разин, получил окончательное освящение старообрядческой идеологией. В связи с этим произошли

---

[1]) *Попов,* Возмущение Стеньки Разина: „Беседа“, томы I и II; *Соловьев,* История России, т. XI; *Костомаров,* Стенька Разин.

[2]) *Щапов,* Земство и раскол, вып. I, стр. 47.

[3]) *Никольский,*—в „Рус. ист.“ Покровского, II, стр. 277, 278.

бунты Кузьмы Косого в 1686 году и Булавина уже при Петре Великом в 1705 году [1]).

Что касается самосожжения, то эта форма борьбы, выражавшая и отчаяние, и безнадежность, и уверенность в близкой кончине мира, обнимала собою, конечно, элементы более пассивные, чем те, которые пытались разрешить классовые противоречия путем восстания. Сам Аввакум был твердо убежден в близости светопреставления и ожидал его в 1669 году. Когда этот год благополучно миновал, Аввакум заявил, что „последний чорт еще не бывал“, и отсрочил кончину мира до 1699 г. и даже до 1702 года. Но эта отсрочка требовала какого-то нового религиозного отправления таинств и обрядов: старообрядцы стали принимать или раскаявшихся никонианских священников, или—чаще—сами, без священников, крестить, исповедывать и причащать изюмом. Отвергнуто было и таинство брака: его заменило простое благословение, или устанавливалась полная свобода половых отношений. Все это были признаки разрыва с миром антихриста. Другими признаками этого были уход в пустыню и самосожжение. Сначала самосожжение было просто актом отчаяния; все равно погибнуть или отдаться в руки никонианам, слугам антихриста,—сожжение неминуемо. Потом в самосожжении стали видеть прямую борьбу с антихристом, освобождение от него, очищение от антихристовой скверны. Так проповедывали поп Дометиан на р. Тоболе, чернец Иванище в Тюмени, крестьянин Иван Десятин в Пошехонье в 70-х годах XVII века. Чернец Данило, с которым в 1677 году сожглось 1700 человек, видел в самосожжении второе неоскверняемое крещение огнем [2]).

Наконец, надо отметить и уход в пустыню как средство порвать с миром антихриста. Здесь, может быть, резче, чем в чем-либо другом, в других проявлениях старообрядческого движения, выразились отдельные классовые течения, в нем существовавшие. С одним из них—боярским—мы уже отчасти знакомы: у нас шла уже речь о Выгорецкой обители, основателями которой

---

[1]) Там же, стр. 303—305.
[2]) Там же, стр. 295—391.

были князья Мышецкие (Андрей и Семен Денисовы). Старообрядцы из посадских людей—выходцы из Москвы и Коломны—основали свою общину в Стародубье, а с 1685 года перешли на остров Ветку, в пределах Речи Посполитой: там развилась значительная торговля, а общиной управляли выборные купеческие старосты [1]. Крестьяне-старообрядцы побежали в пустыню не на север, как бояре, и не на юг, как купцы, а на восток—в Нижегородский край, на реку Керженец, в керженские леса, а также в Приуралье и Зауралье. Тут для них открылась на время возможность возврата к старым хозяйственным порядкам—охоте, рыболовству и полукочевому, подсечному земледелию. Возможность эту они и превратили в действительность [2].

---

[1]) Там же, стр. 287.
[2]) Там же, стр. 302, 303.

200-00